
LE MESSAGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

Париж – Нью-Йорк – Москва

№ 211

I – 2020

Ответственный редактор
ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (Париж)

Секретарь редакции
НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА (Москва)

Редакционная коллегия
Д. СТРУВЕ, Т. ВИКТОРОВА,
прот. НИКОЛАЙ ОЗОЛИН (Франция);
О. РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ (США);
В. АЛЕКСАНДРОВ (Венгрия);
прот. ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ (Италия);
ЖОРЖ НИВА (Швейцария);
Е. БАРАБАНОВ, Ю. КУБЛЯНОВСКИЙ,
Н. ЛИКВИНЦЕВА, Е. МАЙДАНОВИЧ, А. МЕДВЕДЕВ,
В. НИКИТИН (†), О. СЕДАКОВА (Россия);
К. СИГОВ (Украина)

От редакции

Прошедший 2019 год был отмечен усугублением кризиса в межправославных отношениях вследствие неспособности представителей автокефальных церквей найти соглашение по вопросу о преодолении украинского раскола.

Признание автокефалии Православной церкви Украины не только не положило конец разделению православия в этой стране, но перенесло его на уровень межправославных отношений. Тем не менее решение Константинопольской церкви вывело из изоляции значительную часть верующих православных людей Украины и положило конец существованию двух раскольнических объединений. Можно только надеяться, что церковное строительство в Украине приведет украинские церкви не к дальнейшему отмежеванию, а к постепенному сближению и совместному свидетельству, к чему стремился в свое время митрополит Владимир (Сабодан). Увы, это, наверное, произойдет только после того, как найдет разрешение политическое противостояние между Москвой и Киевом. Церковные разделения в Украине носят прежде всего политический и национальный характер. Тем более следует помнить о подлинном церковном единстве, превышающем человеческие средостения (см. Еф 2: 14).

Побочным следствием межправославного кризиса стало упразднение парижской Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе решением Константинопольской церкви, принятым 27 ноября 2018 год. Созданная в 1921 году митрополитом Евлогием (Георгиевским), Архиепископия (на первых порах Митрополичий округ) пребывала в юрисдикции константинопольского патриархата с 1931 года. Принятое без предварительных обсуждений одностороннее решение Константинопольского руководства застало врасплох верующих Архиепископии, поставив перед ними давно назревший вопрос о будущем их церковного удела и о церковном устройстве в Западной Европе. С одной стороны, возвращение под омофор Москвы означало для многих шаг назад, уход от свидетельства о вселенской православия, завещанного митрополитом Евлогием и парижской школой богословия, отказ от дела строительства

местной церкви. С другой – преодоление административного «откола» от Москвы, также завещанное основателем Архиепископии митрополитом Евлогием, являлось не только единственным путем выхода из текущего кризиса, открыто-го решением Константинополя, но и залогом дальнейшего обновления Архиепископии, которой не находилось больше места в Константинопольском патриархате. Патриаршая и синодальная грамота, врученная патриархом Кириллом митрополиту Иоанну (Реннето) 3 ноября 2019 года в храме Христа Спасителя в Москве, является официальным признанием исторического значения Архиепископии и ее свидетельства в духе преемственности с решениями Поместного собора 1917–1918 годов: «В Архиепископии сохраняются историче-ски сложившиеся особенности ее епархиального и приход-ского управления, в том числе те, которые были установлены митрополитом Евлогием исходя из особенностей существова-ния возглавляемого им церковного удела в Западной Евро-пе и с учетом отдельных решений Всероссийского Церковно-го Собора 1917–1918 годов». Это признание дает надежду на то, что богословское и церковное наследие Архиепископии не будет забыто в церковном сознании, но станет со време-нем общим достоянием российской церкви, что вместо вне-запного самороспуска и уничтожения служение Архиеписко-пии продолжится как на местном уровне, так и в единении со всеми составляющими русского православия, в общем деле служения церковному единству – одному из главных вызовов для православия грядущего десятилетия.

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Протоиерей СЕРГИЙ БУЛГАКОВ

Prolegomena к богословию жертвы

Эта небольшая книга отца Сергея Булгакова принадлежит к числу последних, итоговых его работ; она была написана в 1939 году (на титульном листе машинописи, хранящейся в парижском архиве Свято-Сергиевского православного богословского института, стоит точная дата окончания работы над текстом: 17 июня 1939 г.), но до сих пор так и не была опубликована. Задумал эту публикацию в «Вестнике» еще Никита Алексеевич Струве, справедливо считавший отца Сергея одним из самых выдающихся богословов XX века, еще до конца не услышанным и не оцененным. Никита Алексеевич опубликовал в пяти номерах «Вестника» за 2001–2003 гг. (№ 182, 183, 184, 185, 186) еще одну позднюю книгу Булгакова «Христос в мире», до сих пор так и не вышедшую отдельным изданием, и намеревался вслед за этим опубликовать и «Прологомены к богословию жертвы». Пришло время и этому удивительному булгаковскому тексту встретиться, наконец, со своим читателем. Мы искренне благодарим Свято-Сергиевский институт за разрешение на эту публикацию.

Тема жертвы, жертвенной Божественной любви, присущей в мире и изливаемой на всех нас, весьма характерна для всего булгаковского творчества. Тема связи Бога и мира – одна из ключевых тем софиологии, а Булгаков дает ей максимально предельное звучание, разрабатывая ее в продумывании не просто Софии, но и того, как

любовь связана с жертвой и как эта связь делает жертву не напрасной, а любовь действенной. Еще в «Агнце Божи-ем» (1933), первой книге большой трилогии, отец Сергий рассматривает само творение мира как кенозис Бога во Святой Троице, как «со-жертвенную любовь всей Святой Троицы: тако возлюбил Бог мир, и любовь не имеет силы без жертвы»¹. Эта любовь заявляет о себе в евхаристической жертве, к которой мы приобщаемся в таинстве Евхаристии, с ней постоянно соотносится булгаковская мысль, но ею не ограничивается. В еще одной поздней своей работе, «Софиологии смерти», отец Сергий размышляет о том, что «Христос со-умирает с каждым человеком его болезнью, его страданием»², а в «Христе в мире» видит присутствие Христа «в нашем страдании, как и в нашем умирании, в горе, как и на смертном ложе»³. В «Пролегоменах к богословию жертвы» эта связь любви и жертвы, жертвенной любви Бога с присутствием Христа в наших жизнях и нашем страдании, рассматривается не только в богословском, но и в историко-религиозном плане, в анализе представлений о жертве в Ветхом Завете и языческих религиях, во внимательном взглядывании богослова и историка в человеческий религиозный опыт.

Книга будет печататься в трех номера журнала. В этот номер вошли первые две главы. Текст печатается с максимальным сохранением авторской стилистики, но приведен в соответствие с современными нормами пунктуации и орфографии, когда их несоблюдение мешает чтению. Авторские примечания отца Сергия приводятся в подстрочных сносках, а дополнительные примечания публикаторов даны в виде концевых сносок.

Наталия Ликвинцева

¹ Булгаков С., *прот. Агнец Божий: О Богочеловечестве*. Ч. I. Париж: YMCA-Press, 1933. С. 383.

² Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 299.

³ Булгаков С., *прот. Христос в мире* // Вестник РХД. 2003. № 186. С. 52.

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, павши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

Ин 12: 24, 25

Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог всё во всем,

1 Кор 15: 29

1

Существуют священные времена и сроки в истории народов и религий, когда встреча человека с Богом совершается в богослужебных актах — в таинстве, в культе, в священном обряде. Священники и левиты «откровенной религии», маги и жрецы язычества — посвященные в тайны и помазанные пророческим помазанием предстоят алтарю и жертвенному, исполняя таинство встречи, сочетания и соединения Бога с человеком... То есть час великой Божественной Жертвы.

Не боясь оскверниться в красных потоках истекающей жертвеннной крови, приблизимся к этой бойне человеческих религий и попытаемся проникнуть в их смысл и значение. Как ни жутко, как ни мрачно это видение, но дух человеческий слишком неудержимо, слишком неодолимо рвался сюда, чтобы нам отвернуться от этого таинственного странного мира, в котором религиозное сознание черпало свои святыни, свою молитву, свое вдохновение. Пусть эти жертвоприношения «по всей форме», иногда с тысячами убитых в один день животных и людей, вызывают негодование! Да, это ужас, мистический ужас страдания и крови! Однако надлежит узреть их таинственную глубину, их первичные устремления...

После ужасов убоя, после нанесения ран и пролития крови жертвеннное действие завершается *причащением* — реальным или символическим, — в котором принесенная и захлебанная жертва как бы вновь обретает всю свою жизнь, наполняется новым содержанием и как бы повторяет пройденный ею путь, но уже в обратном направлении. Она нисходит с неба на землю как залог Божия благословения, как вечный дар Божественной любви.

Что же это означает? Чтобы ответить на это, необходимо познакомиться с некоторыми свидетельствами об этих таинственных жертвенных культурах, иногда страшных и потрясающих, но исполненных великих обещаний.

Уже за оградой рая стала приноситься жертва, о чем говорят первые страницы Библии.

«И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от туха их. И призрел Господь на Авеля и на дар его. А на Каина и на дар его не призрел...» (Быт 4: 2–5).

«И устроил Ной жертвеннник Господу и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых, и принес во всесожжение на жертвенннике. И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека...» (Быт 8: 20–21).

«Когда он возвратился после поражения Кедорлаомера и царей, бывших с ним, царь Содомский вышел к нему на встречу в долину Шаве, что ныне долина царская. И Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино. Он был священник Бога Всевышнего. И благословил его и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли. И благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. Аврам дал ему десятую часть всего» (Быт 14: 17–20).

«И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе. И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: есть огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. Ишли далее оба вместе. И пришли на место, о котором сказал ему Бог, и устроил там Авраам жертвеннник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвеннник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень возвзвал к нему с неба и сказал: Авраам, Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня. И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся

в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна и принес его во всесожжение вместо сына своего» (Быт 22: 6–13).

«И написал Моисей все слова Господни и, встав рано поутру, поставил под горою жертвеннник и двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых. И послал юношей из сынов Израилевых, и принесли они всесожжения, и заклали тельцов в мирную жертву Господу. Моисей, взяв половину крови, влил в чаши, а другою половинкою окропил жертвеннник. И взял книгу Завета. И прочитал вслух народу, и сказал они: всё, что сказал Господь, сделаем, и будем послушны. И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь Завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих» (Исх 24: 4–8).

Но есть свидетельство языческой древности: Эней нисходит в преисподнюю, но заранее ему надлежит укротить гнев богов:

«Здесь» четырех тельцов с хребтом темнеющим жрица
Ставит прежде всего и на лбы им вино возливает;
Верхнюю шерсть потом срезает между рогами
И на священный в[о]злагает огонь возлиянием первым,
Гласом взывая к Гекате, в Эреbe и в небе могущей.
Снизу ножи подставляют другие и теплую в чаши
Кровь восприемлют; а сам ягнице с черною шерстью
Матери фурий Эней и сестре закалает великой
В жертву мечом, а тебе без потомства, Просерпина, телку.
Тут алтари воздвигает Стига царю он ночные
И целиком потроха быков возлагает на пламя,
Тучно елеем поверх поливая горящие туки.

Се между тем при первом восходе солнца и свете
Почва – рытать под ногами, и начали леса вершины
Двигаться, и застонали, как будто псы в полумраке,
В миг приближенья богини. «Отыдите прочь, нечестивцы, –
Так восклицает вешунья, – из всей изыдите рощи.
Ты же к пути приступи и меч исторгни из ножен;
Мужество нужно теперь, Эней, теперь твердое сердце».

(Вергилия «Энеида», книга VI, 242–262,
перевод Соловьева и Брюсова)¹

Перенесемся в другой конец мира и на другой конец истории, в страну восходящего солнца, в китайский храм

Неба. В храме стоит один лишь престол Царя. Нет ни идолов, ни истуканов, ни каких-либо изображений. Возжжены лишь огромные печи, готовые пожрать в своем пламени тела животных, уготованных для жертвы умилостивления неба. В этот храм цари Китая двух последних династий XV века трижды в год входили для поклонения Небу, испрашивая его милости и давая отчет в управлении царством. Заклав небу жертву и облекшись в прекраснейшие одежды, они стояли коленопреклоненно над стынущим пеплом печей и возносили молитвы; все огни были потушены, и только мерцал рдяной отблеск от потухавших на жертвеннике углей: «Свидетельствую этой жертвой мое благоговение пред Всеышним. Да вознесется дым этот в небеса небес, в небесные пространства, откуда нисходит благословение на народ сей». И хор подхватывает молитву Царя: «Да вознесется дым кадильный и да воспыхает в огне этом истекающее кровью животное; пусть коснется он неба и унесет туда дар жертвы народа и услышаны будут песни наших дрожащих сердец...»*

У самых диких народов мы встречаем подлинный глубочайший религиозный подъем, связанный с принесением жертвы. Вот рассказ очевидца о жертвоприношении у примитивных жителей Малазии:

«Voici, raconté en quelques mots, le premier sacrifice auquel j'assisstai. Il faisait nuit noir; je dormais dans ma hutte, au milieu d'un campement qui contenait environ dix abris. Je me réveillai vers minuit, à cause de l'orage qui s'annonçait. Tout était tranquille... Tout à coup, un fracas formidable, un coup de tonnerre très proche mit sur pied tout le monde. De grands feux furent allumés. Je voyais des fumées qui courraient, qui se passaient; puis je me rappelai le fameux sacrifice sanglant, que j'avais appris à connaître autrefois dans les écrits consacrés aux Lamargs. À l'instant je me lève. Sous la pluie battante, je m'approche pour voir de plus près les préparatifs du sacrifice. Oh! surprise, que vois-je? Le couteau de bambou à la main, on se taillait les jambes. Le sang coulait. On le recueillait dans un bambou, où il était mélangé avec un peu de l'eau. La liquide était ensuite jetée vers le ciel, tandis qu'on prononçait des paroles qui revenaient à ceci: "Je paie ma dette! Voilà mon péché! Ma dette a

* Revue Illustrée de l'exposition missionnaire, 1924, 15 août.

diminué! Arrêtez-vous! Voici mon sang! Je paie ma dette! Je n'ai plus de dette...”²».*

И вот еще одно «страшное видение». Это происходит у коренных жителей древней Мексики перед завоеванием ее Монголами.

«Накануне жертвоприношения начальники приходили со своими пленными ночью в Храм. К середине ночи главный начальник перед костром остригал волосы пленного, так как волосы — это символ воинствования и вместе с тем знак воинской чести. Волосы эти хранились как реликвии и считались талисманом и защитой жертвоприносящего. К утру жертвы, покрытые красной и белой бумагой, — эмблема богов — уводились к Великому Алтарю. Сами начальники имели руки и ноги, покрытые белой бумагой, в этом как бы отождествляя себя с жертвами. Пленных вручали жрецам, которые приводили их на вершину храмовой башни. Там их клали на камень заклания. Один служитель держал голову, двое других ноги и еще двое руки. Жрец, взяв нож, вонзал его в грудь жертвы: он вырезывал сердце и в исступлении возносил его в воздух, как бы принося его Солнцу, а затем бросал в особый сосуд. Тело жертвы сбрасывалось вниз и по ступеням башни скатывалось до самого низа. Здесь все тела собирались и с них сдиралась кожа. Жертву разрезали на куски и уносили в дома, за исключением небольшой части, которая приносилась в честь царю. Мясо изжаривалось с маисом, и каждый получал в особый сосуд по куску мяса и варева. Некоторые жертвы, приносимые в особо торжественной обстановке после ритуального убоя, вкушались единственно лишь семьей принесшего в жертву, тогда как он сам воздерживался. Причиной для этого было то, что жертва, которая в течение известного времени вскармливала у главы семейства, представляла как бы собственную его плоть. В таком случае он вкушал от жертвы другого, которую он принимал, как жертвенный дар»**.

Наконец, приведу еще свидетельство из творений прп. Нила Синайского³ или пишущего под его именем. Он описывает жертвоприношения бродячих племен, находящихся между Аравией и Египтом, землей, на которой родился ислам:

* Schebesha. Semaine Internationale d'Ethnologie Religieuse. IVe dossier, 1925.

** Pinard de la Boullaye. L'Etude comparée des Religions. 1928. P. 57.

«С воссиянием утренней звезды они возносят свои хвалебные песни и молитвы. Они закалывают самую богатую добычу, когда и их набеги приносят достаточно жертв для убоя. Для этой цели они ищут преимущественно юношей в расцвете лет и приносят их в жертву на одном из своих алтарей. Если нет человеческой жертвы, они приносят белого непорочного верблюда... Начинается обряд, во время которого совершается прежде всего обхождение жертвы. По третьем обхождении под звуки поющих жрец хватает нож и вонзает его в бедро жертвы, тотчас же первым прильнув устами к горячей истекающей крови. Тогда бросаются другие и исступленно вырывают ножом куски мяса окровавленного животного. Иные вырезывают его внутренности, так что к восходу солнца не остается уже ничего от растерзанной жертвы...»*

Каков смысл этих отдельных ритуальных моментов? Что означает эта жертва, отделенная от общей добычи и выделенная из всего стада? Что значит, что она одновременно и благословляется и проклинается, и оскверняет и освящает? И к чему сам убой? Зачем по убиению жертва приносится Богу и, принесенная, вновь возвращается к нам в жертвенном причащении, как верный залог благословения свыше? Как объяснить себе это таинственное изменение и преложение?

Вся земля и вся история полна этих неизъяснимых явлений.

Отказаться от них означает в известном смысле перестать быть человеком. Мы несем наследие этих событий в религиозной жизни человечества, они звучат в нас, в глубине нашего религиозного сознания. И мы никогда не сможем до конца религиозно осуществить себя, не разгадав это таинство; хотя, быть может, страшное прошлое, если и преодоленное и изжитое, но в сущности продолжающее существовать в претворенном и преображенном виде. Так из глубины веков смотрят на нас образы этого загадочного духовного мира, и мы не властны уйти от них...

Есть два уклона, которые подстерегают историка и христианского апологета. С одной стороны, слишком сближать христианство с другими религиями, забывая его онтологическую единственность и трансцендентность; или же

* Migne P.G. T. LXXIX. Col. Gi2–Gi3.

слишком его отделять под предлогом его возвеличивания, однако и ценою его обесчеловечения. В первом случае оно вообще не воспринимается более как явление божественного происхождения, становится чисто человеческим вымыслом. В другом же случае оно, так сказать, теряет всякий интерес для нас, становится чуждым и далеким. Разумеется, христианство есть «единственная истинная религия», оно есть единственная религия, религия κατ'έξοχήν⁴, «яко вси бози язык бесове / Элилим Господь же небеса сотворил» (Пс 95: 5)⁵. Однако на путях познания истины всякий порыв, всякое усилие прорваться до нее бесконечно ценные, хотя бы они были в язычестве роковым образом поражены и искажены «психологизмом». Во всяком молитвенном напряжении сердца есть подлинное касание Бога, и это-то до конца вбирает в себя христианство, очищая и просветляя его. В этом отношении, как и в других отношениях, истина Христова, будучи божественного происхождения, *человечна* в глубочайшем и абсолютном смысле этого слова, она *богочеловечна*. Она соответствует человеку, ибо отвечает на все мотивы человеческой жизни, в ней, в истине Христовой, скрещивающейся и сосредоточивающейся. Но потому всякая религия, таящая в себе жажду встречи с Божеством, во многом обличается в ней и внутренне *принадлежит* ей. Христос есть средоточие, цель и смысл истории, Христос есть реальный центр всей исторической динамики, онтологическое средоточие всего исторического бытия, от которого стремятся все его потоки и в прошлое, и в будущее. Предметом же истории являются не внешние события, возникновения или падения великих держав, внешние мировые потрясения, но сама жизнь человечества, внутренние глубинные свершения этой жизни, ее глубокие надежды и чаяния, ее муки и радости, ее взлеты и падения, ее вечная тревога, никогда не слабеющая, но распалиющая и разжигающая ее. И Христос Богочеловек присутствует в этой тревоге.

Почти все труды по истории религий производят впечатление более или менее осведомленных энциклопедий; между тем хотелось бы иметь анализ и раскрытие живого духовного опыта человека, видений и созерцаний его религиозного сознания. На эту внутреннюю сторону и бросает свет христианство, раскрывая, осмысливая ее. Оно дает нам ощутить

и услышать, что оставалось сокрытым самим этим религиям. Если воспринимать религии языческого мира как известные учения или доктрины, то они окажутся ничем иным, как маской страшной лжи и заблуждений, которая должна сгореть в огне Христовой истины. Но ведь эти религии суть вместе с тем пути и судьбы религиозного сознания, его искания и во-прошания; и тогда они начинают светиться, как огненный столп пламенеющей к небу купины, освятивший всю землю. Пусть этот огонь представляется лишь костром, на котором сжигается всякая мерзость и нечистота, но пламя-то его восходит к небу, поведя неизреченную славу Божию: «Господня земля и все наполняющее ее»⁶... Пусть все эти религиозные представления и образы исполнены жуткого антропоморфизма: человек под предлогом богопочитания совершает страшное преступление, уничтожает жизнь и творение Божие, проливает кровь и пьет ее, хуля (однако ведь и благословляя в то же время) Творца и Источника жизни. Но мы знаем, что здесь скрывается тайна, прозреваемая нами, быть может, лишь через образы, через символы и мифы, возносящие на высоты нерушимые, охватывающие край земли и неба, начало и конец всего. Достаточно вспомнить хотя бы греческие мистерии, в которых как будто и приподнимается завеса и зрится скрытая святая тайна: мистерия смерти и жизни, умирающей и воскресающей жизни, зимы-весны, мистерия Адониса, умирающего и воскресающего... В жертвоприношениях всех религий мы наблюдаем всегда неизменно и повсюду встречающийся как бы двуединый жест, двуединое устремление: это страдание, выливающееся в мучительном вопле и исполняющееся в светлой радости и ликовании приобщения к источнику жизни. Это жертва в ее двойственной природе: жертвенный акт страдания, самоотдачи, за которым следует победа и радость нового обретения, радость воскресения. Это и есть корень всех религий, некий радужно в разных средах преломляемый луч единого религиозного устремления. Надо до конца испить чашу страдания, умирания, смерти во всех ее формах и преломлениях, чтобы в ней, на дне ее, увидеть свет воскресения и жизни, во тьме светящийся...

До последнего времени богословие жертвы почти всецело копировалось с латинской схоластики, представленной такими богословами, как де Луго⁷, и ему подобными. Православные богословы вообще мало размышляли над этим вопросом или же оказывались верными, хотя и не особенно ловкими учениками латинской схоластики и, конечно, не думали ни на шаг уходить от своих поводырей^{*}.

Вот определение идеи жертвы, которое можно было бы назвать классическим и которое стало источником самых невероятных построений: жертва есть приношение (*oblatio*⁸) некоторого видимого предмета и его заклание через уничтожение, сожжение или иным образом, совершаемое законным священником во славу Божию, во свидетельство Его всемогущества над тварью и в прощение человеческих грехов и беззаконий; закланию обычно следует причащение. Или иначе: жертва есть заклание дара, принесенного человеком Богу в умилостивление гнева Божия, и пр.... Всюду выступает основной мотив: заклание (*immolatio*⁹). Бог представляется страшным властителем неба и земли, жизни и смерти, карающим и мстящим за непослушание, требующим выкупа, жертвы и пролития крови. И человек со своей стороны может засвидетельствовать свое подчинение верховной божественной власти, лишь отказавшись от жизни, умерщвляя жизнь ради единого начальника и владельца ее. Таково приблизительно рассуждение, лежащее в основе этой концепции. Или в несколько смягченной формулировке: как возможно человеку пожертвовать принадлежащей ему видимой вещью невидимому Богу, как не уничтожая ее, то есть абсолютно ее себя лишая и являя тем самым абсолютное божественное право обладания и т.д. Итак, жертва отождествляется с уничтожением, с закланием. Жертва и есть заклание, умерщвление,

* Отдельные разрозненные замечания о жертве можно найти в русских «Догматиках», у митрополита Макария, епископа Сильвестра, прот. Малиновского. Но замечания эти малооригинальны, как и сами «Догматики» (особ. прот. Малиновского), представляющие собою более или менее явные компиляции с иногда жалкой бесформенностью и полнейшим отсутствием проблесков мысли.

уничтожение*. Это объяснение определило собою все богословие жертвы, прежде всего на Западе, но и на Востоке, в послепатристическую эпоху. Очевидно, куда ведут эти пути. Они закрывают всякую возможность онтологии и метафизики жертвы, они прежде всего приводят жертву в прямую связь с грехом, устанавливают причинную связь с грехопадением. Однако это не пользует никого. Ибо жертва, как и вообще религия, метафизически предшествует греху. Сама феноменология жертвы свидетельствует об этом. Необходимо уразуметь из глубин религиозного сознания человека вообще, раскрыть богочеловеческий смысл тайны жертвы, ее связь с бытийными основами человеческой жизни.

Нужно сказать, что современное богословие ** возвращается уже к более глубокому и исчерпывающему определению идеи жертвы, которое было подменено беспомощным барахтаньем схоластического богословия вокруг этой темы. Последнее имело свой, быть может бессознательный, отклик и отражение и в жизни и отравляло религиозное и нравственное сознание многих***.

Прежде всего, мысль о жертве связана с некоторым *действием*. Жертва есть действие, делание. Латинское слово, обозначающее жертву, лучше всего выражает этот именно момент: *sacrificium, sacrum facere*¹⁰. В основе всякой жертвы лежит известное, если можно так выразиться, религиозное перенесение, перестановка, религиозная *μετάβασις*¹¹, *transcensus*¹² предмета, которым владеет жертвопринося-

* См.: *De Lugo. De Eucharistia, ut est Sacrificium*. XIX. Sect. I // *Dictionnaire de Theologie Cath.*, статья «Логос».

** Сюда относится прежде всего капитальный труд иезуита M. de la Taille (2 l, 1 i) «*Mysterium Fidei, de aug<ustissimo> Corp<oris> et Sang<uinis> Chr<isti> Sacrificio <atque sacramento>*», в котором дается решительный отпор общепринятым в католическом богословии учению о жертве как о заклании по преимуществу. Кроме того, надо указать на не менее значительный труд M. Lapin'a «*L'Idée du Sacrifice de la Messe*», где дается, между прочим, исчерпывающий очерк истории учения о жертве. Далее, труд F.C.N. Hiks'a «*The Fullness of Sacrifice*», где раскрывается смысл жертвы в связи с Воскресением, и др...

*** Достаточно указать, например, известные «*Soirées de St. Pétersbourg*» Joseph de Maistre и «*Eclaircissements sur les Sacrifices*», которые являются, в сущности, нравственным осуждением этого замечательного христианского мыслителя.

щий, будь то простой предмет житейского употребления или же целая человеческая жизнь. Жертвоприносящий хочет прежде всего, чтобы дар его перешел во владение к Богу или богам и, став священным, явился бы источником приобщения, причащения Божественной жизни. Само понятие жертвы, *sacrificium*, сохранило через все века свое значение и соответствует его этимологии: жертва, *sacrificium* — это предмет, соделанный священным: *sacrum factum*¹³. Жертва — это стяжание Божественного дара.

Но какою ценою, при каких условиях, с какою целью это совершается?

Цель есть отречение человека от своего, отвержение и самоотвержение, выражющееся в некотором мучительном «переходе». Сам переход в предельной отдаче себя Богу есть смерть, как единственный ничем незаменимый путь к причастию Божественной жизни.

Однако это обусловлено еще тем, *примет ли* Божество принесенный дар; он не может быть «навязан» ему. Принятие есть ответ на мольбу и молитву человека. Но исполнение молитвы совершается таинственным, неведомым для человека путем и, следовательно, предполагает *веру* — веру, как обличение вещей невидимых¹⁴ и осуществление ожидаемого, веру, как акт свободы, любви, безумия и отваги, без залогов и гарантий.

И наконец, цель. Цель есть новое обретение и возвращение в залог благословения и приобщения Божества.

Я нарочито формулирую это несколько упрощенно, чтобы выявить и установить более четко основные моменты. Таким образом, дабы приобщиться Божеству и обогатиться Им, надо «обладать» Им. Чтобы иметь Его, надо Его, так сказать, создать, сделать Его присущим и присутствующим. И это стоит жертвы, то есть отречения от данной вещи, составляющей предмет моей жизни, и обретение ее у Бога, принявшего ее как Свою и возвращающего ее уже как священный и освященный дар Своей Божественной жизни. Таков религиозный путь, мистический цикл, который проходит жертва...

Лишь при сохранении в целности и неразрывности этих основных моментов мы можем делать ударение на том или другом из них. Кому особенно близок опыт покаяния, сознания своей греховности, тому ближе всего будет момент

жертвенного отречения, подчас страшного и мучительного. Когда сердце ослеплено величием славы Божией, оно трепетно предстоит Ему в подвиге абсолютной, все отдающей и ничего не требующей жертвы. Но когда человеку раскрываются глубины преизбычествующей Божественной любви, ему дается опыт той последней точки жертвенной тайны, в которой уже совершается приобщение и соединение с Богом, и в этом соединении он обретает все богатство Божественной жизни и исполнение своего собственного бытия...

Необходимо отметить, что обычное противопоставление и противоположение «заклания» и «приношения», кровавой и бескровной жертвы, не имеет сколько-нибудь существенного и решающего значения. Такое противоположение имеет силу лишь на поверхности, пока мы остаемся в области феноменальности. В глубине же, которой и изменяется смысл жертвы, все моменты предстоят в их единстве и взаимопроникновении ... В сущности, заклание, которое рассматривается сейчас как особое, отличное литургическое действие, субъектом которого является жертвоприносимое или жертвенный дар, относится не туда, куда мы его теперь, как бы удобства ради, помещаем. Этот момент имеет прежде всего отношение к человеку, приносящему жертву, более, чем к закланному предмету жертвы. Человек жертвенно отрекается, лишает себя своих благ, а сами эти блага лишь переходят к другому владельцу, ничего не теряя от такой перемены, они становятся достоянием приемлющего жертву. Пленник, которого убивают на жертвенике, умирает лишь для того, кому он принадлежит по праву победителя: сам же он переходит в иной мир служить иному, более могучему вла-

* Спрашивается, как в таком случае удержать необходимое различие между кровавой жертвой Голгофской и бескровной жертвой таинства Евхаристии, в них мы имеем две формы жертвы: заклание и приношение (ср. об этом у Lapin'a, op. cit.).

Хотя в Библии и не применяется слово *zebah* (זבָה) к бескровному приношению, вряд ли можно утверждать, что делается особое различие между жертвой, в которой проливается кровь, и жертвой бескровной (см. книгу Левит). В этом смысле Ветхий Завет не может служить авторитетом в пользу теории жертвы как простого приношения без заклания, так и простого заклания независимо от приношения.

дыке. И если впоследствии происходит замена живых человеческих жертв домашними животными, остается все то же соотношение: перейти к иному владельцу, стать принадлежностью Божества не есть ущерб, не есть *diminutio capitinis*¹⁵: ущерб получает лишь приносящий жертву. Это относится ко всякой жертве и ко всякому приношению. И там, где кровь уже не проливается, где не совершается жертвенного убоя, остается то же внутреннее устремление, та же цель. Это все то же установление, все тот же закон и та же религиозная психология. Книга Левит (1: 1–7) поэтому не проводит строгого разделения жертв на отдельные категории, которое сейчас устанавливается в схоластическом богословии, на категории кровавых и бескровных жертв, жертвы заклания и жертвы приношения. «Жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смилено Бог не унижит»¹⁶.

Так и в самых древних и, так сказать, типических религиях, в сущности, не жертва является закалаемой, а сам жертвоприносящий, который жертвенно отдает себя или «свое» Богу, ожидая от Него получить благословение; он отрекается от какого-нибудь предмета, которым он владеет и который в его сознании не ему, или не только ему, принадлежит или же принадлежит ему не по полному праву, так что он чувствует вину свою и отрекается, умилостивляя тем самым гнев Бога. В этом смысле он сам себя наказывает. Что же касается самого дара, то он через умирание и смерть становится достоянием Божиим, но не разрушается и не уничтожается. Дар не только не уменьшен и не ущерблен в своем бытии, но, напротив, как бы возвышается и возвеличивается.

Итак, без сомнения, заклание и приношение с точки зрения человека, совершающего жертвенный акт, являются неким односложным действием, неким двуединым движением человека к Богу. Чтобы отдать свое благо, человеку надлежит отрешиться от него. И, отрекаясь, человек закалает и тем самым самозакалается. Всякий дар Богу есть дар самого себя, ибо сам дар, будучи *моим* даром, со мною отождествляется. Можно сказать: всякий дар *закалается* постольку, поскольку он перестает принадлежать мне, и *приносится*, поскольку достигает Божества и становится Его достоянием.

Правда, нельзя отрицать известного *различия* этих двух моментов — как бы негативного и позитивного — в едином

жертвенному акте. Это выступает с особой ясностью, если жертва рассматривается применительно к состоянию до или после грехопадения. В начале творения, в первозданном Божественном плане, как и в конце и свершении всего, жертва-заклание есть *возвращение* творения к Творцу, она вбирается и растворяется в жертве-приношении. Это возвращение (о чём ниже) не дано только, но и задано человеку. И на путях осуществления этой заданности жертва есть именно и заклание, оно куплено дорогою ценою, есть средство к возвращению, которое представляется как конечная далекая цель, как достижение. И все же всякое умирание, истощание, всякое погубление себя в любви есть тем самым и самообретение и самоутверждение. Отданное не уничтожается и не растворяется, но, исходя, возвращается. «Сберегший душу свою, потеряет ее, а потерявший душу ради Меня, сбережет ее» (Мф 10: 39, Мк 8: 35, Лк 9: 24). Только вследствие греха условием жизни становится *действительная, безусловная смерть*; смерть определяет собою жизнь, без пролития крови нет спасения... Но кровь есть и образ *жизни*, биение жизни. «Я взышу вашу кровь, в которой жизнь ваша» (Быт 9: 5); «Потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвеника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает» (Лев 17: 11; Втор 12: 23)... Не убивание жертвенно-го животного как таковое, а именно жизнь, которая исходит кровью, — жизнь, рождающаяся из смерти, в свободном истощении и отдаче себя Богу, — определяет смысл жертвенной крови. И кровавая жертва есть величайший и несомненный прообраз той единой жертвы на Кресте, кровь которой была поистине Жизнью... Идея жертвы заключается в любви, в любви, исходящей и отвергающей себя, в любви, которая крепка как смерть¹⁷, которая *крепче смерти*. Смерть как *необходимость* есть гибель и страшное зло; но как *жертва*, как истекающая кровью жизнь она есть величайшее благодеяние, она свята и освящает. Потому-то живая кровь и вода являются наряду с животворящим Духом *свидетелями* на земле о Полноте Божественной Жизни.

Вообще в жертвенных обрядах символика заклания и приношения очень неустойчива, то и другое часто отождествляется и сливаются в одном ритуальном действии. История литургии является разительный пример такой неустойчивости

и поглощения одного другим. Один обряд сплошь и рядом стоит на месте другого, хотя и не уничтожает его всецело. Существует много видов жертв, из которых жертва всесожжения наиболее характерна, в коих причащение, то есть возращение самой жертвы, ставшей уже освященной, к жертвоприносителю, видимо, совсем отсутствует. Но тем не менее оно все же совершается, хотя и таинственно и незримо: оно остается чисто духовным или, вернее, предполагается в предшествовавших обрядах. И напротив, существуют жертвы, которые сводятся как будто исключительно к жертвенной трапезе, к причащению, в коем растворяются все предшествующие моменты жертвенного действия. Так в приведенном выше свидетельстве прп. Нила Синайского. Но все это представляет собою тем не менее подлинные жертвы, переживание которых, однако, находится еще в состоянии неустановившемся, неостывшем, неокостеневшем. Множественность и многообразие жертв нельзя положить на про-крустово ложе шаблонных и застывших догматических формулировок, дифференцирующих и внеполагающих отдельные моменты этого таинственного события.

Мы видели, что основная идея жертвы заключается в следующем: совершив жертву — значит сделать известный предмет святым, освященным; с этой целью человек отрекается от своего блага и приносит его Богу. Дар обожается, он меняет свое значение, свою сущность, переходит в иной план бытия, и им в нем человек приобщается Божеству. Жертва есть нечто, имеющее стать, сделаться священным. Она есть известный предмет и вместе с тем действие, над этим предметом совершающее и изменяющее его природу. Тут уже намечена идея евхаристической жертвы, где вообще все едино: в ней жрец и жертва, жертвоприношение, жертвоприносящий и жертвоприносимое нераздельны и тождественны.

Согласно свидетельству гения русского языка, сам акт жертвы, жертвоприношение, отождествляется с предметом жертвы, с жертвоприносимым: то и другое именуется *жертвой*. Это очень верно. Жертвоприношение есть ничто без жертвоприносимого, вернее, оно с ним именно отождествляется. Новозаветный греческий язык обозначает жертву словом *θυσία*¹⁸ (по-латински иногда *hostia*¹⁹ — Лк 2: 24, 20, — иногда же *sacrificium*); этот термин имеет в виду, ско-

рее всего, вещь, предмет приносимый, чем жертвенное действие приношения или заклания. Интересно отметить, что в посланиях ап. Павла и ап. Иоанна слова ἵλασμος²¹ (I Ин 2: 2; 4: 10²²), ἵλαστήγιον²³ (Рим 3: 25²⁴), προσφορά²⁵ и даже θυσία (Еф 5: 2²⁶) применяются не к смерти Иисуса Христа, не к Его приношению, не к Его закланию, а к Нему самому. И в этом смысле продолжающаяся в Церкви жертва Христова не есть Его новое заклание, а лишь сакраментальный таинственный образ присутствия единожды закланного Христа: евхаристическое жертвоприношение*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вергилий. Энеида / пер. В. Брюсова, С. Соловьева. М.; Л.: Академия, 1933. С. 165.

² «Вот, если рассказать в нескольких словах, первое жертвоприношение, при котором я присутствовал. Стояла темная ночь; я спал в своем шалаше, посреди лагеря, насчитывавшего около десяти палаток. Я проснулся около полуночи из-за начинавшейся грозы. Все было спокойно... Внезапно сильный грохот, совсем близкий раскат грома поднял всех на ноги. Зажгли большие костры. Я видел струи дыма, которые убегали, которые исчезали; затем я вспомнил знаменитое кровавое жертвоприношение, о котором читал когда-то в текстах, посвященных ламаргам. Я сразу встал. Под проливным дождем я подошел, чтобы посмотреть поближе приготовления к жертвоприношению. О, и что же я с удивлением вижу? Взяв в руки бамбуковый нож, им надрезали ноги. Текла кровь. Ее собирали в бамбук, где смешивали с небольшим количеством воды. Затем эту жидкость выплескивали к небу, пронося при этом слова вроде таких: "Я плачу свой долг! Вот мой грех! Мой долг уменьшился! Остановитесь! Вот моя кровь! Я плачу свой долг! У меня не осталось больше долга..."».

³ Нил Синайский, прп. (? – 450) – отшельник, автор аскетических сочинений, ученик свт. Иоанна Златоуста. Был префектом

* Греческим θυσία (лат. sacrificium) и προσφορά (лат. oblatio) соответствуют еврейские zebah и minehah; первое означает кровавую жертву, второе – бескровное приношение. Zebah (θυσία, sacrificium) происходит от корня zabah – закалать, например, Иез 39: 17, сп. <1> Кор 10: 18. Minehah (пробфора, oblatio) происходит от корня tapanah – давать в дар, и означает не столько действие дарования, сколько само дарованное, дар. В Новом Завете, кроме προφέρειν – приносить (Деян 7: 42; Евр 5: 1), встречается еще ἀναφέρειν (Евр 7: 27) и еще ἀναρεῖν (Деян 7: 41). Последние выражают идею восходящего движения, возношения.

в Константинополе, но раздал свое имущество и принял монашеский постриг, жил в синайской пустыне.

⁴ По преимуществу (*греч.*).

⁵ В синодальном переводе: «Ибо все боги народов — идолы, а Господь небеса сотворил» (Пс 95: 5).

⁶ См. Пс 23: 1.

⁷ Хуан де Лugo (1583–1660) — испанский богослов и экономист, кардинал, иезуит, представитель группы католических богословов, связанных с университетом Саламанки. Ниже в примечании о Сергию ссылаются на его работу «О Евхаристии, то есть жертве».

⁸ Приношение, предложение, дар (*лат.*).

⁹ Принесение в жертву, заклание (*лат.*).

¹⁰ Жертвоприношение; делать жертвой, делать святыней (*лат.*).

¹¹ Переход, перемена (*греч.*).

¹² Переход, переправа, восхождение (*лат.*).

¹³ Сделанный священным (*лат.*).

¹⁴ См. Евр 11: 1.

¹⁵ Умаление правоспособности (*лат.*).

¹⁶ Пс 50: 19.

¹⁷ См. Песн 8: 6.

¹⁸ Жертвоприношение, жертва (*греч.*).

¹⁹ Жертвенное животное, жертва (умилостивительная, искупительная, очистительная) (*лат.*).

²⁰ «...И чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных» (Лк 2: 24).

²¹ Умилостивление, примирительная жертва (*греч.*).

²² «Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Ин 2: 2); «...но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши» (1 Ин 4: 10).

²³ Примирительная жертва, очистилище (древне слав. умилостиливо) (*греч.*).

²⁴ «...Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, содеянных прежде...» (Рим 3: 25).

²⁵ Приношение, дар (*греч.*).

²⁶ «...И живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное» (Еф 5: 2).

Публикация

H.A. Струве (†), Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой;

подготовка текста, вступление и примечания

Н.В. Ликвинцевой

Митрополит Антоний Сурожский

Мысли о Церкви (Беседа вторая)*

Я собираюсь сегодня излагать дальше свое опытное переживание Церкви, общее всем нам. После прошлой беседы мне поставили на вид, что она была очень мрачная, в ней не было радости. Это получилось ненамеренно. Я глубоко чувствую, что в Церкви есть момент славы, есть невыразимая красота, есть очень глубокая, интенсивная жизнь, но чувствую также, что мы не воплощаем все это в полноте, и не только потому, что в силу самой природы вещей мы еще не выросли — каждый из нас и все мы вместе — в полную меру, но и потому, что мы даже не стремимся к тому. Мы потеряли из вида нечто очень важное, что ранняя Церковь сознавала, хотя и сама была далека от совершенства. Это нам следует всегда помнить.

Когда речь идет о неразделенной Церкви первых веков, мы склонны видеть в ней только ее славу, ее величие. Да, оно было, но были в ней и другие стороны, иначе апостол Павел не писал бы римлянам: *ради вас... имя Божие хулиется у язычников* (Рим 2: 24) и многие другие увершения. С другой стороны, если мы действительно хотим быть такими, какими нас задумал Бог, быть членами Церкви Божией, быть ее телом, нам важно взглянуться в то, что недостойно нашего призыва, и задаться вопросом, в силах ли мы исправить положение. Если можно привести сравнение, я бы сказал, что размышления, которыми я стараюсь поделиться с вами, очень напоминают мысли, которые есть у каждого из нас, когда мы собираемся пойти к врачу: мы стараемся припомнить все, что в нашем здоровье неудовлетворительно и требует исправления. Так что я продолжу размышления о Церкви в ее слабости, в ее хрупкости, в греховности как ее отдельных членов, так и нашей общей. Ведь Бог нам доверил нечто. Представьте себе: Бог нам доверяет, Бог говорит каждому из нас, что на-

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation.

* Лондон, 21 февраля 1992. Первую беседу см.: Вестник РХД. 2018. № 210.

столько доверяет нам, что вверяет в наши руки судьбы Своего Царствия!

Вы, наверное, помните, слова Христа, что Церковь – это Царствие Божие, пришедшее в силе¹ (ср. Мк 9: 1). Что это означает? Это значит, что *все*, что составляет Царство Божие, уже предложено нам – берите, входите, участвуйте. Все уже пришло, настало, потому что Бог стал человеком, Бог посреди нас; потому что полнота Божества пребывает в плоти Христовой: в Нем уже исполнилось и открыто нам все призвание человечества, более того, призвание всего тварного мира. В Нем каждый из нас может увидеть, чем мы призваны быть: человечество очищенное, непорочное, соединенное со Христом, соединенное со Святым Духом, так что мы становимся подобными Христу не подражательно, а по отождествлению. Я уже приводил вам слова святителя Иринея Лионского, что мы призваны силой Духа настолько стать едиными со Христом, что все человечество, начавшее своей путь к Богу как толпа кающихся грешников, как дети по усыновлению в Единородном Сыне, может стать *единородным сыном Божиим*. Все это уже потенциально, реально дано, предложено нам. Но Христос совершенно недвусмысленно говорит, что Царствие Божие силою берется (см. Мф 11: 12). Оно дается не даром. Невозможно нам, будучи чуждыми столь многому, что Христово, чуждыми образу подлинного человечества в Нем, чуждыми Его призванию, – одновременно быть совершенными гражданами Царства Божия, подлинно единими со Христом, быть поистине храмами Святого Духа, детьми Всеышнего. А Церковь, как я уже говорил в прошлый раз, это таинственное тело, в котором полнота всего уже присутствует – и вместе с тем все должно быть завоевано каждым из нас, потому что никаким механическим путем не можем мы стать тем, чем призваны быть, или овладеть тем, что нам предлагается. И в этом отношении мы должны сознавать – и это очень важно, – что механически, без нашего участия верой, устремленностью, отдачей себя, даже таинства не могут дать нам то, что они предлагают.

По слову апостола Павла, мы крестились в смерть Христову (см. Рим 6: 3), чтобы восстать с Ним, но это не совершается просто механически через погружение в крещальные воды. Когда крещение совершается над нами в детстве, оно

подобно тому, как в землю влагается зерно; оно вложено в наше тело, в душу, дух. Но если мы хотим быть христианами, если претендуем на звание христиан, то мы должны, мы призваны, обязаны превратить в реальность, в нашу собственную реальность, то действие, которое верой совершили наши родители и крестные, которое было совершено ве-рой Церкви.

Святой Ефрем Сирин говорит в одном из своих писаний, что когда Бог творит человека, Он вкладывает в самую его глубину все Царство Божие, и задание, задача всей жизни – копать, углубляться, пока не достигнем уровня, где Царство Божие ждет нас. То же самое относится к причащению Святых Таин. Кажется, я уже приводил в прошлой беседе предостережение апостола Павла относительно причащения. Апостол предупреждает: мы должны сознавать, что делаем, потому что если мы, как он выражается, *не рассуждаем о Теле Господнем* (ср. 1 Кор 11: 29), если мы не осознаем подлинно, в пределах своего понимания, но всей восприимчивостью, дарованной нам от Бога, к чему мы подходим, что мы принимаем, — мы можем принять огонь, который испепелит нас вместо того, чтобы изменить и преобразить. А св. Симеон Новый Богослов говорит, что если мы принимаем Тело и Кровь Христовы без различия, без понимания, что мы делаем (я не имею в виду понимание, нас превышающее, но все понимание, на какое мы способны), то вполне может быть, что мы примем только хлеб и вино. Так что даже в отношении причащения мы не можем просто думать, что физически приобщимся тому, что нам предложено, и изменимся, преобразимся духовно.

Это относится к любым способам нашего общения с Богом. Нет таких механических способов; но осознаем ли мы это в достаточной мере? Понимаем ли мы это или рассчитываем на чудо? Да, чудеса случаются, но они происходят тогда, когда человек созрел, когда человек готов, когда человек находится на грани отчаяния — и надежды. Я не раз приводил хорошо известный вам рассказ о Савле на пути в Дамаск. Христос явился будущему апостолу, потому что он был готов, потому что всей страстью своей души он принадлежал Богу и намеревался бороться против Христа, считая, что Христос предает того Бога, в Которого он, Савл, верит, Которому

неограниченно предан; и Бог во Христе явился ему и сказал: вот Я².

Я передавал вам также волнующий рассказ о молодой женщине, которая пришла ко мне и сказала, что не верит ни в Бога, ни в Церковь и ее таинства; я никак не мог ей помочь и предложил ей подойти к причастию, но перед причащением встать перед Богом и сказать: «Господи, Твоя Церковь предала Тебя, моя семья предала меня, твои священники предали и Тебя, и меня. Теперь я пришла к Тебе самому, Ты должен ответить на мой зов, на мою нужду. Потому что если нет Бога, то все бессмысленно, и я жить не стану». Она причастилась и потом написала мне: «Я еще не знаю, есть ли Бог; но знаю: то, что я приняла, было не хлеб и вино, но что-то, что я не могу определить, описать, объяснить». Так что наша роль участников очень важная. Осознаем ли мы, насколько это важно, понимаем ли, что не можем надеяться, что все совершил Бога, а мы можем просто ждать, чтобы случилось чудо? А ведь именно так мы поступаем по большей части. Возделяваем ли мы землю с тем, чтобы семя, внесенное в нее при крещении, имело возможность взойти? Поливаем ли мы его, вносим ли удобрение? Защищаем ли от всего, что может убить это семя жизни? Вот что называется — согрешить. Жизнь, которая дарована нам, уж не говоря о крещении, жизнь, которая дарована каждому человеку, надо защищать от всего, что ее засоряет, искаляет или убивает. Апостол Павел совершенно ясно говорит, что те, кто знает закон, будут судимы по закону, но те, кто не знает закона, имеют написанный в их сердцах внутренний закон, который помогает им различить, что добро, а что зло (см. Рим 2: 12–16). А нам дано еще больше. Мы можем слушать Христа, Который заповедями, притчами, примером собственной жизни, образом собственной личности учит нас, какими мы должны быть, какими должны быть наши мысли, наши чувства, как мы должны поступать. Если мы еще не достигли этой меры, мы можем жить десятью заповедями Ветхого Завета, примерами ветхозаветных праведников. У нас есть, как говорится в Послании к Евреям, *облако свидетелей* (Евр 12: 1). Верующие мы или неверующие, верим ли мы только в человека, или верим в Бога, или в воплощенного Бога, у нас в любом случае есть все необходимое для того, чтобы не выйти из области

Божией, не войти в область смерти. Как совершенно ясно говорит один из апостолов в своем послании, грех подобен переходу на другую сторону реки: на одной стороне, на Божией, мы в безопасности, другая сторона ненадежна. Согрешить означает перейти через реку, пересечь эту грань, предпочтеть выход из области Божией. Это может знать каждый из нас, верующий и неверующий, верит ли он в человека, в самого себя, в Бога или во Христа.

Но чтобы достичь собственной человеческой целостности, мы должны мужественно сражаться с самим собой, сражаться со всем злом в себе, сражаться с любым встречающимся искушением: мы должны ответить на него мужественным отказом, должны отвергнуть искушение, даже не вступая с ним в беседу. Святой Нил Сорский, повторяя образ, который приводит кто-то из греческих отцов, говорит, что искушение приходит к нам, словно продавец заячих шкурок. Он стучит нам в дверь, мы можем не отзываться, пусть стучит, пока не устанет. Но иногда мы подходим к двери и спрашиваем: «Кто здесь?» — «Продавец. Я предлагаю заячий шкурки». Мы можем, не открывая, ответить: «Мне не нужны шкурки, иди прочь». Он, возможно, скажет: «Да ты только посмотри на эти шкурки. Ты никогда не видел ничего подобного!» Мы все еще можем не открывать дверь — а можем из любопытства открыть. И тут мы уже в опасности, потому что продавец гораздо опытнее нас, он знает, что делает. Он разложит перед нами свои шкурки, заговорит и завлечет нас. Мы и тогда еще можем отказаться, но можем, отказываясь, рассматривать шкурки, оценивать их, похваливать, можем поинтересоваться ценой. И тут мы в смертельной опасности, потому что начали торговаться, рядиться о своей душе, своей цельности. И как только пошел торг, мы, скорее всего, согласимся на сделку, поддадимся обману, разве что в последний момент отвергнем его и захлопнем дверь. Но как только мы приоткрыли дверь, мы в опасности, и опасность возрастает, когда мы вступили в разговор, когда стали прикидывать возможность покупки.

Царство Божие присутствует здесь, мы в нем, оно действует в нас, но его следует оберегать, хранить, беречь с решимостью. Так ли мы поступаем, каждый из нас? Можем ли мы сказать, что принадлежим Церкви Христовой, что мы

ученики Христа? Что люди, нас встречающие, видящие нас, могут узнать Христа или хотя бы образ Христа, пусть бледный, в нас? А если не так, то мы предатели Царства, мы предаем Христа и лишаем смысла Его смерть за нас, потому что Он стал человеком ради того, чтобы спасти нас. Он жил ради того, чтобы объявить и открыть нам путь жизни, уверить нас в нем, Он умер за нас, из-за нас, стараясь убедить нас, что нет такой цены, какую Бог не готов заплатить ради спасения каждого из нас. Апостол Павел так убедительно выражает это в словах: *Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками* (Рим 5: 7). А мы говорим Ему: я не просил Тебя жить или умирать ради меня. Ты так решил, тем хуже для Тебя, мне дела нет, я свободен, я выбираю противную сторону... Что мы выбираем? Нам кажется, будто мы выбираем самовластие; на самом деле мы выбираем обман, порабощение злу.

Мы не в достаточной мере это осознаем — я, вероятно, меньше, чем большинство из вас, — так что это не обвинение в чей-либо адрес, это исповедь, которую я приношу: вот каков я, вот как я поступаю, вот таким образом я предаю не только свое призвание, но самую свою природу и своего Бога, — Бога, Которого я, да, люблю и Которому одновременно изменяю. И это относится не только к каждому из нас, но и к нам как сообществу, потому что мы не призваны быть собранием индивидов, мы призваны быть живым телом, тем, что Самарин, друг Хомякова, называл «организмом любви», обществом, исполненным любви, в котором каждый член солидарен с каждым другим, обществом, которое является, что значит любовь и чем она может быть. Но это не так легко, нам не свойственно любить друг друга, мы находим друг друга отталкивающими, трудными, мы недопонимаем друг друга, неверно истолковываем намерения, поступки и даже слова. Случалось ли кому-либо из нас подойти к человеку, который для нас соблазн, предмет искушения, тот, о котором мы не в состоянии сказать: «Господи, прости его, как я прощаю!», — случалось ли кому-либо из нас подойти к такому человеку и сказать: «Вот что я переживаю в связи с тобой, может быть, из-за тебя, а может быть, из-за меня. Объяснись со мной, я хочу понять тебя, помоги мне понять тебя. Я не спо-

собен тебя любить, я не могу тебя простить, я ничего не могу с этим поделать. Может быть, ты можешь исцелить меня, помочь мне?» Случалось ли кому-то из нас поступить так? А если так, то случалось ли, что человек ответил, отозвался с благодарностью, сказал: «Ох! Мне в голову не приходило, насколько я пагубен для тебя, насколько мое поведение, мои слова, мои убеждения, мои манеры, все во мне действовало на тебя разрушительно!» Как часто, встречаясь с таким вызовом, мы отвергаем его, потому что самодовольно чувствуем себя праведными, считаем, что мы вправе быть такими, каковы мы есть. Мы будто бросаем вызов другому человеку, как бы давая ему понять своим поведением: «Ты сам виноват. Ты христианин — принимай меня таким, каков я есть». Нет, никто не обязан поступать так задаром. Простить обиду — одно дело, но совершенно другое дело — принять зло или искушение. (Я знаю, что на мои слова можно много что возразить, но я сейчас стараюсь быть кратким).

Спрошу снова: осуществляем ли мы в своей среде, вместе с Живым Богом, со Христом, то, что осуществляют люди вне Церкви, при групповой терапии, когда собираются с тем, чтобы открыться при других, чтобы заразиться мужеством от тех, кто так поступает? Они получают друг от друга и острый вызов, и бесконечное сострадание. Поступаем ли так мы? Мы хотя бы пробовали? Не уходим ли от такого рода ответственности тем, что обращаемся к Богу в частном порядке, рассказываем Ему, как мы сожалеем, или приходя на исповедь? Но этого недостаточно, это не исцелит никого вокруг, даже если иногда помогает нам. Мне вспоминается эпизод из сочинений Н.С. Лескова, короткий, но реальный рассказ из жизни русского миссионера в Сибири. Он путешествует по Сибири от деревни к деревне, проповедует, обращает людей, крестит их; и его поражает нравственная высота возницы его саней. Миссионер говорит вознице: «Каким образом ты, такой справедливый, человек примерной честности, не сделался христианином?» — «О, — отвечает возница, — если я стану христианином, никто не будет верить в мою честность, все будут сомневаться в моих намерениях и поступках». — «Как же так? — восклицает миссионер. — Разве христиане не призваны к совершенной честности, к которой ты и сам стремишься?» — «Нет, — отвечает тот. — Сейчас я объясню тебе,

почему люди перестанут мне доверять. Я живу у леса с женой и маленьким ребенком. Я бедный человек, у меня обычно нет молока для ребенка. Недалеко от меня живет сосед с детьми. Но у него есть корова, и его дети каждый день пьют молоко. Как-то ночью я поддаюсь искущению, пробираюсь к нему в сарай, увожу корову и прячу ее в лесу. Теперь мой ребенок пьет молоко. Но я слышу плач его детей, они ведь голодны без молока, к которому они привыкли, и мне становится стыдно, я возвращаю корову. Сосед меня поколотит, а потом мы пожмем друг другу руки и снова живем мирно, и даже, потому что я вернул ему корову, он даст мне немного молока для моего ребенка. А если бы я был христианином, что было бы? Я бы пришел к тебе на исповедь, получил от тебя прощение, потому что я искренне каюсь, но корова-то у меня!»³

Разве это не правдивое изображение каждого из нас? Как часто, обидев, ранив кого-то, мы приходим на исповедь и камнем сокрушенным сердцем. В ответ на наше искреннее сокрушение мы получаем разрешительную молитву, но никаких доказательств от нас не потребовалось. Мы свободны от своего греха, корова, то есть душевная цельность, при нас. Так ли мы должны поступать в наших взаимных отношениях? Так ли мы должны поступать по отношению к внешнему для нас миру? Может ли кто-либо доверять нам больше, чем верили бы этому вознице его соседи? Может быть, да, может быть, нет, все зависит от человека. Так что вот проблема — одновременно наша личная и наша общая. Такие ли мы люди, из которых Господь может создать Церковь?

Святой Ерм, ученик первых апостолов, описывает в своих «Видениях», как ангелы строят град Божий. Они берут камни; одни камни хорошо обтесаны и сразу встают на место, другие неровные, круглые, скользкие — те ангелы отбрасывают. Я спросил, пишет Ерм, что это означает. Ответ ангелов: мы строим Царство Божие из людей, которые привели себя в правильное состояние и могут быть совмещены; другие, несочетаемые, нам приходится отбрасывать... Здание еще не закончено. Еще есть время, камни можно обтесать, сделать ровными, чтобы их можно было подогнать к другим; но времени немного. Для каждого камня настанет момент, когда время ушло, и он уже не сможет стать частью этого здания Царствия... Не такова ли ситуация нас всех и каждого из нас?

Я сказал в прошлый раз, что изначально Церковь также состояла из грешников, из людей несовершенных, не святых, но в них была решимость. Они каким-то образом встретили Христа. До этой встречи они знали, что значит принадлежать области смерти; теперь они познали, что есть область жизни, и всем своим желанием, всей своей решимостью, всем мужеством и всей хрупкостью они устремились к жизни, они дали Богу действовать в них. Они помогали друг другу всей своей мудростью или опытом или просто солидарностью; не таковы мы. Церковь была широка, она охватывала всех, кто был готов бороться за целостность своей жизни. Теперь этого нет; мы сделались малой общиной в большем обществе и мы не имеем никакого значения, потому что мы ничего не являем, ничего не доказываем. Разве такова наша цель? Конечно, нет!

Вот еще тема, над которой нам надо задуматься, потому что в следующий раз я буду говорить еще о других аспектах церковной жизни, как личной, так и коллективной. Мы должны спасаться и лично, и сообща — как приход, как епархия, как поместная Церковь, и должны не потому, что сами нуждаемся в спасении, — этого было бы достаточно для каждого из нас, — но потому, что в этом нуждаются и другие люди, так же как другие нуждаются в этом храме, куда они могут прийти и молиться с нами, люди неправославные, но которые бывают здесь, потому что находят в нашем богослужении нечто, чего не получают нигде более. Некоторые приходят годами; мы не требуем от них стать православными, мы предлагаем им разделить с нами то, что превосходит нас самих: молитвы Церкви, присутствие Живого Бога в нашей среде и, возможно, немного человеческого братства. Это все, что мы можем дать.

На этом я остановлюсь. Помолчим немного, затем помолимся вместе. И унесите с собой эти мысли. Они меня мучают, и (буду жестоким и циничным) я хочу, чтобы они и вас помучили, потому что только если мы реально почувствуем в них собственную трагедию, мы сможем хотя бы попытаться что-то сделать — и сделаем. Сила Божия в слабости проявляется, лишь бы слабость была отдана Ему, открыта Ему. Пусть нас поддержат слова апостола Павла о том, что все нам возможно укрепляющей нас силой Христовой (ср. Флп 4: 13).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: «И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк 9: 1). Здесь митрополит Антоний не просто цитирует слова Христа, но дает им расширенное толкование, указывая, что Церковь и есть обетованное Царствие Божие.

² Ср.: «Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян 9: 5).

³ Вольная трактовка эпизода из повести Н.С. Лескова «На краю света».

Публикация и перевод с английского Елены Майданович

Архимандрит ЛЕВ (ЖИЛЛЕ)

Из книги «Безграничной любовь»*

Тебе, кто бы ты ни был...

Кто бы ты ни был, каким бы ты ни был, говорит Господь-Любовь, на тебя в это мгновение Я возлагаю Свою руку.

Этот жест сообщает тебе, что Я люблю тебя, что Я тебя призываю.

Я никогда не переставал тебя любить, говорить с тобой, призывать тебя. Иногда это происходило в тишине и уединении. А иногда там, где и другие были собраны во имя Мое.

Этот призыв, как часто он оставался не услышан, потому что ты не слушал. А еще ты часто его вроде бы и слышал, но лишь смутно и расплывчально. Порой ты был почти готов дать Мне ответ, означающий принятие. Порой ты даже давал Мне такой ответ, но он оставался без ощущимых последствий. Ты привязывался к эмоции вслушивания в Мой голос. И отступал перед необходимостью принять решение.

И до сих пор ты еще ни разу не вручил себя окончательно и бесповоротно, целиком, полностью вслушиванию в Любовь.

И вот Я снова, и на этот раз, прихожу к тебе. Я снова хочу с тобой говорить. Я хочу тебя всего целиком. Повторю: Любовь хочет тебя целиком и полностью.

Я буду говорить с тобой втайне, по секрету, задушевно. Я поднесу Свои уста прямо к твоему уху. Выслушай все, что они прошептут тебе, все, что они скажут тебе тихим-тихим голосом.

Я Любовь, твой Господь. Хочешь ли ты войти в жизнь Любви?

* Перевод выполнен по изданию: *Un moine de l'Église d'Orient. Amour sans limites*. Chevetogne, 1971. Мы печатали отрывки из этой книги в № 207 «Вестника РХД» за 2017 год. В новую подборку вошли самые первые главы этого небольшого, но крайне важного, во многом итогового произведения архимандрита Льва (Жилле). Полностью книга на русском языке готовится к изданию в издательстве Сретенской семинарии.

Речь тут не об атмосфере тепленькой нежности, нет. Речь о том, чтобы войти в жаркое пыление Любви.

Это и будет подлинным обращением, обращением в пылающую Любовь.

Хочешь ли ты стать другим, не тем, кем был, не тем, кто ты есть? Хочешь стать тем, кто существует для других, и прежде всего, для Того Другого и с Тем Другим, через Кого всякое бытие получает существование? Хочешь стать всеобщим братом, братом всему миру?

Выслушай все, что Моя Любовь хочет тебе сказать.

Но Я-то тебя знал

Дитя Мое, ты еще не познал, кто ты есть. Ты до сих пор не знаешь себя. Я хочу сказать: ты до сих пор не познал себя в качестве объекта Моей Любви. А значит, ты до сих пор не познал, кем ты являешься во Мне, и все те возможности, которые в тебе скрыты.

Пробудись же от этого сна и от дурных сновидений. В самом себе ты видишь, в редкие моменты истины, лишь провалы и поражения, падения, позор, возможно, преступления. Но все это — это ведь не ты. Это не твое подлинное «я», не твое самое глубинное «я».

Подо всем этим, за всем этим, под твоим грехом, за всеми проступками и изъянами Я все-таки вижу тебя.

Я тебя вижу, и Я тебя люблю. И люблю Я именно тебя самого. Не то зло, которое тытворишь, это зло, его нельзя ни отрицать, ни сделать вид, что его нет, ни приукрасить (разве черное можно сделать белым?). Но под ним, на еще большей глубине, Я вижу и кое-что другое, и оно еще живо.

Маски, которые ты носишь, маскарадные одеяния, в которые ты рядишься, могут замаскировать тебя в глазах других и даже в твоих собственных глазах. Но они не могут скрыть тебя от Меня. Я буду сопровождать тебя даже там, куда больше никто и никогда не последует за тобой.

Этот взгляд, твой взгляд, утративший ясность, твоя лихорадочная, задыхающаяся жаждость ко всему, что тебе кажется важным, все жалкие порывы, твоя жестоковынность и сердечная черствость, все, все это Я отделяю от тебя. Я это отрезаю от тебя. И отбрасываю далеко-далеко от тебя.

Послушай. Никто тебя по-настоящему не понимает. Но Я, Я понимаю тебя. Я мог бы рассказать о тебе столько всего возвышенного и прекрасного! Я мог бы рассказать это о тебе: не о том «тебе», кого силы тьмы столь часто сбивали с пути, но о том тебе, каким Я хочу, чтобы ты был, о «тебе», пребывающем во Мне мыслью и стремлением к любви, о том «тебе», кто еще может стать видимым.

Стань наяву тем, кем ты являешься в Моей мысли. Стань предельной реальностью себя самого. Прояви те способности, которые Я в тебя вложил.

Не бывает, ни в каком мужчине или женщине, такой возможности внутренней красоты и доброты, каких бы не было и у тебя. Нет ни одного божественного дара, к которому и ты не мог бы устремиться. Потому что ты получишь их все вместе, если будешь любить со Мною и во Мне.

Что бы ты ни умудрился сделать в прошлом, Я разрываю твои узы. А раз Я разрываю твои узы, то что тебе мешает — встать и пойти?

Новое творение

Дитя Мое, не жди нового Откровения. Я говорю тебе лишь о том, о чем вам говорили с самого начала.

Лишь одно может стать новым — это повышенное внимание к некоторым аспектам вечной истины.

Настанет день, когда углубление Любви станет для большинства людей неоспоримым призывом к вере.

Они откроют для себя Любовь, Господа Любовь, всеобщую и безграничную Любовь. И это не будет новым Благовестием, другим Откровением, нет. Но те, кто откроются такому видению, отдавшись ему всем сердцем, помогут Мне создать новое небо и новую землю, над которыми Я тружусь беспрерывно.

И тогда открытие Любви, принятие в нас бесконечной Любви будет новым творением. Любовь хочет, в каждое мгновение, творить среди вас еще больше любви.

Это великое видение

Огонь вспыхивает в горящем кусте, и при этом пламя куст не уничтожает.

Подойди к Неопалимой Купине, дитя Мое, посмотри на это великое видение, подумай, почему куст горит и никогда не сгорает.

Огонь, которым пылает куст, не сгорающий в нем, это огонь, который питается не чем-то, привходящим извне. Он живет самим собой. И из себя самого он распространяется дальше, до бесконечности.

Этот огонь не разрушает древесину куста. Древесину он очищает. Он поглощает то в кусте, что было лишь шипом или колючкой. Но он не деформирует. Он уважает изначальные структуры, даже если при этом исчезают нарости. Он обновляет, не убивая. Он и сам куст делает огнем, и огонь этот горит.

Без сомнения, при самом простом, элементарном толковании, ты можешь увидеть в Неопалимой Купине проявление Божественной защиты, сквозь все ожоги и болезни поддерживающей существование. Ты можешь увидеть в этом, дитя Мое, утверждение высшей Жалости, охраняющего Милосердия. Ты можешь увидеть в этом также знак Божественного очищения, болезненного, но освобождающего.

Однако у Неопалимой Купины есть и более глубокий смысл. Он несет Откровение, относящееся к твоему Богу, к Самому твоему Господу.

Неопалимая Купина – это выражение Божественной природы. В пламени куста тебе может приоткрыться, Кто Я есмь. Твой Господь, Господь Любовь, разве Он не огонь поядующий?

Как пламя куста, Я есмь Любовь, отдающая Себя и никогда не оскудевающая. Я щедрость, не знающая никакой меры. О Моей Любви нельзя сказать: вот досюда и не дальше.

Я Любовь, всегда стремящаяся воплотить и возвратить в Себя все те человеческие элементы, которые встречаются у Нее на пути (у истоков которых Она же и стоит). Так же, как огонь не разрушает древесину горящего куста, Я не разрушаю людей, которых Я сотворил. Я хочу лишь убрать то, что в человеке противоречит самой сущности Любви.

Я беру и делаю Своим. Я преобразовываю и преображаю. Я оживляю. Я переношу в другой план, на уровень выше.

Тот, кто любит, входит в единение с теми, кого он любит. Я вхожу в единение с вами, возлюбленные Мои. И при этом не может быть смешения между Мною, Кто есмь Любовь, и вами, эту Любовь принимающими.

О, теперь ты видишь это великое видение? Видишь ты пламя, которого никто не возжигал, но которое изливается прямо из Моего сердца, пламя, которое есть Я? Видишь ты Божественный пожар, распространяющийся по всему миру? Вся Вселенная есть Неопалимая Купина.

Безгранична Любовь

Дитя Мое, ты видел Куст, который горел, не сгорая. Ты узнал Любовь, которая есть огонь пождающий и которая хочет тебя всего целиком. «Великое видение» Неопалимой Купины может помочь тебе подобрать для Меня новое имя; оно не отменяет того имени или тех имен, которыми ты пользовался до сих пор, и все же оно может, как вспышка молнии в ночи, своим живым светом обновить весь пейзаж.

Часто ты звал Меня тем именем, какое Мне не соответствует. Или, вернее, это вечное имя было, конечно, Моим, просто оно недостаточно ясно передает то, что так ощутимо выражает собою Божественная жизнь, и не доносит до тебя то, что Я хотел бы открыть тебе в ответ на твою молитву, — это лишь одна из сторон Моего бытия, с помощью которой тебе приходилось обращаться ко Мне.

Вы зовете Меня Богом. Это традиционное имя почтывалось и восхвалялось множеством людей. Этим людям оно давало и продолжает давать волнение и силу. Безумен тот, кто попытался бы уменьшить его значение. Нечестивец тот, кто решит его уничтожить. Поклоняйся Мне как своему Богу. Почттай это имя, которым Меня называют.

Твоему поклонению не помешает, если ты заметишь, что в том, что касается языка, у этого имени нет четко очерченного содержания. Ему недостает точности. И те значения, которые приписали ему позже, уже не обязательно связаны именно с этим словом. Слово это столь просторно, столь

растяжимо, что порой оно может показаться, из-за человеческой слабости, даже пустым...

И кроме того, с именем этим часто обращались механически, рутинно. Многие сохранили формулировку. Но уже не умеют наполнить ее смыслом.

Вы говорите: Бог, мой Боже, Ты, Сущий Бог мой, Господь Бог. Но и в старом источнике, в освященном слове, вы, конечно, сможете почерпнуть и свежие силы. Но попытайтесь уточнить Мое имя в соответствии с моментом настоящего или с нуждами сегодняшнего дня, и вы сможете обрести подлинную побудительную силу.

Ведь тогда вы сможете повернуться к той стороне Меня, которую вам явили сегодняшние обстоятельства жизни. Тогда вы Мне скажете в зависимости от них: Ты, Кто есть Красота, или: Ты, Кто есть Истина, или: Ты, Кто есть моя Чистота, или: Ты, Кто есть Свет мой, или: Ты, Кто есть Сила моя. Вы можете сказать: Ты, Кто есть Любовь.

Последнее выражение лучше всего приблизит ваш язык к Моему сердцу. Вы можете Мне сказать: Господь Любовь. Или даже еще проще: Любовь.

И тогда Я помешу перед вашей мыслью, перед вашей молитвой слово, которое сможет, если захотите, стать вам солнцем, незакатным солнцем вашей жизни. Возлюбленные Мои, Я есмь безграничнаа Любовь.

Безграничнаа Любовь... Я по ту сторону, над всеми именами. Но как раз прилагательное «безграничнаа» и отражает тот факт, что Моя Личность и Моя Любовь не вмещаются ни в какие привычные для человеческой мысли категории. Я есмь высшая Любовь, всеобщая Любовь, абсолютная Любовь, бесконечная Любовь.

Если в настоящий момент Я больше настаиваю на словах «безграничнаа Любовь», то это лишь для того, чтобы вызвать в вашей душе образ – картину опрокинутых барьеров. Чтобы пред вашим умом предстало понятие «безграничного», Любви, которая, как сильный ветер, как ураган, явилась, чтобы разрушить все препятствия. Я есмь Любовь, которую ничто не может остановить, которой ничто не сможет воспрепятствовать, которую ничто не сможет задержать.

Последним врагом будет не смерть. Нет, это отказ человека от Моей Любви. Но ничто не сможет разрушить или

умалить замысел и действие любви, исходящей от Исполненного силы Бога.

Возлюбленные Мои, я не рассказал вам здесь ничего нового. Я не принес вам определение или учение. Я лишь повторяю то, что было сказано от начала. Я просто указываю вам путь, которым можно войти. Но все пути хороши, если они ведут ко Мне.

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

Священник ФРАНСУА БРЮН

Счастье любить Бога

Кто я? Кому я обязан своим существованием? Моим родителям, конечно! Но кроме них, еще до них? И зачем? Почему я оказался в этом мире, на этой планете и в этой стране, в этой культуре, в этой религии? Имеет ли все это смысл? Какой? И что мне нужно делать?

Я все это лично пережил и испытал в собственной жизни. Речь тут не о литературе. Я переживал это даже еще яростнее, ведь мир тогда только-только выбрался из худшей из войн в нашей истории. Постепенно обнаруживалось, до какого предела могут дойти силы ненависти в сердцах людей! Человек, единственный среди живых существ этой планеты, совершал время от времени массовые убийства себе подобных, сопровождаемые пытками, изощренно продуманными способами, как унизить, как максимально увеличить страдания противников, прежде чем их окончательно уничтожить!

Но между двумя войнами всегда бывали периоды примирения, глубокого взаимопонимания на новых основаниях. Мне пришлось прийти к выводу, что мир как целое с момента своего сотворения не знал даже и таких мирных периодов. У мира, в котором мы живем, два глубоко противоположных друг другу аспекта. С одной стороны, он чудесен: я не буду вам приводить лирическое отступление о красоте природы, гор, равнин, рек и океанов, закатов солнца и северных рассветов. Я не буду описывать невероятную фантазию разнообразных форм жизни на нашей земле, в воздухе или в воде... все это вы и сами знаете. Но есть и другой аспект: за кронами деревьев, сквозь все мелодии птичьего пения, в глубинах океанов вся эта изобильная жизнь оказывается лишь огромной частью невыносимой борьбы и охоты, когда каждый пытается уйти от преследователя, но сам в то же самое время преследует собственную добычу, необходимую для поддержания жизни. За невыразимым миром солнечного заката притаился переход от дневной охоты к охоте ночной и столь же безжалостной. Само наше тело оказывается полем борьбы, и не только

на поверхности, но в глубине, между клетками. Мне бы хотелось, чтобы каждый из вас, в соответствии с присущим вам темпераментом, был более восприимчив к гармонии природы или к ее жестокости. Но, хотим мы того или нет, эти два аспекта налицо. Я знаю, конечно, что есть еще и эпизоды любви и рождения малышей, которые нас так всегда умиляют в фильмах о животных. Но речь ведь тут идет лишь о разновидностях общей схемы, поскольку этих малышей ведь тоже нужно кормить! Не бывает львов-вегетарианцев. Невинными жертвами становятся только травоядные животные, хотя сейчас начинают постепенно осознавать, что и сами планеты не столь уж и бесчувственны. И что тогда?..

Мой темперамент и чувствительность привели к тому, что я всегда был глубоко задет этим отпечатком зла в мире. Я мог бы впасть в полный нигилизм или в глубокое отчаяние, если бы довольно рано не осознал в себе некую силу, которая помогала мне, когда лучше, когда хуже, побеждать этот глубокий пессимизм.

Эта малая сила — молитва. В Римско-католической церкви не причащаются младенцев; причастие, Тело Христово, дают детям лишь к 7 или 8 годам. В 1938 году мне было 7 лет и я готовился к первому причастию. В то время в воздухе уже чувствовалось приближение войны. Я помню, что вечером, в постели, я старался молиться как можно дольше, пока не засну, молился о том, чтобы эта война не началась. Я думаю, что именно тогда произошла моя встреча с Богом. Не было ничего необычайного, никаких экстазов, внутренних слов, видения света или других феноменов... Но была уверенность в Его присутствии и внимании к тому, что я Ему говорил, уверенность, что я для Него важен, потому что Он любит меня; не то чтобы я был важнее других, нет, но Он любит нас всех, по-настоящему.

Я верю, что такая встреча с Богом, со Христом, и позволила мне пройти все эти годы испытаний, не потонув в отчаянии. Когда мне было 15–16 лет, мы жили в небольшом городке, пригороде Парижа. По окончании послеобеденных уроков, а это было около 17 часов, я почти всегда шел в собор, который был неподалеку от школы, и там, оказавшись в тишине и одиночестве, я молился. Это было в часовне Богоявицы, Пречистой Божией Матери, за хорами собора,

чудной готической церкви XIII века, уцелевшей при бомбардировках.

Во Франции философия входит в программу среднего школьного образования. У тех, кто выбрал естественные науки, было всего три часа философии в неделю. У нас, в литературной секции, было 9 часов в неделю, с преподавателем, который когда-то был верующим католиком, а затем стал коммунистом и атеистом. Я многим ему обязан, но не он помог мне найти смысл в жизни. Помогала мне моя скромная ежедневная молитва, помогала держаться в абсолютной тьме и полном непонимании этого мира, и даже в молчании Бога! Я ничего не понимал, совсем ничего, но продолжал доверять Ему, может быть, только оттого, что не видел, к чему еще можно прибегнуть.

Философы пытались объяснить столь невыносимое состояние мира при помощи различных теорий, которые в реальности оказывались просто еще одним способом сдаться перед лицом того, что есть и что невозможно изменить. Миру этому, чтобы он мог существовать, объясняют они, нужны сложные и часто противоречивые законы. Без этих законов и порождаемых ими напряженностей этот мир просто не мог бы существовать. Сам Бог со всем Своим разумом так и не смог придумать и сотворить мира попроще, без всех этих конфликтов. Корова, объясняют нам они, когда передвигается с одного места на другое, успевает раздавить по пути тысячи насекомых. Многообразие форм жизни и порождает само собой все эти конфликты. Но это же разнообразие оказывается источником красоты Вселенной. А теперь пойдите попробуйте объяснить все это матери, которая только что потеряла ребенка! Французский философ Тейяр де Шарден, священник-иезуит, но также палеонтолог, дополнил такое традиционное объяснение понятием эволюции. Богу было физически (или метафизически?) невозможно сотворить мир, который сразу бы был совершенным. Состояние гармонии мира, совершенства, может возникнуть лишь в результате долгой эволюции. Но до этой последней стадии в мире будут править зло и страдание. Отец Тейяр, похоже, так и не объяснил ни в одном из своих произведений, почему Бог не мог сделать по-другому. Для него, сформированного палеонтологией, это казалось очевидным.

В этом мире, потрясаемом войнами, революциями, бунтами, заговорами, терактами, как найти всему этому смысл и как найти смысл собственной жизни?

«О, если бы нам быть, как наши предки,
Комком мокроты в теплоте болот,
Тогда и жизнь и смерть зачатой клетки
Из нас сочилась бы, как мед из сот.

Листочек водоросли, холмик дюны
Насыпанной ветрами, стрекоза,
И крылья чайки были бы так юны,
И страшной болью жгли бы нам глаза», —

восклицает великий немецкий поэт Готфрид Бенн, работавший хирургом во время последней войны.

Все хорошо помнят притчу французского философа Анри Бергсона: Мир мог бы быть счастливым и гармоничным, но все это счастье было бы возможно, только если бы где-то, вдали от взглядов, кого-то бы постоянно и жутко истязали. Но тогда, говорит философ, лучше уж небытие, не нужно никакого счастливого мира, все что угодно, только не этот кошмар!

Сколько раз я бы и сам уничтожил этот мир! Да, лучше уж ничто, чем эта бездна страданий!

Видимо, это совсем не тот мир, которого возжелал Бог! Это испорченный, неправильный мир. Даже если взять только одну эту постоянную борьбу за выживание, когда мы спасем свои жизни ценой жизни другого, в ущерб другим, то уже такого мира никак не мог задумать и захотеть создать Бог.

Я помню, как в своей автобиографии кардинал Ньюман (англиканский богослов, перешедший в католичество), пытаясь пояснить образ потерянного рая, данный в первой книге Библии, привел один очень простой, но очень наглядный пример. Я передам здесь просто основную мысль. Спуститесь на улицу или в метро и посмотрите на головы людей. Очевидно, что перед нами выжившие в какой-то ужасной космической катастрофе, следы которой все еще хранят их лица. Это не сияющие счастьем творения, излучающие радость жизни, улыбающиеся, в расцвете сил, ощущающие на себе помощь

всех и каждого и особенно любовь Бога. Не такой мир творил Бог. Это невозможно! Почитайте газеты, посмотрите телепередачи, повсюду люди убивают и уничтожают друг друга. Даже в операх, которые так любят русские, новые композиторы заменяют музыку звуками разбиваемой молотком посуды или скрипением двери и другими неприятными шумами. Это все отражения нашего мира!

В античной литературе мы читаем тексты стоиков, один из этих философов, утешая отца, потерявшего сына, говорит ему: «Прекрасный сосуд разбился! Но ты ведь знаешь, что суды столь хрупки!» Буддисты, которые чем-то напоминают наших стоиков, так наставляют своих адептов, призывая их не слишком любить тех, кто делит с ними жизнь. Тогда, мол, они меньше будут страдать, если случится несчастье. Но это ведь отказ жить в полную силу, полусуицид! И это опять ничего не объясняет, не проливает свет на то, почему мир находится в таком состоянии. Это просто попытка самозаговоривания, чтобы хоть как-то продолжать жить с тем, что есть.

Все подобные попытки объяснить состояние нашего мира обращаются не столько к фигуре Бога-Творца, сколько предполагают какого-то почетного далекого Бога, не имеющего никакой реальной связи с этим миром. Ученые сегодня все больше и больше открыты идеи Бога как Творца всей бесконечности Вселенной. Но даже их согласие тут не так уж и принципиально. Как говорил Павел Евдокимов, французский богослов русского происхождения: «Существование Бога нужно не доказывать, а испытать на опыте». И это не просто игра слов. Он примыкает здесь к утверждению Евагрия Понтийского, монаха IV века: «Никто не может быть богословом, если он не видел Бога». Увидеть Бога, испытать Его на собственном опыте! Это единственное подлинное познание Бога, далекое от просто философских теорий. Но то, что познали на опыте все мистики, это не столько Его непомерность и могущество, сколько Его любовь. Бог есть Абсолютная Любовь. А значит, Он не сотворил мира, наполовину пожиравшего ненавистью и страданием. От Него исходит только любовь. Опыт мистиков сегодня подтвержден свидетельством миллионов и даже десятков миллионов людей, которых на несколько мгновений считали умершими, которые на несколько секунд, а иногда минут заглянули за черту, но

потом вернулись обратно к жизни в нашем мире и принесли с собой необычный опыт того, что они пережили в состоянии временной смерти. Я собрал в своей книге целую антологию таких рассказов очевидцев: книга вышла и по-русски, она называется «Рассыпать умерших». Рассказы эти варьируются, но общая схема остается неизменной: встреча с невообразимой, абсолютной, бесконечной Любовью, не зависящей от наших действий. Ни малейшего упрека, ни малейшего желания унизить. Конечно, здесь же приоткрывается и весь тот путь, который еще предстоит пройти, чтобы достигнуть такой Любви, но нет ничего, кроме любви. Эти свидетели не могут найти убедительных слов. Они чувствуют себя «утопающими» в любви, «раздавленными» любовью. Рассказ книги Бытия передан неправильно. Бог никогда не изгонял нас от своей Любви! Это было бы самоотрицанием, отрицанием того, что составляет самую суть Бога. Такой Бог не создавал для нас покалеченный, изъеденный злом мир, словно ловушку, сделанную для того, чтобы посмотреть, как мы из нее выкарабкаемся. Он не ставит на нас опыты, подобные тем, что мы сами ставим на мышах. Испытания, ужасы этого мира происходят не от Бога. От Него не может происходить ничего кроме Любви, бесхитростной, нерасчетливой. Бог не играет с нами, нашими жизнями, нашими чувствами. Зло, существующее в мире сем, не может происходить от Него!

Вопреки тому, что рассказывают разные философы и даже богословы, Бог, Творец миллиардов галактик, отлично умеет сотворить мир без страдания и зла. Он это сделал, и миллионы тех, кто временно побывал за границей смерти, или мистиков, об этом свидетельствуют. Они видели или, скорее, заметили во время своего краткого опыта эти иные миры, полные гармонии, радости, без страданий, но также без ненависти, соперничества, без желания властвовать, без гордыни.

Тогда откуда же происходит зло? Почему мы еще не в этих прекрасных мирах? Проблема в том, что, чтобы жить в таких мирах, в этих мирах любви, нужно быть способными любить так же, как любят те, кто в них уже живет. Любовь не навязывает себя. Она может родиться только совершенно свободно. Потому что любовь – это единственная вещь, которую Бог не может сделать, Он не может ее сотворить. Он может только

ее вызывать, пытаться на нее навести, к ней вдохновить, подвести, но Он не может ее создать. Он мог бы сделать нас в тысячу раз умнее, способными считать лучше, чем самый мощный компьютер. Он мог бы сделать нас способными летать, как птицы, или даже пронзать пространство, как ракеты. Он мог бы создать нас такими, что нам были бы ни почем все вирусы, огонь и вода. Бог сумел создать цветы, миллиарды цветов, самых разных. Он даже сумел создать улыбку счастливого ребенка, а это, возможно, вершина творения. Но Он не может сделать нас машинами, способными любить. Эта загадочная сила, составляющая счастье святых, мистиков, тех, кто временно пересекал черту смерти, другой природы, отличной от всего остального. Роботы могут делать удивительные вещи, но они не могут любить. Бог ожидает от нас не механического повиновения роботов, ни даже покорности рабов или слуг, которые за это ожидают какого-нибудь воздаяния, может быть, повышения зарплаты или повышения в чине. Любовь столь чудесна, что даже Бог не может создать ее в нас, заставить появиться в нас без нашего участия. Он может подарить нам возможность приобщиться к Его Любви, любить вместе с Ним, в Нем, но для этого Ему нужно наше согласие. Любовь всегда предполагает полную свободу. Бог не хочет, чтобы Его просто терпели; Он хочет, чтобы Его звали, ждали, надеялись, жаждали. Если мы Его не жаждем, Его любовь не сможет нас осчастливить. Это значит, что мы можем либо принять Его любовь, либо отказать Ему в этом. Похоже, что мы все на этой планете еще не приняли по-настоящему, не возжелали Любви Бога.

Франсуа Варийон, цитируя слова Мориса Зюнделя, великого швейцарского мистика и духовного писателя, размышляет над тем, что такое любовь:

«Любящий говорит любимому: “Ты моя радость”, что означает: “Без тебя у меня мало радости”. Или: “Ты всё для меня”, что значит: “Без тебя я ничто”. Любить – значит хотеть быть через другого и для другого... Выходит, любящий больше всех будет беднее всех. Бесконечно любящий – Бог – бесконечно беден...

Любовь и желание независимости несовместимы, разве что на поверхности. Любящий сильнее всех будет самым зависимым. (Что немыслимо, если Бог не есть чистая Любовь,

то есть если мы позволим воображению просто представить любовь как один из аспектов Бога, а не как само Его бытие, столь же бесконечно насыщенное, сколь чистое. — Ф.Б.). Любящий говорит любимому: “Я не могу посмотреть на тебя свысока, не потеряв любви”. Если любящий в чем-то превосходит любимого, его любовь останется любовью лишь в акте отрицания собственного превосходства и уравнивания себя с любимым. Любящий сильнее всех будет смиреннее всех. Вот почему невозможно видеть Бога в истине Его существования иначе как через Христа, означенавшего Божественное смиление жестом умывания ног».

Я уверен, что многие верующие внутренне продолжают диалог с кем-то из тех умерших, кого они сильно любили при их жизни, или со своим ангелом-хранителем, Божией Матерью или даже с Самим Богом. Для меня чаще всего это разговор со Христом. Нет, я не сошел с ума, я знаю, что кто угодно мне может возразить, что это я сам по очереди задаю вопросы и даю на них ответы. И в чем-то это верно. Но святые и особенно мистики все это знали и все же практиковали подобные внутренние диалоги, и нередко потом дальнейший ход их жизни и определенные ее обстоятельства служили подтверждением того, что диалог этот был настоящим. Итак, со Христом, с Богом, я продолжаю внутренний диалог, и я чувствую, верю, что Он принимает меня и в самом деле мне отвечает. Более того, я очень хорошо чувствую, когда такие ответы даю я сам вместо Него. Когда я отвечаю сам, ответ звучит фальшиво. Тогда как с Ним я могу позволить себе все что угодно — шутить, говорить ерунду. Он настолько меня любит, что с Ним я могу делать и говорить что угодно... как ребенок со своим отцом или матерью, как с кем-то, кто останется со мной в любой ситуации, и не для того, чтобы меня контролировать, но чтобы меня оберегать, при необходимости даже от самого себя, как с кем-то, кто знает обо мне все, но тем не менее любит меня. Так любить Бога — значит участвовать в Любви, которой обмениваются друг с другом Три Божественных Личности. Все мистики, даже нехристианские, это понимали, но, конечно, не в тринитарном контексте, что понятно.

Итак, в глубине меня самого есть эта немыслимая свобода с Богом. Но речь тут идет не о какой-то уникальной приви-

легии. Бог любит вас всех одинаково, каждого из вас. Просто вы не осмеливаетесь в это поверить. Не думайте также, что, при вашем социальном положении, Бог не может заинтересоваться вами наравне с каким-нибудь влиятельным в обществе персонажем. Будь вы дворник или император, Бог любит вас одинаково, то есть бесконечно. Примите сполна то место в мире, которое дал вам Бог, и, взяв это за отправную точку, начинайте искать, чего же Бог ожидает от вас.

Каким бы невероятным это вам ни казалось, этот Бог, творец миллиардов миров, умирает от любви к каждому из нас. Он готов отдать Свою жизнь на кресте неисчислимое множество раз за каждого из нас, если это может помочь нашему спасению. Это еще в XIV веке утверждала английская писательница-мистик Юлиана Норвичская. Точно так же мы никогда не увидим в Боге ни гнева на нас, ни даже малейшей вспышки негодования, но только бесконечное страдание.

Бог любит нас бесконечно, что бы мы ни сделали, и когда Он прощает, то это всегда лишь для того, чтобы привести нас к Себе, никогда не для того, чтобы унизить. Все это хорошо прочувствовала француженка Габриэлла Босси, мистик прошлого века. Габриэлла не жила в монастыре, где уходят с головой в молитву. Она не основала никакой религиозной или благотворительной ассоциации. В ней не было ничего необыкновенного. У нее были художественные дарования: она писала небольшие пьесы, скетчи, для девичьих пансионов и сама делала к ним декорации и костюмы. Просто на протяжении всех этих занятий она все время вела внутренний, непрерывный диалог с Иисусом.

Вот как однажды, во время одного из таких диалогов, Он ее простили: «Расскажи боль твоих прегрешений, не столько потому, что они тебя запятнали, сколько потому, что они Меня ранили. Потому что у тебя было это грустное дерзновение ранить Богочеловека, отдавшего Свою жизнь за тебя. И ведь ты это знала. Ты через это переступила и прошла перед Его взглядом, с болью следившим за тобой, ты сделала то, что хотела, и чего Он не хотел.

Познай же эту муку — бесслезную муку — в том обновленном желании, которое поведет тебя к смиренной любви, к чувству собственного ничтожества. Тогда Я устремлюсь

к тебе, как орел, жаждущий схватить добычу и взмыть с ней вверх, и Я унесу тебя в уединенные аллеи запертого сада. Ты захочешь рассказать Мне о прошлом. Я закрою тебе рот рукой. Ты услышишь нежные слова Милосердия, которые растопят твое сердце».

Наши «прегрешения» не отрицаются, но их воспринимают не как «оскорблений», а как раны, нанесенные Божественной Любви, и Бог не хочет, чтобы мы заново мусолили прошлое, даже ради просьбы о прощении. «Я закрою тебе рот рукой».

Но, конечно, такая любовь предполагает безмолвное, но страшное ожидание такой же любви в ответ на свою. Прочувствовали ли мы, мы все, все Человечество, эту Любовь как чрезмерную, слишком давящую, слишком абсолютную и требовательную? Однако эта же Любовь умеет быть деликатной, терпеливой, скромной. Когда Бог склоняет нас к чему-нибудь, Он никогда не настаивает. Если мы Ему отказываем, Он тут же удаляется. Понаблюдайте за собой, внутри себя. Вы это почувствуете, при условии внутренней честности.

Когда же было отказано такой Любви? В самом начале сотворения человека, как в символическом рассказе библейской книги Бытия, который кардинал Ньюман представил в образе изначальной духовной космической катастрофы? Но мы знаем теперь, что на глубинном уровне реальности время не существует. Тогда, если зло оказалось столь могущественно в мире, то это, возможно, потому, что значительная часть этого мира отказывает Божественной Любви сегодня, сейчас, в каждый момент. Вероятно, нужно провести различие между причиной и последствиями. Последствия разворачиваются во времени. Их мы видим много, даже слишком много.

Но причина, она, как позволяет нам понять современная физика, может оказаться за рамками времени. Символический рассказ о первородном грехе Адама и Евы в Библии, вероятно, соответствует глубинной истине. На иврите «Адам» значит «человек». Мы все являемся Адамом. И если на уровне, недоступном нашим органам чувств, не существует времени, то невозможна и реинкарнация. Не может быть ни предшествовавшего воплощения в другом существе, ни последующей реинкарнации в новом облике.

Люди отказались войти в эту игру бесконечной Божественной Любви. Они потребовали себе права самостоятельно искать свое счастье. А мы уже заметили, что Любовь не навязывает себя.

Современная наука все больше и больше склонна признать, что дух и материя не составляют две стороны одной медали. Некоторые специалисты по квантовой физике, как Эмануэль Рансфор, австрийский физик, пишущий чаще всего по-французски, приходят к гипотезе «психоматерии» или «голоматерии».

Те, кому довелось читать мои книги, знают, что я придаю большое значение свидетельствам тех людей, кто уже окончательно пересек черту смерти и достиг мира иного, но кому удалось разными способами вступить в контакт с нами. Речь идет главным образом о текстах, полученных при помощи «автоматического письма», — термин этот обычно используется в эзотерике для обозначения соответствующего процесса. Получатель сообщения держит карандаш, но не сильно, только чтобы тот не упал, и невидимая сила начинает двигать карандаш между пальцами и писать слова, а затем и целые тексты. Сначала обычно это просто каракули, но постепенно они приобретают форму букв, а затем появляются и целые слова.

Эту область я достаточно хорошо изучил, литература по ней есть на всех языках. Есть, конечно, и по-русски. Я должен констатировать, что большая часть таких сообщений, не важно, на каком языке они получены — будь то на немецком или испанском, на английском или итальянском, — не содержат ничего интересного, как и сообщения на французском. Идет целый поток подобных «откровений», одни неправдоподобнее других, иногда просто неинтересные, а иногда опасные и даже очень вредные, большинство читателей подобных сообщений просто не в состоянии провести между ними хоть какие-то самые необходимые различия.

Однако некоторые из этого потока сообщений оказываются исключением и могут представлять порой даже очень большой интерес. Это, в частности, относится к сообщениям Пьера Моннье, юного французского офицера, погибшего в 1915 году на Первой мировой войне и отправлявшего сообщения своей матери вплоть до 1937 года. Эти тексты хорошо

известны под заголовком «Письма Пьера». Многие отрывки из них я приводил в своих книгах «Рассыпать умерших» и «Христос и карма» (обе они переведены на русский язык). Итак, 14 апреля 1920 года из мира иного Пьер Моннье объяснял своей матери: «Вы еще не умеете сочетать друг с другом проявления, которые кажутся вам диаметрально противоположными... Наука вскоре покажет вам материальность духовных эманаций и духовность материи, что в корне уничтожает границу между двумя мирами, несхожими во внешних проявлениях, но идентичными в сумме, поскольку материя и дух будут одним и тем же, просто явленным с разной степенью конденсации».

Если дух и материя и в самом деле так близки, одно предполагает другое, то мы лучше сможем понять возможность перехода тела Христова от плотского состояния к состоянию духовному, и даже наоборот, поскольку доминирующими оказывается то материя, то дух, чем и объясняются различные Его явления в нашем мире, например, когда Он предстал Марии Магдалине, путникам по дороге в Эммаус, в горнице при закрытых дверях, или рассказ в конце Евангелия от Иоанна о том, как Христос на берегу озера ждал рыбачивших апостолов, вплоть до сцены Его Вознесения. Все эти взаимо-переходы от телесной явленности в материи до исчезновения в мире ином, мире духа, не так уж и необычны, таким переходом от нашего материального, плотского мира в мир духовный будет и Христово Воскресение, а иногда возможны и обратные феномены, как, например, во время некоторых явлений Христа в этом мире.

Нетрудно тогда понять и то, что наши мысли, наши чувства тоже могут воздействовать на мир, в котором мы живем. Структура этого мира зависит от творческой силы Бога, которая не что иное, как сила Любви, но также и от силы наших мыслей и наших чувств, а в них, конечно, уже не только любовь. Очень часто ими правит зависть, ненависть, движет гордыня. И все-таки мы не полностью испорчены. Мы способны и на чуточку любви. Но посреди нас присутствует великая сила Любви, то есть сила Христа, с нами и, конечно, в нас. Но точно так же, посреди нас и в нас, есть и сила ненависти и гордыни, тоже довольно мощная. Предание дало ей имена: Сатана, Люцифер, дьявол, черт.

Позвольте еще раз процитировать Пьера Моннье: «Итак, братья, войдите в самих себя и посмотрите, из-за какого бегства ваша душа потеряла силу. Великая рана появилась от вашего эгоизма, родившегося от гордыни, главной движущей силы греха на земле. Князь мира сего, дьявол, — это сама гордыня, именно он толкает людей на путь погибели с помощью пагубной лести, разрушающей душу».

Бросим взгляд на историю мира. Вы быстро поймете, что часто к массовым убийствам и катастрофам толкала народы безумная гордыня, будь то гордыня Наполеона, Гитлера или стольких других!.. Но одни эти подверженные гордыне деятели ничего не смогли бы сделать, если бы их безумие не разделили с ними целые толпы людей, захваченных все той же гордыней.

Счастье любить Бога! Мы уже хорошо знаем счастье быть любимыми Богом. Легко согласиться, что чувствовать себя любимыми Богом так чудесно, что это опыт, полный радости. Эта любовь может иногда проявляться с чрезмерной силой, порой даже похожей на насилие, о чем свидетельствуют все мистики, испытавшие эту Любовь в своих экстазах, а также те, у кого был опыт околосмертных переживаний. Они чувствовали себя «затопленными», «подавленными» любовью. Но это был очень краткий, почти мгновенный опыт. После него остается воспоминание о пережитом, но само это чувство не длится. Однако, воспоминания об этом исключительном опыте могут быть основанием для того, чтобы потом всю жизнь искать Бога. Они действуют, как ностальгия, прекрасное и ужасное чувство.

Но чаще всего Бог дает почувствовать Свою Любовь очень простым способом, в чудесной нежности. О! Конечно, в мире сем существуют удовольствия и радости более сильные и великие, как радость разделенной любви или любовь к ребенку, которому все можно дать. Но в той любви, которую с такой нежностью порой дает нам почувствовать Бог, есть столь необычная чистота, какую не найти ни в каких наших земных любовях, и счастье это растет постепенно, по мере нашего ответа. А значит, оно может превзойти любое земное счастье.

Но это счастье чувствовать себя действительно любимыми Богом тоже не всегда и не всем даровано. Сколько верующих,

подлинно верующих людей, молитвенных и щедрых, его не познали. Хотя от этого они не менее любимы Богом. Но Бог каждому дает по его надобности, в зависимости от личного продвижения по духовной лестнице, но также в зависимости от миссии человека в той среде, в которой он живет.

А еще, чтобы испытать Божественную Любовь, нужно открыть Богу свое сердце. Многие мужчины и женщины живут наподобие сомнамбул. Они работают, развлекаются, стараются забыться и никогда не задаются вопросом, зачем они в этом мире, не хотят узнать, что ожидает их после. Похоже немножко на сказку, словно бы злой волшебник коснулся их волшебной палочкой, и не для того, чтобы усыпить их на сто лет, как в «Спящей красавице», а чтобы превратить их в движущиеся и вроде бы пробужденные, но так и не пришедшие в сознание фигуры, в «живых мертвецов» или «зомби», как в некоторых фильмах ужасов. Но да, все так и есть, и этот злой волшебник, который всеми способами пытается заставить нас отвернуться от самого главного, это сатана, всеми способами пытающийся извратить творение Божие, особенно самую тонкую и значимую его часть – человеческое сердце.

Важно продумать и понять, что Бог никоим образом не отвечает за то зло, которое пожирает и убивает Его творение. Он не виноват! Даже наоборот, Своим Воплощением Он пришел разделить с нами нашу нищету и помочь нам из нее выйти. Он стал жертвой с нами и за нас. Он действительно способен все это понять. Для себя лично я потратил ценные годы на то, чтобы объяснить полную невиновность Бога в том зле, которое непрестанно разрушает мир то в одном, то в другом месте. Умом я это осознал и в самом деле в этом убедился. Но каждый раз, как только предстают передо мной новая трагедия, новая чудовищная жестокость, новый кошмар, я чувствую, как во мне поднимается новое, глухое, не артикулируемое до конца, но неуничтожимое обвинение против Бога, которое я напрасно пытаюсь в себе подавить. Почему Ты это допустил, почему не вмешался прежде? И пока мы не придем к убеждению в полной невиновности Бога, мы не сможем действительно Его полюбить. Перед каждым новым кошмаром, которые все множатся и множатся в мире, я знаю, что Бог страдает от этого больше меня, потому что любит больше меня и потом что страдает непосредственно в страда-

ющих людях. Нужно все это не просто понять умом, но психологически пережить в глубине души. Нужно пропитать этой убежденностью свое подсознание, чтобы это зловещее обвинение против Бога не поднималось из глубин нашего сердца. Тогда мы сможем познать великое счастье, тогда мы сможем отдать себя сполна Божественной любви, наслаждаться счастьем быть любимыми Богом даже в сердцевине страданий этого мира. Но тогда мы сможем постепенно прийти к еще одной радости, несомненно, новой для большинства из нас, радости, которая станет настоящей поддержкой во всех испытаниях нашей жизни: к счастью любить Бога.

Потому что бывает счастье, еще большее, чем счастье быть любимыми Богом: любить Бога. Мистики испытывали и это тоже, и они знали, что Бог радуется этому. Каким бы невероятным это нам ни казалось, Бог, творец миллиардов миллиардов миров, смиленно ждет у наших дверей, когда мы откроем Ему дверь своего сердца, когда мы Его полюбим. Это безумие, правда! Сделать Бога счастливым, полюбив Его! Но омовение ног, о котором вспоминает отец Варийон, это то же самое. Такая задача обычно дается жене хозяина дома. Ее могут возложить на рабов-чужеземцев, но не на рабов-евреев, иудеев, как и сам хозяин. Об этом говорит одна деталь: Иисус сначала, взяв полотенце, препоясался, а затем этим полотенцем вытер ноги Своим ученикам, служа им, как раб, как говорят об этом специалисты. Вот какова сила этого жеста! Бог занимает рядом с нами, при нас, положение раба-чужеземца, того, с кого могут потребовать все что угодно, даже самую унизительную службу. Этот эпизод нам рассказывает евангелист Иоанн в том самом месте, в каком все остальные евангелисты говорят лишь о последней пасхальной трапезе Тайной Вечери с учреждением таинства Евхаристии. Но для евангелиста Иоанна, который один рассказывает нам этот эпизод, он очень важен. Бог, творец миллиардов миллиардов миров, показывает нам этим жестом, что Он готов опуститься на колени перед каждым из нас, чтобы омыть нам ноги. Я не пускаюсь в домыслы, лишь разъясняю, что значит этот эпизод из Евангелия от Иоанна. Иначе зачем бы он рассказал эту сцену? Это снова безумие! Мы не можем даже вообразить всю силу такой Любви. Это превосходит нас! Да, конечно, Бог бесконечен и всемогущ, но это бесконечность Любви.

Такую любовь понемногу начали еще не понимать, нет, но испытывать на себе святые и те, у кого был опыт временной смерти.

Счастье любить Бога! Его можно измерить, сопоставив с несчастьем тех, кто Его познал, а потом внезапно потерял. Этого счастья более не испытывала мать Тереза Калькутская, святая Тереза, ныне канонизированная Католической церковью. Она не потеряла веру в существование Бога, что ей порой приписывают, но не испытывала больше никакой любви к Богу. Она произносила слова любви на литургии или в псалмах, но эти слова больше не имели для нее эмоционального веса, они были столь же пресны, как записи телефонной книги или расписания поездов. Ужасная потеря! Жуткое испытание! Не потому, что она заслужила это в глазах Божиих. Но бывает так, что Бог хочет приобщить Своих святых к Своим Страстям, дать им разделить с Ним распятие, как это было со святым Франциском или падре Пио, или Свое одиночество на кресте, как это было с другими.

Из любви к нам Он нас сотворил. Он хочет чувствовать, что мы счастливы этим, и если мы действительно счастливы Еgo Любовью, Он это узнает по ответу нашей любви. Такое ожидание Бога прочувствовали многие мистики. И все они были этим удивлены, ошеломлены.

Но иногда Бог идет еще дальше. Он требует нашей любви, выпрашивает ее, Он почти умоляет. Так, у Габриэллы Босси: «Ты всегда удивляешься Моей Любви? Да, это безумие Бога. Это важное объяснение. Просто верь в эту Любовь Всемогущего Существа, отличного от вас... Покорись этой любви и проси благодати. Возьми Мою Любовь, чтобы любить Меня». Речь тут и в самом деле идет о Всемогущем существе, но «отличном от нас».

«Странно, не правда ли, что тварь может утешить своего Бога! Моя любовь опрокидывает роли, как новое средство для вас, как нежная защита, которую вы можете Мне дать». Зюндель и Варийон хорошо поняли такое «опрокидывание» ролей, которое предполагает истинная Любовь.

«Не оставляй Меня!.. Я, как наполненный страхом ребенок, который умоляет не оставлять его одного... Я вижу ад отверстым, и Я один должен отражать его происки – молись вместе со Мной!»

Последний текст кажется уже превосходящим всякую меру, но не стоит забывать, что Своим Воплощением Христос теперь в каждом человеке, а значит в сердцевине всех ужасов человечества, всех пыток всех концентрационных лагерей во всех странах. Борьба между добром и злом, между любовью и гордыней разворачивается в каждом из нас, борьба между Христом и дьяволом. От нас зависит, к какой стороне мы примкнем, с кем рядом хотим сражаться.

Вы тоже можете вести в Богом внутренний диалог всю свою жизнь, сквозь все обстоятельства вашей жизни, пытаясь исполнить волю Божию, Его замысел о вас. Это первый способ любить Бога.

Примите сполна страну, в которой вы родились, ее языки. Примите свое социальное положение. Возможно, вы сможете исправить все это в зависимости от обстоятельств и по воле Божьей. Я родился в верующей католической семье. Я стал священником Католической церкви, а в конце долгого пути стал православным священником. Самое главное – это то, что происходит в вашем сердце. Это влияет на судьбы мира, будь вы дворник или император, неважно. Главное – любить Бога и искать исполнить Его волю.

Но любить Его значит также, что мы пытаемся вызвать у Него ответное чувство и сделать то, чего Он ждет от нас. В этом некоторые из нас, под влиянием сатаны, Ему отказывают. При этом происходит как бы постепенное усовершенствование сознания. Сначала мы делаем то, чего Он ждет от нас в самых важных вещах, но делаем то, что нравится нам самим в том, что нам кажется второстепенным. Но в Любви важно все. Любовь Бога чудесна, но она также требовательна. Он дает все, но и хочет всего. Итак, нужно постепенно учиться приводить к совпадению то, что любит Он, с тем, что любим мы. Это обращение сердца, замена ветхого человека новым, о которой говорит апостол Павел.

Чтобы прийти к такому совпадению воли Божьей с нашей волей, нужно постепенно привыкнуть делать все, что мы делаем, с Ним, для Него, даже если речь идет о самых незначительных вещах. И тогда это счастье любить Его станет все более и более постоянным, все более и более интенсивным, потому что это будет уже участием в той Любви, которой Бог любит Себя Самого, Любви внутри жизни Святой Троицы.

Итак, столь долго, насколько Бог вас этим одарит, развивайте в себе это счастье любить Бога, развивайте ради вашего собственного счастья, но и ради еще большего счастья, огромного счастья Бога, того счастья, которое вы даже не можете вообразить и которое Он испытывает, любя вас и чувствуя в ответ вашу любовь, потому что Его любовь отлична от нашей!

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

*К 145-летию со дня рождения
Н.А. Бердяева*

Татьяна Викторова

**В поисках свободы:
две Франции Николая Бердяева**

«Моя философия есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви», – определяет свое творческое кредо Н.А. Бердяев в автобиографии «Самопознание», написанной на склоне лет¹. Слово «свобода» оказывается в центре его вселенной, подобно сердцу, определяющему ритмы ее бытия.

Это утверждение свободы на протяжении всей его жизни связано с борьбой, которая ведется Николаем Александровичем с первых сочинений, написанных в России, и за которые он расплачивается именно лишением свободы в ее обыденном понимании: ссылками вглубь России, а затем и высылкой из России. На Западе – казалось бы, в царстве свободы – он видит воплощение программы Великого Инквизитора и являет ее подлинную суть в докладах, прозвучавших по всей Европе, статьях, написанных в его рабочем кабинете в Кламаре, где он умер за письменным столом с пером в руке, упав лицом на открытую рукопись.

В этой необъятной теме я остановлюсь на французском периоде его творчества, самом плодотворном, когда сбываются пророческие слова его духовника отца Алексея Мечёва, сказанные при отъезде Бердяева из России: «Ваше слово должен услышать Запад»². Творчество, которое пытались задушить в стране, где, по словам Бердяева, «воцарилось рабство духа», получает новое и неожиданное продолжение во Франции, осознанной второй родиной, «царстве еще очень несо-

Кабинет Н.А. Бердяева в его доме в Кламаре

вершенной свободы» (С. 327), но которая оставляет возможность говорить о ней и искать ее, в частности, в дискуссиях с французскими философами, католическими и протестантскими богословами.

В ходе знакомства с этой «интеллектуальной» Францией Бердяев открывает для себя и другую, «духовную» Францию, которая обретает черты при чтении Леона Блуа, в ходе знакомства с Жаком Маритеном, Эммануэлем Мунье, создателем журнала *Esprit* («Дух»). Бердяев чувствует свою мысль все более востребованной: в отдельных европейских кругах после его выступлений прямо говорят о необходимости русской религиозной мысли для оживления схоластического западного богословия, окаменевшей в позитивизме философии.

Сама личность Бердяева притягивает, как яркое воплощение его идей: «Общаясь с ним, мы все постоянно чувствовали, что его личность – это не “абстрактный индивидуум”, а неповторимое Божье творение», – выражает в нескольких словах самую суть бердяевского персонализма американский миссионер Пол Андерсон³. Но это влияние, быть может, еще более ощутимо в последующих поколениях, которые знакомы с Бердяевым только по его книгам, как можно проследить по сочинениям философа Бриса Парена, историка Поля Рикера, богослова Оливье Клемана. Недавний коллоквиум РХД «Николай Бердяев, русский философ в Кламаре» в ноябре 2018 года объединил французских историков (Антон Аржа-

ковский), профессоров Католических университетов (Franc Damour, Gérard Lurol), антропологов (Michel Fromaget), богословов (Bertrand Vergely), православных священников (Philippe Dautais) и монахинь (Людмила Верховская), каждый из которых засвидетельствовал о вдохновляющей силе его мысли.

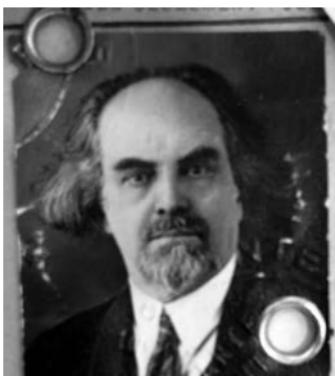
Сосредоточимся на трех формах этого продолжающегося поиска свободы – в прямой полемике, позволявшей услышать бердяевский голос в *споре* с политиками и историками Франции, в частности с Анри Массисом; далее, в *диалоге*, касающемся самой сути бердяевского экзистенциализма, с французским философом Жаком Маритеном; наконец, в *творческом восприятии* его идеей богословом Оливье Клеманом, ощущившим с русским философом духовное родство.

Это позволит нам проследить бердяевскую мысль в динамике, согласно ее основному импульсу, а также почувствовать многогранность Бердяева как «свободного философа», как он называл себя сам, подчеркивая, что он «не политик и не богослов»⁴, однако, как увидим, вдохновлял и тех и других, подобно свободному художнику, дух которого веет где хочет. Сосредоточенность на отдельных фигурах этого диалога позволит нам остаться верными бердяевскому персонализму, где каждая личность раскрывается в общении с другой, «интеллектуальная» и «духовная» Франции возводятся при его деятельном участии.

Встреча с «интеллектуальной» Францией: свободный по рождению

Прежде о встрече с «интеллектуальной» Францией. Бердяев подготовлен к ней уже своим рождением: его бабушка по материнской линии, графиня Шуазель (Choiseul), была француженкой; мать получила французское воспитание, в ранней молодости жила в Париже и писала исключительно по-французски. Бердяев вспоминает, что, «будучи православной по рождению, она чувствовала себя более католичкой и всегда молилась по французскому католическому молитвеннику своей матери» (С. 13). Бабушка по отцовской линии, урожденная Бахметьева, была православной монахиней. Одно их ярких впечатлений детства Николая – ее похороны по монашескому обряду,

когда монахи Киевско-Печерской лавры «пришли и сказали: «Она наша»» (С. 13–14). Так сплетаются в его мировоззрении культура и вероисповедания, аристократизм (в семье говорили по-французски) и аскетизм, перемноженный к тому же на либерализм отца, в библиотеке которого Николай открывает для себя европейских просветителей и упоенно читает Вольтера. Так, еще в России он чувствует себя человеком западной культуры, объясняет свою «рассудительность» «французской кровью» (С. 142) и увлеченно постигает немецкий идеализм. Высылка за границу – из мучительной ссылки (ставший легендарным «философский пароход» семья Бердяевых, среди других 25 ссыльных, должна была нанять сама (С. 286)) становится опытом «трансцендирования», почти возвращением на забытую родину. Положение иностранца видится ему по преимуществу творческим состоянием (С. 310), к которому он вполне готов (см. фото, сделанное в комиссариате при въезде во Францию). Это – почти вызов, ощущение себя повсюду «своим», подобно русскому европейцу Достоевского: «Я во Франции – француз, с немцем – немец... и тем самым наиболее русский»⁵.

Н. Бердяев при въезде во Францию.
Архив РСХД (Париж)

Свободная трибуна в эмиграции

Эта открытость востребована, а активная помощь Американского союза молодых людей (YMCA), в частности Пола Андерсона и Джона Мотта, позволяет не только продолжить культурную работу в эмиграции, но и воплотить давние мечты. В 1922 году в Берлине Бердяев открывает Религиозно-философскую академию, в продолжение московской Вольной духовной академии, деятельность которой послужила причиной его высылки. При ней издается журнал «Путь», по подобию «Нового пути», объединившего в дореволюционном Петербурге участников собраний «башни» Вячеслава

Иванова, в котором обсуждалось пробуждение в России русской религиозной мысли. Многие из участников этих споров оказались на Западе и стали авторами нового журнала, отныне — в диалоге с Жаком Маритеном, Паулем Тилихом (Paul Tillich), Сидне Лесли (Sidney Leslie Ollard).

Искренняя вера американских друзей в силу русской мысли и в необходимость передать ее Западу, как живительный источник, приводит к созданию русской секции в издательстве «ИМКА-Пресс», где Пол Андерсон доверяет ведущую роль директора «русской ИМКИ» Николаю Бердяеву, «самому нужному и самому творческому ее сотруднику»⁶. 1920–1940 годы, названные впоследствии «бердяевскими», приносят издательству европейскую известность, а изданным в нем русским книгам (600 изданий за 20 лет!) мировое призвание, способствовавшее их переводам на иностранные языки. Бердяевским книгам в этом процессе вновь принадлежит первенство: первая встреча с представителями католического издательства *Sheed and Ward* на Монпарнасе, устроенная Андерсоном, влечет за собой издание его книг о русской революции в англоязычном мире⁷. Французские переводы его книг появляются почти тотчас после их написания⁸, и порой Бердяев больше доволен их французским звучанием. (Так, например, он считал, что заглавие «*Esprit et Liberté*» точнее отражает идею книги «Философия свободного духа».) Уже при жизни Бердяев переведен на четырнадцать языков, в «Самопознании» он вспоминает о своих почитателях в Чили, Мексике, Бразилии, Австралии, «не говоря уже о странах Европы» (С. 317).

Одиночество «свободного философа»

Однако со страниц его автобиографии сквозит чувство разочарования и непонятости. Он чувствует отчуждение в среде эмиграции и сам сурово настроен к ней, в особенности к эмиграции правого уклона, ибо «свобода мысли в ней признавалась не более, чем в большевицкой России» (С. 287). Но он «мучается» и «торопится уехать» и со съездов РСХД, что объясняет его столь малое присутствие в известном документальном фильме, отразившем яркие эпизоды нескольких съездов движения⁹. На снимке съезда 1933 года Н.А. Бердяев занимает место среди «отцов» Движения, в первом ряду

Съезд РСХД 1933 г. Слева направо (ряд сидящих): Н.А. Бердяев,
Джон Мотт, митр. Евлогий, прот. Сергей Булгаков.
Архив YMCA-Press (Париж)

с Дж. Моттом, митрополитом Евлогием, о. С. Булгаковым. Вместе с тем, он – независим; у него – свое «место», свое достоинство; легко представить, с каким рвением он защищает свои идеи. Он вспоминает, что движенцы 1930-х годов считали его «модернистом, вольнодумцем, еретиком» (С. 297). «Мое имя даже стало одиозным в новом поколении движения. «Бердяевщиной» стали называть ненавистные модернистские, еретические, свободолюбиво-левые уклоны. Кружки Движения стали вырабатывать идеологию православного государства, идеологию для меня отвратительную» (С. 298). Нетрудно догадаться о его репутации в собственно православных кругах, несмотря на поддержку и открытость инакомыслию со стороны митрополита Евлогия. Бердяевской свободолюбивой натуре тесно в каких бы то ни было «кругах»: «Я более всего дорожил независимостью и свободой мыслителя и ни для какого лагеря не подходил» (С. 290). Со страниц его автобиографии вырисовывается ибсеновский образ одинокого мыслителя: «Я воспеваю свободу, когда моя эпоха ее ненавидит... я ценю аристократическую культуру, когда эпоха ее низвергает; наконец, я исповедую эсхатологическое христианство, когда эпоха признает лишь христиан-

ство традиционно-бытовое. И я чувствую себя обращенным к векам грядущим» (С, с. 299–300). В этих словах есть и что-то пушкинское: «И в мой жестокий век восславил я свободу...» Трагедия изолированности и разрыва с РСХД отчасти может быть понята из примера матери Марии, упоминаемой Николаем Александровичем среди верных друзей (С. 320). Она также пишет в своих записных книжках, что чувствует «стену в основном» и ищет свой путь вне Движения. Как и в случае Бердяева, это личный путь обретения и воплощения *свободного* творчества, которым становится для нее собственное объединение «Православное Дело».

На коллоквиумах в Pontigny и Union pour la Vérité (Союза во имя Истины), собирающих цвет западной интеллигенции, куда он сам приглашен в качестве почетного докладчика, он также чувствует «всегда же невозможность сказать людям главное так, чтобы они восприняли» (С. 309). В нем видят того, кого хотели бы видеть: «выразителя русского православия». С горечью Бердяев отмечает, что по-настоящему его идеи были поняты лишь философом враждебного направления, немецким католическим священником (С. 316). Не оттого ли, что он почувствовал в нем «индивидуального христианского философа» (С. 303), каковым тот и был?

Сухость построений западных оппонентов, эстетизм, заменяющий постановку подлинно экзистенциальных вопросов философии их «культурными отражениями»¹⁰; попытка «рационализировать» тайну Христа чужды бердяевскому «западному» уму, однако, сохранившему русскую «всеотзывчивость» и склонность к мистицизму (обогащенному помимо этого немецкой идеалистической философией, в незнании которой он упрекает французских собеседников). Но более всего он разочарован в католицизме. Он признает его духовные высоты, взятые католическими богословами, его способность выстоять в эпоху Возрождения, реформ

Н.А. Бердяев (справа)
на декадах в Понтини
(Pontigny)

и революций. Но католицизм, с которым Бердяев реально сталкивается в 1930-е годы XX столетия, поражает Бердяева своим сходством с программой Великого Инквизитора. Для автора книги «Мировоззрение Достоевского», в которой он дает всесторонний анализ *Легенды Достоевского*, очевидно, что Великий Инквизитор отныне реально царит под именем Римской католической церкви и идеи государственности, обожествленной в западной цивилизации.

Спор с Анри Массисом

Последняя становится предметом его суровой критики, как можно проследить по полемике, которую ведет Бердяев на одном из заседаний Франко-русской студии, собирающей в 1930-е годы представителей французской интелигенции и русской diáspоры. Инициатива принадлежит Марселю Пеги, сыну знаменитого французского поэта, вдохновившего на замечательные строки многих русских эмигрантов, в частности, Г.П. Федотова, К.В. Мочульского, самого Бердяева¹¹. На заседаниях Франко-русской студии присутствовали среди других Андре Мальро, Франсуа Мориак, Поль Валери и, с русской стороны, Георгий Федотов, Борис Зайцев, Марина Цветаева, Владимир Вейдле. Вечера были посвящены отдельной теме, одинаково интересной обоим «сторонам» (русский и французский символизм, духовное возрождение во Франции и России начала XX века, Восток – Запад...), и строились вокруг двух больших докладов, с русской и французской «точек зрения». Венчали вечер дискуссии, которые записывались. Эти собрания представляли собой, по словам их организатора Всеволода Фохта, «свободную трибуну», на которой «встречались личности, которых иначе трудно было представить в одном зале»¹².

Бердяеву предложили выступить на заседании «Восток и Запад» в 1930 году в связи с французским переводом в 1927 году его книги «Новое средневековье»¹³. В этой книге Бердяев уподобляет увиденные на Западе последствия Первой мировой войны крушению античного мира и предсказывает наступление эпохи, похожей на Средневековье, с характерным для нее пробуждением духа, которая вместе с тем существенно отличается от нее степенью развития

человечества. В этих условиях, когда Запад и Восток соприкасаются особенно тесно, Европе предстоит отказаться от положения монополиста культуры; центром мирового внимания становится Россия.

Оппонентом должен был выступить публицист и философ Анри Массис, известный своими националистическими настроениями, автор книги «Защита Запада», появившейся в том же 1927 году. Обе книги изданы Жаком Маритеном в коллекции *Le Roseau d'or*. Обе говорят о «закате Европы», предсказанном Шпенглером, как свершающемся ныне на глазах. Но для Массиса этот «закат» — явление временное, он агрессивно утверждает дух сопротивления западной цивилизации против надвигающейся «угрозы с Востока» в пользу союза Германии с восточными державами. Для Бердяева причина распада мира — в западной цивилизации, порвавшей с живительной силой Восточной церкви, византийской традиции и позволившей восторжествовать Великому Инквизитору, предав «дар Божественной свободы». Это наблюдение основано на реальном опыте пребывания во многих странах Европы — Англии, Германии, Австрии, Швейцарии, Голландии, Бельгии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Латвии, Эстонии. «Некоторые из этих стран уже не существуют на карте Европы», — добавляет к этому перечню Бердяев в 1946 году (С. 309).

Столь радикально противоположные позиции объясняют выбор докладчиков для этой встречи, но и факт того, что Массис в итоге... не пришел на нее, оповестив собравшихся в последнюю минуту письмом, что «высказал свои мысли на бумаге и не видит необходимости для их публичного обсуждения, ибо вовсе не намерен их менять»¹⁴.

Для Бердяева, напротив, возможный спор — почти важнее написания книги (формой изложения которой он впоследствии был недоволен, упрекая себя в схематизме отдельных положений и сокрушаясь, что Запад его знает главным образом по ней). Открытый спор — возможность уточнить отдельные мысли, которые, по его мнению, возгораются в полемике и обретают способность воспламенить других. Только так «защита» — Востока или Запада — может стать действенной, и пламень его речи действительно зажигает аудиторию, как можно проследить по стенограмме дискуссии.

Это не означает, что все принимают его сторону, — Марсель Пеги и Жан Максанс, друзья и соратники Массиса, поддерживают отсутствующего автора; отдельные голоса с русской стороны звучат отнюдь не в унисон с Бердяевым. Но именно в этом, по Бердяеву, проявляется дар «свободы, а не необходимости» следовать или отстаивать по-настоящему свое, независимо от причастности к нации или идеиному направлению (С. 327). Так неожиданно появляются голоса в защиту Бердяева и его идеи миссии «Востока» с французской стороны, в частности, от Жака Маритена, который, солидаризируясь с Бердяевым, цитирует в этом смысле собственные книги, *Docteur Angélique* и *Primauté spirituelle*, где утверждает ответственность Запада за нынешние страдания в мире.

Открытие «духовной» Франции Духовные очаги Франции: между Кламаром и Медоном

Эта поддержка вырастает, в случае с Жаком Маритеном, в многолетнюю дружбу. Они к тому же — соседи и регулярно встречаются по воскресеньям в бердяевской вилле в Кламаре, завещанной Бердяеву одной из его «фанатических слушательниц»¹⁵, которыми русский философ был окружен вследствие его исключительного ораторского дара. Чаепития в этом доме напоминают американцу Андерсону «французский салон»¹⁶ и собирают действительно цвет парижской интеллигенции. Встречи продолжаются у Маритена в Медоне, расположенному неподалеку, дом которого в свою очередь становится центром франко-русских встреч во многом благодаря его супруге Раисе, русского происхождения. Друзья дома — Марк Шагал, Жан Кокто, Артур Лурье; здесь Бердяев знакомится с Габриэлем Марселеем и Эммануэлем Мунье и обсуждает с ними первые выпуски журнала *Esprit* («Дух»), которой видится для него первым земным воплощением «духовной» Франции. Маритен во всем противоположен Николаю Александровичу: «свирипый критик модернизма», он «вовсе не оратор и не спорщик», и даже имеет, в отличие от самого Бердяева, «черты сходства с русским интеллигентом» (С. 305, 307). Однако оба — рыцари духа, и для

Бердяева, благодаря их общению открывается та сокровенная Франция, к которой все больше склоняется его душа: Франция «страдающая и светоносная», в ее чаянии открыть божественную тайну, которую он предчувствовал и ранее, читая «Цветы зла» Бодлера, «Мудрость» Верлена и в особенностях произведения Гюисманса¹⁷. Уже в «Философии свободы» в 1911 году Бердяев пишет, что автор романа «Наоборот» должен был или покончить с собой, или пасть к подножию Креста. Русский мыслитель видит в этом начало религиозного возрождения, возможной новой христианской эпохи, той, что предчувствована в «Новом средневековье», начинается ныне в Кламаре и Медоне и должна привести к «восходу» (а не «закату») Европы, утвержденному в знаменитом сочинении Шпенглера.

Общение Маритена и Бердяева продолжается в переписке, как если бы было невозможно дождаться очередного воскресенья, и мысль просилась на бумагу. Они посыпают друг другу свои книжки, осознавая, насколько разнятся их мысли по самым сущностным аспектам бытия.

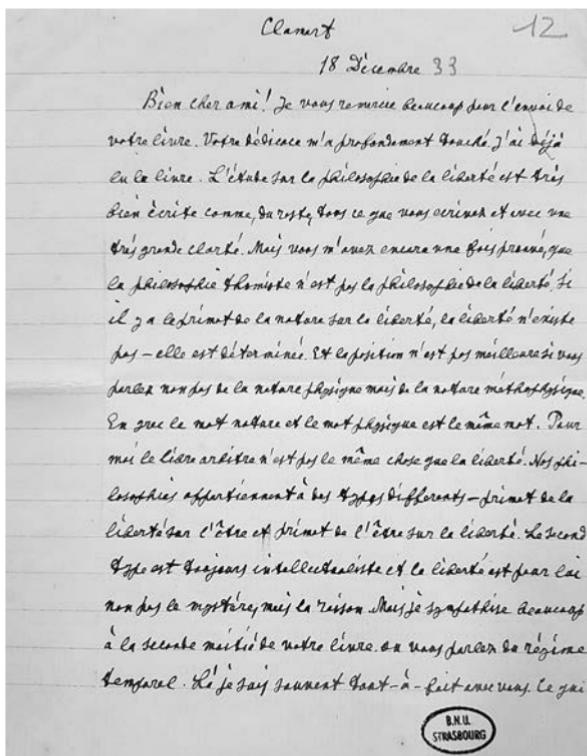
В вопросе о свободе, напряженно обсуждаемом в декабре 1933-го, разногласия особенно велики. Маритеновская философия томизма для Бердяева – не философия свободы, поскольку свобода в ней не существует как данность, она предопределена¹⁸. Это философия, ставящая бытие выше свободы, тогда как, для Бердяева, человек не ограничен бытием, он может превзойти его именно *благодаря* данному ему дару свободы. Вместе с тем эта свобода ему не принадлежит, пре-восходя человека. Бердяев осознает, что это составляет его трагедию – и трагический характер его собственной философии: свобода неподвластна человеку, мир зиждется (или качается!) на иррациональном принципе.

Эти мысли могут напомнить о «страшной свободе моей», открытой Кирилловым Достоевского, доводящей его до самоубийства. Маритен тонко чувствует этот возможный исход и отвечает, что такое понимание означает для него не философию свободы, а ее разрушение, и по пунктам отвечает на упреки в интеллектуализме, который для него – единственный способ устоять в этой хаотичности мира. «Я не вижу возможности быть христианином вне этой концепции реальности и истории. Евангелие обращено к разуму и говорит о том,

что в основе всего лежит Логос, оно говорит о реальности вещей»¹⁹.

От спора к диалогу

Это — уже не спор, это — интеллектуальный диспут. Интересно то, что собеседники в его ходе почти меняются местами: по почерку можно проследить большую упорядоченность мысли Бердяева, тогда как томистские аргументы Маритена словно ищут формы (см. фото на с. 71), как если бы свободная мысль не хотела тотчас стать выстроенной цельной фразой. Со своей стороны, при всей горячности и любви к «русским спорам», более глубокий и высокий ха-

Письмо Н.А. Бердяева Жаку Маритену. 18 декабря 1933.
Фонд Жака Маритена. Страсбургская научная библиотека

47
S'entendre avec

Télemacon)
Il y a un moment de la liberté où
(ceux appelle les "Télemaques") est le plus fort
l'âme en ce sens que la liberté qualifie
l'âme spirituel, quelque est au plus haut
degré de l'âme, et que la liberté
est comme un fruit de l'âme.
De l'intelligence et de l'amour
Mais l'âme n'est pas racine primordiale
de temps immémoriaux -
et en ce sens il y a un réel
de l'âme
de l'âme mais la liberté
qui par la force de l'âme
On ne peut mal dire à la fois
d'un bon; ~~et cela est effectivement~~
non "optimisme" couple ~~réalités~~
~~de réelles non la collaboration~~
~~merveilleuse du bonheur -~~

*Письмо Жака Маритена Н.А. Бердяеву. 23 декабря 1933.
Фонд Жака Маритена. Страсбургская научная библиотека*

рактер которых Бердяев утверждал словом и делом (С. 182), он принимает этот новый, «французский» стиль спора, до этого слишком поспешно названного бесстрастным и «безволевым»²⁰. Отныне он находит возможность выразиться на языке другой культуры, открывая для себя возможности диалога – спокойного и взвешенного анализа мысли другого, а не собственного поспешного стиля, когда, по его свидетельству, «возражения мне приходят в голову даже раньше, чем собеседник успел кончить» (С. 307). Это позволяет ему и признать, что «общение между нами было плодотворно» (С. 306), при серьезнейших идеологических несогласиях, в отличие от России, где расхождения во взглядах чаще всего означают разрыв. Дискуссии в Понтины отныне – не отсутствие духовной глубины, а побуждение к свободе мысли.

Этот опыт позволяет Бердяеву сформулировать новую этику персонализма²¹, где «индивидуальному» все более и более противостоит узнавание в другом его неповторимости, его *свободного права быть другим*.

Так возникает почва для более глубокого восприятия бердяевского персонализма во Франции, в той форме, в которой он может быть воспринят и отвечает вопрошаниям французской молодежи круга «*Esprit*» и «*Ordre Nouveau*» (С. 299), со свойственным ей беспокойством и готовностью порвать с картезианством и позитивизмом.

Это знаменует в 1930-е годы начало эпохи «нонконформизма», вырастающего из бердяевского персонализма, о которой свидетельствует, в частности, Оливье Клеман в своей книге о Бердяеве²². Книга замечательна тем, что показывает его собственное участие в этой «эпопее»: почувствовавший, подобно Андерсону и французской молодежи 1930-х годов, всю притягательную силу бердяевского персонализма и его личности, Оливье Клеман – виднейший богослов, философ, поэт – в начале 1990-х годов, на вершине своего творчества, воздает должное «русскому философу во Франции»²³ от имени своего поколения и себя лично: «чтение его трудов открыло для меня христианство»²⁴ и, добавим, обратило его в православного богослова.

Оливье Клеман открывает, с Бердяевым, всю противоречивость человека – «самой большой загадки вселенной», наделенного высшим благородством – и способного к подлости; чающего свободы – и пребывающего в рабстве; способного подняться на неведомые высоты в порыве жертвенной любви, но и склонного к звериной жестокости. Но главное, находит в итоге тот неугасимый элемент человеческой природы, который ниспровергает все теории детерминизма – его божественный образ, что позволяет человеку в любых условиях остаться со-творцом вселенной. Оливье Клеман находит эту искру у автора «Мертвых душ», написанных на грани отчаяния, или же у автора «Архипелага ГУЛАГ», пройдя с ним все круги ада, созданного людьми. Он посвящает последнему книгу «*L'esprit de Soljenitsyne*», по образу «*L'esprit de Dostoïevski*», как переведено на французский заглавие книги Бердяева «Мироозерцание Достоевского»²⁵.

«Плод созрел»: сияние бердяевской мысли

Оливье Клеман выбрал эпиграфом к своей книге о Бердяеве строки известного французского поэта Ива Бонфуа, ибо их троих роднит бердяевская мысль о рождении творчества из ничего, то есть из свободы (С. 247):

Le fruit est mûr.	Плод созрел.
J'ouvre l'amande et son cœur étincelle.	Я раскалываю орех: его ядро искрится
...	...
Il y a cet éclair immense devant moi,	Передо мной — сияющая молния,
Le ciel,	Небо.
L'agneau sanglant dans la paille.	Окровавленный Агнец в хлеву.

Yves Bonnefoy. «Le Haut du Monde» Ив Бонфуа. «Вершина Мира»

В этих строках, завершающих поэму «Вершина мира», — емкий образ бердяевского творчества как мысли, достигшей во Франции зрелости, чаемой духовной родины, которая отныне оплодотворяет мир, воспламеняет к творчеству других людей.

Евангельская ассоциация в последней строке может напомнить иконуматери Марии «Богоматерь с распятым Младенцем». Известно, насколько эта мысль дорога русской эмиграции и богословски осмысленна, в частности, в трудах духовно близкого Николаю Александровичу отца Сергея Булгакова (С. 152).

Клеман вычитывает ее в целом бердяевского наследия, увиден-

Икона работы матери Марии (Скобцовой). Богоматерь с распятым Младенцем Иисусом. Задумана в концлагере Равенсбрюк, выполнена по профисии сестры Иоанны Рейтлингер иконописицей Софьей Раевской в 1950-е гг. Ныне на хранении в монастыре Знамения (Центральный Массив, Франция)

ногого с высоты, где соединяются начала и концы, где человеческое – свободное – творчество увидено как крестный путь, как «общение любви».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н. Самопознание. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 333. Далее: ссылки на это издание даны с указанием страниц (в скобках после цитаты).

² Струве Н.А. Изгнание и послание // Новая газета. 15.07.2013. № 76. С. 18–19.

³ Андерсон П.Ф. «Бердяевские годы» 1922–1939 // Вестник РХД. 1985. № 144. С. 269.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Достоевский Ф. Подросток. М.: АСТ, 1987. Гл. 7. С. 232.

⁶ Андерсон П.Ф. Ук. соч. С. 260.

⁷ Там же. С. 266.

⁸ Среди первых переводчиков Бердяева на французский – Самуил Янкелевич, отец будущего знаменитого философа Владимира Янкелевича. Он перевел, в частности, «Смысл истории», опубликованный в издательстве *Aubier Montaigne* в 1948 г.

⁹ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=eof98jwwtjk>

¹⁰ Николай Александрович вспоминает об одном из коллоквиумов на Декадах в Pontigny: «Когда ставилась, например, проблема одиночества, то говорили об одиночестве у Петрарки, Руссо или Ницше, а не о самом одиночестве. Говорившие стояли не перед последней тайной жизни, а перед культурой» (С. 182).

¹¹ См.: Струве Н.А. О Шарле Пеги // Вестник РХД. 2006. № 191.

¹² См. современное издание заседаний Франко-русских студий: Le Studio Franco-Russe: 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak. Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005.

¹³ Berdiaeff N. Un nouveau Moyen Age. Plon, collection Le Roseau d'or, 1927.

¹⁴ Le Studio Franco-Russe: 1929–1931. Р. 26.

¹⁵ Андерсон П.Ф. Ук. соч. С. 268.

¹⁶ Там же. С. 265.

¹⁷ Clément O. Berdiaev. Un philosophe russe en France [Бердяев. Русский философ во Франции]. Paris: Desclée de Brouwer, 1991. Р. 82, 86.

¹⁸ Письмо Н.А. Бердяева к Жаку Маритену от 18 декабря 1933. Архив Жака Маритена, Страсбургская научная библиотека.

¹⁹ Ответ Жака Маритена Н.А. Бердяеву от 23 декабря 1933. Архив Жака Маритена, Страсбургская научная библиотека.

²⁰ «Union pour la Verité не допускала разыгрываться страстям, не любила борьбы. На этих собраниях я мог изучить характер французского мышления и французских споров. В большинстве случаев это была анкета специалистов по разным вопросам. За мыслью никогда не чувствовалось воли, решающего выбора» (С. 313).

²¹ Clément O. Op. cit. P. 83.

²² Ibid. P. 89.

²³ Подзаголовок книги Оливье Клемана о Бердяеве, см. сноска 16.

²⁴ Ibid. *Introductio*

n. P. 7.

²⁵ Berdiaeff N. *L'esprit de Dostoïevski* / trad. du russe par Alexis Nerville. Stock, 1945.

ОЛИВЬЕ КЛЕМАН

Встреча: Николай Бердяев и Леон Блуа^{*}

Среди свидетелей той «потаенной Франции», которых Бердяев читал еще в России, накануне Первой мировой войны, особенно ему нравился Леон Блуа. Он цитирует его в своей первой значительной книге «Смысл творчества (Опыт оправдания человека)», вышедшей в Москве в 1916 г., он будет ссылаться на него и позже, в одном из своих итоговых сочинений, «О рабстве и свободе человека», опубликованном в Париже в 1939 г. и переведенном на французский в 1946-м. А самая, наверное, вдохновенная бердяевская книга, «Философия свободного духа» (по-русски вышла в Париже в 1918 г., по-французски в Париже в 1933 г. под заголовком «Дух и свобода» — *Esprit et Liberté*), начинается цитатой из Блуа, из его книги «Паломник Абсолюта» (*Pèlerin de l'Absolu*): «Страдание проходит, а выстраданное никогда не пройдет».

Но мы забываем, что Бердяев был первым русским мыслителем, открывшим для своих соотечественников творчество Леона Блуа. Уже в июне 1914 г. в шестом номере журнала «София», издававшегося в Москве, он посвятил Блуа большую статью «Рыцарь нищеты» (С. 49–78). Он замечает в ней, что до сих ни одна книга Блуа не переведена на русский, поэтому ему придется приводить длинные цитаты. Есть некое сходство между резкостью Блуа, его страстью к абсолютному и русским «максимализмом». Например, им очень заинтересовался князь Урусов, известный адвокат и знаток французской литературы¹. А сам Блуа высоко ценил Достоевского и охотно цитировал Герцена, ужасавшего европейскую буржуазию. Бердяев сближает Блуа не только с Ницше, но и с Леонтьевым, этим «русским Ницше», и сравнивает «Дневник» Блуа с аналогичными произведениями Розанова².

Многочисленные аллюзии Бердяева на мысль Блуа, встречающиеся на разных этапах его творчества³, укоренены

* Глава из книги Оливье Клемана «Бердяев. Русский философ во Франции», см.: Clément O. Berdiaev. Un philosophe russe en France. Paris: Desclée de Brouwer, 1991. P. 125–140.

в этом первом и фундаментальном чтении, подтвердившем и углубившем у него некоторые принципиально важные для Бердяева темы. Поэтому встречу Николая Бердяева и Леона Блуа я опишу, опираясь в первую очередь именно на «Рыцаря нищеты», не оставив без внимания, конечно, и более поздние высказывания.

Прежде всего, Бердяев пытается поместить Блуа в духовный контекст Франции и католицизма⁴. Во Франции, говорит он, латинская культура достигла своего последнего утончения, и это связано с католической традицией. Эта культура родилась от католицизма, и «потаенные» писатели второй половины XIX века черпали вдохновение в католицизме – в самом обмирщенном, обуржуазившемся обществе, порой увлекавшемся гностическими течениями. Бердяев упоминает Элло, Барбе д'Оревильи, Вилье де Лиль-Адана, Верлена и даже Гюисманса (оговорившись сразу, что Блуа не любит Гюисманса за его слабость). К сожалению, творческий порыв этих писателей был парализован двояким образом: из-за их очень романтической ностальгии по средневековому христианству и из-за замкнутой непогрешимости их Церкви (вплоть до Второго Ватиканского собора этот «законченный», статический характер католицизма был лейтмотивом в русской философии, в частности, у отца Сергея Булгакова⁵). Католицизм встречается с современностью, судорожно цепляясь за прошлое, упрочняя свое богословие. Свидетели «потаенной Франции» реализовали себя в эстетическом бунте, ставшем для них своего рода убежищем. Бердяев их называет «революционерами-реакционерами»⁶, любым способом пытающимися сохранить окостенелую символику прошлого. И он делает остroe замечание: Ницше был творцом, но религиозным слепцом, тогда как эти писатели был религиозно зрячи, но творчески бессильны⁷: не в отношении произведений искусства, но в отношении пророческой духовности, способной превзойти прошлую современность, как это сделал Достоевский, просветить ее светом Пятидесятницы, не проклиная ее, но и не теряясь в ней.

По Бердяеву, Блуа входит в это течение, отмечен им, но преодолевает его границы. В нем проявилась не слабость, а сила. Это не человек прошлого, а пророк. В его принадлежности к католицизму он видит трагическую антиномию.

Блуа страшно одинок среди своих собратьев по вере, которые чаще всего оказываются пietистами и моралистами, замкнувшимися в своем закрытом откровении. Они ненавидят подлинную красоту, ибо она не приторная, она страшная. Они же видят в ней если не грех, то искушение, а дерзость гения считают жестом Люцифера. Для них Барбе всего лишь «*enfant terrible*», бунтарь, Элло – безумец, Верлен – прогаженный. Творцы подлинной красоты оказались чужды Церкви, поскольку в ней они больше не находят веяния Духа. Блуа даже задается тем же вопросом, что и Достоевский в «Легенде о Великом инквизиторе»: признала ли бы Церковь Христа, если бы Он вернулся на землю? Для него, например, Элло был визионером, в чем он и признался однажды епископу. Но тот ему ответил, что св. Фома Аквинский все уже сказал, – Церковь больше не нуждается в прозрениях⁸...

Это расхождение между Церковью и Духом – тогда как Дух должен быть ключом из Тела Христова, между Церковью и пророчеством – тогда как подлинный пророческий дар укоренен в таинствах, между Церковью и красотой – тогда как истинная Церковь и есть «красота в мире»⁹ – это одна из тех проблем, которые больше всего занимают Бердяева, он постоянно к ней возвращается¹⁰. Он утверждает, что Блуа ощущал себя отторгнутым своими братьями и не познал радость христианского единства. И он добавляет с горечью: «Да и кому дана она без условной риторики?»¹¹ Бердяев и сам познал подобное одиночество. Когда Священный Синод Русской церкви выступил за военное вмешательство и насилиственное выселение с Афона монахов «имяпочитателей» (считавших божественным само Имя Иисуса), Бердяев в августе 1913 г. опубликовал очень смелую статью «Гасители духа». Когда писал свою статью о Блуа, то уже знал, что ему грозит уголовный процесс с обвинением в святотатстве.

Блуа, отмечает Бердяев, сожалеет о гибели средневекового героизма и разоблачает сусальное католичество св. Франциска Сальского, психологический анализ, введенный иезуитами, приводящий к созерцанию самого себя вместо созерцания Бога. Его тошнит от самодовольного «обращения» писательской богемы и от салонной духовности, так же как сам Бердяев отмежевывался от Мережковского и Зинаиды Гиппиус и от светской духовности, царившей на «Башне»

Вячеслава Иванова. Блуга, заключает Бердяев, одновременно и католик, и бунтарь против католицизма, что сближает его с отношением русского философа к своей церкви. Превознося Средние века, Блуга приходит к ним из будущего, он «трагический реалист»¹² (самого себя Бердяев в то же время определяет как «мистического реалиста»¹³), пророк под злобной маской памфлетиста. Цитируя письмо Барбе еще юному Леону Блуге¹⁴, Бердяев подчеркивает, насколько для того, кого он называет «последним романтиком», Блуга был иного духа, иных времен: он не играет, он абсолютно серьезен, его суждение всегда чрезмерно и категорично, только так можно разбить релятивизм и замкнутость обуржуазившейся культуры. Его стиль одновременно грубый и утонченный, черный и огненный, карбункул с отражениями рубина, продолжает Барбе, что-то вроде куска черного бархата в огне.

Блуга, отмечает Бердяев, не выработал никакой системы. Во всяком случае, среди тех искр, которые этот памфлетист порождает на свет на своей наковальне, три темы сближают его с мыслию самого Бердяева, или углубляют ее, или, может быть, даже порождают. Это страдание Бога, буржуазность как метафизическая категория, пророческое внимание Человека к Параклете.

Что поражает Бердяева больше всего, особенно при чтении «Неблагодарного нищего», «потрясающей и небывалой книги. По обнажению души, по обнаружению интимной судьбы... в дерзновении сказать то, о чем никогда не говорят»¹⁵, так это совершенно «кенотический» аспект представления Блуга о Боге и о Христе. Те же самые смыслы впервые появляются, кажется мне, в «Смысле творчества», написанном как раз тогда, когда Бердяев правил свою статью о Блуге.

Блуга, считает Бердяев, с неслыханной силой прочувствовал судьбу Бога как нищету, одиночество, непризнание и покинутость. Того Бога, Которого человек оттеснил от Его творения и Который вернулся к нему лишь для того, чтобы быть распятым. Бог страдает и претерпевает Страсти с тех пор, как существует зло, то зло, которое Он встречает лицом к лицу, так, что Его таинственный лик непрестанно истекает кровью во тьме, — образ такого Бога вошел в бердяевское творчество, и Бердяев не раз к нему возвращается¹⁶. История Бога с человеком достигает своего апогея на Голгофе,

Христос распинается вечно. Самая страшная боль в этом мире, который зло обрекло на страдание, — это боль самого Бога, Бродяги, Изгнаника, развенчанного царя. Бог — бедняк из бедняков, не только потому, что идолопоклонство не-престанно лишает Его благородного богатства этого мира, но и потому, что Он является таковым по самой Своей сути, из любви¹⁷.

Именно благодаря Леону Блуа Бердяев пришел к богословию кенозиса, к интуиции апостола Павла, дерзнувшего мыслить божественное на языке не полноты, а пустоты (кенос означает «опустошение»). Именно это богословие, расцветшее у греческих отцов после Оригена, питало собой всю русскую духовность, для которой «Агнец заклан от основания мира», но в XIX веке эту традицию стали забывать, за исключением, кажется, лишь беспокойной мысли Бухарева¹⁸. Возвращение к ней через «потаенную Францию» тем более впечатляет, что у Блуа речь идет об ее изобретении заново (так же как он заново изобрел, в необычных терминах, «апокатастасис» Григория Нисского).

Через собственную бедность, собственную покинутость Блуа, как говорит Бердяев, чувствовал свою приобщенность к бедности и покинутости Самого Бога и Его Христа. Попутно Бердяев, чья мысль пропитана пасхальным видением христианского Востока, упрекает Блуа в том, что тот, похоже, не знает воскресения¹⁹. Но одновременно он утверждает, что все то же чувство причастности дает Блуа смелость жить, позволяет ему узнать себя не просто покинутым, но «покинутым Богом»²⁰. На самом деле христианские Восток и Запад встречаются в перекрестье огня и крови. Крест, как заметил Леон Блуа, это лик Духа Святого.

Во имя своего нищего Бога Блуа и себя самого обрекает на нищету. Потому что Деньги — это мир, оставивший Бога, ставший от этого непрозрачным и убийственным. Деньги означают распятие Бедняка. Обогащаться — значит предавать Христа, как Иуда.

Бердяев сравнивает Леона Блуа с Франциском Ассизским²¹ (которого он узнал и стал почитать во время поездки в Италию)²². Франциск влюбленный, его нищета светлая, блаженная. Нищета же Блуа, напротив, черная и кровавая. Мир становится все более и более «буржуазным», более и бо-

лее непрозрачным, он все страшнее и страшнее распинает Христа. В царстве денег, отнятых у бедных, ужасен и союз с бедностью. Нищета в Париже денег страшна по-другому, не так, как в долинах Умбрии или в Фиваидской пустыне. Тут, по Бердяеву, переживают новый опыт, неизвестный святым прошлых веков.

Здесь религиозный философ выходит к интуиции, которую может познать лишь православный, потому что «юродство во Христе» – это традиция святости (и сколь парадоксальной святости), которая никогда не прерывалась на христианском Востоке, и в особенности в России (во всяком случае, не нужно забывать, что и во Франции в XVIII в. жил св. Бенедикт Лабр, покровитель «проклятых поэтов» следующего века). Во Франции крупной и малой буржуазии 1900 г. Блуа, по Бердяеву, предстает «юродивым в современной культуре».²³ Он ищет презрения и унижения, отдает себя на посмеяние, оскорбляет богачей и фарисеев, чтобы свидетельствовать о «безумии креста», о «вывернутом наизнанку» мире заповедей блаженства. Посреди культуры XX в. он ужасный «безумец», один из тех, кто не от мира сего, пришельцев из абсолюта, отвергаемых миром и насмехающихся над миром.

Этот Христа ради «юродивый» в разгар испытаний не сомневается, но спорит с Богом, как Иов. Он все время ускользает от отчаяния с помощью молитвы, простой, долгой и терпеливой молитвы, которая вызывает в душе «ощущение огня»²⁴: отметим, что Бердяев интуитивно подчеркивает здесь пусть отдаленное, но родство с филокалическим возрождением, поскольку такой образ приводит на память опыт «Иисусовой» или «сердечной молитвы», при которой воспламеняется сердце в том, что Иоанн Кассиан Римлянин называл «огненной» молитвой.

Доверие к Богу смыкается у Блуа с доверием к себе. Для него в первую очередь, и в этом он снова сходится с духовной традицией Востока, человек – личность, созданная по образу Божию. Бердяев, который и сам страстный приверженец философии личности, с благодарностью отмечает, что у Блуа чувство Бога неотделимо от чувства неразложимого единства каждого человека. Тайна личности начертана и запечатлена Богом в каждом человеческом лице, так что лицо всякого че-

ловека становится особым входом в рай, который невозмож но смещать с другими или заменить другим²⁵.

Вторая тема, которую подхватывает у Блуга Бердяев, это тема духовной буржуазности. «Толкование общих мест» представляется ему самым зрелым произведением Блуга, гениальным уже по своему замыслу, даже если не везде гениальным по выполнению. Он говорит о нем обстоятельно, с обширными цитатами²⁶. Он подчеркивает метафизический характер этой категории. «Буржуа» определяется не просто принадлежностью к социологической категории или психологической окраской (нет никого буржуазнее политического комиссара, скажет позже Бердяев). «Буржуа» определяется метафизически, духовно, своим подходом к реальности: для него существует лишь видимое, измеряемое, поддающееся расчетам, ощущимое, но абстрактное, лишенное глубины и тайны, потому что «Бог больше не совершает чудес», а значит никогда их и не совершил. Тогда «буржуазность» – это идолопоклонство, потому что идолопоклонство, по Блугу, состоит в абсолютизации относительного в ущерб абсолютному. Буржуазность родилась, когда Деньги были отделены от Бедняка, мир отрезан от Христа. «Дела», экономическая жизнь – это Бог; абсолют, экономика – это богословие наизнанку. Ни один мексиканский или папуасский идол никогда не получал столько человеческих жертв, сколько «буржуазное» общество. Бердяев подхватывает эту линию размышлений о буржуа, сопоставимую с мыслями Ницше о «последнем человеке» в начале «Заратустры»: «Когда он уверяет вас, что смотрит на жизнь по-философски, это всего лишь означает, что он набил брюхо, что у него бесперебойное пищеварение, что бумажник у него пухлый, как и положено, и следовательно, на все остальное ему наплевать, как на сороковой год»²⁷.

Буржуазный мир – это мир тех, кто «говорят», «разглашают» так, как звенит мешок с деньгами, которым бухают об пол в комнате, в которой кого-то убили. Мысль, которая позже наведет Бердяева на размышление над безличным и гипнотическим характером социального. Она пропитает культуру XX в., ибо ее подхватит Хайдеггер, который, конечно, никогда не читал Леона Блуга.

В «Смысле творчества», как и в «О рабстве и свободе человека», Бердяев подчеркивает, что Блуга тем самым поставил

под сомнение всю человеческую культуру, противопоставив ей свое «юродство». И речь тут идет не о том, чтобы построить на Евангелии, как мечтал Толстой, новую организацию общества, а значит и жизни, но о том, чтобы все оспорить безумием креста и мученичества, чтобы высечь в истории искры эсхатологии. И тем ее же, историю, попутно оплодотворить. Блуа, мне кажется, позволил Бердяеву сделать своим и обобщить марксистский критерий, включив понятие социального отчуждения в картину отчуждения духовного. Именно это Бердяев на языке немецкого идеализма, но ставшем конкретнее, благодаря Блуа, назовет объективацией, словом, ставшим ключевым для его мировоззрения.

По Блуа, говорит Бердяев, буржуазность воплощается в образе «порядочной женщины». Она остается не с Бедняком, а с Деньгами, а Бедняку отказывает в гостеприимстве; возможно, именно она, во имя мира и сохранности семьи, вышвырнула на улицу Марию, которая вот-вот родит Младенца. Единственно возможный архетип женщины — это Мария Магдалина, проститутка, обратившаяся сердцем и ставшая святой. Блуа почтает женскую святость, совершенно целомудренную, идущую до конца, за пределы любой чувственности. Конечно, и святая может пасть, и падшая женщина может подняться и достигнуть света, но ни та, ни другая никогда не станут «порядочной женщиной», враждебной Бедняку. Бердяев восхищается образом Клотильды в «Бедной женщине», образом, нарисованным с «мужественной нежностью», с «целомудренной страстью»²⁸. Бедность Клотильды скандальна и революционна, она свидетельствует о Бедняке, она святая.

Бердяев считает, что тот факт, что Блуа имел семью и детей, стал чудовищным противоречием в его жизни. Такой человек не должен был подставлять себя под закон рода. Однако Бердяев признает, что жена Блуа стала для него источником света, что она преображает их союз в свет и красоту. Эта северянка, датчанка, еще более героическое и целостное существо, чем он сам. Она любила его потому, что он говорил ей о Боге, она вышла за него замуж потому, что он сказал ей, что он нищий. С ней он смог избежать оседлости, оставаться странником на земле. Страницы его дневников часто говорят о том, что в нем самом было что-то некрасивое,

почти уродливое. Но все, что он пишет о жене и детях, прекрасно и просветленно. Бердяев повторяет слова маленькой пятилетней Мадлены, которые Блуга приводит в конце «Толкования общих мест». На божественный вопрос: «Что вы будете делать, когда вас распят?» — Мадленा ответила: «Смотреть прекрасные сны». Бердяев считает, что слова эти свидетельствуют о том, что Блуга был настоящим поэтом.

Конечно, русский мыслитель восхищается этой стороной жизни французского мыслителя, но мы чувствуем, что это все-таки ему чуждо (у него самого не было детей, и если он и познал глубокую духовную связь, то скорее уж с сестрой жены...). Близка же ему, наоборот, «мужественная» сторона духовности Блуга²⁹, характер его христианства, полное отсутствие у него культа женственного раздвоения, разлагающего «цельность духа». Самому Бердяеву между 1904 и 1907 гг. пришлось бороться с нездоровой, языческой женственностью «нового религиозного сознания», грозившей растворить в себе личность, в противовес этому он утверждал христианство как мистику, структурированную догматизмом, им просвещенную, «мужественную» и «солнечную»³⁰. Он также не испытывал никакой склонности к «софиологическим» спекуляциям с их попыткой мыслить божественное сквозь символику женственного. Как и Блуга, он почитал тайну невинности и позаимствовал у Беме тему изначальной девственности души³¹. И, снова как Блуга, он сближает тайну женщины с тайной Духа. И у того, и у другого смысл личности, ее трансценденция, отдаляют их от всех видов космизма, всегда более или менее феминизированных. Для них смысл женственности чисто духовный.

Третьей основополагающей темой у Блуга Бердяев считает тему пророчества³². Русский философ усматривает в ней преодоление закрытости католицизма, характерной для романтизма тяги к прошлому. Блуга часто считают реакционером, клерикалом и роялистом, воспевающим славное Средневековье. Тогда как на самом деле его интересует дух прошлого и сам он кажется духовным революционером, обращенным к последним вещам, то есть в точности тем, кем хочет быть и сам Бердяев. Как и сам Бердяев, он тоже предчувствует масштабные катастрофы, потому что мир, отрекшийся от Креста, обрекает себя на крест без воскресения.

Блуа — человек Апокалипсиса, в глубоком смысле «откровения», «раскрывания», в смысле той творческой эсхатологии, которая столь характерна для русской религиозной философии. В анархистах он видит слепых предтеч (в России как раз в это время появилось течение «мистического анархизма»). Как писатель он не пастух, а разбойник, по формуле Ницше. В буйстве и гневе Блуа — визионер. Статья Бердяева о Блуа вышла в июне 1914 г.: это месяц выстрела в Сараево. Скоро наступит август 1914-го, октябрь 1917-го, начнутся мировые войны, тоталитарные режимы, распад материи, в которую вписана, конечно, и материя души.

Блуа, отмечает Бердяев, разоблачает и ненависть «буржуазного» мира к природе, которая не прекратится, пока он не уничтожит то, что еще осталось от рая в красоте мира (которую особенно остро в юности чувствовал Бердяев), искореня леса, повсюду строя дороги, пакуя бедняков в огромные пригороды и посвящая их мертвой абстракции метрополитена: всякий раз, когда спускаешься в эти катакомбы, говорит Бердяев, цитируя Блуа, возникает предчувствие конца источников и лесов, восходов и закатов в лугах рая.

Особенно ждет Блуа. И это ведь — надежда самого Бердяева, ярко выраженная в «Смысле творчества», — на новое веяния Духа. На пришествие Параклета, но также и Человека. В этом последнем пункте его мысль становится странной, странно глубокой, и Бердяев пытается ее уточнить, изучая «Душу Наполеона»³³, произведение, которое Блуа, как поясняет Бердяев, написал уже стариком и которое сам считал одним из самых значительных в своей жизни. Несмотря на всю накипь — почти детский культ Наполеона, французский мессианизм, почти столь же незначительный, как русский или польский мессианизмы, — книга эта полна «апокалиптических» предчувствий.

По Блуа, Наполеон — прообраз и предтеча Того, кто должен прийти, кто уже близко. Потому что, замечает Бердяев, тот, кто должен прийти, — это не Христос и не Антихрист, это Человек: Человек, освобожденный от устаревшей, часто рабской символики, как Наполеон был победителем королей; Человек, обнаженный до тоски и до изначального изумления; Человек могущества и беды, такой, каким и был Наполеон, — и Бердяев здесь цитирует Блуа — «как нищий,

вопрошавший Бесконечность; нищий, вечно страшившийся своего последнего часа, которого он не знал и не мог представить; небывалый и гениальный нищий, моливший Того, Кто подал ему жалкую милостыню мировой империи... и умерший на краю земли с пустыми руками и разбитым сердцем, неся на себе груз тысяч смертей»³⁴.

Грядущий человек будет хрупким увенчанием творения, несущим в себе одновременно и Христа, и Антихриста, предельно обнаженным и свободным перед решительным выбором: за или против Бога? Бердяев страстно заинтересован в этом грядущем рождении Человека, совпадающем с его собственной заботой о том, как превзойти современность, приняв ее на себя. В христианские эпохи, скажет он позже, было принято мыслить Бога в противовес человеку, в современности — мыслить человека в противовес Богу. Теперь же нужно дойти до конца человека, до конца современных редукций, и окажется, что конца нет, что вместо него неуничтожимая личность, словно окно в бесконечность. Блуа с восхищением говорит о лице в ожидании воскресения, об этом вечном имени, вписанном в книгу света, которое говорит о единстве каждого, никому не ведомом. За или против Бога, спрашивает Блуа. И все творчество Бердяева уточняет этот выбор между смертью человека, вызванной смертью Бога, или человеком как «микрокосмосом и микротеосом», соединившим в себе мир и образ Божий, по формулировке св. Григория Нисского.

Подводя итоги встрече, Бердяев прославляет Блуа как «явление совершенно... неповторимое»³⁵. Это иудей, а не эллин, он пророк, разрушающий идолов, юродивый Христа ради, свидетельствующий не только своим творчеством, но своей трагической жизнью. Бердяев разделяет суждение друга Блуа, художника Анри де Гру, которое он ставит эпиграфом к своей статье: «Блуа состоит из одной линии... И эта линия — Абсолют. Абсолют в мыслях, Абсолют в слове, Абсолют в поступках. Он абсолютен настолько, что все в нем равнозначно. И когда он изрыгает хулу на современника, это в бесконечности и в точности соответствует тому, как если бы он возносил хвалу Господу. Потому-то ему отказано в мировой славе».

Конечно, Бердяев не мог не ставить некоторых вопросов. Например, он вопрошает, не становится ли Блуа из-за

своего фанатизма абсолютного «злым» к людям и к миру, нет ли в нем нехватки некоторой свободы, внутренней свободы по отношению к злу. Он словно бы слишком зависит от зла, пусть и отрицательно³⁶. Бердяев спрашивает, не будет ли религия Блуа религией вечного распятия, без подлинного воскресения, потому что евреи — а в итоге и весь мир — обратятся лишь тогда, когда Христос сойдет с креста, а Он сойдет с креста лишь тогда, когда обратятся евреи³⁷. Не объясняет ли это отсутствие чувства воскресения у Блуа то, что ему оказывается чуждым, или даже отвергнутым им, гармоническое, умиротворенное, аполлоническое представление о святости?³⁸ Даже его восторг нищеты, по Бердяеву, остается «латинским» и отличается от русского восторга. Потому что у Блуа на заднем плане сохраняется его латинская любовь к силе и богатству. Бедный, одинокий, отвергнутый, Блуг знает царственные головокружения. Конечно, он близок к бедняку, он любит его больше, чем Л. Толстой. Но при этом в глубине души он любит не богатого, но богатство, любит как латинянин, эстет и глашатай господской, а не рабской морали³⁹. Здесь же Бердяев поднимает, подспудно, и проблему смирения.

И все же в заключении статьи речь идет об огромной заслуге Блуа, состоящей в том, что он до конца оставался самим собой, был как в творчестве, так и в жизни абсолютно правдив. «Его разбойничья жизнь и разбойничье писательство научают большему, чем жизнь пастушеская и пастушеское писательство»⁴⁰. «Он — великий моралист без морализма»⁴¹. Он научает непобедимому мужеству перед лицом ужаса жизни. Его религиозный опыт переливается за границы католичества, как и всякой статической религиозной формы. Бердяева особенно впечатляет молитва нищего, которой заканчиваются «Последние столпы Церкви». Нищий — спутник вечного Бродяги. Нище называл церковь гробницей Бога. И Блуг, со своей стороны, тоже вскрикивает: возможно ли, что Бог живет еще в жилище, которое эти несчастные называют Его жилищем? Бог уйдет от них и пойдет по дорогам и полям, Он будет жить в горячих сердцах бедняков, близится час пришествия Параклeta, знаки этого уже чудесным образом явлены. Так Блуг, заключает Бердяев, преодолев все границы, выходит со своим Богом на простор дорог и полей⁴², то есть туда

(и это верно и для Бердяева), где и происходит их встреча, в свободное пространство Духа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н. Рыцарь нищеты // София. М., 1914. № 6. С. 53.

² Он упоминает, в частности, «Уединенное» и «Опавшие листья» Розанова. См.: Там же. С. 54.

³ См. его книги: «Смысл творчества» (М., 1916, по-французски в 1955), «Смысл истории» (Берлин, 1923, по-французски в 1948), «О назначении человека» (Париж, 1931, по-французски в 1935), «О рабстве и свободе человека» (Париж, 1939, по-французски в 1946), «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (Париж, 1952, по-французски в 1947).

⁴ Бердяев Н. Рыцарь нищеты. С. 49–40.

⁵ См. его книгу «Православие», фр. перевод: Lausanne, 1980, р. 99.

⁶ Бердяев Н. Рыцарь нищеты. С. 49.

⁷ Бердяев Н. Смысл творчества. Гл. 10: «Творчество и красота. Искусство и теургия». См.: http://odinblago.ru/smisl_tvorchestva/10 (дата обращения: 22.11.19).

⁸ Бердяев Н. Рыцарь нищеты. С. 54–55.

⁹ Бердяев Н. Философия свободного духа. Гл. «Церковь и мир». См.: <http://www.vehi.net/berdyaev/fsduha/10.html> (дата обращения: 22.11.19).

¹⁰ Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. С. 250–251. Бердяев Н. Философия свободного духа. Гл. 10: «Церковь и мир». См.: <http://www.vehi.net/berdyaev/fsduha/10.html> (дата обращения: 22.11.19).

¹¹ Бердяев Н. Рыцарь нищеты. С. 58.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Бердяев Н. Sub specie aeternitatis. СПб., 1907 (Введение). Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. Введение. С. XLI.

¹⁴ Бердяев Н. Рыцарь нищеты. С. 51–52. Со ссылкой на: Lettres de Barbey d'Aurevilly. Р. 113–114.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶ См., например, «Экзистенциальную диалектику божественного и человеческого», гл. 1: http://odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_n_ekzistencialn/1 (дата обращения 22.11.19).

¹⁷ Бердяев Н. Рыцарь нищеты. С. 54–55, со ссылкой на: Pages choisies. Р. 362–363/

¹⁸ См.: Behr-Sigel E. Alexandre Boukharev. Paris, 1977. Р. 72–78.

¹⁹ *Бердяев Н.* Рыцарь нищеты. С. 55. Блуа «видит Христа вечно распинаемым и как бы не видит Воскресшего».

²⁰ Там же. Цит по: *Pages choisies*. Р. 320.

²¹ Там же. С. 56.

²² В 1913 г. Именно там он начал писать «Смысл творчества», в котором много ссылок на св. Франциска Ассизского, мистическую Италию и «первый Ренессанс».

²³ *Бердяев Н.* Рыцарь нищеты. С. 56.

²⁴ Там же. С. 58, со ссылкой на: «Mendiant ingrate». С. 200.

²⁵ Там же. С. 57, со ссылкой на: «Pages choisies», с. 320.

²⁶ Там же. С. 68–72.

²⁷ Там же. С. 72, со ссылкой на: «Exégèse des lieux communs». Р. 276

²⁸ Там же. С. 65.

²⁹ Там же. С. 63.

³⁰ *Бердяев Н.* *Sub specie aeternitatis*. СПб., 1907. Введение. *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. Введение. С. XIX–XXII.

³¹ *Бердяев Н.* Из этюдов о Якове Беме: Этюд II. Учение о Софии и андрогине. Я. Беме и русские софиологические течения // Путь. 1930. № 21. С. 34–62.

³² *Бердяев Н.* Рыцарь нищеты. С. 73–74.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 75. Цит. по: *L'Ame de Napoléon*. Р. 100–101.

³⁵ Там же. С. 77.

³⁶ Там же. С. 65.

³⁷ Там же. С. 68.

³⁸ Там же. С. 61, 65.

³⁹ Там же. С. 77.

⁴⁰ Там же. С. 78.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 79.

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Марианна Афанасьевна

Воспоминания

Марианна Николаевна Афанасьевна – жена выдающегося православного богослова протопресвитера Николая Николаевича Афанасьева. Она уже немного известна русско- и франкоязычному читателю как мемуарист и биограф своего мужа: ее перу принадлежит краткая биография Н.Н. Афанасьева, опубликованная сначала по-французски¹ и сравнительно недавно переведенная на русский², а также предисловие к изданию главного труда ее мужа, «Церкви Духа Святого»³. В результате недавней находки архива Афанасьевых, любезно переданного мне Nicolas Afanassieff, внуком отца Николая и Марианны Николаевны Афанасьевых, обнаружилось, что мемуарное и эпистолярное наследие М.Н. Афанасьевой не ограничивается уже опубликованными произведениями, но включает еще несколько небольших текстов, два из которых «Вестник» публикует в данном номере.

Марианна Николаевна происходила из интеллигентской семьи. Ее отцом был выдающийся геолог, академик Николай Иванович Андрусов. Уже в эмиграции до замужества она закончила Сорбонну и получила диплом лицензиата по четырем предметам из области истории и истории литературы (диплом сохранился в архиве Афанасьевых). Звание лицензиата приблизительно соответ-

ствует званию бакалавра в Болонской системе высшего образования, принятой ныне во многих странах мира, однако в те годы, когда университетское образование не было явлением столь повсеместным, оно имело куда больший вес.

Первый из публикуемых текстов был написан в 1968 году. Марианна Николаевна дала ему название «Пророк». Он состоит собственно из двух разных фрагментов. Первый из них (разделы 1 и 2 «Пророка») был, кажется, написан как лирическое и автобиографическое продолжение второго (разделы 3 и 4 «Пророка») и, вероятно, под впечатлением чтения этого, второго фрагмента. По-видимому, именно второй фрагмент предназначался, как это следует из краткого вступительного абзаца Марианны Николаевны (абзаца, адресованного сыну Афанасьевых Анатолию), в качестве предисловия к письмам отца Сергея Булгакова Николаю Афанасьеву. Письма были разобраны и перепечатаны Марианной Николаевной. Предисловие же к ним было написано по просьбе Никиты Алексеевича Струве, который, кажется, намеревался опубликовать письма Булгакова в «Вестнике». Однако такая публикация не состоялась, и судьба писем неизвестна. В архиве Афанасьевых я их не обнаружил; возможно, их следует искать в архиве Н.А. Струве или в архиве Свято-Сergиевского православного богословского института.

В первом фрагменте «Пророка» Марианна Николаевна кратко обрисовывает свое детство и юность, свой путь в Церковь, рассказывает о знакомстве Андрусовых сначала с профессором С.Н. Булгаковым, а потом с отцом Сергием. Второй фрагмент посвящен собственно отношениям Булгакова и молодого, формирующегося богослова Н.Н. Афанасьева. Задача, стоявшая перед автором в этом фрагменте, была очень деликатной, поскольку, с одной стороны, оба главных героя были ей чрезвычайно близки: Марианна Николаевна полностью разделяла богословские взгляды своего мужа и всячески помогала ему в его работе, в то время как отец Сергей Булгаков был человеком, сыгравшим важную роль в ее приходе в Церковь, долгие годы он был ее духовным отцом (как, впрочем, и духовным отцом ее мужа), и пииет перед ним

она сохраняла всю жизнь. С другой стороны, богословие Булгакова и Афанасьева и методы их богословствования были очень разными, часто несочетаемыми, а порою и противоречащими друг другу. Оба они были самостоятельными и оригинальными мыслителями, и периоды некоторой прохладности, вызванной идеиними расхождениями, были между ними практически неизбежны⁴. О таких пробегавших между Булгаковым и Афанасьевым «холодках» М.Н. иногда сообщает в воспоминаниях (см., напр., примеч. 47).

Весь «Пророк» пронумерован как часть III, глава II текста, озаглавленного «Воспоминания старой русской интеллигентки». Нумерация эта сделана уже после того, как начало текста (а может быть, и весь он) было написано — шариковой ручкой синего цвета, тогда как начало «Пророка» написано ручкой черного цвета. По-видимому, у Марианны Николаевны — после написания этих воспоминаний или по ходу их записи — возникла идея сделать их частью более обширных мемуаров. Действительно, в архиве Афанасьевых сохранилось еще несколько фрагментов ее воспоминаний (главным образом о семье Андрусовых), которые, по ее мысли, могли стать другими частями и главами «Воспоминаний старой русской интеллигентки».

Второй текст, публикуемый ниже, — автобиографическое письмо, написанное по просьбе Милицы Зерновой, жены Николая Николаевича Зернова, вероятно, тогда, когда Зерновы собирали материалы для второй книги своих коллективных семейных воспоминаний⁵. В центре письма находится формирование Русского студенческого христианского движения и его первые годы: таков, кажется, был запрос М.В. Зерновой, с которым она обратилась к Марианне Афанасьевой. И Милица Владимировна (урожденная Лаврова) и Марианна Николаевна были в числе первых членов РСХД, стояли у его истоков и принимали участие в его организации и первых съездах: Милица Владимировна, как представитель парижского кружка, Марианна Николаевна — сначала парижского, а затем пражского.

* * *

Сокращения слов раскрываются без указаний. Фразы автора воспоминаний, прибавленные на полях, как правило, вставлены в текст: если автор указывает место, куда они должны быть вставлены, то без указаний; если не указывает и они вставлены мной по смыслу, то приводятся в угловых скобках (< >). Мои предположительные прочтения и вставки случайно пропущенных автором слов, фраз, букв помещаются в квадратные скобки ([]). Если орфография автора расходится с современной (такие случаи единичны), предпочтается современная орфография. Пунктуация приближена к современной, но ее особенности, не идущие в разрез с современными правилами, сохранены. Примечания, принадлежащие самой Марианне Николаевне, набраны в сносках курсивом и помечены ее инициалами — М.А. Остальные примечания сделаны мною. Поскольку внутренняя разбивка текста в рукописи непоследовательна — новые разделы отмечены то цифрами, то просто пропусками места, — для удобства я пронумеровал авторские разделы текста арабскими цифрами.

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВ

I

«История» отношений между о. С. Булгаковым и Н.Н. Афанасьевым, написанная мною в Chevetogne в мае 1968, потому что Никита Струве просил меня написать предисловие к письмам о. Сергия к Н.Н. Афанасьеву. Я написала нечто чисто женское, из которого Никита мог бы сделать «экстракт». Я и сама начала делать сокращения (зачеркнуто красным карандашом)⁶. Затем из-за «событий» потеряла Никиту из виду и «потеряла» и это мое произведение. Я думаю, тебе небезынтересно будет прочесть эту «историю», более семейную, чем богословскую. Я ее только вчера случайно вновь нашла.

16.VIII.68

Мама

Матушка Мариамна⁷ Воспоминания старой русской интеллигентки

Часть III⁸

Глава II⁹ ПРОРОК

Весна, весна, скажи, чего мне жалко...
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова¹⁰.

1

Пусть не думает мой читатель (если таковой будет), что я претендую на то, чтобы написать биографию или обрисовать облик великого пророка нашего времени, одной из величайших фигур нашего проклятого и все же прекрасного века¹¹. Нет, в этой главе я только хочу вспомнить те невидимые и таинственные, а потом видимые и таинственные, нити, которые соединили мою жизнь, а потом — что гораздо важнее — жизнь моего мужа с отцом Сергеем Николаевичем Булгаковым.

Начнем ab ovo¹², то есть с моего рождения. Я родилась в канун Покрова, за три месяца до начала XX века, в тихом городе Юрьеве (Dorpat, ныне Tartu) Лифляндской губернии (ныне Эстонская Республика), в собственном доме моей матери, № 4 по Мельничной улице (Weski ulic, numrgo nelli по-эстонски)¹³. Мой отец был с 1896 г. по 1905 г. профессором Юрьевского университета.

Я была младшей из пяти детей. Когда мне было месяца 2–3–4 (?), моя сестра Вера заболела коклюшем. Чтобы скорее избавиться от этой нудной болезни, моя мать поместила моих трех братьев вместе с сестрой в нижнем этаже нашего дома. Там они все переболели в течение зимы. Маленьку же Мурочку нельзя было подвергать опасности коклюша (я болела им 6 лет спустя и до сих пор страдаю от последствий этой тогда столь гадкой болезни). Меня поместили в верхнем этаже, под надзором nurse¹⁴ Fraülein Pussep, у которой, несомненно, были все добродетели, но к раздаче физиономий она слегка опоздала: я сужу не по моим воспоминаниям (!), а по фотографии (моей первой фотографии): Fraülein

Пуссер держит толстое, цветущее bébé¹⁵ с большим чубчиком на голове, а рядом сидит Вера в переднике и платке на голове: она первая поправилась от кашля (потому что, говорят, умела удерживаться!), и ее допускали до лицезрения сестренки. Моя мать по 5 (6?) раз в день переодевалась с головы до ног и приходила снизу наверх кормить меня (мама выкорамила пятерых детей, всех по году). Когда дети поправились, мама их решила увезти поскорее на дачу. Была ранняя весна (март? апрель?), и ни на какой «Рижский штранд» или в какой-нибудь Монплезир на Финском заливе, куда до тех пор ездили из Юрьева, ехать было невозможно. Мой отец, крымчак, конечно, тоже жаждал ехать на юг.

Моя мать вспомнила про своих знакомых, у которых была большая дача и виноградники в Олеизе (Южный берег Крыма). Мне кажется, она была главным образом знакома с их дочерью, миленькой, кроткой Нелли Токмаковой (может быть, по Москве, где мама жила в гимназические годы — 70-е прошлого века). Нелли была моложе мамы лет на семь. Вот у этих-то Токмаковых мама наняла дачу, не главную, в которой они жили сами, а так называемый «серый барак». И вот мы отправились и прибыли в Олеиз, можно сказать, «в грозе и буре». Чтобы не везти всю ораву — пятеро детей, няню Амалию, гувернантку Fraülein Stutschka (и, вероятно, прислугу?) — на лошадях через Байдарские ворота, мои родители решили ехать из Севастополя (куда приехали поездом «Юрьев — Петербург — Севастополь») в Ялту на пароходе. По дороге начался ужасный штурм, и маленький пароходик кидало во все стороны. Все старшие — Амалия, Fraülein — укачались во всю: папа за ними смотрел. Сам он — сын моряка — никогда не болел. А мою мать я «спасла» от морской болезни: надо было меня держать на руках, и не до болезней было. Если бы мама меня положила, я бы каталась по полу по всему помещению. Этот морской переход сильно на меня подействовал, и в Олеизе я отказалась есть. Таково было мое первое знакомство с дачей Токмаковых.

В это время, судя по биографиям о Сергея, Нелли в Олеизе не было. Она уже несколько лет тому назад (1898) вышла замуж за молодого, многообещающего юриста, страстного марксиста Сергея Николаевича Булгакова. В 1900 г. у них уже была дочь Мария (Муна) и сын Федор (?). В 1900 г. С.Н. Булгаков

с семьей находился в Германии, куда он был послан в «заграничную командировку», где он увлекался марксизмом и участвовал в журнале «Освобождение», который издавали его друзья Петр Бернгардович и Нина Александровна Струве.

В нашей семье монархистами не были. Но, конечно, мою няню очень занимала близость царской дачи Ливадия. Наверное, она гуляла туда со мной и со своим любимцем Димуленькой. Впоследствии, когда Димуленька не хотел есть, то Амалия, чтобы заставить его открыть рот, говорила: «А ну покажи, как открываются ворота, когда царь в Ливадию едет!»

Бывают у таких старых баб, как я, странные идеи. Я закрою глаза ивижу большую дорогу (из Олеиза в Ливадию). Родное русское солнце играет на зубцах Ай-Петри и смеется в свинцово-синих волнах родного Черного моря. Жара. Тополя и кипарисы неподвижны. Моя мать и няня гуляют с нами. К маме подходит цыганка-гадалка. Мама ее гонит, но она так назойлива, и к тому же Амалия любопытна. И цыганка гадает маме: этот самый муж Нелли будет профессором, коллегой твоего мужа, и вы будете спорить, спорить... а потом этот марксист примет первую исповедь твоей Мулиньки и причастит ее в 24 года... а потом в сиянии Пасхи он будет отпевать твоего мужа и стоять, изгнаник, с другим изгнаником, Струве, у открытой могилы... а потом он благословит Мулиньку на брак с молодым богословом... и пять лет спустя будет крестить твоего внука... а еще в начале страшной войны будет водить твоего тестя вокруг престола... а к концу этой войны похоронят его и Нелли в земле чужой, недалеко от будущей могилы твоего зятя... и твоей Мулиньки...

Что мама? Рассердилась бы? Даже нет! Вот видите, какой вздор плетут гадалки! Пожалуй, мама, моя серьезная мама, которая, как и я, умела хохотать до упаду, так и покатилась бы от смеха где-то там, между дачей Токмаковых и дачей царя...

Это, как говорится, присказка. Посмотрим, как сбылось воображаемое предсказание гадалки.

В 1905 г., после 9 лет профессуры в Юрьеве, мой отец получил кафедру (геологии) в Киеве. В это время С.Н. Булгаков проводил в том же Киеве последний год профессуры в По-

литехническом институте и приват-доцентуры в Университете (Зандер *dixit*¹⁶). Знакомство, вероятно, по университету, а скорее всего, из-за Елены Ивановны между моими родителями и Булгаковыми возобновилось. Я не помню Булгаковых по Киеву, хотя помню Трубецких (князь Евгений Трубецкой тоже проводил последний год профессуры в Киеве). Но Трубецкие были наши соседи по Левашовской улице на Липках, Сонечка приходила играть с Димой и много, и меня водили к Трубецким. Я думаю, если бы Булгаковы с Федей и Муной у нас бывали, я бы их хоть немного помнила. Скорее всего, что мои родители бывали у Булгаковых в Святошине (возможно, что на этот период падает рождение или младенчество «Ивашечки», умершего в 1909 г. в Москве). Во всяком случае, и мой отец, и о. Сергий хорошо помнили их ожесточенные споры на религиозные темы: Сергей Николаевич (и его жена?) в это время большими шагами возвращался от Карла Маркса под сень Христа. Моя мать никогда не интересовалась религиозными вопросами, за исключением, кажется, краткого периода в Москве, под влиянием гимназической подруги – дочери о. Сперанского, московского благочинного. С детства она впитала в себя «лютеранскую» мораль – по наследственности (?) от отца, Генриха Шлимана¹⁷, сына лютеранского пастора (впрочем, пьяницы) и прелестной матери из пасторской семьи¹⁸, или, скорее всего, от немокгубернанток вроде «тети Алины» (*Fraulein Löwenthal*). Быть честным, не быть эгоистом, помогать нуждающимся (но таким, которые *действительно* нуждаются) и быть убежденным антимилитаристом – вот то, к чему для нее сводилась мораль, проповеданная великим учителем Иисусом Христом. Многое другое, конечно, есть в Евангелии, это все очень хорошо, но неисполнимо. Мой отец, воспитанный своей матерью (дед утонул, когда отцу было десять лет), простой, еле грамотной, очень набожной казачкой, был до пятнадцати лет очень верующим, любил церковь и читал на клиросе. В пятнадцать лет его «сбили» товарищи¹⁹, сказавши, что Бога нет. «Дух естественных наук» в 70–80-х годах был так силен, что для молодого геолога невозможно было сочетать науку и веру. Да и что говорить, «с другой стороны» это было нелегко: 1) как согласовать рассказ Бытия о творении мира и данные геологии? а рассказ Бытия *обязательно* было понимать буквально; 2) как

могло случиться, что православная церковь в России, вместо того чтобы быть величайшим явлением духа, стала слугой царю и священники ее — жалкими чиновниками-писцами? Вот те две сосны, между которыми заблудился мой отец. Я думаю, между пятнадцатью и сорока пятью годами (ему было сорок пять в 1906 г.) наука, путешествия, семья и не оставляли у него ни времени, ни охоты размышлять о религии. Только в глубине души, я верю, у моего отца осталась его глубокая природная религиозность и нежная любовь к Христу. Его влекли пантеистические воззрения, буддизм, толстовство... Но Толстой не ценил науку, которая была божеством моего отца.

Возможно, что, попавши в Киев, набожный до ханжества, переполненный монахами, не всегда блиставшими добродетелями, фанатичный к инославным (полякам) и к тому же «черносотенный» (был «пятый год»), мой отец — и особенно мать — еще больше отстранились от того, что называлось тогда «обрядовое благочестие».

С.Н. Булгаков шел другой стезей. И начались долгие, страстные споры... На следующий год Булгаковы уехали в Москву, и мои родители потеряли их из виду. Мы переехали в 1912 г. в Петербург, который стоял в стороне от более церковного, православного «Ренессанса», происходившего в Москве. Впрочем, не только мои родители, но и моя сестра и братья остались чужды и петербургским новым веяниям: Религиозно-философское общество и другие религиозно-философские искания были им малоизвестны. Символистов, во главе с Блоком, не читали (до революции) и смешивали с тем, что тогда презрительно называлось «декаденты». Мережковского читали, но одна я волновалась над его проблематикой: Христос или Антихрист, революция или религия? И одна я, почти тайком, зачитывалась Владимиром Соловьевым-поэтом и была «зачарована» Блоком, чтобы не сказать просто влюблена в него...

Это в скобках.

4 августа 1918 г. мы уехали «на время» из голодного, холерного Петрограда. Мой отец, академик с 1914 г., вновь взялся за чтение лекций в новооткрытом Таврическом университете (в Симферополе; я надеюсь, что никто не считает «Таврический университет» университетом города Таврика, как теперь принимают «Новороссийский», то есть Одесский,

университет за университет города Новороссийска). Моя сестра стала служить в библиотеке Историко-филологического факультета. Я – начинающая курсистка Высших женских курсов в Петербурге, поступила на историко-филологический факультет. В университете мы встретились вновь – немногого знали их по Петербургу – с Асеей Оболенской и ее подругой Юлей Рейтлингер: с этой последней мы встречались у учительницы музыки, Виктории Людвиговны Древинг-Стремоуховой.

Летом 1919 г., в то время, когда «наши мальчики» стояли на Ак-Манае²⁰, а остальной Крым был под большевиками, мы – то есть мой отец, мать, Вера и я (3 брата были на разных фронтах²¹) – отправились все-таки «на дачу», на Южный берег Крыма, в имение Саяни, откуда в былье времена мама выписывала вино в Юрьев. Саяни принадлежало «дедушке» Владимиру Карловичу Винбергу, патриарху многочисленной семьи: семья детей и множество внуков. В Саяни в годы 1917–1919 собралась на какое-то время вся семья и множество друзей-беженцев со всей России.

Из семи детей дедушки один сын утонул в море, купаясь (?), и одна дочь со своей дочерью как-то трагически погибла (попала под поезд?): говорилось, когда Ася «ударила в религию», то, что это было под впечатлением смерти тетки. Один сын был холостой – глухо-немой «дядя Володя». Тетя «Илюшка» (Леонида) была *la tante en général*²². Анатолий Владимирович – юрист, был женат на дочери знаменного адвоката Карабчевского. Со старшей из его двух дочерей, Ниной, я училась – и дружила – в Симферополе. Ольга Владимировна была замужем за голоштанным князем Владимиром Андреевичем Оболенским (министром крымского правительства). Ася (Александра) была старшей из их восьми детей (четыре дочери и четыре сына). Наконец, Нина Владимировна была замужем за профессором медицины Александром Ивановичем Яроцким, коллегой моего отца по Юрьевскому университету: три дочери и три сына. Старший сын служил с Димой во второй гаубичной батарее. (Я описываю семью Винберг, потому что нити наших жизней так или иначе переплелись с ними и их друзьями).

Летом 1919 г. Саяни было в очень плохом виде, виноградник погибал. Было три дачи: «большой дом», где жили

дедушка, Илюшка, дядя Володя и Яроцкие, дача «дяди Анатолия», где помещались Оболенские, сестры Рейтлингер (подруги Аси и Ирины по гимназии в Петербурге), [Трудненские]²³, друзья семьи (за одного из них впоследствии вышла замуж Мика Оболенская) и другие; и, наконец, дача Оболенских, которую наняла моя мать пополам с семьей профессора Гурвич[а] (юриста). В это время Саяни значительно опустело: Винберги куда-то уехали, кажется, в Киев. Из друзей молодой ученый Юрий Никольский (о нем будет речь впереди) тоже уехал. Алексей Петрович Струве («Ляля») уехал за границу с так называемой «первой эвакуацией» (весна 1919)²⁴. Волон Яроцкий и две старших сестры Рейтлингер (Маня — медичка и Лида, подруга Ниночки Вернадской, я ее встречала на курсах: обе сестры милосердия, умерли впоследствии от сыпного тифа) были на фронте. Виноградник надо было обрабатывать.

3²⁵

Знакомство о. С.Н. Булгакова и Н.Н. Афанасьева состоялось на конференции в замке Штернберк (Чехия), начавшейся в день св. Анатолия Цареградского, 16 июля²⁶ 1923 г. В это время Н.Н. Афанасьев был студентом Белградского богословского факультета, только что перешедшим со второго на третий курс. Он представлял на конференции «знаменитый» Белградский кружок имени св. Серафима Саровского вместе с А.В. Оболенской и О.М. Веригиной. О. Сергий Булгаков незадолго до этого был изгнан из России своим бывшим товарищем по социал-демократической партии В.И. Лениным. К 1922–33 году в Прагу стягивались²⁷ лучшие силы русской интеллигенции в изгнании, как изгнанные Лениным, так и многие профессора и деятели из Белграда, Парижа и т.д. Среди них выделялись своеобразные и огромные фигуры академиков П.Б. Струве, Н.П. Кондакова, Н.И. Андрусова, профессора П.И. Новгородцева, декана Русского юридического факультета, и В.В. Зеньковского, только что переехавшего из Белграда для организации Педагогического института. Интеллигенция «бурила» на темы религиозные, культурные, научные и политические. Среди этой профессуры и студенчества, вернувшейся, недовернувшейся или не вернувшейся

в Отчий Дом (а были и те, кто никогда далеко не уходил), фигура о. Сергея Булгакова, известного юриста, все бросившего Христа ради, производила в среде русской эмигрантской интеллигенции необыкновенное впечатление.

«Вчера были у нас неожиданные визиты, — пишет Н.А. Андрусова²⁸... июня²⁹ в Париж дочери — Жекулина³⁰ и С.Н. Булгаков. Мне очень понравился С.Н. — моя мать знала его и раньше, в частности в Киеве в 1905–6 гг., — у него такие грустные и фанатичные³¹ глаза. Его дочь, прежде такая веселая³², тоже очень грустная. Видно, они очень много пережили в Крыму».

Конференцию в Штернберке собирают иностранные друзья русского студенчества, по принципу «интерконфессионализма», «открытых кружков», каковым был в 1922–23 гг. христианский кружок в Праге, в Париже и т.д. Главными организаторами были (*sauf erreur*)³³ доктор Л. Липеровский, Д.И. Лаури и др. П.И. Новгородцев и В.В. Зеньковский представляли линию православных кружков (Белград). О. Сергий Булгаков на этой конференции еще не играл той роли, которую играл на последующих съездах. Первое впечатление от него Н.Н. Афанасьева — панихида, которую о. Сергий Булгаков служил «частным образом» по Государю Императору по случаю годовщины его смерти. Несомненно, о. Сергий служил ее в знак раскаяния и молитвенной памяти о несчастном государе, но в свете некоторых высказываний о. Сергия — настоящих, а иногда и приписываемых ему — у Н.Н. Афанасьева создалось впечатление, что о. Сергий — в начале 20-х годов, по крайней мере, — защищал идеи «священной монархии». Николай Николаевич всегда был — но очень умеренно — левых убеждений и особенно с молодости был чужд всем идеям теократии и священного самодержавия. Однако это впечатление, вероятно мимолетное, нельзя сравнить с тем впечатлением, которое произвел на Николая Николаевича о. Сергий как пастырь и священник. В субботу перед концом конференции он исповедуется — или имеет длинный разговор с о. Сергием в порядке исповеди³⁴.

В воскресенье 22 июля³⁵ о. Сергий служит в большом открытом амбаре с видом на поля. Открытый совершенно престол — что соответствовало и идеям, и вкусам о. Сергия и о. Николая. Вдохновенная служба о. Сергия с громким

чтением тайных молитв (что смущало тогда и «традиционистов», и «левых», искающих веру, скорее, в «нянькином стиле»). Единственное украшение — огромная гирлянда из васильков, обивавшая примитивный престол (она сплетена «девочками» конференции с помощью Н.Н. Афанасьева)³⁶.

4

На Первый Пшеров Николай Николаевич не приехал³⁷, но несомненно его пережил через своего учителя — старшего друга («дядю» — впоследствии посаженного отца на свадьбе и крестного его сына Анатолия) В.В. Зеньковского и одного из лучших друзей по Белградском кружку С.С. Безобразова. А также через письма М.Н. Андрусовой, с которой Николай Николаевич подружился в Штернберке и которая в Пшерове первый раз в жизни причастилась, исповедавшись у о. Сергея Булгакова. О. Сергий был вместе с еп. Вениамином,³⁸ очень любившим Николая Николаевича, главным вдохновителем того «церковного восторга», который отметил Первый Пшеров (даже чрезмерно, по мнению некоторых).

На Святой 1924 года о. Сергий едет в сопровождении Ю. Рейтлингер (он никуда не умел двигаться, по собственному признанию, «без сопровождения») в Белград для посещения кружка³⁹. С этого момента, очевидно (т.к. на Второй Пшеров Николай Николаевич не попал «по не зависящим от дирекции обстоятельствам»: из-за некоторой путаницы ряду едущих на конференцию было отказано в визе), о. Сергий считает Николая Николаевича своим учеником. По крайней мере, в ноябре 1924 г. он говорит одной даме с большой похвалой, что Николай Николаевич «моего толка». В чем это заключалось?

К этому времени в церковных и богословских кругах уже ясно обозначилась та трещина, которая повела к разделению эмигрантской церкви на «Карловцы» и «Париж». Оставляя в стороне политическую и каноническую сторону этого конфликта, можно охарактеризовать кратко эти две тенденции (выражаясь современными терминами) как мертвящий иммобилизм, страх всего нового, всего нерусского, узкий национализм с одной стороны, творческий «Ренессанс» с другой стороны. Трещина же прошла через на-

чинающееся Движение (особенно белградский кружок, что привело Н.Н. Афанасьева к тяжелым внутренним драмам⁴⁰) и даже через «безоблачное (по мнению Н.М. Зернова) небо» хоповской конференции, где о. Сергию было очень тяжело⁴¹, т. к. великолепная, грандиозная фигура митр. Антония была на ней доминирующей. Также отразилась эта трещина на первых шагах «Академии» (Богословского института): по письмам Николая Николаевича можно проследить, как трудны были первые шаги и каких усилий стоило митр. Евлогию и о. Сергию преодоление мертвящих сил иммобилизма, страха масонства, ересей, инославных и т.д. Н.Н. Афанасьев держит в это время — в пору, когда наметилась трещина в церковных кругах и начинающемуся Движению — линию, которую считает основной линией о. Сергия: «оцерковление жизни» есть идеал, заданный Движению. Так тема «Церкви» уже в эти годы объединяет о. Сергия Булгакова и Н.Н. Афанасьева. Что же касается софиологии как религиозно-философской системы, то не знаю, можно ли в это время говорить о ней. Или можно говорить о «софийности» как о некоем религиозно-поэтическом мироощущении, идущем от Соловьева, мистика, философа и поэта, и от его отражения в раннем Блоке. В этой линии Николай Николаевич несомненно был связан с кругом идей о. Сергия, но софиологом в собственном смысле слова никогда не стал⁴².

За годы 24-й и 25-й Николай Николаевич встречается и переписывается с о. Сергием. Перечислять les hauts et les bas⁴³ этих личных отношений было бы излишне и слишком длинно.

В великую субботу 1925 о. Сергий благословляет (на исповеди) помолвку своих духовных детей — Н.Н. Афанасьева и М.Н. Андрусовой, перед самым отъездом в Париж. Не он их венчает, но Николай Николаевич ему почти что первому пишет письмо после свадьбы с изложением мыслей о браке, несомненно, не без влияния мыслей самого о. Сергия.

С 1925 по 1930 г. (Скопле — Штип — Скопле — Белград — Давос — Ментона) Николай Николаевич работает, проходя суровую школу своего учителя историка А.П. Добролюбского, который продолжает им руководить и в Париже. Редкая переписка Николая Николаевича с о. Сергием не сохранилась. В марте 1930 г. Афанасьевы в Париже. Николай

Николаевич – профессорский стипендиат на полгода. Первый визит – о. Сергию, который предлагает Мариамне Николаевне перевод «Православия». Мариамна Николаевна сначала очень пугается трудности этого дела, но потом соглашается ради о. Сергия с условием faire le nègre⁴⁴ для о. Льва Жилле. Николай Николаевич приносит ей текст книги в клинику во время тяжелой болезни (между прочим, в своем роде предсказанной ей о. Сергием, равно как и близкая смерть отца). 18 августа о. Сергий крестит Анатолия Афанасьева. Осень 1930. Николай Николаевич помогает жене переводить «Православие», объясняя непонятное (без критики или похвалы). Несомненно, что при этом происходит какой-то процесс усвоения идей о. Сергия о Церкви, ее центральности (софиологии в «Православии» нет, нарочно, т.к. эта книга была написана «на заказ», для «иностранцев»)⁴⁵. Николай Николаевич посещает семинар о. Сергия (позднее участвует в братстве Св. Софии). Он очень увлекается догматическими докладами. Догматика интересует его в эти годы еще и потому, что он пишет, по «заданию» Доброклонского, труд «Ива Эдесского и его время» (по поводу христиологических споров). Сохранилась случайно запись мыслей Николая Николаевича после возвращения с семинара, на котором В.В. Зеньковский читал доклад «О земном лике тварной Софии».

Однако, как уже сказано, софиологом, к огорчению о. Сергия, Николай Николаевич не стал, хотя и считал учение о. Сергия величайшей попыткой объяснения зла на путях монизма.

И вот наступает катастрофа: «дело» о. Сергия. Николай Николаевич пережил это «дело» как свою личную, страшную драму и как церковную трагедию. Тем тяжелее осуждение Москвы, что за ним видна тень советской власти, и, с другой стороны, что оно было подсказано... из Парижа. (*Nomina odiosa sunt.*) Николай Николаевич по поручению института пишет протест по делу⁴⁶. О. Сергий был слегка разочарован: он ожидал защиты «по существу», а не только защиту свободы богословования, свободы «Парижского богословия». Все же он был благодарен Николаю Николаевичу. На «Утешителе» вместо обычного: «дорогим Марианне и Н.Н. Афанасьевым на [пропущено автором. – В.А.]» и благо-

словение (надпись на «Агнце Божьем») он пишет: «Дорогому Н.Н. Афанасьеву на память о годе испытаний».

Впоследствии Н.Н. Афанасьев стал все больше и больше отходить от линии софиологии. Связь между о. Сергием и о. Николаем надо искать в другой линии – это Церковь, «евхаристическая экклезиология». Несомненно, что центральность Церкви воспринята о. Николаем от о. Сергия, а также центральность евхаристии. Это «влияние»⁴⁷ шло прежде всего по линии пастырства. По словам Л.А. Зандера, «все богословие о. Сергия имеет своим источником евхаристическую Чашу»⁴⁸. В порядке духовничества в 30-е годы в Париже вокруг о. Сергия образовалось как бы «евхаристическое движение», прежде всего в пользу частого причащения. Но это не было только «частое причащение для личного спасения»⁴⁹. «Причащайтесь почаще; вот Великий пост – почему не причащаться *каждое воскресенье*? это так важно не только для *Vас*, но и для всей *братии*» (из личных воспоминаний). В Великий Четверг о. Сергий, не имея возможности служить одному (так же, как о. Николай, он не любил сослужения), собирал своих друзей и последователей, служа где-нибудь, например в общежитии А.Е. Матео. Николай Николаевич Афанасьев вместе со своим лучшим другом Б.И. Сове вошел всей душой в это движение.

Маленький анекдот. О. Сергий очень любил маленького сына Николая Николаевича и был доволен, что он, по собственному желанию, причащался каждое воскресенье (кроме тех многочисленных, которые он проводил в постели) и долго после семи лет без исповеди, с благословения о. Сергия. Однажды он так представил Анатолия кому-то: «сей отрок, причащающийся каждое воскресенье, хотя и не “по-афонски”, не постысь». Надо было видеть, как радостно при этом смеялся о. Сергий.

Возникновение «одного видения» (А. Шмеман)⁵⁰ – Церкви, Тела Христова – так или иначе связано с о. Сергием (см. «Православие», гл. «Церковная иерархия»). Несомненно также, что с самого начала восприятие этого «видения» имело несколько разные оттенки у о. Сергия и Н.Н. Афанасьева. У последнего отсутствовала вся софийная и религиозно-философская сторона идей о. Сергия; с годами Николай Николаевич все более и более углублялся

в чисто богословское, новозаветное и *конкретное* понимание Церкви как Тела Христова. Не в этом ли причина того, что о. Сергий довольно сухо принял доклад, читанный Николаем Николаевичем в его семинаре в 1933 г., «Две идеи вселенской церкви» (первый набросок евхаристической экклезиологии)? Доклад этот все же им был оценен и напечатан в «Пути», но критика о. Сергия (не знаю точно, в чем именно) очень болезненно была воспринята Николаем Николаевичем, настолько, что временно он оставил свою евхаристическую экклезиологию, по крайней мере в том виде, как она отразилась в статье «Две идеи».

В годы 1933–39 Николай Николаевич погружен в чтение лекций по каноническому праву и греческому языку (отсюда все большее и большее погружение в новозаветные источники богословия). О. Сергий очень интересуется каноническими трудами Николая Николаевича, «направляет» некоторые его статьи (см. письмо № ...⁵¹), помогает ему устроить командировку в Лондон для работы в British Museum. Канонические и историко-канонические исследования ведут Николая Николаевича все больше в область экклезиологическую, в которой очень силен круг идей о. Сергия, в частности учение о соборности. При переходе этих идей из области философско-поэтической в область конкретную (историческую и новозаветную) это учение дает у Николая Николаевича учение о всеобщем священстве народа Божьего (см. статью малоизвестную *Das algemeine Priestertum in der alten Kirche*)⁵² и развитие учения о рецепции, над которым Николай Николаевич работает и дальше.

В 1936 г. (в Лондоне?) Николай Николаевич начинает большой труд – любимое детище того времени: «Церковные соборы и их происхождение». Он еще выдержан, особенно глава («Икона Церкви»), в булгаковских тонах, в круге идей «соборности» Церкви.⁵³ Исходную точку соборов Николай Николаевич ищет в соборной церкви, в церковном собрании – в евхаристическом собрании. Николай Николаевич должен был закончить этот труд осенью 1938-го на досуге в Риме, куда он получил командировку, но события не дали ему доехать до Рима, а осенью 1939 г., очутившись в Швейцарии, Николай Николаевич оставил рукопись там, не рискуя ее перевозить через границу при возвращении в Париж.

16 декабря / 8 января 1940, в день Собора Божией Матери, о. Сергий водит вместе с о. Киприаном накануне рукоположенного диакона Николая вокруг престола. Накануне вечером о. Сергий служит в первый и последний раз с диаконом о. Николаем. Первая половина 1940 г. проходит в постоянном литургическом общении и сослужении. 31 мая о. Николай расстается с Парижем «на время» («ведь война скоро кончится») и с о. Сергием — навсегда. За годы 1940–1944 сохранились 2–3 открытки о. Сергия *inter-zones*⁵⁴: «Nous sommes en bonne santé. Sans nouvelles de votre retour. Felicitations pour votre bébé»⁵⁵. В июле 1941 г. о. Николай в последний момент чуть было не решил вернуться в Париж вместо того, чтобы ехать в Тунис. Ему очень не хотелось в «гитлеровский» Париж, но о. Сергий очень просил его вернуться (этую открытку найти не могу). Но уже было поздно. В Тунисе ждали несколько тысяч православных без пастыря и было обещано митр. Владимиру. Когда о. Николай вернулся в Париж, основатель Парижского богословия уже давно лежал под сенью берез, под покровом св. Женевьевы Парижской, около церкви Успения Божией Матери.

О. Николай унаследовал от своего духовного отца ранние воскресные литургии в Успенском приделе Сергиевского подворья и его высокое евхаристическое вдохновение. Так же, как его учитель, он мог сказать, что все его богословие исходило из евхаристической Чаши. До того дня, когда Господь призвал его к Себе в воскресенье в момент, когда освящаются Св. Дары в день Введения в храм Пресвятой Богородицы. Теперь он лежит недалеко от своего друга и учителя, близ церкви Успения Божией Матери.

Если я отмечаю все, что в жизни или смерти о. Николая связано с Божией Матерью, то потому, что о. Николай не меньше о. Сергия любил и благоговел перед Матерью Спасителя. Хотя очень мало об этом говорил. Только — и в этом, может быть, отражение разницы в их богословии, в столь многом едином, — для о. Сергия, пророка, философа и поэта, Божия Матерь была как бы воплощением (?) Софии (идеи Софии — Церкви — Марии переливались у него), а для о. Николая — конкретного историка и новозаветника — Пресвятая Богородица достаточно была украшена одним именем, именем Матери Господа нашего Иисуса Христа.

II

Париж 5.11.1971

Дорогая Милица⁵⁶, пишу тебе на машинке, то есть предвижу, что письмо мое будет длинным. Сегодня утром я получила открыточку от Николая Михайловича⁵⁷ и твое письмо. Я немедля ответила Николаю Михайловичу. Из этого письма ты узнаешь о моей болезни, о том, как я узнала с опозданием о смерти Сони⁵⁸ и как написала Вам из клиники неудачно на адрес Володи⁵⁹. Мне очень жаль, если это письмо, написанное под непосредственным впечатлением смерти дорогой Сони, пропало. Кроме того, я ему пишу по поводу книги о Николае и о присылке вашей книги для Вали Фриде (урожд. Яжинской) на мой адрес. Прошу и тебя вникнуть в эту часть письма.

Твое письмо и обрадовало, и огорчило... меня. Обрадовало, потому что ты обратилась ко мне для материалов для вашей книги. Огорчило, потому что я вижу, что твои воспоминания обо мне в молодости крайне путанные: я, значит, промелькнула в твоей молодости в 10 раз скорее, чем ты в моей. Впрочем, это естественно. Кроме того, Толя⁶⁰ говорит, что у меня *une mémoire d'éléphant*⁶¹. Конечно, на давно прошедшее, а что было вчера или сколько я истратила на базаре – вспомнить не могу. Предупреждаю, однако, что у меня чисто зрительный тип памяти, а не абстрактный, поэтому в моих воспоминаниях (которые я пописываю по кусочкам под названием «романов») я не могу описать своих мыслей и чувств, а только очень яркие внешние впечатления.

Теперь к делу: раньше, чем описать тебе мое участие в раннем движении и мои встречи с тобой, я тебе должна изложить вкратце⁶² (я начала было сочинять подробно, но я бы никогда не кончила, да тебе и не нужно) «биографию» моей молодости. Я родилась в 1899 году (один год с тобой, Соней, о. Киприаном, Б.И. Сове⁶³ и т.д.) в г. Юрьеве (Дерпт, Тарту, Эстония), куда в 1896 г. был прислан мой отец, чистокровный русский, геолог, академик Н.И. Андрусов, с плечами молодых ученых для русификации самого старого в пределах Российской империи университета, основанного в XVII веке королем шведским Густавом Адольфом, и где профессора

и большинство студентов были немцы до конца XIX века. Моя мать была дочерью знаменитого Генриха Шлимана, сынаmekленбургского лютеранского пастора, чистокровного пруссака, выгнанного с места за пьянство и плохое поведение, так что мой дед в детстве был даже одно время «мальчиком на побегушках» в лавочке и иногда буквально по-мирал с голода. Но решивши с детства, под влиянием своего беспутного, но интеллигентного отца, найти Трою, он, после многих мытарств, стал миллионером. Женился в первый раз на Екатерине Петровне Лыжиной в Санкт-Петербурге и стал русским подданным. Лыжины – скромна дворянская семья, родом из Архангельска, <что видно из фамилии,>⁶⁴ вероятно, традиционно верующая, но не думаю, чтобы моя бабушка была особенно религиозна. Дед мой был, значит, лютеранином, но по-настоящему он интересовался только богами Гомера. Моя мать – младшая из его русских дочерей. Т.к. бабушка не захотела ехать с дедом на фантастические поиски никому не нужной Трои, он развелся с ней и женился на красавице-гречанке на 30 лет моложе его. Зачем я тебе пишу? О Шлимане фабрикуют одну книгу за другой, но увы! часто пишут гадости о моей бедной бабушке. Замечу в скобках, что львиная доля дедушкиных миллионов (что вполне нормально, потому что София Шлиман-Енгастроменас, его вторая жена, была его верной помощницей) пошли его греческой семье. Мою мать он обеспечил, оставивши ей деньги в России (их забрали большевики) и дом в Париже, который нас кое-как спас от горького хлеба изгнания в период *entre deux gueffres*⁶⁵. Отец мой был сыном капитана, служившего в РОПиГ⁶⁶ и погибшего в Черном море в 1870 г. (поэтому я ездила год назад в Константинополь и поклонилась родному Морю), когда моему отцу было десять лет, а пятый член их семьи еще не родился.

Бабушку (урожд. Белую), дочь керченского рыботорговца, родом из донских казаков, и пятерых детей подобрал ее брат, сам семейный и бедный. «Дядя Филипп», благодетель, и бабушка были попросту традиционно «по-народному» верующими и так воспитали детей. Но в пятнадцать лет мой отец потерял веру под влиянием естественных наук (несмотря на свирепый классицизм) и товарищей. Несмотря на это, он сохранил в чистоте свою душу *naturaliter christiana*⁶⁷.

[и] горячую любовь ко Христу и считал, что знание древних языков — начало премудрости⁶⁸. Что же касается моей матери, то, я думаю, ее религиозное воспитание, скорее,шло от немок-тювернанток в лютеранском духе, очень пуританском. Если прибавить к этому, что первые шесть лет моей жизни мною и моим братом Димой⁶⁹ всецело заведовала моя не забвенная (царство ей небесное!) няня Амалия, вероятно, эстонка (я пишу «вероятно», потому что мама взяла ее из «воспитательного дома», т.к. она была подкидыш, где она прекрасно научилась говорить по-немецки и ей дали немецкую фамилию Тишлер), то ты поймешь, что в моем детстве было нечто немецко-лютеранское. Это Амалия обвесила стену над моей кроватью картонными ангелами, и я под их покровом спала до двенадцати лет. Что касается бабушки (матери отца; <дед и бабушка Шлиман умерли задолго до моего рождения>⁷⁰), то она умерла, когда мне было шесть лет. Она пыталась водить старших в церковь, но это кончилось крахом. Единственное ее влияние на меня была (sic! — В.А.) «боженька», кот[орую] я нежно любила, и в последние месяцы ее жизни (уже в Киеве) иконы в ее комнате, под которыми я сидела и читала (я научилась читать сама в пять лет) морально-народнические рассказы.

С 1905 по 1912 год мой отец был профессором в Киеве. Это был «пятый год», и православие легко связывали с «черносотенством». Так, когда в 1905–6 году коллегой моего отца был С.Н. Булгаков, то между ними происходили гомерические споры. <Отец умер на Пасху 1924. О. Сергеий, отпевавший его, сказал, что ему легко было служить отпевание своего бывшего антагониста.>⁷¹ Однако уже в Киеве начался мой путь в церкви, тем более трудный, что я одна и последняя из пяти детей думала о религии. Описать все невозможно. Тут были и романы из жизни первомучеников, и Владимирский собор, и колокол Лавры, и дивная красота нашего сада, и... как ни странно, смерть Толстого, когда впервые за столом я услыхала разговоры о Боге и мой отец сказал: «Для Толстого Бог — это Любовь». Это было озарение. Значит, Бог есть и в сущности отец верит в Него. Мне было одиннадцать лет. Кажется, еще в Киеве я нашла у брата Евангелие, которое он прочел и решил, что «все про неправду написано», а я обрела через эту книгу веру. Закон Божий я учила с мамой. Благодаря моей феноменальной (тог-

да) памяти я почти все выучивала наизусть и, чтобы не докучать маме, которая только «отбывала повинность», никогда ничего ее не спрашивала. Такой был у меня характер: до всего дойти самой, как я сама научилась читать... В Киеве в гимназиях было обязательное говение на первой неделе поста. Но я в Киеве ходила в гимназию всего один год, да и то экстерном. Поэтому я одна из нас пяти и не говела никогда, на мою радость: моя душа, искавшая Бога, уже понимала, что это богохульство – причащаться без веры в причастие.

С 1912 по 1918 год мы жили в Санкт-Петербурге, где мой отец был вскоре выбран в Академию наук. Я поступила в гимназию Шаффе, тринадцати лет в пятый класс, и окончила ее в 1916 году, сдавши одновременно экзамен по латыни для аттестата зрелости. Это было, конечно, слишком рано. Однако гимназия все же сформировала меня с религиозной точки зрения. По утрам общая молитва с пением и чтением Евангелия в большой зале. У нас был прекрасный «батюшко» и в то же время не формалист, так что я так и кончила гимназию без говения. Сначала я сошлась с яростной польской и фанатичной католичкой, которая изводила меня своими сомнениями, когда мы стали учить про инквизицию Борждия и т.д. До той поры, когда моя незабвенная учительница истории, гениальный педагог, умевший сделать из истории школу христианства (она была лютеранка, но совершенно беспристрастна), не объяснила ей, что факт инквизиции не противоречит бытию Божию, и пр[очие] великие истины.

Это сыграло огромную роль и для меня, потому что все мое детство я наслушалась о грехах официальной русской церкви. Впрочем, тут я уже всецело была «под влиянием» «обожавшей» меня подруги-еврейки, которая от одной девочки, уехавшей в Москву до моего приезда в Санкт-Петербург, набралась какого-то сектантства (должно быть, это была баптистка). Мы с Ниной-еврейкой часами сидели за чтением Евангелия, а для объяснения его нам служил Толстой. Не столько Толстой из «В чем моя вера», а Толстой «Войны и мира» и народных рассказов. Да, Толстой оказал на меня большое и благодетельное влияние. Пути Господни неисповедимы.

Но пришла война. Надо было что-то другое. Тут с одной другой подругой, тоже еврейкой, мы стали задумываться: можно убить или нет? Религия или революция? Властителем

дум наших стал Мережковский. За ним, т.к. эта подруга была еще и «поэтесса», а учителем словесности был известный пушкинист М.Л. Гофман, пришли символисты с их туманной мистикой, особенно ранний Блок. И я, дура, шестнадцати лет писала для Гофмана реферат «Поэзия Вл. Соловьева». Тут уже явился лик православной церкви и... «Софии» о. Сергия...

В 1916 г. я поступила на Высшие женские курсы, но больше занималась помощью детям солдат, кассой взаимопомощи и т.д. Я в эту пору была в расцвете дружбы со школьной же подругой Верочкой Никитиной (она умерла во время осады своего дорогоГО города и лежит под номером <XYZ>⁷² на Пискареве). Вечная память тебе, незабвенный друг, с которой я переписывалась еще до 1934 года. Ангел доброты, православная христианка до глубины души (из сурово верующей семьи; кажется, бабушка была староверка). Когда пришла революция, «наша», интеллигентская, мы верили, что Бог сошел на землю (см. «Доктора Живаго»), и что наша церковь процветет, и что все будут любить друг друга. Потом горькие разочарования. Потом выстрел «Авроры» (лучше бы она звалась «ночь») убил навсегда то, в чем меня воспитывали: веру в науку, в прогресс, в «великую бескровную» (у нас не будет так, как у французов). Одно оставалось — Христос. Но воскрес ли Он? И вдруг я увидела вечную жизнь: на лице у подло убитого в больнице доктора Шингарева, министра земледелия Временного правительства. Он лежал точь в точь Христос, снятый с креста: тихий, живой, мирный, ласковый ... все простивший. Мы (весь Петроград, уже сильно поредевший) провожали его под злостные взгляды большевиков до Александро-Невской лавры, где его ждал митрополит (Вениамин?). И я поняла, что смерть побеждена и что без веры в Воскресение Христа жизнь вообще не имеет смысла. Я стала ходить в церковь иногда, потому что что бы сказали дома, если бы я пошла в церковь вместо того, чтобы стоять в очередях. Да, еще осенью, до большевиков, я часто «по дороге» с уроков музыки стояла подолгу на коленях перед распятием в Казанском соборе и молила, чтобы Он пронес мимо нас горькую чашу... Летом 1918 г. по пустой набережной везли трупы холерных, завернутых в грязные тряпки. В животе было пусто совсем, но душа подымалась легко к почти белому небу над умирающей столицей.

Но прошло еще почти 2 года (Крым), пока я стала правильно бывать в церкви и затосковала о причастии. Я не описываю этих лет, это было бы бесконечно. Тут было все: гражданская война, ужасы, новые люди, много очень личного и никому не интересного, и особенно заботы (три брата на трех фронтах, и притом при трудностях жизни я одна физическая сила). А главное болезни – не мои, а моих близких: сыпной, возвратный. И особенно болезнь отца. На почве переутомления по созданию Таврического университета у него был в 58 лет страшный удар. Он поправился, но стал как ребенок. Я была его глазами, языком и особенно памятью. Отсюда на пять лет моя драма: отец, который не мог без меня жить, неверующий, и его обожаемая Муленька, медленно, но верно уходящая от него в церковь, а потом еще какие-то кружки.

Может быть, я должна была описать подробнее мои крымские переживания, в частности и мою первую встречу с о. Сергием (в Киеве я его не помню, конечно), но я тогда еще очень боялась духовенства и до о. Сергия не доросла. К Крыму же относится мое знакомство с Юлей и Катей Рейтлингер и с Асей Оболенской. Но все это так сложно и непосредственно к моей теме не имеет отношения. Мне важно было объяснить тебе мою сложную религиозную *héritage*⁷³.

По-настоящему я стала ходить в церковь в Париже. Приехав в Париж в июне 1920 года, с надеждой еще вернуться в Россию, мы первым делом узнали, что мой старший и любимый брат убит семь месяцев тому назад на Петергофских позициях. Через пять месяцев эвакуация Крыма и гибель стольких дорогих людей⁷⁴. Одно было – молиться за всех, живых и погибших, за умирающую от голода Россию. Особенно «аккуратно» я стала бывать на rue Daru в 1921–22 годах, когда мы (т.е. отец, мать, сестра и два брата, приехавшие с разных фронтов) жили в Медоне. Около вокзала Medon Val Fleury. Я скатывалась с горки с открытым студенческим абонементом в руках, заставала там трех братьев Ковалевских, и в последний момент прибегала Катя, дочь знаменитого биолога Метальникова, впоследствии первая из трех жен моего брата Вадима (скульптора)⁷⁵. Мы ехали до станции Champ de Mars, садились в разваливающийся трамвай и прибегали в попыхах на rue Daru. Не всегда мне это удавалось, уж очень ворчала

моя сестра, потому что по воскресеньям не приходила *femme de ménage*⁷⁶, а я, «эгоистка», не помогала по хозяйству. Зато после обеда на меня сваливалась вся посуда, и когда приходили ежевоскресные гости, я должна была за ними ухаживать. Это были прежде всего Владимир Андреевич Оболенский с Гулей, Вера Михайловна Шатько, старая знакомая моей матери по Петербургу с сыном (над которым мы все смеялись из-за его лени и барства) и др. Владимир Андреевич сочинил балладу о воскресеньях в Медоне, из которой я только помню: «И скромно опустив ресницы, Марьяна разливает чай» (он меня очень любил). На гие Dagu у меня был свой уголок (где сейчас поет хор). Хотя я когда-то и учила богослужение, но службу знала плохо. Поэтому бывало, что иной раз я всю службу простоявала на коленях и часто плакала. Иногда бывало, что мимо меня проходила очень смуглая девушка в сером tailleur и beret basque⁷⁷, надвинутом на черные как смоль косы. Она смотрела на меня с восхищением и любопытством. Иногда я ее же встречала в Сорбонне.

Летом 1922 наша семья, кроме брата Вадима, переехала по многим, особенно материальным, причинам в Прагу. Мне же оставалось еще два из четырех *certificats de licence*⁷⁸. Я уехала со всеми на каникулы в Прагу, где встретила многих старых знакомых, в том числе сестер Рейтлингер, но как-то с ними тогда не сошлась. Мы жили далеко за городом, и я в церкви не бывала. Осенью 1922 года я вернулась одна в Париж и поселилась в квартире брата в доме моей матери metro Blanche, 6 rue de Calais, ты должна ее помнить. Брат Вадим неожиданно для меня взял работу в régions dévastées⁷⁹, т.к. хотел жениться, и я была очень одинока. Слава Богу, гие Dagu была в двух шагах по трамваю. Для удовольствия мамы я столовалась у Шатько на гие Cujas у Сорбонны: В.М. очень нуждалась и брала пансионеров. (Откуда образовалась между Парижем и Прагой бесконечная сплетня о моем якобы «романе» с М.П. Шатько, к ужасу моей матери, потому что он был бездельник.) Очень часто я ходила к Федоровым, т.к. падчерица М.М. Федорова была когда-то ассистенткой у моего отца. У них я постоянно встречала Н.Н. Меньшикова, товарища моего брата Димы, геолога. В один поистине прекрасный день Н.Н. сказал мне и почему-то Шатько: «Знаете, тут есть такой кружок христианский, правда, его основал про-

тестант (А.А. Мироглио, который имел какое-то отношение к геологии и знал Диму), но все-таки пойдемте». Я сделала гримасу — «какие-то протестанты»... Мне уже не хотелось... «Ну, не понравится, не будете ходить...» Я пошла с двумя кавалерами.

В неуютной комнате на 11 rue Jean de Beauvais я увидела Миро, кажется, каких-то молодых людей. А посреди комнаты стояли две очаровательные, хоть и совсем разные девушки: одна высокая, статная с чистым, тихим русским лицом (ты видишь, кто это), а другая — моя смуглая незнакомка с гре Dаги. У меня сделался к вам обеим соуп de foudre⁸⁰. Но с Наташой мы скорее подружились, может быть, из-за ее солнечного южного характера, преодолевавшего мою болезненную застенчивость, а может быть, от того именно, что она была протестантка, тянувшаяся к православию (потому-то я тебе рассказала свое детство)⁸¹. «Il y a long-temps que je t'aime»⁸², — запела Наташа. «Alors pourquoi tu ne m'as pas parlé?» — «Tu avais l'air si sérieux, si plongé dans les livres ou la prière, un visage presque angélique»⁸³ (это слова Наташи). Миро и Наташа создали кружок, но что делать, мы не знали. Тем более что другие молодые люди и девицы бывали довольно случайные и каждый советовал свое. Из «мальчиков» постоянным был только В.В. (Василек Петров, вскоре уехавший в Америку). Бывала Катя Серикова, Наташа Стретович, кажется, сестры Березовские (дочери Л. Шестова). Я зачастила в Foyer International к Наташе, в ее келью. Была и у тебя в какой-то нетопленной комнате. Мы любили собираться у Кати, потому что лишь у нее были разрешены visites masculines⁸⁴ в лице ее брата Жоржика (теперь о. Георгий Сериков). Спасаясь от сплетен, я стала часто завтракать в Foyer International. Бывала на скучнейшем cercle biblique S. de Dietrich⁸⁵. В марте приезжал А.И. Никитин и посоветовал нам читать Евангелие. По крайней мере, была цель и для меня привычное дело. Только надо знать, как толковать. S. de Dietrich посоветовала мне Lagrange'a (!). Я ездила в панике к «батюшке» Сахарову за какой-то книгой — вероятно, Златоуст. Один раз был у нас (наверное, ты приглашала) и сам митр. Евлогий и подбодрил нас. (И вот... наконец, дохожу я до дела.)

В июне 1923 года приехал В.В. Зеньковский с Соней и Маней⁸⁶. Если хочешь, я могу тебе описать это событие по

документам — моим письмам маме (мои письма матери, впрочем, довольно «завуалированные») и воспоминаниям В.В., у меня есть копия начала этих воспоминаний о Движении, но Иван Васильевич⁸⁷ ни за что не хочет их печатать... пока. В них масса неточностей. В.В. раскритиковал наш «метод», но мы, в особенности ты и я, ему очень понравились. В.В. говорит, что он прочитал у нас 4 лекции⁸⁸. И В.В. и сестры Зёрновы произвели на меня огромное впечатление. Горячая вера, огромная твердость в православии. Ну а о зёрновском шарме и говорить не приходится. Одно только я не поняла в Соне (я вспомнила об этом, читая воспоминания Володи о Константинополе) — ее масонофобия. Я помню, как мы сидели с ней в саду Foyer и теряли, с моей точки зрения, драгоценное время на рассуждения о масонах, а мне нужно было совсем другое и масоны меня не волновали. Скажу правду, я позавидовала сестрам — их миссионерскому пылу, умению подойти к людям, исповедовать свою веру. А я была дичком, молчальницей. В этом, конечно, виновато мое детство, потому-то я тебе о нем и написала. Т.к. я в это время забросила ученье, чувствуя, что все равно не успею подготовить последний certificat в Сорбонне, то я больше всего занималась организацией лекций, водила Соню и Маню к каким-то знакомым и возила В.В. в Bellevue к Оболенским. Там я узнала, что у Аси есть жених, С.С. Безобразов, чему родители были очень рады. Узнавши, что у меня семья в Праге, В.В. стал меня уговаривать поступить на открытый им Педагогический институт, с тем чтобы в случае неудачи в июле [в] Сорбонне я смогу приехать в марте сдать мой четвертый certificat. Наконец, он сообщил, что в середине июля будет конференция в Штернберке (о которой Николай Михайлович почему-то умолчал в своей книге *Religious Renaissance*), но что средств мало и за дорогу не могут заплатить. Тогда я, осмелев, заявила, что во всяком случае еду в Прагу на лето и денег мне не нужно. Так я стала делегаткой от нашего «кружочка» в Штернберке.

Конференция открылась 16 июля, в день св. Анатолия. Накануне я поехала поездом до ст. Сланы и, вышедши из поезда, увидела старых знакомых, Ю. и К. Рейтлингер, и пошли пешком, один час ходьбы. Как когда-то в 1919 г., отмахали сорок верст из Саяни — они в Олеиз к о. Сергию, а [я] к Вернадским в страшную грозу после Ялты босиком. Я тогда

впервые увидела о. Сергея. Если хочешь, я тебе опишу это удивительное путешествие. В Штернберке было сначала трудно, я была растеряна, главное, что не было ни тебя, ни Наташи. Я сразу почувствовала какую-то натянутость, но не очень понимала в чем. Доклады были скучные. О. Сергий еще не играл роли. Кроме того, мне было грустно, потому что я была только на несколько дней из-за предстоящей свадьбы брата. Я пробовала подружиться с кружковцами из «Алешева». Все это исчезло как дым на второй день, когда приехала делегация из Белграда: моя старая знакомая Ася⁸⁹, молоденькая «цыганка» Ольга⁹⁰ и с ними «жгучий брюнет»⁹¹. С ним через час по приезде меня познакомил В.В. Я сначала очень испугалась такой невидали, как студент-богослов, но через 5 минут мы уже были друзьями и с этого мига не расставались в течение всей конференции. Оказывается, он уже знал обо мне от В.В., Сони и Мани, и рассказы их глубоко запали ему в душу. В.В. подробно описывает причины напряжения в Штернберке, и я не могу повторять. Обозначу кратко две линии: белградскую и «алешинскую». Меня всей душой тянуло к Белграду, но я боялась, что не гожусь в закрытые православные кружки. Н.Н. во время наших прогулок для сбора васильков твердил мне одно: «Вы настоящая православная. Почему Вам не причащаться? Почему не войти в закрытый кружок?» В воскресенье была дивная служба в амбаре среди полей. Девочки устроили престол, кто-то соорудил крест, и мы обвили его гирляндой из васильков. Служил о. Сергий. Многие причащались. Разногласия ослабевали в порядке личных отношений. Но на вечернем конечном заседании произошел скандал. Резкая, молодая, бес tactная Ольга⁹² обрушилась на «алешинцев» и обвинила их в ереси. Я (да!), застенчивая Марианна, но всегда вспыльчивая, вспыхнула и единственно из противоречия Ольге наговорила что-то приятное «алешинцам». После чего встал Н.Н. Афанасьев и мягко и тонко угомонил разбушевавшихся девочек и объяснил истинный смысл «православных, закрытых» кружков без всякой вражды к другим. Эта история не повредила моей новой дружбе, и вскоре мы начали переписываться.

Свадьба брата была отложена на «после конференции» просто потому, что брат хотел венчаться только у профессора, а о. Сергий был в Штернберке⁹³. После чего я уехала

с родными на каникулы. Вернувшись, я стала слушать лекции о. Сергия, Гессена, В.В. и т.д. Я пробовала ходить на Алешево, но там было просто скучно. Зато «колбаса с акафистом» (как говорили злые языки) меня очень интересовала: по пятницам о. Сергий устраивал в «Русской беседе» (дрянном сарайчике) собрания – он читал акафист Божией Матери и говорил замечательное слово. Потом был чай с бутербродами для полуголодных студентов. Юля и Катя были душой этих собраний, я больше лепила бутерброды. Но значение этой «колбасы» было для меня огромно.

Описание подготовки Пшеровского съезда отлично написано у В.В. Я об этом ничего не знала, но мне нужно было принять «парижан». Кажется, и я к ним относилась. Это были Миро, Шатько, ты и Наташа. Наташа приехала первая из Флоренции, где она тогда училась. Она поселилась у нас и сразу покорила все сердца. Не знаю, как ехал Миро. Ты же с Шатько почему-то приехали с опозданием, поздно вечером, и я решительно не знала, где вас поместить.

На следующий день мы вчетвером (без Миро) отправились утром. Идти пешком со станции надо было просто потому, что другого способа со станции не было. Никакого леса я не помню. Обычная чешская дорога, обсаженная сливами. Мы с Наташей были в дурашливом настроении <(может быть, и ты?)⁹⁴>. Мы собирали сливы-падалки, ели их и бросались гнилыми. У Шатько был огромный, но легкий чемодан. Он ныл все время, и мы, чтобы его устыдить, надели чемодан на палку и несли его вдвоем и, хохоча, сваливали его в канаву. Очевидно, я чувствовала огромное душевное напряжение, которое мне предстоит.

Конференцию вы сами опишете. Очень интересно она описана у В.В. (Может быть, Иван Васильевич⁹⁵ мог бы одолеть вам часть мемуаров В.В.) О себе не буду говорить, потому что от огромности пережитого я почти не помню своих переживаний. Это моя теория памяти. Обо мне В.В. пишет очень трогательно, но очень неточно: «Одна девушка – вышедшая вскоре замуж за одного из моих лучших друзей-учеников – уже на третий день простиравала богослужения в почти непрерывных слезах. Я ничего не говорил ей, она и не замечала того, что я вижу (я стоял сзади). Я потому узнал, что она 15 лет не говела (не 15, а 24 года, т.е. никогда. – М.А.), хотя

и хотела говеть, но ложный стыд ей мешал (не ложный стыд, а долгий, трудный путь к Богу плюс семейные трудности. – М.А.). Это возрождение души, это раскрытие ее недр производило на меня самого чрезвычайное впечатление...»⁹⁶ Тебя на конференции почти не помню, т.к. теперь мне приходилось опекать Наташу, которой было, наверное, и радостно, и трудно. Я только помню, как один раз ты увела «парижан» куда-то на Лабу, чтобы поговорить «по существу». Но Шатько объявил, что все эти доклады – один фасад, а что истинная цель конференции – политическая. Возможно, что для этого он и приехал и нашел каких-нибудь политиков, которые были с самого начала в кружках. Я хорошо помню сестер Зёрновых и как в письме Н.Н. (увы, пропавшем) я сравнила их со свечами, горящими перед Господом. Соня особенно прямо и неподвижно стояла, а Маня, хрупкая и более детская, стояла не так неподвижно, с руками в карманах кофточки.

В субботу 6 октября состоялся на стареньком диванчике мой «исторический» разговор с о. Сергием, где не только я рассказала ему про мое «искание Бога», но и наш великий пророк рассказал мне кое-что о себе. Потом была общая исповедь. Рядом со мной лежала ниц Соня и громко говорила: «Каюсь». А я, конечно, больше плакала. Потом я исповедалась и в воскресенье причастилась. После чего, видя грустную Наташу, я ей сказала весьма не богословски: «Dans les cieux on communiera ensemble»⁹⁷. Не знала я тогда, что мы причастимся на земле вместе в Ментоне в пасхальную ночь, пока наши трое детей спали под присмотром соседки (в 1931 году).

Потом я пошла к вл. Вениамину⁹⁸ сообщить о моей радости, и, к моему ужасу, он поцеловал мне руку. Это я пишу, потому, что нахожу, что Николай Михайлович в своем Religious Renaissance недостаточно говорит о еп. Вениамине, без которого Пшеров не был бы Пшеровым, несмотря на о. Сергия и других профессоров. Другая ошибка Николая Михайловича – это что он игнорирует Штернберк и потому говорит, что встреча между старшим и младшим поколением состоялась только в Пшерове и что там поднялся вопрос о характере кружков.

После Пшерова «парижане» пробыли еще несколько дней в Праге, должно быть, Наташа и ты жили у нас. Вы были в день

моего рождения (13 октября). В Пшерове Катя Рейтлингер сообщила мне о «горнем» или бжевновском кружке и пригласила меня. Я в нем участвовала с перерывами два года. В Париже я за эти два года, очень сложные (моя болезнь, пребывание в горах, операция, смерть отца и отчаяние матери, потом 3 недели в Ниме у Наташи и один-два месяца на море), пробыла несколько месяцев зимой 1924–25 годов. Я где-то «кружилась», помню твою мансарду и т.д. О. Александр и ты меня звали в братство, я была, кажется, раз или два, но в братство не вошла, во-первых, потому, что я знала, что скоро уеду из Парижа, и, во-вторых, я знала, что ежедневное чтение правила для меня невозможно: мы жили с мамой, приехавшей для печатания мемуаров моего отца и для «надзора» за мной (здоровье, ученье) в тесной комнате, и мои молитвы окончательно бы испортили мои отношения с матерью, уже натянутые как струна из-за моего «романа» с неизвестным ей каким-то богословом (моя дочь – попадья!). Я уехала к Пасхе в Прагу, где у меня было назначено *rendez vous* с Н.Н. (только бесправные и безденежные русские способны назначать такие *rendez vous!*!), и на Пасху дала ему согласие быть его женой и при этом, когда он захочет, женой священника. Вместо дальнейшего просто: мы обвенчались в Праге в день Божьей Матери Скорбящих Радости 6 ноября. А в священники мой муж был рукоположен 14 лет спустя в день Собора Божьей Матери 26 декабря / 8 января 1940 г. Я была еще в Париже в июне 1925 года и жила с Асей в ее мансарде в Bourge la Reine. Но кроме Сорbonны и Подворья (3 часа туда и назад), нигде не бывала. В июле я вернулась в Прагу (т.е. на дачу под Прагой к матери). Сентябрь я провела в Белграде и на Хоповской конференции, хотя было благоразумней (и особенно дешевле) нам венчаться в Белграде после Хопова, но ради мамы я вернулась в Прагу. Мой жених после окончания Богословского факультета приехал за мной в Прагу. Мы обвенчались 24 октября / 6 ноября, в день Божьей Матери Скорбящих Радости, в маленькой часовне, переделанной из католической *sacristie*⁹⁹. (Русским была предоставлена огромная холодная церковь св. Николая, стиля австрийского барокко. В ней служили после 1918 г. гуситы.) Венчал наш незабвенный дорогой владыка Сергий, настоятель прихода¹⁰⁰. Все было очень просто, т.к. мы не выносили мещанского *<слово нрзб>*, а на шикарную

свадьбу денег не было. Были только мои родные и близкие – мать, сестра с мужем, брат, его невеста и его крестная мать (старый друг мамы). «Кружковцы» тоже были представлены: посаженным отцом жениха был В.В. Зеньковский, моей посаженной матерью – Катя Кист (Рейтлингер), одевшая меня к венцу, дру~~жской?~~¹⁰¹ – моя большая подруга Дюна Бонч-Богдановская (впоследствии Любимова), пели Адя Струве¹⁰² и Митя Любинский (тоже из нашего кружка, но я его мало знала). Шаферами были мой брат и муж сестры. Т.к. оказалось, что надо четыре свидетеля, то расписались еще Митя Любинский и В.В. Зеньковский.

После свадьбы мы уехали в Белград и Скопле¹⁰³...

После этой повести о моем «обращении» и замужестве мне хочется сказать два слова о другой знаменательной дате в моей жизни: 26 декабря / 8 января, день Собора Божьей Матери. За два дня до того, в сочельник, я исповедалась у о. Сергея. Я пришла в пономарку, должно быть, озабоченная.

– Что с Вами, Марианна? – сказал о. Сергий сквозь трубку, которую ему вставили незадолго до того. – Вы недовольны, что ваш муж рукополагается?

– Да нет. Я уже четырнадцать лет об этом мечтаю, только слабое здоровье Н.Н. мешало мне настаивать на этом.

– Что же тогда?

Молчание. Наконец я:

– Какая же я попадья?!!

Бедный о. Сергий. Я чуть было его не уморила. Он так смеялся, все его грузное тело так содрогалось от смеха, что я думала, он задохнется.

– Ничего, ничего, с Божьей помощью. Вы будете очень хорошей матушкой!

8 января о. Николая водили вокруг алтаря его учитель – о. Сергий Булгаков и старый друг юных «кружковских» лет – о. Киприан. Когда все кончилось, митр. Евлогий выплыл из алтаря, огромный, величественный. За ним худая фигура, одета в непривычный подрясник. «Поклонницы» (где их нет?) ринулись под благословение нового батюшки. Митрополит величественно их отстранил: во-первых, – матушке, и о. Николай неловко меня благословил, не зная, что открывается новая, прекрасная и трудная страница нашей жизни.

Марианна Андрусова.
Прага. 1925 г.

Николай Афанасьев в Скопье.
Между 1925 и 1929 гг.

Мариана Афанасьева
с сыном Анатолием.
Рождество 1930–1931 гг.

Николай и Марианна Афанасьевы.
1950-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Afanassieff M. Nicolas Afanassieff (1893–1966). Essai de biographie // Contacts. 1969. № 66. Р. 99–111.

² Афанасьева М.Н. Николай Афанасьев (1893–1966). Биографический очерк // Вестник РХД. 2014. № 202. С. 131–145. Переиздано: Николай Афанасьев, протопресв. Церковь Божия во Христе. М.: ПСТГУ, 2015. С. 8–22.

³ Афанасьева М. Как сложилась «Церковь Духа Святого» // Николай Афанасьев, прот. Церковь Духа Святого. Париж: YMCA-Press, 1971. С. I–IX.

⁴ См. подробней: Александров В. Николай Афанасьев и его евхаристическая экклезиология. М.: СФИ, 2018. С. 28–33.

⁵ За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1972) / Под редакцией Н.М. и М.В. Зерновых Париж: YMCA-Press, 1973.

⁶ Эти сокращения незначительны. Все места, которые Марианна Николаевна вычеркнула красной ручкой, сохранены мною в данной публикации.

⁷ В разных документах имя М.Н. Афанасьевой фигурирует в двух различных формах – Мариамна и Марианна. Первая форма, по-видимому, более официальная: она появляется, например, в загранличном паспорте, выданном Н.И. Андрусову российскими властями генерала Врангеля в 1920 г. в Симферополе (в паспорт внесены имена отправляющихся с ним за границу жены и дочери). Однако в большинстве документов, в том числе во всех французских и некоторых русских (даже в выданной в 1929 г. выписке о браке из метрической книги Николаевской церкви в Праге), употребляется вторая форма.

⁸ Слова «Часть III» и цифра «II» после слова «Глава» написаны синей шариковой ручкой, в то время как весь текст написан черной шариковой ручкой. По всей видимости, они представляют собой более позднюю нумерацию. См. выше предисловие к публикации.

⁹ Эту главу II из III части я пишу прежде всего под впечатлением разборки и перепечатки писем о. Сергея к моему мужу. Начало этой главы, собственно, скорее, *pro domo sua*, я пишу от руки, сидя в кабинете моего сына доктора А. Афанасьева и исполняя обязанности *secrétaire-consierge*. – М.А.

¹⁰ Строки из последней строфы стихотворения А. Блока «Жизнь медленная шла, как старая гадалка...» (1902):

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

¹¹ Другие это сделали, делают и сделают в сто раз лучше. — М.А.

¹² Лат. букв. «с яйца», то есть «с самого начала».

¹³ В современном эстонском правильно: Veski ulic, number neli.

¹⁴ Няни.

¹⁵ Фр. «дитя», «младенец».

¹⁶ Вероятно, имеется в виду работа: Зандер Л.А. Бог и мир (Миро-созерцание отца Сергея Булгакова). В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1948.

¹⁷ Да, этот тот самый Генрих Шлиман, нашедший Трою. Надежда Генриховна Шлиман, в замужестве Андрусова, была дочерью Генриха Шлимана от его брака с первой, русской женой, жительницей Петербурга и дочерью адвоката Екатериной Петровной Лыжиной. См. также ниже письмо к М.В. Зерновой.

¹⁸ См.: Stoll [H. A.] Der Traum von Troja. [1-е изд. — Leipzig, 1956]. — М.А.

¹⁹ См.: Андрусов Н.И. Воспоминания. [Париж, 1925]. — М.А.

²⁰ Ак-Манайский перешеек, отделяющий Керченский полуостров от остального Крыма, удерживался весной — в начале лета 1919 г. Добровольческой армией, которая вскоре перешла в наступление и временно освободила Крым от красных.

²¹ Все три брата М.Н. Андрусовой воевали в белых армиях: старший, Леонид, служил в армии Юденича и был убит в ноябре 1919 г. красными под Петергофом (см. ниже письмо к Милице Зерновой); Дмитрий (1897–1976) в эмиграции поселился в Праге, а затем в Братиславе; он стал геологом, профессором и академиком Словацкой академии наук; Вадим (1895–1975) служил на Севере в армии генерала Миллера, эмигрировал во Францию, где стал скульптором.

²² Фр. «тетя вообще».

²³ Фамилия трудночитаема в рукописи. Я не уверен, что смог прочесть ее правильно.

²⁴ Письма Юрия Никольского к Глебу и Алексею Струве опубликованы: Вестник РХД. 2013. № 201. С. 156–176; 2014. № 202. С. 168–204. Юрий Никольский отправился из Варны на моторной лодке в Крым к своей возлюбленной Ирине Оболенской, но тут же после высадки был арестован и вскоре умер от заражения крови.

²⁵ Здесь начинаются те воспоминания М.Н. Афанасьевой, которые были наброском предисловия к переписке о. Сергея Булгакова и Н.Н. Афанасьева. Набросок предназначался для Н.А. Струве и должен был быть им обработан и подготовлен к публикации.

²⁶ По новому стилю.

²⁷ Так в рукописи, но, скорее всего, эта фраза содержит ошибку. Исходя из смысла и грамматики, правильнее было бы: «к 1922–1923 году в Прагу стянулись» или, что менее вероятно, «в 1923–33 годах в Прагу стягивались».

²⁸ Имеется в виду мать мемуаристки — Надежда Генриховна Андрусова, а дочь — сама Марианна Николаевна. Однако в рукописи

инициалы даны именно так: «Н.А. Андрусова». Вероятно, это сделано по старой русской традиции русифицировать иностранные имена и отчества. Так Надежда Генриховна стала Надеждой Андреевной. Под этими же инициалами она фигурирует в переписке М.Н. и Н.Н. Афанасьевых в 1930-е гг.

²⁹ Для числа в рукописи оставлен пропуск.

³⁰ Вероятно, Аделаида Владимировна Жекулина (урожд. Евреинова), педагог.

³¹ Я думаю, надо читать под первом моей матери «вдохновенные». — М.А.

³² Сказано «разбитная»: Муна служила в одном лазарете с моей сестрой. — М.А. По-видимому, Марианна Николаевна имеет в виду, что в оригинале письма стоит «разбитная», но на языке ее матери это значило «веселая».

³³ Фр. «если не ошибаюсь».

³⁴ По моим воспоминаниям, это была исповедь. По письмам Н.Н. — он в Штернберке не причащался (может быть, уже тогда считая, что причащаться надо всегда в своей церкви). — М.А.

³⁵ В рукописи описка: «июня».

³⁶ Отмечаю эту сантиментальную подробность, потому что синий цвет — цвет Богородицы. — М.А.

³⁷ «Большая глупость» было ему сказано от друзей. — М.А.

³⁸ Федченко<вым>.

³⁹ Дату я помню хорошо, потому что о. Сергий уехал чуть ли не прямо с похорон моего отца, академика Н.И. Андрусова, скончавшегося в пасхальную ночь 27 апреля. — М.А.

⁴⁰ По письмам Николая Николаевича. — М.А.

⁴¹ Из личных впечатлений. — М.А.

⁴² К этому же кругу идей относятся мысли Николая Николаевича в молодости о преображении мифа, христианской социологии и т.д. — М.А.

⁴³ Фр. «взлеты и падения», «подъемы и спады».

⁴⁴ Фр. «стать негром», «сыграть роль негра», то есть сделать черновую работу.

⁴⁵ Первое французское издание книги: Bulgakov Sergii. L'orthodoxie. Paris: Librairie Félix Alcan, 1932.

⁴⁶ Текст должен существовать. Я его не помню, но помню состояние моего мужа, когда до полуночи или позднее его писала, с нарывами на веках, под диктовку мужа. — М.А. Частичная фотокопия письма опубликована в книге: Братство святой Софии. Материалы и документы. 1923–1939 / Под ред. Н.А. Струве и Т.В. Емельяновой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000. Вклейка 40, 41.

⁴⁷ Кавычки, потому что о. Николай был очень самостоятельным мыслителем и не признавал авторитетов и влияний. В этом, несомненно, причина периодических «холодков» в отношениях между ним и о. Сергием:

этот последний любил иметь учеников и последователей в точном смысле слова. — М.А.

⁴⁸ Та св. Чаша, к которой о. Сергию было так «страшно приступить после его возвращения из далекого, далекого путешествия» (слова о. Сергия мне на 1-м Пищевое, для моего подбодрения). — М.А.

⁴⁹ См. «Трапеза Господня». — М.А.

⁵⁰ Автор имеет в виду некролог о. А. Шмемана о. Николаю Афанасьеву: Шмеман берет эпиграфом пушкинскую строку из стихотворения «Жил на свете рыцарь-бедный» — «Он имел одно виденье», а потом в тексте некролога объясняет, что таким видением, безраздельно владевшим умом о. Николая, была Церковь. См. Шмеман Александр, прот. Памяти отца Николая Афанасьева // Вестник РХД. 1966. № 82. С. 64–65.

⁵¹ Многоточие стоит в рукописи. Номер письма отсутствует.

⁵² Имеется в виду статья: Das allgemeine Priestertum in der Orthodoxen Kirche // Eine Heilige Kirche (München). 1935. № 17 S. 334–340.

⁵³ Впоследствии о. Николай совсем отрекся от этого термина, находя его неясным. — М.А.

⁵⁴ Для переписки между оккупированной гитлеровцами северной зоной Франции, где остался о. Сергей, и находящейся под контролем правительства Виши южной, где в 1940–1941 годах жили Афанасьевы, в 1940 г. были установлены специальные правила, распространявшиеся и на внешний вид почтовых карточек.

⁵⁵ «Мы здоровы. Не имеем известий о вашем возвращении. Привет вашему ребенку» (фр.).

⁵⁶ Милица Владимировна Зернова (урожд. Лаврова), жена Н.М. Зернова (см. примеч. 57)

⁵⁷ Н.М. Зернов (1898–1980), однокурсник Н.Н. Афанасьева по Богословскому факультету в Белграде, его товарищ по Белградскому православному кружку, впоследствии обосновавшийся в Англии и долгое время преподавший в Оксфорде.

⁵⁸ Софья Зернова (1899–1972), младшая сестра Н.М. Зернова. Все доступные мне справочные материалы указывают дату ее смерти как 1972-й. Однако публикуемое здесь письмо М.Н. Афанасьевой датировано ноябрём 1971. Следовательно, либо наш мемуарист обозначил дату ошибочно, либо С.М. Зернова действительно умерла в 1971 г., и дата ее смерти указывается в других источниках неверно.

⁵⁹ Вероятно, брат Н.М. Зернова Владимир (1901–1990).

⁶⁰ Анатолий Николаевич Афанасьев (1931–2015), сын Н.Н. и М.Н. Афанасьевых, врач-хирург.

⁶¹ Фр. букв. «слоновья память», перен. «очень хорошая память».

⁶² «Вкратце» вписано ручкой поверх строки вместо зачеркнутого «в телеграфном стиле». На полях стоит приписанное ручкой же

замечание М.Н. «не очень удался телеграфный стиль!», которое намекает на то, что краткая биография в письме разрослась.

⁶³ Б.И. Сове (1899–1962), преподаватель Ветхого Завета и древнееврейского языка в Св.-Сергиевском институте в 1930-е гг., близкий друг Афанасьевых, с 1939 г. и до своей смерти жил в Финляндии в Хельсинки.

⁶⁴ Фраза, взятая мною в угловые скобки, зачеркнута в машинописи.

⁶⁵ Фр. «между двумя войнами».

⁶⁶ Русское общество пароходства и торговли.

⁶⁷ «По природе христианскую». Аллюзия на известное высказывание Тертуллиана (*Апология 17.6*), где он называет душу христианской по природе (*anima naturaliter christiana*).

⁶⁸ Здесь М.Н. не поясняет, каким образом утраты веры может сочетаться с горячей любовью ко Христу.

⁶⁹ Д.Н. Андрусов (1897–1976) – геолог, в эмиграции жил в Чехии, потом в Словакии, академик.

⁷⁰ Вписано ручкой на боковом поле. Вставлено мною в текст по смыслу.

⁷¹ Дописано на нижнем поле листа. Вставлено мною в текст по смыслу.

⁷² В машинописи многоточие, «номер» вписан ручкой.

⁷³ Фр. «наследственность».

⁷⁴ Имеется в виду эвакуация войск Врангеля в ноябре 1920 г. и, вероятно, последовавший за ним красный террор в Крыму.

⁷⁵ См. примеч. 19.

⁷⁶ Фр. «горничная», «домработница».

⁷⁷ Фр. «костюм» и «баскском берете».

⁷⁸ Во Франции того времени выпускные университетские экзамены и дипломы об их прохождении – аналог нынешнего университетского диплома. См. предисловие к публикации.

⁷⁹ Фр. «разоренных регионах». Вероятно, имеются в виду области Франции, пострадавшие в Первую мировую войну.

⁸⁰ Фр. букв. «удар молнии», перен. «любовь с первого взгляда».

⁸¹ Наташа – Натали Брюнель, впоследствии жена Павла Евдокимова.

⁸² «Я уже давно тебя люблю».

⁸³ «Тогда почему же ты со мной не заговорила?» – «У тебя был такой серьезный вид, такой погруженный в книги или молитву, лицо почти ангельское» (*фр.*).

⁸⁴ «Посещение мужчинами» (*фр.*).

⁸⁵ «Библейском кружке С. де Дитриш» (*фр.*). Сюзанн де Дитриш – деятельница международного студенческого движения во Франции и протестантский богослов эльзасского происхождения.

⁸⁶ Софья и Мария Зерновы.

⁸⁷ Иван Васильевич Морозов (1919–1978), в те годы директор YMCA-Press.

⁸⁸ Ныне воспоминания Зеньковского о Движении опубликованы: Зеньковский В.В. Из моей жизни. Воспоминания. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Книжница, 2014 (об упомянутом эпизоде см. с. 47).

⁸⁹ Княжна Александра (Ася) Владимировна Оболенская (1897–1974), в 1937 г. приняла постриг с именем матери Бландины.

⁹⁰ О.М. Веригина (в замужестве Можайская).

⁹¹ Николай Николаевич Афанасьев, который далее в рассказе фигурирует как Н.Н.

⁹² Веригина.

⁹³ Под «профессором» имеется в виду о. Сергий Булгаков.

⁹⁴ Фраза, взятая мною в угловые скобки, зачеркнута в машинописи.

⁹⁵ Морозов. См. примеч. 87.

⁹⁶ Зеньковский. Из моей жизни. С. 56–57.

⁹⁷ «На небесах причастимся вместе» (*фр.*).

⁹⁸ Еп. (потом митр.) Вениамин (Федченков; у авторов того времени чаще – Федченко).

⁹⁹ «Ризницы»

¹⁰⁰ Сергий (Королев), тогда еп. Пражский.

¹⁰¹ Окончание слова неразборчиво. «Дружка» – друг жениха, шафер. Здесь же речь идет, по-видимому, о подруге невесты, чья роль аналогична роли «дружки» (шафера), современной «свидетельнице».

¹⁰² Аркадий Петрович Струве (1905–1952), сын Петра Бернгардовича Струве.

¹⁰³ В совр. рус. произношении – Скопье.

Публикация и примечания Виктора Александрова

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

Анкета «Вестника» о судьбе Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе

С конца 2018 года и в минувшем 2019 году Архиепископия православных русских церквей в Западной Европе переживала драматические события, в результате которых она перестала существовать в том статусе и виде, в котором она существовала до ноября 2018 года. «Вестник» обратился к участникам и свидетелям этих событий с просьбой ответить на вопросы, связанные с пережитым Архиепископией историческим моментом. В качестве введения к анкете необходимо дать канву самых основных событий, чтобы в очень краткой форме напомнить о произошедшем.

27 ноября 2018 года Синод Константинопольского патриархата принял решение, согласно которому Архиепископия православных русских церквей в Западной Европе, до тех пор имевшая статус автономной церкви в составе Константинопольского патриархата и называвшаяся его экзархатом, упразднялась. Ее приходы включались в состав тех митрополий патриархата, на территории которых они находились. Решение это было полной неожиданностью для Архиепископии. Оно было принято Синодом без какого бы то ни было согласования с «Русским экзархатом», и архиепископу Иоанну (Реннето) было сообщено о решении лишь после его принятия, сначала устно, а затем в виде краткого письма по электронной почте. Статус самого архиепископа Иоанна Харупольского оставался непроясненным: в одночасье

он становился епископом без епархии и какого-либо ясного положения. Полный текст грамоты о распуске Архиепископии был опубликован лишь в январе 2019 года.

Решение Синода Константинопольского патриархата породило кризис в Архиепископии. Собранное архиепископом в декабре 2018 года пастырское собрание высказалось против распуска Архиепископии и за ее сохранение. Созванное 23 февраля 2019 года Чрезвычайное епархиальное собрание сочло решение Синода несправедливым, безосновательным и противоречащим Уставу Архиепископии. Епархиальное собрание отказалось подчиниться решению Синода и подавляющим большинством голосов (191 голосов из 206, то есть около 93%) постановило сохранить Архиепископию и поручить владыке Иоанну и Епархиальному совету поиск канонического разрешения возникшей аномальной ситуации.

В первые месяцы после решения Синода среди клира и мирян Архиепископии обсуждались самые разнообразные способы выхода из возникшего канонического кризиса. Среди возможных способов называлось прежде всего присоединение к Московского патриархату, либо к Румынскому, либо объединение с Русской православной церковью заграницей (что было бы непрямым вариантом присоединения к Московскому патриархату), либо присоединение к какой-либо другой автокефальной церкви, либо, наконец, провозглашение автокефалии Архиепископии. В первой половине 2019 года официальные, полуофициальные и неофициальные делегации Архиепископии встречались с представителями нескольких православных церквей. Сразу же после известия о решении константинопольского Синода желание видеть Архиепископию в своем составе выразил Московский патриархат: владыке Иоанну было отправлено официальное письмо с предложением о переходе Архиепископии в Московский патриархат на правах автономии с сохранением устава и внутренних особенностей той своеобразной епархии, которой являлся Русский экзархат. Владыка Иоанн с самого начала кризиса склонялся к этому решению, но оно не пользовалось безоговорочной поддержкой в приходах Архиепископии, а со стороны части верующих встреча-

ло стойкое сопротивление. «Инициативными группами» клириков и мирян Архиепископии были сделаны попытки найти возможность другого выхода.

Описать все произошедшие встречи, собрания, выступления, письма, публицистические статьи в этой краткой заметке нет ни возможности, ни необходимости. В ходе поиска решения возникло и, по мере развития событий, все усиливалось противостояние между архиепископом, его канцелярией и меньшинством Епархиального совета с одной стороны и большинством Епархиального совета с другой стороны. После нескольких месяцев поиска решения, устрашающего все слои верующих и все группы приходов внутри Архиепископии, предложение Московского патриархата оставалось единственным конкретным предложением. В то же время выяснилась невозможность некоторых решений кризиса, которые казались возможными в начале порожденной решениями Константинополя смуты (например, непосредственного объединения с РПЦЗ). Уже в ходе кризиса несколько приходов Архиепископии (в частности, в Скандинавии и Италии) покинули ее, не дожидаясь конечного общего решения о судьбе епархии. По прошествии второго Чрезвычайного епархиального собрания в июне 2019 года владыка Иоанн решил на следующем, третьем Чрезвычайном епархиальном собрании, созванном на 7 сентября 2019 года, поставить вопрос о присоединении к Московскому патриархату на голосование. В последние два-три месяца, предшествующие собранию, полемика о судьбе Архиепископии достигла своего пика.

10 сентября на Чрезвычайном епархиальном собрании вопрос, на который отвечали делегаты, был сформулирован следующим образом: «Принимаете ли вы акт канонического присоединения Архиепископии к Московскому патриархату, представленный в опубликованном документе?» За присоединение к Московскому патриархату было подано большинство действительных голосов — 104 голоса из 179, то есть приблизительно 58% процентов, однако по Уставу Архиепископии для принятия подобного решения требовалось по крайней мере две трети поданных действительных голосов. В качестве выхода из сложившейся

патовой ситуации владыка Иоанн счел, что Устав Архиепископии и поддержка большинства голосовавших на Чрезвычайном собрании уполномочивает его на то, чтобы предложить духовенству и приходам Архиепископии присоединиться к Московскому патриархату, и направил в Московский патриархат письмо с просьбой принять его и те приходы, которые пожелают последовать за ним. На это письмо был тут же получен положительный ответ. Состоявшееся 28 сентября пастырское собрание Архиепископии (в составе 51 присутствовавшего священнослужителя и при поддержке 37 клириков, не присутствовавших, но выразивших свое согласие – эти данные взяты с епархиального сайта) приняло решение о присоединении к Московскому патриархату. 7 октября просьба владыки Иоанна и большинства клира Архиепископии была принята Синодом Русской православной церкви, архиепископу Иоанну был дарован сан митрополита Дубнинского, управляющего Архиепископией западноевропейских приходов русской традиции, Архиепископия стала зарубежной епархией Московского патриархата.

Голосование на Чрезвычайном епархиальном собрании и последовавшие за ним шаги владыки Иоанна, его сторонников и его оппонентов, фактически оформили распад прежней Архиепископии на три неравные части и породили ситуацию, не вполне ясную как канонически, так и юридически (рассматривать ее подробно в данной заметке невозможно и, пожалуй, преждевременно). Приходы Архиепископии могли сами выбрать на приходских собраниях свою юрисдикционную принадлежность. Более половины ее приходов, находящихся преимущественно во Франции, осталось с владыкой Иоанном и ныне составляют автономную епархию Московского патриархата, сохраняющую свой прежний устав. Небольшая часть приходов (на конец 2019 года – 20 или чуть меньше), не согласных с решением о присоединении к Московскому патриархату и опять-таки находящихся во Франции, вошла в состав Галльской митрополии Константинопольского патриархата. Ожидается, что они образуют викариатство, – еще в разгар кризиса митрополит Галльский Эммануил сделал предложение о викариатстве

тем приходам Архиепископии, которые окажутся под его омофором. Наконец, большая часть бывшего Британского благочиния Архиепископии — представляющего собой ту часть Сурожской епархии митрополита Антония, которая в свое время не пожелала оставаться в составе Московского патриархата, — вошла в состав константинопольской Фиатирской митрополии в Великобритании. Несколько приходов в разных странах (Франции, Бельгии, Италии, Германии, Скандинавии) присоединилась к другим поместным церквям или к местным митрополиям Константинопольского патриархата, причем часть из них сделала это еще в разгар кризиса, до голосования о присоединении и последовавших за ним событий.

На конец 2019 года ситуация достигла точки зыбкой стабилизации. Что касается двух крупнейших осколков прежней Архиепископии на континенте, то епархия Московского патриархата во главе с владыкой Иоанном Дубнинским, считающая себя преемницей прежней Архиепископии и действительно сохраняющая ее Устав, находится в стадии некоторого переустройства, неизбежного после перехода в Москву и потери части приходов, а предполагаемое русское викариатство в составе Галльской митрополии Константинопольского патриархата — в стадии складывания. Ситуация несколько осложняется тем, что митрополит Галльский Эммануил, накануне сентябрьского голосования о присоединении Архиепископии к Москве вдруг срочно назначенный Константинополем местоблюстителем уже не существующей с точки зрения Константинополя Архиепископии, осенью предпринял шаги, демонстрирующие, что он не прочь оспорить юридическую преемственность между прежней Архиепископией и нынешней епархией Московского патриархата. И хотя кажется, что пик кризиса миновал, события еще будут развиваться. В начале 2020 года и епархия Московского патриархата, наследующая Архиепископии, и создаваемое викариатство Галльской митрополии должны провести свои Общие собрания, после которых ситуация может несколько определиться.

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВ

Вопросы Анкеты «Вестника РХД»

1. Как Вы оцениваете вклад Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе в православное богословие и ее роль в церковной жизни православия и как Вы отнеслись к решению Константинопольского патриарха упразднить Архиепископию?

2. Какие виды урегулирования канонического статуса «распущенной» решением Константинопольского патриархата Архиепископии Вы считали принципиально и реально возможными?

3. Как Вы смотрите на решение архиепископа и значительной части клира Архиепископии присоединиться к Московскому патриархату на правах внутренней автономии? Какое значение имеет, по-Вашему, это решение для Церкви?

4. В 2021 году будет отмечаться 100-летие создания Архиепископии. Как Вам видится настоящее и будущее «удела митрополита Евлогия»?

Протоиерей Михаил Фортунато, бывший клирик Сурожской епархии, долгие годы служивший регентом в лондонском Успенском соборе, в настоящее время живет во Франции на покое.

1. Сегодня этот вклад мыслится как рассадка зерен богатого богословского наследия недавнего прошлого, до 1917 года, в областях православной богословской науки, иконописи, христианской миссии, монашества (и наверное, многих других областей, например в работе с детьми и молодежью). В достойных представителях православия скромным пламенем светится богословское церковное свидетельство на Западе, неминуемо обращенное ниточкой и к неправославному миру в экуменизме. В жизни Церкви отметим самоотверженное, в большинстве случаев безвозмездное служение десятков священников с их семьями в разбросанных по лицу стран православных приходах и общинах, молитвенно служащих алтарю и верным.

Основные духовные ценности, процветшие в XIX веке в Российской православной церкви к моменту крушения 1917 года, можно суммарно собрать в три категории: рост богословской мысли, опыт монашества и объем православной миссии в необъятной стране.

Из этих достижений верующая эмиграция сумела сохранить, продолжить и развить за рубежом богословие и миссию. Монашество же не вполне преуспело. Притом вывезенные на Запад духовные ценности ума, труда, человеколюбия продолжали возделываться в условиях новой оседлости и целиком вошли в проблематику новых земель. Скоро народилось поколение западных деятелей, ученых, педагогов, помышляющих о возникновении на новой почве молодой поместной церкви.

Константинопольский «вселенский» патриархат не оказался на высоте положения, не понял потенциал свидетельства Архиепископии. Мы, конечно, благодарны грекам за их защиту нашего канонического бытия. Но причины их решения упразднить Архиепископию от меня скрыты, непонятны, их выявит история.

2. Будучи потомком первых русских беженцев, вошедших в 1931 году в состав Вселенского патриархата, мне трудно представить себе иной путь канонического состояния, как только своевременный возврат к своим корням, то есть в лоно породившей нас Русской церкви. Не впадая в пагубный филетизм (это – чрезмерный национализм), возврат в каноническое и духовное общение Русской церкви могут на себя теперь взять и православные французы, англичане, датчане в духе интеллектуальной трезвости, с которой наши отцы входили в общение с принявшим их западным обществом, и преуспевали, не нарушая устоев соборности своей христианской веры. Это – принцип.

3. Реально же пребывает опасение еще не изжитых в России крутых привычек грозного XX столетия, то есть еще недавно безбожного бытия страны в целом и, следовательно, структурального расстройства церкви.

Без сомнения, Россия и церковь сегодня проходят извилистый возвратный путь преодоления еще полностью не изжитой как в стране, так и в церкви слепой «вертикальности» отношений начальства и подчиненных вопреки заветам святой соборности и кроткой святости в народе в отношении к «ближнему», присущих Христову Телу.

Необходимо по достоинству отметить стойкость и прозорливость митрополита Иоанна, нашего пастыря, француза по рождению, ясно провидевшего безвыходность создавшегося положения после роспуска греками Архиепископии. Он мудро распознал своеобразие высоких свойств Божьей благодати, отмежевавшись от тисков сковывающей, принудительной законности. Внутренне преодолев безвыходность, близорукость принципа ничего не решившего голосования, бывшего в Собрании, среди бури противоречий он единолично принял на себя крутую, но благодатную пастырскую ответственность как принцип действия и повел Архиепископию в общение с Москвой. Тем он замкнул многолетний канонический виток нашего канонического странствия.

Наши духовные и церковные корни получили свое цветение от отцов Поместного Собора 1917 года и богаты прошлым тысячелетним ростом христианского сознания на Российской земле, закрепленным Крещением Руси (988), установлением Московского патриархата (1589). Дальнейшим церковным опытом Православная церковь определила свою духовную зрелость. Преемственность от этой истории не прервалась в 1917 году. Выброшенные революцией за рубежи своей страны, боясь мощи большевицкой Москвы, пытавшейся в 1931 году подчинить себе эмиграцию, беженцы воспользовались вековым «апелляционным правом» искать прибежища у Константинопольского патриарха. Сегодня, брошенная КП, наша Западая Архиепископия взята была врасплох размолвкой на верхах между двумя близкими нам патриархатами, Московским и Константинопольским.

4. Неотложной задачей представляется – укрепить и сбратить воедино колеблемое испытаниями недавнего прошлого православное наследие в Западной Европе вслед своему пастырю, митрополиту Иоанну, продолжателю митрополита Евлогия. Долгосрочной задачей стоит свидетельство и укрепление церковных устоев на местах, приходов. От эстафеты вселенского православия в западном обществе наша многоязычная община сознательно должна перейти к роли катализатора устроения желаемой жизни Церкви в нашем регионе. Но преуспеет ли она? Два положения грозят ей в этом не преуспеть.

Если первая эмиграция 1920-х годов пошла стремительно по пути «воцерковления жизни» и насаждения ростков западной православной культуры, нынешняя волна, по причинам культурным, экономическим, оседает на Западе, не имея такого стремления, желания или опыта произвести апостольский подвиг. В коснувшемся меня лично случае, в Лондоне, волна переселенцев из России взяла в свои руки большинством голосов управления приходом, удален был правящий архиерей, епархия перешла непосредственно в ведение Московского священноначалия. Самым значительным, может быть, оказалось устраниние местного церковного Устава, составленного, как и Устав времени митрополита Евлогия, по примеру Московского Собора 1917 года. Епархия «обруслена» и обеднела.

Казалось, при этом опыте нельзя нам полагаться на Москву в деле созидания новых церковных структур в зарубежье, как это было сделано митрополитом Евлогием, а в наши дни Сурожским митрополитом Антонием. И однако, я склонился к «русскому» решению нашей канонической дилеммы.

Оставившая след до сегодняшнего дня работа мысли и духа, обитавшая в профессорах Богословского института, где я был студентом в 1950-е годы, позволяет надеяться. В качестве оправдания я сошлюсь на речь, произнесенную профессором Солунского богословского факультета, Антонием Тахиасом, учившемся при мне в Институте в 1950-х годах. В своей речи на Semaines Liturgiques de Saint Serge (Литургических неделях Свято-Сергиевского института) в 1987 году, где ему присуждалась почетная докторская степень, он выступил на тему о богословском понимании церковной истории, которую он почерпнул еще студентом в Париже.

«(Профессор) Карташев изучал историю иначе (чем в академических богословских учреждениях Греции)... В его понимании цепочка исторических событий в жизни Церкви подчинена некоей каузальности, природа которой не без связи с божественной энергией. Не отвергая принцип реалистичной оценки данного исторического события как действия подчиненного свободе выбора и человеческой воле, Карташёв указывал на его значимость в свете богочеловеческих данных. За пределами феноменологии он наблюдал иной контекст, место, где действует Божья благодать. Так,

непредвидимое в историческом процессе, то, что не подвластно конъюнктуре, то, что необъяснимо при данных ученых мира, часто является плодом энергий, человеком не проверяемых... Так, в судьбах византийского исихазма в славянском мире он провидел перспективу обновленного, богословского понимания истории».

Профессор Тахиаос указывает далее на несомненную преемственность такого видения истории от мысли, что А.В. Карташёв многие годы преподавал Ветхий Завет в Институте. Это приводило восторженного молодого студента к сравнению рассеяния вне родины русских ученых с судьбоносным, богатым пророчеством путем древнего Израиля времен вавилонского пленения и к вопрошанию о Божьем участии в этих судьбах...

Антуан Нивьер (Париж), французский историк церкви и русской религиозной мысли, доктор филологических наук, профессор Университета Нанси II, заведующий кафедрой русского языка и литературы.

1. на 2-ю часть вашего вопроса могу ответить сразу и кратко. К решению Константинопольского патриарха упразднить Архиепископию отношусь крайне отрицательно. На 1-ю часть вопроса ответить сложнее. На самом деле, как мне кажется, Архиепископия как таковая никакого вклада в православное богословие, по сути, не внесла, да, пожалуй, она и не ставила себе такой задачи. Ее задачей было свидетельствовать о православной вере в тех странах, где находились ее церковные общины и в которых она была призвана духовно обеспечить литургическую жизнь, проповедовать слово Божие, передать верующим Божию благодать через спасительные таинства, духовно окормлять всех без различия происхождения или национальности. Уже в середине 1920-х годов с благословления митрополита Евлогия был создан иеромонахом Львом (Жилле) и братьями Ковалевскими первый франкоязычный православный приход в Париже, появились потом межэтнические (русско-греческие и русско-французские) приходы в Лилле, в Нанте.

Конечно, в каком-то более широком смысле Архиепископия способствовала созданию духовно-просветительских

центров, где в течение многих десятилетий сохранялась до-революционная русская религиозно-философская мысль, где и развивались разные плодотворные течения современного православного богословия (например, литургическое богословие, возвращение к изучению наследия святых отцов, раскрытие духовно-богословского смысла иконы...), в том числе и по отношению к межхристианскому диалогу и к диалогу с окружающим миром и светской культурой. Таким местом был прежде всего Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, а также организация РСХД, членами которой состояли в своем огромном большинстве клирики и миряне Архиепископии. Именно в этих двух центрах трудились самые яркие интеллектуальные силы Архиепископии до и после Второй мировой войны. Некоторые из них уже в 1950-е годы уехали в Северную Америку и там содействовали возникновению местной богословской школы (Свято-Владимирской духовной семинарии), в частности, а также преобразованию местной церковной структуры из довольно скромной Северо-Американской русской митрополии в Православную церковь в Америке.

Заметно также, что здесь всё это стало возможным благодаря покровительству и поощрению различных архиастырей, возглавлявших Архиепископию за все эти годы, и которые все без исключения (с митрополита Владимира [Тихоницкого] до архиепископа Гавриила [де Вильдера] включительно) последовали примеру и завету митрополита Евлогия и никаким образом не мешали проявлению и развитию этих сил, даже когда они не были полностью согласны с некоторыми их идеями или реализацией этих идей. Они всегда встречали с уважением и пониманием проявления инициатив со стороны клириков и мирян в духе широкой свободы и открытости.

2. Как мне кажется, был только один и единственный путь – всесторонний диалог, как внутренний, так и внешний. Внутренний диалог – искренний, широкий, открытый – со всеми силами Архиепископии. Это было частично сделано, было устроено два-три пастырских съезда, на которых члены духовенства высказались, кажется, довольно свободно в отношении того или другого направления. На епархиальных

собраниях в феврале и сентябре 2019 года такого диалога уже не было, это были скорее монологи, дали по 5 минут каждому желающему высказаться, прозвучали, скорее всего, эмоциональные выступления, иногда обличения или нападки, богословский уровень дебатов был довольно слаб, люди были уже замкнуты в своих логиках и не слушали друг друга.

А внешний диалог вообще не состоялся, кроме как с представителями Московской патриархии. Но это была небольшая узкая и почти тайная комиссия, одна половина ее членов со стороны Архиепископии даже не была оповещена заранее о ее заседаниях и, следовательно, на могла участвовать в совместном рассмотрении ее проекта. А с Константинопольским патриархатом никакого настоящего диалога и не было. Отправилась на Фанар два раза специальная делегация от Епархиального совета, каждый раз она возвращалась без всяких результатов. Как я понял, патриарх Варфоломей остался на своей позиции, а архиепископ Иоанн (Реннетто) – на другой. К такому заключению оба сами и пришли, когда встретились в середине августа в Швейцарии. Диалог между ними оказался невозможным, и поиск другого выхода из положения оказался неизбежным, оформление какого-то нового статуса Архиепископии все еще в рамках Константинопольского патриархата стало немыслимым, скорее всего, оно было нежелательным и Вселенскому патриарху, и архиепископу Иоанну.

Распространенное в конце августа письмо протоиерея Георгия Ашкова вызвало большой резонанс оттого, что призывало к размышлениям по сути дела, а также к диалогу внутреннему между людьми, стоящими уже на совершенно противоположных позициях. Но было решено отказаться от такого предложения. Найдя согласие внутри самой структуры Архиепископии, выбор внешней формы был бы, наверно, гораздо проще и гладже.

3. Епархиальное собрание в феврале 2019 года проголосовало огромным большинством голосов (93 %) за сохранение целостности и единства Архиепископии. Владыка Иоанн (Реннетто) истолковал этот результат как общее выражение поддержки его твердого желания и, судя по всему, уже принятого в то время решения перейти в юрисдикцию Московской

патриархии. Такой выбор был потом подтвержден на епархиальном собрании в сентябре 2019 года, но уже небольшим большинством голосов (58 %) (притом что многие из участников прежнего, то есть февральского, собрания на второе, сентябрьское, собрание просто-напросто не пришли). Оценивать в целом такое последнее решение, как мне кажется, еще рано. Пока видны прямые последствия – из 115 приходов и церковных общин, которые год назад составляли Архиепископию, многие теперь разошлись по разным епархиям разных Поместных церквей (кроме Константинопольской и Московской – Сербская, Румынская и Болгарская). За владыкой Иоанном последовало примерно меньше половины общин по всей Европе, а во Франции – чуть больше половины, но несогласных с ним тоже много. О том, получилось ли сохранить Архиепископию, ведутся споры. Одни считают, что владыка Иоанн ее спас, а другие – что он сам из нее вышел, нарушив церковные и юридические правила. Судить о значении этого решения для Церкви вообще тоже, как мне представляется, рано.

Надо также иметь в виду, что за последние три десятилетия Архиепископия очень изменилась социологически и пастырски, появились новые люди и среди клира, и среди верующих. Осталось совсем небольшое число так называемых настоящих «русских» приходов, огромное большинство церковных общин – по крайней мере во Франции – состоят уже из людей нерусского происхождения или потерявших свою «русскость», в особенности язык. Среди новоприбывших из Восточной Европы много молдаван, украинцев, грузин, русских меньше. Факт, что все епархиальные собрания проводятся вот уже с 1990-х годов исключительно на французском языке, сайты Архиепископии и большинства ее приходов тоже на французском языке, вести канцелярию и официальную переписку на русской речи, да еще на правильной, никто уже не в состоянии. В некоторых храмах еще служат только на церковнославянском языке, но это редкостные случаи, таких приходов совсем мало – кафедральный собор в Париже, храм Сергиевского подворья, три-четыре прихода в Париже и в окрестностях, и всё. Таким образом, если некоторые люди думают, что в лоно РПЦ МП вернулся «удел митрополита Евлогия» в таком масштабе и облике, каким он был в 1930-х или даже в 1950-х годов, они,

по-моему, глубоко ошибаются. В отличие от РПЦЗ, где «русскость» хранили как зеницу ока (хотя, говорят, что у них тоже во многих храмах в Америке или в Австралии Евангелие за богослужением читается по-английски), такого нет уже в сегодняшней Архиепископии.

Как метко сказано в ее официальном названии, современная идентичность этой церковной структуры осуществляется через ее утверждение приверженности некоей «русской церковной традиции», но я не уверен, что такая «традиция» полностью совпадает с традициями РПЦ МП и даже с понятием «традиции» у многих деятелей Московского патриархата. В отличие от «русской традиции» в современной России, где преобладает скорее однообразие, где шаг влево и вправо часто считается отклонением от священного предания, почти ересью, в случае Архиепископии мы имели свободу в рамках этой традиции. Что в конечном итоге было нужно и остается необходимым для гармоничного развития православия с особенностями и национально-этническими, и культурными тех или иных приходов в западноевропейских странах. Именно будущее покажет, как эти разные понятия «русской традиции» или применения «русской традиции» смогут ужиться под одной крышкой. Не говоря уж о экклезиологических и канонических вызовах, с которыми мы сталкиваемся при существовании на одной и той же территории трех параллельных епархиальных структур под одним и тем же патриархатом. Это было в свое время большим упреком к членам Архиепископии со стороны некоторых видных богословов Московского патриархата (покойного архиепископа Василия (Кривошеина), например): как Константинопольский патриарх может иметь на одном и том же месте две епархии – греческую и русскую. Но сам патриарх Кирилл и члены Святейшего Синода РПЦ МП отлично понимают, что здесь кроется, так сказать, небольшая проблема, они богословски грамотны и последовательны, поэтому в решениях Синода от 14 сентября 2019 года сказано в последнем абзаце, что в дальнейшем все же придется пересмотреть такое временное устройство.

4. Мечты о созидании местной православной церкви в Западной Европе или по крайней мере во Франции, которая объединила бы все параллельно существующие церковные

юрисдикции в этой стране или в этих странах (и не только русские, а все вообще), то к чему, призывали с 1949 года многие видные деятели Архиепископии (о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейendorf, Сергей Сергеевич Верховской), и за что упорно ратовали в 1970–1980-х годов члены Православного братства в Западной Европе (Оливье Клеман, о. Борис Бобринский, о. Кирилл Аргентис, Иван Александрович Чекан), позабыто, и надолго, кажется. Как я только что говорил, вероятнее всего, через определенный промежуток времени неизменно будет ставиться вопрос о слиянии трех параллельных «русских» церковных структур, которые теперь все зависят от авторитета Московского патриарха. Такое предложение объединения уже содержалось в известном письме от патриарха Алексия I от 1 апреля 2003 года. Но это предложение, может быть, пришло в неподходящее время, то ли слишком поздно (после смерти архиепископа Сергия [Коновалова]), то ли слишком рано (руководство тогдашней РПЦЗ восприняло его довольно сдержанно, даже уклончиво). Оно было тогда отвергнуто и тогдашним руководством Архиепископии (ныне покойным архиепископом Гавриилем [де Вильдером]). Судя по всему, время для этого тогда еще не пришло, многие люди не были готовы к этому — одни утверждали тогда, что РПЦ глубоко больна, другие говорили, что она полностью связана с государством и что Архиепископии грозит потеря и идентичности, и независимости. Эти голоса теперь умолкли, некоторые кардинально изменили свой взгляд и стали обрушиваться на Константинопольский патриархат, упрекая его во всех грехах. Это уже их дело. Во всяком случае, как мне кажется, страница «удела митрополита Евлогия», эта страница почти столетней истории, закончена, и закончена навсегда. Открывается новая страница. Каковой она будет — покажет нам время. Можно только надеяться на лучшее.

Священник Георгий Кочетков (Москва), профессор, основатель и ректор Свято-Филаретовского православного христианского института, основатель и духовный попечитель Преображенского содружества малых православных братств.

1. Архиепископия по своим размерам хоть и была очень небольшой, но она, безусловно, сыграла свою историческую

роль. Ее история прежде всего была связана с русской историей XX века, с русским геноцидом, который устроили большевики в СССР. Но все-таки это и некое самостоятельное явление, ведь с самого начала Архиепископия состояла из приходов, которые до революции были в Русской церкви на территории Европы, а потом, конечно, это были и приходы эмигрантов. И в эмиграции было огромное количество весьма и весьма неординарных людей из верхов русского общества. Поэтому с самого начала эта общность, эта епархия была особой и самостоятельной. С одной стороны, это явление было реакцией на то, что происходило вокруг, с другой – эта церковь всегда старалась жить духом, то есть не только тем, что временно, преходяще, сиюминутно.

Из того, что дала Архиепископия мировому православию, нужно прежде всего назвать две вещи: во-первых, так называемое «парижское богословие», богословие Института святого Сергия в Париже, а с другой – опыт реального выполнения решений великого Московского собора 1917–1918 годов, который невозможно было обрести в советской России. Этот труд был замечен почти до конца существования Архиепископии в ее предыдущем каноническом статусе.

Кроме того, Архиепископия сыграла важную гармонизирующую роль в русском православии. Может быть, слишком консервативное, политизированное, националистическое направление, которого большей частью придерживались люди в карловацкой церкви, компенсировалось вот таким, более свободным, иногда даже либеральным, но отнюдь не секулярным направлением.

Так что наша церковная жизнь была очень обогащена тем духовным опытом, который накапливался постепенно в жизни прихожан, верующих русской Архиепископии в Западной Европе. Это повлияло и на жизнь всего христианского мира. Достаточно вспомнить Братство святого Албания и святого Сергия, сблизившее православие с Англиканской церковью, или отношения с Католической церковью и роль на II Ватиканском соборе о. Николая Афанасьева. В конце концов, слава Американской православной церкви была обеспечена тоже выходцами из Архиепископии – прежде всего отцом Александром Шмеманом, отцом Иоанном Майндорфом, отцом Георгием Флоровским и другими. Это все было едино

при большом разнообразии. Здесь еще надо вспомнить вклад Павла Евдокимова, матери Марии (Скобцовой), отца Дмитрия Клепинина и еще целого ряда людей.

Церковные деятели русской эмиграции всегда чувствовали, что они «в посланничестве» и должны что-то новое сказать в Европе и мире, что именно так они работают на будущее. Это было характерно и для отца Сергия Булгакова, и для Николая Александровича Бердяева — величайшего русского мыслителя, второго апостола Павла, уникального человека, который сам в Архиепископию не входил, но это всё равно было едино. Их судьбы переплетались так, что никого нельзя друг от друга оторвать, даже тогда, когда юрисдикционные границы строились причудливо и разделяли людей по некоторым позициям.

Поэтому так важно и сейчас сохранять то из опыта и достижений богословской мысли Архиепископии, что еще не вполне усвоено или даже не опубликовано. Очень важно вводить это в строй, как это много лет делал через «Вестник РСХД» Никита Струве. Необходимо и сейчас сохранять характерный для Архиепископии дух свободы, общения, общности и даже братства, ведь братский дух как дух творческого единения и культуры там всегда присутствовал. Это для нас прекрасный пример того, как можно в современном мире служить Богу, Церкви и всем близким, всему миру.

Когда Константинопольский патриарх решил упразднить Архиепископию, он понимал, что внутренних сил для развития у Архиепископии почти не остается, и поэтому он исходил скорее из интересов Греческой церкви. Ведь пока Архиепископия существовала как самобытное единство, там подчеркивалась и русская традиция. Поэтому она была немножко бельмом в глазу у православных греков, так как не все они были готовы открыто и дружелюбно к этой традиции относиться. Да, поводы для такого отношения подчас давала и Русская церковь, но нельзя было только ими ограничиваться в своих решениях. Судя по всему, Константинопольскому патриарху захотелось быть на первом месте в глазах всего европейского и американского общества. Поэтому грекам нужно было ассимилировать приходы Архиепископии в море греческой жизни, греческого мира как тренда, концентрирующегося на эллинской традиции. Это решение патриарха

Варфоломея было прогнозируемо. Другой вопрос, что это было сделано несколько неуважительно, грубо, не очень тактично по отношению к своим же братьям и сестрам во Христе, которые все-таки с большим доверием отнеслись к Константинопольскому патриархату в то время, когда попросили его принять их в начале 30-х годов в свою юрисдикцию.

2. Притом что важно оценить благородство деятелей Архиепископии, которые хотели сохранить свои ризы светлыми, белыми, наша жизнь такова, что без компромиссов обойтись бывает невозможно. Поэтому задолго до осенних решений 2019 года мне приходилось говорить лучшим деятелям Архиепископии о том, что им надо помнить заветы своих отцов, которые хотели, чтобы все лучшее, что было выработано ими и их потомками в эмиграции, вернулось в Россию и способствовало возрождению Русской церкви, русского народа и через это – всего православного мира. Отчуждение и даже некоторое противостояние наших юрисдикций мне казалось не очень оправданным. Это исторически сложившееся отчуждение, условно говоря, «белой» и «красной» церкви, с одной стороны, было понятным и естественным, а с другой – слишком большим и, значит, уже не оправданным. А идея создания поместной Западноевропейской (или Французской) православной церкви была несколько преждевременна и не очень трезвenna, к тому же она занимала слишком много сил у деятелей Архиепископии.

Очевидно, что были возможны разные варианты канонического урегулирования вопроса русской Архиепископии. Например, соединение с Американской православной церковью, близкой по духу, по культуре и по своей истории, было бы интересным, но эта перспектива в силу разных причин не получила своего развития. Все остальные варианты представляются мне еще менее оправданными.

3. Всё естественным образом свелось к тому, что Архиепископия должна была, как и предполагалось с самого начала ее создания, вернуться домой. Даже если этот дом тесный, разрушенный и не очень благополучный. Безусловно, для этого были необходимы права максимальной автономии. Впрочем, этой свободы могло бы быть еще больше, если бы подобное решение было принято раньше, скажем, когда па-

триарх Алексий II обратился с соответствующим призывом 1 апреля 2003 года. Но тогда это не получилось, ибо Московская патриархия вела себя иногда грубо и экспансивно, а Экзархат оборонялся довольно жестко и не очень был готов к компромиссам. И сейчас есть то, что есть.

Так что решение архиепископа Иоанна присоединиться к Московскому патриархату было важным, правильным, хотя и запоздалым. Если бы он на это не пошел, то боюсь, что Архиепископия просто рассыпалась бы и потеряла бы слишком многое и многих, чего Господь все-таки не допустил. И то, что по некоторым данным до 85% общин Архиепископии высказываются за переход в Московский патриархат, это важно и хорошо. Хотя в юрисдикции Константинопольской церкви остаются некоторые деятели Архиепископии, которых очень хотелось бы видеть на стороне большинства.

Дело в том, что сейчас важно успеть принести в русскую реальность все то, о чем думали, мечтали, писали, о чем переживали и что делали выдающиеся члены Архиепископии в прошлом, прежде всего, великое наследие «парижского богословия» и опыт воплощения в жизни решений Собора 1917–1918 годов. Это принципиально важно потому, что только это может сдвинуть с мертвой точки ситуацию в Русской церкви и предотвратить разложение и деградацию русской православной традиции и русского народа, как, впрочем, и всего православия.

4. Архиепископия должна сохранять свой уклад, дух и строй. С одной стороны, она должна стать больше западноевропейской, но и больше русской. С другой – она должна эту свою русскость научиться преображать, возвышать, очищать, чтобы способствовать покаянию и возрождению Русской церкви и всего русского народа.

Обязательно нужно работать по дальнейшему введению в научный и практический оборот материалов, связанных с наследием лучших деятелей Архиепископии в прошлом, даже если это придется делать не собственно русским людям. Это может быть знаком их благодарности прошлой России, а также отправной точкой для собственного движения вперед и вверх, в чем нуждается и вся современная Европа.

Нельзя не предвидеть искушений, связанных с пребыванием в юрисдикции Московского патриархата, это неизбежно,

но не надо этого бояться. Не то страшно, что приходят искушения, но то важно, как мы на них реагируем. Тут всем придется проявить мудрость, но и некоторую решительность, смелость и настойчивость. Важно, чтобы Архиепископия сохранила себя, не дала себя ассилировать. Пусть не все говорят по-русски и не все ориентируются на русскую традицию, но пусть все пытаются этой традицией и воспитываются на ее лучших образцах, потому что русская церковная традиция, безусловно, и сейчас может иметь и имеет мировое значение.

Говоря о перспективах Архиепископии, в первую очередь нужно иметь в виду не сохранение каких-то частных, особенных черт православия, а направленность на возрождение всей христианской церковной жизни. Я уверен, что тут и наше Преображенское братство могло бы получить новое вдохновение в общении с лучшими деятелями Архиепископии. И наоборот, Архиепископия могла бы получить поддержку изнутри Русской церкви, в том числе от Братства, ведь, несмотря на возможные частные разногласия, основные внутренние интенции у нас едины. Взаимопонимание, глубинное взаимное приятие при полной свободе духа и при отношениях настоящей Христовой Любви между нами – это может иметь очень большую перспективу. Архиепископия могла бы поддерживать братские начинания, а Братство могло бы поддержать действия Архиепископии, если они проявятся не только в западноевропейских странах, но и в России.

Вот и настоящее, и будущее «удела митрополита Евлогия»: мы одна церковь, мы едины! Несмотря на то что в церковном теле есть много болезней, в нем есть и здоровые органы, здоровые клетки, и они должны поддерживать друг друга, чтобы помогать всем преодолевать все болезненные симптомы для нашего общего выздоровления.

Протоиерей Иоанн Гейт (Франция), настоятель прихода св. Гермогена в Марселе, заместитель председателя совета Архиепископии православных церквей русской традиции в Западной Европе, юрист.

1. Нам хорошо известно, не только теоретически, но и на собственном опыте, какое место занимала Архиепископия и связанный с нею парижский Свято-Сергиевский

православный богословский институт в богословском «возрождении», которое еще называют «парижской школой». По сути дела, речь идет об освобождении творческой динамики во всех областях и сферах церковной жизни: в богословии, экклезиологии, литургической жизни и т.д. — в духе положений Московского Поместного Собора 1917–1918 годов, возрождении, осуществляемом под руководством митрополита Евлогия.

Отмена канонической защиты, которую Константино-польский патриархат оказывал до сих пор Архиепископии в рамках Экзархата, стало для нас тяжелым потрясением, поскольку это решение поставило под вопрос, очень четко и, возможно, преднамеренно, всю уникальность, присущую Архиепископии: самоуправление и свободу духа, завещанные митрополитом Евлогием.

2. Перспектива создания единой поместной православной церкви в том виде, в каком ее продвигали такие выдающиеся церковные деятели, как Оливье Клеман, Элизабет Бер-Сижель, о. Борис Бобринский, о. Николай Лосский, Иван Чекан и многие другие, была нарушена историческими потрясениями конца XX века, в частности, концом противоборства Востока и Запада. В этих условиях мне представляется, что лучшим решением для Архиепископии, бесспорно, являющейся основной движущей силой в деле создания поместной церкви, будет каноническая связь с Московским патриархатом (скорее, чем с Русской церковью), из которого в свое время и возникла Архиепископия, в силу того, что миссионерское начало — но не прозелитизм — входит в пастырскую традицию Московского патриархата. Владыка Иоанн, ныне митрополит Дубнинский, напомнил об этом в своем слове при вручении ему Грамоты в Москве 3 ноября 2019 года, ссылаясь, в частности, на решения Собора 1917–1918 годов.

3. Это решение, в котором я принял участие, представляется мне, повторю еще раз, наиболее разумным, поскольку именно оно дает наилучшие гарантии для сохранения Архиепископии в ее целостности, самостоятельности и самобытности.

4. Пока что мы можем лишь радоваться предоставлению нам статуса «автономной епархии», который будет особо

прописан под своим именем в Уставе Московского патриархата, обеспечивая нам, в частности, существование, отличное от Корсунской епархии и Западноевропейского экзархата Московского патриархата, так же как и от Русской зарубежной церкви. Конечно, это приводит к сосуществованию в лоне Московского патриархата трех юрисдикций, каждая из которых обладает собственной идентичностью, но такое устройство может как раз способствовать возникновению истинно соборной структуры и сохранению того разнообразия, которое реально отражает социологическую и культурную реальность, о чем свидетельствует последний параграф Грамоты.

Виктор Александров (Будапешт), историк, богослов, член редколлегии «Вестника РХД».

1. Богословы Архиепископии и выходцы из нее внесли выдающийся вклад в развитие православной мысли XX столетия. Они создали лучшее, что было сделано в русском богословии за рубежом, и способствовали развитию православного богословия в целом. Несмотря на небольшие размеры Архиепископии, ее роль в церковной жизни православия тоже была важной, главным образом благодаря попытке, в целом вполне жизнеспособной, хотя и не беспроблемной, реализации в ее устройстве принципов, основанных на решениях Московского собора 1917–1918 годов.

Имея в виду интересы всего православия, решение Константинопольского патриарха о роспуске Архиепископии я считаю большой ошибкой. Оно было принято, игнорируя и интересы самой Архиепископии, более того, без всяких консультаций с ней. Как епархия Константинопольского патриархата, и немаловажная, Архиепископия могла бы рассчитывать на пастырскую заботу большую, чем простое уведомления о роспуске. Причем сообщено о решении было в весьма уничтожительной, ничуть не евангельской манере, вызывающей крайнее удивление в церкви. Это решение – один из тех шагов Константинопольского престола, которые показывают, что его нынешнее внутреннее состояние и моральный уровень не соответствуют тем претензиям на первенство в Православной церкви, которые этот престол предъявляет.

2. Богословски обоснованным и правильным я считал бы провозглашение Архиепископией автокефалии, а в будущем создание на ее основе поместной православной церкви в Западной Европе. Однако к такому принципиальному выходу не была готова прежде всего сама Архиепископия. Не готово к нему и вселенское православие, живущее канонической инерцией и погрязшее в борьбе за «права» уже существующих автокефальных церквей. Поэтому реально возможным было либо принятие решения Константинополя, чего, к счастью и для Архиепископии, и для всего православия, не случилось, либо присоединение к одной из автокефальных церквей. Отчасти исход зависел от того, какие предложения от этих церквей получила бы Архиепископия. Однако, по соображениям ли церковной geopolитики, в силу ли канонической инерции или этнического мышления, иные автокефальные церкви, кроме Московского патриархата, не поучаствовали в рецепции эгоистического константинопольского решения о роспуске Архиепископии. В этом смысле закономерно и, наверное, правильно, что крупнейшего преемника «удела митрополита Евлогия» (т.е. большинство приходов прежней Архиепископии, составивших ныне зарубежную епархию Русской православной церкви во главе с владыкой Иоанном Дубнинским) получила та единственная церковь, которая с самого начала ясно выразила самую определенную заинтересованность в Архиепископии, т.е. Московский патриархат.

Возвращаясь к «рецепции» константинопольского решения, я неприятно удивлен полным публичным молчанием иерархов, влиятельных клириков и богословов прочих автокефальных церквей относительно кризиса вокруг Архиепископии (непубличные высказывания, разумеется, были). Православие твердо расселось по своим провинциальным автокефальным квартирам (и Константинопольский патриархат, несмотря на свои претензии на вселенскость, есть лишь одна из таких квартир), где предстоятели и синоды автокефальных церквей могут делать, что им заблагорассудится, и любое решение предстоятелей и синодов, даже самое абсурдное и противоречащее воле тех, кого это решение касается, считается внутренним делом автокефальной церкви. Исключение в данном случае составила лишь РПЦ, но она была заинтересованной стороной, и кризис обсуждался

в ней по причине «русскости» Архиепископии и разворачивающегося конфликта между Москвой и Константинополем. Ни один из авторитетных иерархов или богословов мирового православия не поднял публично голос в защиту Архиепископии (хотя, например, после авантюрного решения Константинополя создать автокефальную церковь на Украине такие голоса прозвучали), и спасение утопающих осталось делом рук самих утопающих.

3. Я с пониманием отношусь к этому решению, но огорчен способом, которым оно было достигнуто, и тем, что в конечном итоге единство Архиепископии сохранить не удалось. Именно в сохранении Архиепископии как целого я вижу главный смысл решений, принятых 23 февраля 2019 года на Чрезвычайном епархиальном собрании. К сожалению, полностью выполнить эти решения у архиепископа и Епархиального совета не получилось: присоединившись к Москве, Архиепископия потеряла два крупных осколка – предполагаемый будущий викариат во Франции и большую часть Британского благочиния (каждый приблизительно по 20 приходов).

По мере того, как шли месяцы пребывания Архиепископии в подвешенном состоянии, предложение Москвы, сделанное практически на следующий день после объявления о константинопольском решении ликвидировать Архиепископию как особую епархию, оставалось единственным. И это делало московское предложение, которое поначалу не пользовалось широкой популярностью в приходах Архиепископии, все более весомым. Справедливости ради надо сказать, что владыка Иоанн и не пытался найти другой выход из кризиса, сразу склонившись к варианту с переходом в Москву. Однако он не запрещал «инициативным группам» искать иной выход и был осведомлен о посещении полуофициальными и неофициальными делегациями Архиепископии некоторых автокефальных церквей. К сожалению, усилия активистов бывшего Русского экзархата не привели к формированию альтернативного предложения помимо московского. Вред поиску решения стало наносить сложившееся в разгар кризиса и усиливавшееся по мере приближения к его пику противостояние между владыкой Иоанном и поддерживавшим

его меньшинством Епархиального совета с одной стороны и большинством совета, настроенным против перехода в Москву, с другой. К сожалению, оппоненты не смогли достичь компромисса и сохранить между собой единство, которое в той ситуации было бы критически важным и для единства Архиепископии. Мне кажется, что обе стороны несут свою долю ответственности за неумение найти компромисс.

Что огорчает меня в способе достижения решения? Приблизительно с лета 2018-го владыка Иоанн и промосковская партия очевидно «заторопились». Одним из знаков этого стало назначение голосования о переходе в Москву — голосования, положительный исход которого был в тот момент отнюдь не гарантирован, — на 7 сентября. Благодаря этому назначению даты архиепископ и его сторонники сделали голосование решающим. Когда же нужных двух третей голосов в поддержку перехода не было собрано, то промосковская партия решила переступить через Устав и энергично «продавила» решение о переходе в Москву, выдвинув новые аргументы, почему она вправе сделать это, даже несмотря на отсутствие необходимых двух третей голосов. В критический момент все те речи об элементах соборности в устройстве Архиепископии, которые звучали в ней на протяжении последних десятилетий, которые объясняли ее специфику и за которыми стояло реальное содержание, оказались отставлены в сторону, и решение о переходе было поспешно «продавлено» архиепископом и его сторонниками, по моему мнению, вопреки Уставу Архиепископии (хотя промосковской партией доказывалось и доказывается, что вовсе не вопреки). Это, между прочим, породило и юридические сложности для самой Архиепископии — точнее, для наследующей ей епархии Московского патриархата, — и аукнутся ли они ей в будущем, пока не ясно. Если переход в Москву был действительно неизбежен — что я вполне могу себе представить, — то его было бы легче принять, если бы сторонники перехода сумели убедить его противников, а не проигнорировать их, пренебрегая теми «правилами игры», которые до голосования 7 сентября принимались всеми сторонами внутри Архиепископии. Но таков мой взгляд со стороны, и поскольку я не участвовал в событиях непосредственно, а лишь наблюдал их со стороны, то я мог чего-либо не увидеть или недоучесть.

Значение решения о присоединении для Церкви сейчас нам не ясно. Оно откроется позже. Наша оценка этого события будет зависеть от дальнейшего поведения участников событий.

4. Многие возможности остаются открытыми. Я желаю процветания и численно самому крупному преемнику Архиепископии – нынешней епархии Московского патриархата во главе с митрополитом Иоанном, и будущему викариату Галльской митрополии (если таковой образуется), и бывшему Британскому благочинию Архиепископии. У каждого из них есть возможности хранить и, что желательно, приумножать наследие прежней Архиепископии. Я не оставляю надежды на возникновение в Западной Европе новой поместной церкви или церквей, в чем нынешние «исторические» поместные церкви, борющиеся за «окормление диаспоры», очевидно не заинтересованы. И для этого возникновения каждый из трех осколков Архиепископии может сделать что-нибудь полезное. Появление новой, такой своеобразной, заграничной епархии в составе Русской православной церкви может принести последней большую пользу, ибо эта епархия была носителем весьма иной традиции внутреннего устройства. Ключевой для меня вопрос – останется ли наследующая Архиепископии епархия носителем традиции Собора 1917–1918 годов или будет ассимилирована, организационно и духовно, московской вертикалью? Первые предзнаменования, появившиеся в ходе кризиса (я имею в виду то, как было решено о переходе), не самые благоприятные. Но ответ на этот вопрос станет ясен через несколько лет.

Критически важным мне кажется возрождение, в составе ли новой епархии, в рамках ли межюрисдикционного сотрудничества, Свято-Сергиевского богословского института, который уже много лет как перестал быть центром богословской мысли. Именно слабость богословия в Архиепископии была, по моему мнению, одной из причин слабости ее самой в ходе кризиса. Когда надо было услышать мнение богослова, то его некому было высказать. Поэтому события развивались без действительной оглядки на богословские мнения, но следовали логике церковно-политической целесообразности.

Протоиерей Владимир Зелинский, настоятель храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в г. Брешии (Италия), писатель, богослов.

1. Первый вопрос позвольте разделить на два. Мне думается, богословие Западноевропейской Архиепископии не сводится только к славным именам и даже к совокупности трудов ее мыслителей и богословов. Это скорее послание, которое нужно уметь прочитать. Все знают, есть три русских православных Церкви за пределами России, и каждая из них облечена своей миссией, определяемой ее историей и настроенностью. Есть Московский патриархат; его задание – служить духовным очагом для выходцев из бывшего Советского Союза, на времена или навсегда оказавшихся вне канонического поля Москвы. Есть Зарубежная Церковь, она раскинула свой шатер для тех, кто хочет еще жить в той России, которая была до катастрофы 1917 года, пребывая в ограде строго-истинного православия, не поврежденного сотрудничеством с безбожной властью или участием в экуменизме. Они вполне могут быть административно объединены, но сохранять при этом разную церковную ориентацию. Позицию Западноевропейской Архиепископии труднее определить. Прилагательное «русская» здесь приложено не столько к самой церкви, сколько к традиции. Отсюда, на мой взгляд, следует и ее «послание»: Архиепископия выросла из русских корней, напитана их соками, но жизнь этого церковного удела связана с европейским контекстом: культурным, социальным, ментальным, политическим.

Конечно, ко всему этому можно демонстративно повернуться спиной; это не столь уж редкий выбор в православной среде. Помню, в 70-х годах я пересекся в Москве с одним русским французом, по-русски говорившим с акцентом, ставшим затем священником Зарубежной Церкви; не без гордости он сообщил мне, что Франция, где он вырос, для него такая же далекая заграница, как Уганда или Руанда, какое ему до нее дело? Чаще подобное отношение встречается среди новоприбывших; новая страна, непривычный мир – как временная декорация; можно устраиваться среди них, но «духовно» не замечать. Так вот, особенность Архиепископии определяется не столько Свято-Сергиевым подворьем, коим она знаменита, сколько выбором быть православным на Западе,

не в географическом только смысле, но в жизненном, когда нет этого принципа разделения между «сокровищем в сердце», хранимым для себя, и твоим существованием, бытом, бытием. Это иной выбор, разумеется, не лишенный своих духовных опасностей, но думаю, что и у Православия на Западе, более свободного от искушения этнофилетизма и герметизма, православия, открывающего здесь новые для себя возможности служения, любви и проповеди, есть какое-то свое «Божье» будущее.

Что касается решения Вселенского патриарха об упразднении нашего Экзархата, то я принял его как нечто горестно неизбежное. Оно было болезненным для всех нас, не одного меня. Здесь можно было бы строить догадки, схемы, предположения о внутренних или иных мотивах Святейшего, но в данном случае они были бы явным упущением прекрасной возможности промолчать.

2. Однако его решение, чем бы оно ни было вызвано, явилось, безусловно, провиденциальным. Многие его так и поняли: пора возвращаться под омофор Москвы. Это возвращение, думаю, могло бы быть полезным обеим сторонам: малой нашей Архиепископии, все еще старающейся жить по заветам Московского Собора 1917–1918 годов, и самой Москве, все еще до конца не выбравшейся из Московии. Но поворот к Москве вызвал у многих, приблизительно у половины, приходов Архиепископии сильное, почти инстинктивное сопротивление. Москва отверглась с порога, без объяснения причин, как нечто заведомо отрицательное, о чём и так все знают. Особенно досталось нашему бедному, стойкому митрополиту, слово «предатель» в его адрес стало ходовой монетой. Хотя почему «предатель»? С той поры, как патриарх Варфоломей столь неожиданно и ошеломительно предложил нашей Архиепископии самораспуститься и разойтись «по грекам», что, кстати, никакой особо оскорбительной критики не вызвало, позиция владыки Иоанна определилась сразу же. Это была позиция ответственности, как он ее понимал, за вверенный ему Экзархат, притом что всю жизнь он был клириком Вселенского Патриархата. (Мне и моей семье довелось быть его прихожанами в Шамбези летом 1989 года, и у нас об о. Иоанне остались самые добрые воспоминания.)

Однако не все захотели влиться в греческие митрополии, многие стремились оставаться в вольной епархии, вопреки всем оставить ее для себя. Как было в 1965 году, когда Вселенский патриарх Афинагор отправил нашу Архиепископию под крылья Москвы. Архиепископия не приняла такого поворота, осталась вне патриархатов, однако в то время у нее была своя давно сложившаяся, крепко державшаяся за свои приходы паства, так что она могла сохраниться как компактное церковное тело. Сейчас той паства больше нет, да и Москва все же несколько другая, уже не советских лет, к тому же и Западная Европа заполнена потоками новых эмигрантов из бывшего СССР: России, Украины, Молдавии. На Западе возникло новое православное присутствие; оно особенно чувствуется в Италии, где четверть века назад православных едва была горсточка, а сегодня их — только в Италии — под два миллиона (если считать всех крещеных).

И вот эти новые прихожане из стран бывшего СССР, оказавшись в Архиепископии под Константинополем, узнали — ибо сегодня не скроешь, — что они отсечены от евхаристического общения с Русской православной церковью, где были крещены как они, так и деды их и прадеды. Таково было решение Москвы; обсуждать, насколько оно оправдано, справедливо, канонично, не имеет смысла; на данный момент оно есть и на слуху у всех. Это, однако, как-то совершенно не трогало пастырей-антимосковитов, что меня, откровенно говоря, поражало. Пусть, скажем, у меня в приходе $\frac{4}{5}$ или пусть $\frac{9}{10}$ традиционных прихожан, но $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{10}$ новых, принятых в приход недавно (у меня традиционных нет, все новые), и теперь они, возвращаясь домой, на неопределенное время будут отлучены от причастия? Кто-нибудь сообщил этой одной десятой о таковом запрете? Или вспомнил притчу о 99 овцах и одной потерянной? Поиск ее не лишен риска, неизвестно куда приведет, покойней останется дома со своей версией уютного, вольного, «истинного православия», на этот раз на европейский манер.

Два или три наших прихода, насколько я знаю, ушли к румынам, что уже напоминает паническое бегство: куда угодно, лишь бы не в Москву. Тогда почему не к грекам? Это было бы по крайней мере исполнением воли Вселенского патриарха.

3. Как коренной москвич с околодиссидентским прошлым, я знаю о Москве, наверное, не меньше тех, кто взирал на нее издалека, читал в газетах. Помню, как еще в 70-е годы звучали пасхальные или рождественские послания с «церковных вершин», где евангельские слова заливались тем елейным церковным желе, на который переводился жаргон советской политики (неустанная борьба за мир, широкая свобода совести в СССР и пр). От несваримости этой смеси меня буквально корежило. Однако и мысли не было бежать куда-нибудь еще в какие-нибудь безгрешные, дышавшие не-приемлемостью ко всем катакомбы; в те времена они уже не были смертельно опасны.

В антимосковской позиции не было серьезной критики, ибо критика требует аргументов, здесь прочитывалось лишь чистое отвержение с высоты неколебимой правоты. Дискуссии не предполагалось. Подразумевалось, что те права широкой автономии, которые предлагались Москвой, будут нарушены ею немедленно. Это было как аксиома. За Москвой же темнел силуэт Путина, высилась тень Сталина, проплывало облако услужливой вечной «покорности властям». Любым. Но, вступая в Православную церковь и оставаясь в ней, разве мы об этом не слышали? Разве в национальной церкви бывает иначе? Можно возразить: власти властям рознь, одно дело – безбожные диктаторы, другое – Помазанник Божий. Однако и при помазанниках происходило и освящалось то, что сегодня было бы нам невместимо: торговля людьми, два с половиной века мучений старообрядцев и так далее. Никто особенно не уязвляется давними теми делами; когда-нибудь и о бедном, затурканном сергианстве вспомнят как об одном из них. Сергианство же, по крайней мере на первом этапе, почему-то сочетается в моей памяти с песней «Широка страна моя родная», с энтузиазмом, истово распеваемой при выходе на лагерную работу под охраной надзирателей (по свидетельству моей тетки Т.Л. Зелинской, сидевшей в АЛЖИРе – Акмолинском лагере жен изменников родины). Сохраняя одно прошлое, честно ли забывать другое? А принимать его – значит разделять и бремя, и вину. Да, здесь, на Западе, мы свободны, и местные власти удивились и улыбнулись бы, наверное, узнав, что мы о них молимся и даже готовы как-то им благоговейно покорствовать. Но по сути эта свобода сплелась вокруг

нас, как гетто. Хорошо обустроенное гетто с правом выхода, возврата и свободного передвижения...

Никогда я не мог понять, а когда спрашивал, никто мне не растолковал: как это было так просто и с чистой совестью оставлять свои гибнущие епархии или приходы (см. Ин 10: 12), и, уходя от гонителей, уносить с собой белые снега истины, а затем оттуда, из чистоты снегов, призывать к покаянию запачкавшихся, оступившихся грешников, живших с ощущением стали у горла? Да еще с таким замечательным алиби, что, мол, «молчанием предается Бог».

Менее всего я ищу какой-либо вариант «идеальной Церкви». Присоединяясь к Москве, я не только следую за выбором большей части своего на 90 % украинского прихода (хотя и его, конечно, не сбросишь со счета), но вхожу в судьбу своей Церкви, такой, какая была и есть. «Блудный, грешный и окаянный аз», как говорит вечерняя молитва Святому Духу, к таковым и присоединяюсь. Дух не оставит ее.

4. В настоящем наша Архиепископия – это совсем небольшая часть Русской православной церкви в Западной Европе. Получившая необычно широкую автономию с собственной администрацией, правом выбора епископов, сохранением календаря, который каждый приход может для себя выбрать (у меня старый), богослужебного языка (у меня Апостол и Евангелие – на русском, итальянском, украинском), богослужебных особенностей и т.п. Трудно сказать, сколько это сможет в таком виде продержаться. В Московский патриархат вошла приблизительно половина прежней Архиепископии. Если бы она не раскололась пополам, шансов сохраниться и удержать наши права и традиции было бы больше.

Что касается ее будущего, то здесь мы переходим в жанр благих пожеланий. Но раз в сто лет и мечты сбываются. Сейчас мы, православные в Европе, живем в ситуации канонического абсурда: территория одна, церкви разные, и все законные, все для самих себя единственны: русская, румынская, греческая, сербская, грузинская... Причем, надо сказать, именно Русская церковь, несмотря на все время от времени сжимающие ее спазмы национализма, фундаментализма, нетерпимости, все же в основе своей наиболее открыта, в изначальном смысле экуменична, космополитична, «всемирно

отзывающими». Открытость заложена в душе русской традиции. Я хотел бы видеть нашу Архиепископию своего рода единой працерковью будущего православия в Европе, когда рухнут все эти национальные перегородки, упадут тяжелые облачения наших вер: русские, румынские, греческие... и останутся только Христовы.

Священник Илья Соловьев (Москва), историк, кандидат богословия, кандидат исторических наук, специалист по истории Русской православной церкви XIX–XX вв, председатель Московского Общества любителей церковной истории, клирик храма в с. Язвице Волоколамского района Московской области.

1. Мне кажется, что переоценить вклад Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе в русское богословие весьма трудно. Одно только перечисление имен историков и богословов русской традиции может быть достаточным для того, чтобы понять, сколь весомым был этот вклад. Он во многом определяется тем, что богословие «парижской школы», в отличие, например, от наследия Русской Зарубежной (карловацкой) церкви, было основано на принципе свободы, уважения к человеческой личности, на поиске ответов на вызовы современности, а вовсе не на копировании или попытках реанимации утраченных, зачастую политических идеалов, на которых будто бы покоилась «святая Русь». Не будет излишней смелостью сказать, что богословие «парижской школы» уже не является сугубо национальным достоянием, оно превзошло этнические границы.

Не меньшую важность Русский Западноевропейский экзархат имел и для церковной жизни в России. На протяжении ряда лет деятели русского зарубежья откровенно говорили о проблемах Русской церкви на Родине, свидетельствовали о гонении на нее со стороны богоборческой власти, старались привлечь к этому внимание мировой общественности, чего так боялась эта самая власть. Огромное значение в этом свидетельстве имел в свое время «Вестник РСХД» (потом РХД), на страницах которого звучал голос свободной Русской церкви, не умолкавший и в Советском Союзе.

Независимая от СССР православная Архиепископия имела возможность говорить не только о лжи в церковно-государственных отношениях в нашей стране, но и о неправдах, которые встречались в самой церковной жизни. Таковы, например, ответы деятелей русской эмиграции на сервисистские высказывания некоторых иерархов Московской патриархии, которые, если быть честными, делались иногда не совсем свободно. Все время существования богооборческого режима в СССР Архиепископия имела возможность быть устами Русской церкви, говорящими правду о ее положении и о ее проблемах. Она помогала мирянам в Советском Союзе отторгаться от неправды и стараться «жить не по лжи».

Вот почему упразднение Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе, предпринятое решением Константинопольского патриарха и его Синода, явилось весьма существенным ударом по самой Русской церкви на Родине. Именно так я воспринимаю этот шаг Фанара.

2. Хорошо известно, что Константинопольский патриархат не в первый раз распускает свою Архиепископию. Так уже было в 1965 году, когда Вселенский патриарх, не без нажима со стороны Москвы, а также ради удовлетворения некоторых своих сиюминутных интересов, заявил о распуске своего Русского экзархата в Западной Европе. Важно отметить, что тогдашнее руководство Архиепископии не встало в позу обиженных, но начало интенсивные консультации с руководством Константинопольской церкви на предмет дальнейшей судьбы упраздненного экзархата. В результате этих переговоров было достигнуто понимание того, что решение Фанара было принято им в силу сложившихся обстоятельств и с течением времени оно может быть пересмотрено. С надеждой на будущее Архиепископия выступила с заявлением о своей независимости, своего рода «соборной самостоятельности». Пребывание во внеюрисдикционном состоянии было, конечно же, вынужденной мерой. Кстати говоря, к ней прибегали в разное время и другие части русского церковного рассеяния, и именно это решение позволило Архиепископии выиграть время и восстановить свое положение по истечении нескольких лет.

После решения Константинопольского патриарха Варфоломея от 2018 года о распуске Архиепископии у нее

оставалось три варианта «канонического урегулирования» своего положения, лишь два из которых могли обеспечить ее прежнюю целостность. Эта целостность могла бы быть сохранена, во-первых, при условии перехода приходов Архиепископии в юрисдикцию иной Поместной церкви, не исключая, конечно, и Московской Патриархии. Во-вторых, оставалась вероятность и внеюрисдикционного состояния, подобного тому, в котором пребывала Архиепископия во второй половине 1960-х годов, но эта возможность в наше время была более призрачной, так как интеллектуальные силы русского рассеяния в какой-то степени иссякли, и потому свободное самостоятельное существование было бы более проблематичным. Не надо забывать, что в наше время кардинальным образом изменился и состав прихожан Архиепископии: все большее влияние в ней стали иметь представители последней, так сказать, «экономической» эмиграции, то есть те люди, кто покинул свою Родину свободно, без внешнего давления. Именно эти выходцы из постсоветской России, вкупе с потерявшими свою «русскость» потомками эмигрантов, во многом определили судьбу бывшей Архиепископии православных русской церквей в Западной Европе.

3. Мне трудно оценивать это решение с точки зрения его пользы для самих приходов, присоединившихся к Московской патриархии, поскольку их положение для нас, живущих в России, как это выяснилось в последние месяцы, остается не вполне очевидным.

Что же касается Русской православной церкви, то, наряду с присоединением к ней определенной части заграничной собственности, она получила исторический шанс хотя бы частично впитать в себя наследие «парижской школы», которая теперь уже не рассматривается как «парижский раскол». Появилась также надежда на то, что, несмотря на наличие у нас большого «крипто-карловацкого» крыла, имена парижских новомучеников, и прежде всего матери Марии (Скобцовой), будут включены в Месяцеслов нашей Церкви.

4. В настоящее время мы можем констатировать тот факт, что, несмотря на образование Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе в юрисдикции

патриарха Московского, сохранить единство прежней Архиепископии удалось лишь отчасти. Часть приходов не последовала за Преосвященным архиепископом (теперь митрополитом) Дубнинским Иоанном и заявляет о том, что именно она является наследницей «удела митрополита Евлогия (Георгиевского)». При таком положении, а также с учетом все более обостряющегося раскола в православном мире я остерегаюсь делать какие-то прогнозы даже в отношении ближайшей исторической перспективы.

Документы

1. Письмо митрополита Эммануила священникам Архиепископии*

Париж, 7 февраля 2019

Дорогие отцы,

Всем вам известно решение Святейшего синода Вселенского патриархата об отзыве Томоса и приглашении присоединиться к митрополиям тех стран, где вы находитесь. Я знаю, какую важную уставную роль играет Чрезвычайное общее собрание, и я молю Бога, чтобы он послал Святого Духа, чтобы исполнить ваши труды Своей благодатью и любовью, чтобы вы нашли наилучший путь для продолжения здесь, в Западной Европе, свидетельства о Христе.

Я пожелал обратиться к вам, чтобы уверить вас, что я ни в коей мере не стремлюсь присвоить чье бы то ни было имущество, но что я готов, в пределах Митрополии, которой управляю, сохранить в статусе викариатства следующие особенности:

– Сохранение существующей ассоциации, которая будет продолжать управлять принадлежащим ей имуществом

* Письмо было разослано священникам Архиепископии в преддверии Чрезвычайного общего собрания Архиепископии, состоявшегося 23 февраля 2019 г. Источник: <https://orthodoxie.com/lettre-de-mgr-emmanuel-aux-pretres-de-larcheveche-des-paroisses-orthodoxes-russes-en-europe-occidentale/>.

и действовать в соответствии со своим Уставом, который, вероятно, потребуется адаптировать.

— Поминование преосвященным архиепископом Иоанном святейшего Вселенского патриарха Варфоломея.

— Гарантию сохранения вашей русской литургической и духовной традиции, а также вашего дела свидетельства о православии в западных обществах.

Недавно я встретился с преосвященным архиепископом Иоанном и смог изложить ему все это устно. Я убежден, что благодаря плодотворному диалогу мы сможем решить стоящие перед нами сегодня задачи. Знайте, что я остаюсь в распоряжении каждого из вас, чтобы ответить на ваши законные вопросы.

Ожидая встречи с вами в ближайшее время, я прошу вас, дорогие братья, принять мои наилучшие пожелания о Господе.

+ Митрополит Галльский Эммануил

2. Циркулярное письмо*

4 сентября 2019

Дорогие братья и сестры в Господе,

30 августа 2019 г. Священный синод Вселенского патриархата принял решение в соответствии с решением, принятым в ноябре 2018 г. относительно бывшего Экзархата приходов русской традиции в Западной Европе, предоставить канонический отпуск преосвященному архиепископу Иоанну Хариупольскому. Канонический отпуск подчеркивает тот факт, что отныне архиепископ Иоанн не имеет более никакого отношения ни к Вселенскому патриархату, ни к общинам бывшего Экзархата.

Посему на сей день преосвященный архиепископ Иоанн не имеет больше никакой духовной или административной власти над общинами, которыми он ранее управлял. Управление этими общинами во Франции передано Православной

* Опубликовано на официальном интернет-сайте Галльской митрополии в преддверии Чрезвычайного общего собрания Архиепископии, состоявшегося 7 сентября 2019 г. Источник: <https://mgro.fr/2019/09/04/lettre-circulaire/>.

митрополии Франции Вселенского патриархата. Святейший Патриарх назначил меня на должность местоблюстителя в этот переходный период.

Поэтому на сей день и в соответствии с решениями, принятыми Святейшим синодом Вселенского патриархата, прошу вас поминать мое имя как вашего иерарха во время богослужений.

Что касается внеочередной Генеральной Ассамблеи 7 сентября, то мне известно, что многие делегаты уже собрались приехать в Париж на это заседание. В случае, если это собрание состоится, знайте, что оно не может иметь никаких полномочий по принятию решений.

Я намерен в самое ближайшее время созвать епархиальный совет, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Кроме того, я повторяю предложение, которое я обнародовал 7 февраля прошлого года, а именно:

– обеспечить в рамках викариата сохранение существующей ассоциации, которая будет продолжать управлять принадлежащим ей имуществом и функционировать в соответствии со своим собственным Уставом, который, вероятно, потребуется адаптировать,

– обеспечить сохранение вашей русской литургической и духовной традиции, а также вашего дела свидетельства о православии в западных обществах.

Понимая смущение некоторых из вас, я не премину в ближайшие дни и недели вновь заявить вам о своей приверженности вашим общинам, от всего сердца благословляя вас и моля Господа нашего Бога, чтобы Он наполнил вас Своей благодатью, и всегда помня слова святого апостола Павла: «...мы уверевали, ободряли, призывали вас вести жизнь, достойную Бога, призывающего вас к Царству и славе Его» (1 Фес 2: 11–12).

+ Митрополит Галльский Эммануил.

3. Акт канонического подчинения приходов русской традиции в Западной Европе местным митрополиям всесвятого Вселенского патриархата (№ 1042)

Варфоломей Божьей милостью архиепископ Константинонограда, Нового Рима и Вселенский патриарх.

Церковь Христова, как мать милосердная, помышляющая полезное и нужное о ближних и о дальних, почитает также своим долгом проявлять заботу о том, чтобы никто не оставался без связи и утверждения, приспособляя управление и спасение к нуждам и обстоятельствам христоименной плеромы и не оставляя попечения о полезнейшем управлении и пастырском служении, через которые обеспечивается и осуществляется руководство к спасительным законам. Ибо наша Святая Христова и Великая Церковь знает, как изменять в соответствии с нуждами народа Божия по соображению времени ею установленное, неизменно основываясь с учетом исторических обстоятельств на уверенности в своих канонических привилегиях.

Так, она предусмотрела и в отношении приходов, а также некоторых других учреждений так называемой «русской традиции», находящихся в Западной Европе, которые были собраны нашим Святым и Священным Синодом по соображениям икономии и снисхождению в особый Патриарший Экзархат под нашим Святейшим, Апостольским и Вселенским Престолом, Томосом № 616 от 19 июня года спасения 1999, сочетав воедино канон акривии и канон человеколюбия и сострадания, да не покажется мягкость вседозволенностью или строгость жесткостью и не вносится смущение в узы единства и любви, связующие верных с Матерью-Церковью.

С прошествием времени та же Матерь-Церковь, наблюдая с сочувствием особые трудности того Экзархата и принимая в счет объяснения, представленные Священными Иерархами, имеющими приходы упомянутого Экзархата в переделах своих епархий, убедилась в необходимости обустроить дела того Экзархата в более тесном соответствии

с канонами и акривией, да не существуют две Церковные Власти той же юрисдикции в одном месте в нарушение Божественных и Священных Канонов.

Итак, обсудив вопрос соборно в Духе Святом и тщательно изучив предложенные мнения, имея апостольское попечение и заботу об утверждении и каноническом благоустройстве, а также и о правильном управлении и об установленных пределах церковных, мы пришли к следующему решению:

— Отозвать, на что имеем исключительное право, изданный в 1999 году по снисхождению и икономии Патриарший и Синодальный Томос о восстановлении Патриаршего Экзархата в Западной Европе.

— Всем приходам и иным церковным учреждениям упраздненного Экзархата канонически подчиняться Церковным Епархиям Вселенского Престола, в географических пределах которых они находятся, — Священной Архиепископии Фиатирской и Великобританской или Священным Митрополиям Франции, Германии, Швеции и всей Скандинавии, Бельгии, Италии и Мальты.

— Клирикам отселе поминать за Божественной Литургией и Священными Последованиями имя местного Архиепископства, имея и признавая его как главу и начало.

— Священнейшим во Христе братьям, сослужащим нам, Фиатирскому и Великобританскому господину Григорию, Галльскому господину Эммануилу, Германскому господину Августину, Шведскому и всей Скандинавии господину Клопе, Бельгийскому господину Афинагору, Италианскому и Мальтийскому господину Геннадию, позаботиться сейчас же и без промедления о каноническом и административном присоединении приходов русской традиции, расположенных в их пределах, сообщив им сей Патриарший и Синодальный Акт, и приступить к исполнению надлежащих церковных и административных действий.

Благословляя Священный Клир, Монашеские Братства и христолюбивый народ, призываем на всех богатое благословение Бога нашего и Спасителя Иисуса Христа и желаем утверждения, приумножения и благого соработничества местных Иерархов во славу Божию и спасение мира.

Посему во извещение и уверение сего составлен сей Патриарший, Синодальный и Удостоверительный Акт,

изложенный и подписанный в сем свитке нашей Великой Христовой Церкви, а также тождественно и неизменно посланный и дарованный Священной Архиепископии Фиатирской и Великобританской и Священным Митрополиям Франции, Германии, Швеции и всей Скандинавии, Бельгии, Италии и Мальты для включения в архив и вечного памятования.

В год спасения 2018-й, 27 ноября,
индикта 12-го
+ Константинопольский Варфоломей
+ Бриульский Пантелеимон
+ Италианский и Мальтийский Геннадий
+ Германский Августин
+ Транупольский Герман
+ Нью-Джерсийский Евангел
+ Родосский Кирилл
+ Рефимский и Авлопотамский Евгений
+ Корейский Амвросий
+ Сингапурский Константин
+ Австрийский Арсений
+ Симский Хризостом
+ Чикагский Нафанаил
Для заверенной копии.

В Патриархии 12 января 2019 г.

Генеральный секретарь Святого и Священного Синода
[рукописная подпись и печать Синода: Архим. Иоаким]

4. Текст Патриаршей и Синодальной грамоты о восстановлении единства Архиепископии западноевропейских приходов русской традиции с Русской Православной Церковью

Мы, смиренный Кирилл, Божией милостью Патриарх Московский и всея Руси, купно с Преосвященными архиепископами, членами Священного Синода Московского Патриархата,

обсудив 14 сентября 2019 года обращение от того же дня архиепископа Иоанна (Реннето), в котором он, сообщив о стремлении большинства клириков и приходов Архиепископии западноевропейских приходов русской традиции вос-

соединиться с Русской Православной Церковью, попросил принять его в юрисдикцию Московского Патриархата вместе с желающими последовать за ним клириками и приходами, руководствуясь пастырской заботой о клириках и мирянах Архиепископии, объединяющей в православной русской традиции русских людей и коренных жителей Западной Европы, чье приобщение к Православию стало возможным во многом благодаря трудам русских эмигрантов – пастырей и богословов, –

постановили: принять Преосвященного архиепископа Иоанна (Реннетто) в юрисдикцию Московского Патриархата с титулом «Дубнинский», а также всех желающих того клириков, находящихся под его руководством, и приходы, которые выразят такое волеизъявление, и поручить архиепископу Дубнинскому Иоанну управление упомянутыми приходами;

обсудив затем 7 октября 2019 года обращение, принятое 28 сентября 2019 года собранием духовенства Архиепископии западноевропейских приходов русской традиции под председательством архиепископа Дубнинского Иоанна с просьбой о присоединении Архиепископии к Русской Православной Церкви и об определении формы ее канонической организации в составе Московского Патриархата,

определили, что Архиепископия западноевропейских приходов русской традиции, будучи преемницей церковного удела, образованного в Западной Европе в 1921 году постановлением соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета под председательством святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, совершая свое спасительное служение в исторически сложившейся совокупности ее приходов, монастырей и церковных учреждений, отныне пребывает неотъемлемой частью Московского Патриархата и действует в его составе на следующих правах:

1. В Архиепископии сохраняются ее богослужебные и пастырские особенности, являющиеся частью ее традиций.

2. В Архиепископии сохраняются исторически сложившиеся особенности ее епархиального и приходского управления, в том числе те, которые были установлены митрополитом Евлогием исходя из особенностей существования возглавляемого им церковного удела в Западной Европе и с учетом отдельных решений Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 годов.

3. Архиепископия управляетя в соответствии с нормами ее Устава, с учетом законодательства стран, на территории которых она действует.

4. Архиепископия вправе вносить изменения и дополнения в этот Устав в предусмотренном в нем порядке после согласования этих изменений и дополнений с Патриархом Московским и всея Руси и с последующим их утверждением Священным Синодом.

5. Архиепископия получает святое миро от Патриарха Московского и всея Руси.

6. Архиепископия управляетя епархиальным архиереем с титулом архиепископа, который обеспечивает непосредственную каноническую связь между Московским Патриархатом и общинами, составляющими Архиепископию.

7. Епархиальный архиерей Архиепископии обладает полнотой предусмотренных канонами иерархических прав в отношении подведомых ему монастырей, приходов и клириков. В частности, епархиальному архиерею Архиепископии принадлежит исключительное право:

а) учреждать новые монастыри и приходы в составе Архиепископии;

б) выдавать отпускные грамоты клирикам Архиепископии;

в) принимать священнослужителей в состав Архиепископии (с учетом принятых в Московском Патриархате правил перехода клириков из епархий его канонической территории в епархии за ее пределами);

г) рукополагать священнослужителей для клира Архиепископии;

д) назначать и поставлять на церковное служение клириков и мирян, находящихся под его архипастырской юрисдикцией;

е) исполнять решения церковного суда Архиепископии.

8. Избрание епархиального и викарных архиереев Архиепископии осуществляется в следующем порядке:

а) для избрания епархиального архиеря Архиепископии Совет Архиепископии составляет предварительный список кандидатов после получения предложений от монастырей и приходов Архиепископии; для избрания викарных архиереев список составляет епархиальный архиерей Архиепи-

скопии после консультаций с архиерейским комитетом и с советом Архиепископии;

б) предварительный список кандидатов представляется на рассмотрение Патриарху Московскому и всея Руси, который вправе внести в него изменения;

в) Совет Архиепископии либо направляет полученный от Патриарха Московского и всея Руси список в монастыри и приходы Архиепископии, либо повторно представляет иной список на рассмотрение Патриарха Московского и всея Руси;

г) после получения списка монастыри и приходы избирают своих делегатов в соответствии с уставом Архиепископии;

д) общее собрание Архиепископии в составе духовенства и делегатов-мирян избирает архиерея согласно процедуре, предусмотренной уставом Архиепископии;

е) избрание архиерея утверждается Священным Синодом.

9. Имя епархиального архиерея Архиепископии поминается за богослужениями во всех храмах Архиепископии после имени Патриарха Московского и всея Руси. Имена викарных архиереев Архиепископии поминаются за богослужениями в храмах, определяемых распоряжением епархиального архиерея Архиепископии, после имени Патриарха Московского и всея Руси и епархиального архиерея Архиепископии.

10. Архиереи Архиепископии являются членами Поместного и Архиерейского Соборов, а представители клира и мирян Архиепископии являются членами Поместного Собора, будучи избранными в установленном порядке.

11. Епархиальный архиерей Архиепископии принимает участие в заседаниях Священного Синода в числе его временных членов в установленном порядке.

12. Решения Поместного и Архиерейского Соборов являются обязательными для Архиепископии, а решения Священного Синода по согласованию с Патриархом Московским и всея Руси действуют в Архиепископии с учетом особенностей ее управления.

13. Апелляционной инстанцией для решений церковного суда Архиепископии является Высший Общеперковый Суд Московского Патриархата, а судебными инстанциями для архиереев Архиепископии являются Высший Общеперковый Суд и Архиерейский Собор.

14. Архиепископия сохраняет финансовую автономию и управляет своим движимым и недвижимым имуществом в рамках действующей юридической формы существования и в соответствии с законодательством стран, на территории которых она действует.

15. Отношения Архиепископии с государственными властями определяются принципами отделения Церкви от государства с учетом законодательства каждой отдельной страны. Как отметил Архиерейский Собор 2011 года, недопустимым является участие духовенства в предвыборной агитации и политической борьбе. В высказываниях по пастырским и общественным вопросам духовенство Архиепископии, сохраняя верность учению Православной Церкви и придерживаясь основополагающих догматических и пастырских документов Русской Православной Церкви, следует принципу свободы совести, который, как отметил Архиерейский Собор Московского Патриархата 2008 года, «находится в гармонии с волей Божией, если защищает человека от произвола по отношению к его внутреннему миру, от навязывания ему силой тех или иных убеждений» (Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. IV. 3).

В соответствии с постановлением Священного Синода от 7 октября 2019 года, в Устав Русской Православной Церкви и в уставные документы Архиепископии надлежит включить необходимые положения.

Архиереи, клирики и миряне всех епархий Московского Патриархата в Западной Европе, включая епархии Патриаршего Экзархата Западной Европы, епархии Русской Зарубежной Церкви и Архиепископию, призываются к плодотворному взаимодействию.

Каноническое усовершенствование присутствия Московского Патриархата в Западной Европе, ныне представленного несколькими церковными структурами, требует дальнейшего обсуждения с участием всех заинтересованных сторон.

Воздавая благодарение Многомилостивому и Всесвященному Богу за дарованную радость церковного мира и единства, которые являются прочной основой для дальнейшего процветания Православия русской традиции в Западной Европе, призываем на Преосвященного архиепископа Дубнинского

Иоанна, клириков и мирян Архиепископии западноевропейских приходов русской традиции благословение Святой, Единосущной, Животворящей и Нераздельной Троицы, Безначального Отца со Единородным Его Сыном и Всеблагим Утешителем Духом. Аминь.

5. Слово митрополита Дубнинского Иоанна после Божественной литургии в Храме Христа Спасителя в Москве*

Ваше Святейшество!

Я сегодня здесь в сопровождении более сотни человек, в том числе 37 клириков, священников и диаконов, которые ответили на Ваше приглашение закрепить каноническое присоединение приходов русской традиции в Западной Европе к Московскому Патриархату.

Уже несколько недель в России, как и во Франции, и даже за их пределами, это деяние освещается на разных информационных каналах как историческое событие.

Происходящее событие – историческое, во-первых, поскольку исполняется то, на что приснопамятный митрополит Евлогий, как мы все знаем, надеялся, когда исторические обстоятельства вынудили его просить каноническое покровительство у Константинопольского Патриархата в 1931 году, полагая, что это положение будет временным. И, действительно, статус, тогда присвоенный Константинопольским Патриархатом, был временным.

Цитируем митрополита Евлогия: «Вступая на этот путь, мы, конечно, не отрываемся от Матери Русской Церкви... Мы не прекращаем с ней нашего единения. На ее будущий суд мы обязуемся в свое время представить все свои деяния за весь период нашего невольного внешнего разобщения. Мы продолжаем оставаться в общении веры, молитвы и любви с Московским Патриархатом... Итак, это не разрыв с Русской Церковью. Это лишь временный перерыв... вызванный известными обстоятельствами современной жизни». Эти слова,

* Слово было произнесено при вручении Грамоты в Храме Христа Спасителя в Москве 3 ноября 2019 г. Источник: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5524384.html>.

Ваше Святейшество, были моим руководством во все эти трудные месяцы испытания для нашей Архиепископии.

Когда он был еще архиепископом, митрополит Евлогий был назначен в апреле 1921 года временным управляющим русских церквей в Западной Европе Святым Патриархом Московским Тихоном (указ от 8 апреля 1920 г., № 423 и 424). Это было сделано с согласия святителя Вениамина, митрополита Петроградского, который имел тогда юрисдикцию над религиозными учреждениями Русской Православной Церкви в Западной Европе (письмо 21 июня 1921 года). В январе 1922 года владыка Евлогий был возведен в сан митрополита.

В 1924 году он создал «Управляющее объединение русских православных ассоциаций», то есть Архиепископию (Официальный журнал 28.02.1924, № 58, с. 2080). Оно состояло из религиозных объединений православного происхождения или русской церковной традиции, учрежденных согласно закону и объединяющихся вместе во исполнение требований французского законодательства (1905 г.).

В течение неспокойного десятилетия 1921–1931 годов, не всегда имея возможность предвидеть все исторические события, митрополит Евлогий вел себя одновременно как пастырь, верный Московскому Патриархату, и как миссионер на той земле, где он оказался в силу обстоятельств и по Божию Промыслу. Он поддержал созданное тогда Молодежное движение (РСХД), которому содействовала и святая мать Мария (Скобцова). В 1924 г. он основал Свято-Сергиевский богословский институт, став его первым ректором, а отец Сергий Булгаков был его деканом.

Благодаря этим инициативам митрополит Евлогий заложил основание и создал миссионерскую динамику, позволившую выдающимся представителям первой эмиграции сохранить и умножить плоды литургических, духовных и богословских традиций, основанных на наследии исторического Московского Собора 1917–1918 годов, как подчеркнули Вы, Ваше Святейшество, в доброжелательном письме, которое Вы мне направили в самом начале нашего диалога в декабре 2018 года. Это было повторено от Вашего имени митрополитом Антонием Корсунским на нашей первой встрече в Париже.

Таким образом были заложены основы русской православной миссии в Западной Европе, в духе документа Священного Синода от 27 марта 2007 года «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви», который напоминает, что Церковь возвещает Евангелие «дальним и близким» (Еф 2: 17), согласно слову Спасителя. В документе говорится, что «приходы Русской Православной Церкви вне ее канонических пределов изначально создавались с целью попечения об оказавшихся вдали от Родины соотечественниках, но многие из них стали духовным домом и для тех представителей коренных народов, которые обратились в Православие».

Эту миссию Архиепископия выполнила: основанная на русской традиции, она стала многоэтнической и многоязыковой общностью. Сегодня более половины ее клириков и верующих – западного происхождения, как я сам и до меня приснопамятные архиепископы Георгий (Вагнер) (немец) и Гавриил (де Вильдер) (бельгиец). Эта особенность была подчеркнута в некоторых телевизионных передачах в России.

Происходящее событие – историческое, потому что Ваше попечение проявилось в тот момент, когда целостность и призвание Архиепископии были под угрозой уничтожения. Вы подарили нашей Архиепископии возможность выжить и продолжить осуществлять свое миссионерское призвание во Франции и в Западной Европе, в рамках совместного принятого решения, в качестве полноценной Архиепископии. Вы обеспечиваете сохранение нашего церковного удела таким, каким он сформировался, и таким, каким он существует со времени своего создания в литургическом, богословском и пастырском плане (а также в административном и в финансовом отношении). Вы сохраняете, таким образом, нашу самобытность, которой мы очень дорожим и которая нас подвигла обратиться к Вашему благожелательному отцовскому попечению.

Происходящее событие – историческое, потому что каноническое присоединение, которое Вы нам сегодня дарите, это больше, чем простая интеграция; это закрепление церковного примирения. Это больше, чем возвращение, это развитие миссии, о которой шла речь в упомянутом выше документе от 27 марта 2007 года. Верная этой миссии

в унаследованной традиции, Архиепископия продолжит нести свое свидетельство, уважая местные христианские общины, наследницы других духовных и богословских традиций.

Несмотря на часто очень болезненные, а иногда жестокие потрясения предыдущего века, которые были причиной разделений в течение нескольких поколений и оставили еще не полностью зарубцевавшиеся раны, мы верим, что Господь может только радоваться явленному сегодня нами единству. Посему мы уверены, что Он даст нам радость и глубокое желание быть верными свидетелями Воскресшего там, где мы находимся каждый день, и вместе трудиться в единении с полнотой Православия ради сохранения целостности Тела Христова, оставаясь верными последнему духовному завещанию митрополита Евлогия: «Духовная свобода – великая святыня Святой Церкви».

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Жорж Нива

О чем говорит нам Собор Парижской Богоматери

Вечером 15 апреля 2019 года, около 18 часов, я проезжал на такси по набережной Сены, слева от меня был маленький сквер Сен-Жюльен-ле-Повр, а справа, на другом берегу Сены, Нотр-Дам, и я сразу заметил небольшие языки пламени и столб черного дыма, поднимавшийся от шпиля собора. Я и предположить тогда не мог, что пожарникам удастся потушить этот только разгоравшийся тогда пожар лишь к 5 часам утра, что они спасут каменный каркас собора, а деревянные конструкции и шпиль погибнут, а открытый кроваво-красному небу неф засыплет обломками балок и зальет расплавленным свинцом.

Кто говорит «Собор Парижской Богоматери», тот говорит «Виктор Гюго». Его роман вышел в 1831 году; написать его попросил издатель, которому хотелось заполучить роман а-ля Вальтер Скотт, поскольку Вальтер Скотт только что написал исторический роман, который читала вся Европа. Нам, после книги Лукаша, написанной в 1937 году (в Москве), стало понятно: прошли времена героев и великих вождей! В центре исторического потока не короли и цари, а простые персонажи, воссозданные мысли которых естественным образом текут в этом потоке. Итак, вся Европа соревновалась с Вальтером Скоттом, и Толстой вывел исторический роман в зенит, завершив (на время) процесс разрушения великих творцов истории.

Гюго отлично выполнил заказ создать роман а-ля Вальтер Скотт: его персонажи мыслят, страдают и живут, как в XV веке. Конечно, в таком XV веке, каким себе его представлял Гюго в начале века XIX. И он, и его читатель уже знают о падении королевского строя, о костре революции, о коронации нового императора, об осторожной реставрации и о новом витке революции, вспыхнувшей в «три славных дня» 1830 года, — но в тот момент больше всего его занимает вопрос: тлеет ли еще это пожарище? Гюго добавляет сюда главного героя, как это делали Бальзак, Диккенс, как позднее будет делать Золя: коллективного, загадочного персонажа, город, а еще точнее — город, кишащий жизнью вокруг собора, и мы увидим в романе, как город осаждает собор вместе с армией оборванцев. Еще до того, как мрачный Людовик XI, упрятанный в маленькой комнатке в огромной Бастилии, послал своего верного слугу устроить резню в народе, главный герой, этот тенистый собор, был именно таким, каким его описал Гюго в конце Средневековья, уже полуразрушенным. Но это были гордые руины, вздымающиеся перед народом, как огромная книга, которую уже никто не мог прочесть. Что же было написано в этой книге?

Что можно было в ней прочесть в тот вечер 1482 года, созданный воображением Гюго, когда глухой и уродливый горбун Квазимодо устраивает пожар, зажигая балки нефа, и льет свинец на тех, кто атакует собор?

Что можно было в ней прочесть в этот вечер 2019 года, шесть веков спустя, когда огромная и ошеломленная толпа, созданная мировой телетрансляцией, следила за тем, как огонь охватывает неф и шпиль, знаменующий, или, вернее, знаменовавший собой больше, чем сердце Парижа, — сердце Франции, ось царства со времен решения, принятого королем франков Хlodwigom в 508 году, решения, которое неустанно подкрепляли затем все последующие режимы?

В одной из самых удачных сцен романа Виктор Гюго сталкивает лицом к лицу архиdiaкона собора Клода Фролло, изучившего теологию, медицину, астрологию, герменевтику, алхимию и все науки, преподававшиеся тогда в Университете, на левом берегу острова Сите, и таинственного посетителя, который не кто иной, как король Людовик XI, жаждущий

встречи с таинственным полубезумным, беспокойным алхимиком собора. Вот тут-то Гюго и размышляет о том, что можно было прочесть в этом огромном соборе в то время, в конце XV века. Мы подошли к моменту, говорит он, конца одной цивилизации и рождения новой. Конец Архитектуры — как единой и всеобщей книги человечества со временем Египта — и рождение печатной эпохи Гуттенберга, разрозненной книги Знания. Таинственное слово, которое, как говорит нам Гюго в предисловии, он сам расшифровал на камне между двух башен (в то время можно было самому подняться на верхний ярус собора), слово ANANKE, то есть «рок», неопровергимо выражает собой КОНЕЦ огромной эпохи: уже ни народ, ни ученые, никто больше не умеет читать огромную каменную книгу собора. И Гюго очень ярко показывает нам, чем скоро станет собор: рuinой, той рuinой, которая уже проглядывает под еще целым зданием...

На следующий день после того рокового вечера я вернулся на остров Сен-Луи, и вид восточной части собора и в самом деле, являл собою руину, скелет, лишенный плоти, огромный свод, от которого остались лишь арки под открытым небом, наподобие древних руин Жюмьежа или других аббатств, опустошенных пожарами и прославленных Шатобрианом в его «Гении христианства». В XVIII веке настолько любили руины, что возводили свои собственные, как, например, руины «Дезер де Ретц» рядом с Версалем. У меня было ощущение, что мы снова вернулись к этой поэтике руин, которую автор «Рене» приписывал руинам Шотландии, сопоставимым, на его взгляд, с поэзией Оссиана.

Странное дело, 15 апреля 2019 года Франция позабыла о своих законах о светском характере общественных мест, запрещающих любые религиозные процесии на улицах. Из сквера Сен-Жюльен-ле-Повр выходили группы молодых католиков и шли, распевая церковные песнопения, к острову Сен-Луи, чтобы остановиться напротив свода горевшей церкви. И ни один полицейский и не подумал им это запретить. Последний раз такое зрелище я видел только в детстве: процесии в моем родном Клермон-Ферране были огромными, шло множество людей, так что 15 августа движение в городе было парализовано. Так и 16 февраля 2019

года Франция, даже «бунтующих», даже троцкистов, забыла и свой воинственный атеизм, и свой нутряной антиклерикализм, а власть забыла о своих законах, предписывающих религиозному оставаться в сфере сугубо частного. Как только вспыхнул пожар, в первую очередь кинулись спасать Святой терновый венец, вторую из самых почитаемых христианских святынь после Святой туринской плащаницы... Сейчас Святой венец нашел приют в Лувре. Из епископского дворца вернулся в королевский дворец, — но сегодня оба эти здания принадлежат Республике, и ни один епископ не пожалуется на это, поскольку ни один не мог бы содержать сам целый собор, и даже Республике в одиночку не поднять его из руин.

Гюго был верующим человеком, но нецерковным, церковь вызывала у него отвращение: во время его похорон, ставших национальным событием, огромный кортеж из двух миллионов людей, шедших от Триумфальной арки к Пантеону, у Собора Парижской Богоматери даже не остановился. И Пантеон, который после Реставрации снова был отдан католикам как место культа, такой новой «пантеонизацией» был заново и окончательно десакрализован.

Стоит также отметить, что, хотя в романе Гюго собор и оживает самым чудесным образом, ни вере, ни благочестию там все же при этом почти не остается места. Он лишь мимоходом упоминает, что, когда Эсмеральда, которую Квазимодо спас от костра, запирается в крохотной келье под южной башней, она слышит, как доносятся к ней в эту часть здания приглушенные звуки тех церковных песнопений, которые поют внизу, и чувствует, как поднимаются к ней благовония благочестивых мыслей, которые на нее действуют «успокаивающе». (Тут мы недалеко ушли от формулировки Маркса о религии как «опиуме для народа»!) Гюго видит в соборе огромную каменную книгу, не столько церковную, сколько культурную, которую, кроме того, уже никто не может полностью прочесть, ни народ, ни эрудиты. Как Гегель, в то же время видевший в истории поступательный ход диалектики, так и Гюго видел на камне Собора Парижской Богоматери надпись «ANANKE»; собор больше не могут «прочесть», то, что там написано, никто не понимает, — теперь другая книга, сделанная из бумаги, напечатанная миллионами экзем-

пляров, смеетит его и вместо клерикального обскурантизма обеспечит свободу и демократию.

* * *

Мировой разлив эмоций на день или два поставил человечество, почти все целиком, связав его воедино интернетом и телевидением, перед зреющим кощунственного пожара. Пожара, вызванного проводившимися там реставрационными работами, — так же, как это было недавно и в Винздорском замке, и в Нанте, и в Венеции. Но через реставрационные работы совершаются роковой цикл рождения, жизни, смерти и возрождения культур: пожар напомнил нам о том, о чём еще в 1919 году говорил Поль Валери: «А мы, культуры, теперь знаем, что мы смертны». Но, как и для каждого человека, знать о собственной смертности и видеть себя умирающим — разные вещи... В «Бесах» Достоевского пожар на фабрике Шпигулиных привлекает толпы ночных зевак, гуляк, а затем и весь маленький городок. Но 15 апреля этого года тут были не сотни, но миллиарды людей, слетевшихся сюда через средства массовой информации. Аудитория собралась по масштабу равнозначная той, какую собрали первые шаги Армстронга на Луне или взрыв двух башен в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, пробитых боингами-камикадзе. Но о чём этот огонь, созерцаемый всем миром, заставил задуматься своих планетных зрителей?

Президент Эмманюэль Макрон поспешил отменить всякую ANANKE: мы восстановим собор, и он будет еще прекраснее, чем прежде, с новым шпилем, который будет красивее того, что построил Виоле-ле-Дюк... И в самом деле, тот шпиль, который мы все знаем, датируется 1860 годом, он заменил собой старый шпиль, тот, о котором парижане в 1860-м даже и не помнили, так как он был демонтирован в 1780-м из-за ветхости. Виоле-ле-Дюк перестроил во Франции множество готических или романских зданий, ему мы обязаны Каркассоном и его крепостными укреплениями, шпилями многих соборов, в том числе и собора Клермон-Феррана, моего родного города, такого, каким я всегда его видел, но весьма отличающегося от того, каким он был до его вмешательства. Он отец нашего исторического воображения. Галльская полемика вновь разгорелась спустя три-четыре дня: нужно ли

объявить конкурс на создание нового шпиля? Нужно ли дать отсрочку на пять лет? (Нужно ведь как минимум два года, чтобы спасенное здание обсохло.) И целая армия консерваторов всех видов бросилась защищать Виоле-ле-Дюка и его воображаемую готику.

Нотр-Дам — уже не то место культа, каким его задумал епископ Парижа Морис де Сюлли (он так и не увидел, как его достроили), он стал теперь чем-то вроде символического места, или, вернее, как сказал автор замечательной статьи в «Местах памяти»¹, он стал «*simultaneum*», таким местом, где можно «одновременно» праздновать все, и религиозные, и государственные праздники, где культ Девы Марии фактически не перевешивает культ Нации. Именно здесь торжественно провозглашали не только Высшее существо, но и Права человека. Именно здесь скульптурный ансамбль «Обет Людовика XIII»², похищенный в революцию, вернулся потом на место — и чудесным образом спасся и 14 апреля. Здесь Наполеон сам себя посвятил в императоры в присутствии папы Пия VII, своего пленника, а огромная триумфальная арка украшала при этом фасад. Поколения французских школьников разглядывали в учебниках картину Давида, запечатлевшего этот момент самопровозглашения, или, точнее, тот момент, когда Наполеон возложил корону на голову своей супруге Жозефине де Богарне (с которой он вскоре разведется).

В XIX веке мы снова видим эту почти византийскую «симфонию» власти и собора; и длится она вплоть до наших дней: в этом можно было убедиться, когда наш парламент, по инициативе президента Макрона, поспешно проголосовал 24 апреля, то есть десять дней спустя после катастрофы, за специальный закон, обеспечивающий для проведения реставрационных работ в соборе легальное устранение всевозможных препятствий и отсрочек. Процитируем первый вступительный параграф этого нового закона: « В Соборе Парижской Богоматери, в сердцевине нашего Сите, выражается та великая преемственность, которая и образует французскую Нацию и которая вписана во всеобщую историю. Цвет искусства, просиявшего во всей Европе, освященное пространство

и культурный памятник, место памяти освобожденной Франции, место народных собраний и приемов, Нотр-Дам стал, сквозь все превратности и скачки, грамотой нашей коллективной судьбы». Всего через десять дней после пожара закон провозглашает национальный вклад по подписке вне обычных налоговых норм и разрешает правительству издавать постановления, разрешающие отклонения от обычных норм городского строительства и защиты окружающей среды³. Но не столько от этой «симфонии», сколько от коммерциализации храма, ставшего обязательным местом паломничества для туристов со всего мира и видевшего, как беспрерывно, даже во время служб, сновали огромные толпы «среднего класса» глобального нашего мира, — вот от чего страдал Нотр-Дам до того неожиданного, но рокового дня 15 апреля 2019 года. Сам того не зная, Нотр-Дам был уже готов к этому хеппенингу почти мирового масштаба, который почти предугадал Гюго в своем романе: к пожару 15 апреля 2019 года!

* * *

Миф собора, сегодня подхваченный всеми журналами с массовыми тиражами, был восстановлен после периода забвения, продиктованного сначала французским классицизмом, а затем Революцией благодаря одному писателю, эмигрировавшему в Лондон, Шатобриану. Его книга «Гений христианства» (1801) спасла христианство от безразличия и ненависти к нему, но сделала это ценой его эстетизации. Подзаголовок этого сочинения: «Красота христианской религии». Пение птиц, эмоции, обуревающие при виде руин, величие литургии пришли на смену средневековому богословию. В посвященном Элоизе стихотворении его друга де Фонтана, им переложенном, Шатобриан описывает собор так, как его могла бы увидеть Элоиза, возлюбленная Абеляра, ставшая аббатисой монастыря Шартрез в Париже, на левом берегу Сены, прямо напротив собора:

Эти почтенные башни, устремленные прямо к небу,
Древний собор, в котором молились наши предки,
Эти башни сохранили нашу возлюбленную историю.
Здесь все мне еще говорит, здесь все оживляет память.

Гюго поселил в старом соборе новые любови: чувство демонического священника и чувство горбатого звонаря Квазимodo, и то и другое направлены на юную египтянку, или цыганку, Эсмеральду⁴. Как и Шатобриан, Гюго тоже человек пера, взявшийся за политику, и, хотя их пути столь сильно расходятся, но в некотором смысле предпринятая одним попытка спасения христианства была продолжена и другим, просто в противовес Церкви. И спасение это увенчалось успехом, поскольку за множеством королевских Te Deum (при входе Карла VII в Париж или у только что отрекшегося от протестантизма Генриха IV – «Париж стоит мессы») последует множество Te Deum, отслуженных после взятия Бастилии, первое как раз ради взятия Бастилии, и, уже ближе к нам, ради генерала де Голля, ради аббата Пьера, ради президента Миттерана, бывшего когда-то пансионером католического колледжа и ставшего затем вольтерьянцем, но оставившего в завещании намек, что «Te Deum возможен».

Лично для меня Нотр-Дам связан с похоронами поэта (и посла Франции) Поля Клоделя. Я всегда особо почитал и почитаю этого огромного поэта и драматурга, нашего Шекспира XX века; его «Пять больших од» были моим молитвенником в школьные времена в лицее Луи ле Гран. В день похорон Клоделя, 1 марта 1955 года, я стоял в Нотр-Даме за вторым правым столбом, в том месте, в котором, как он говорил, его поразила молния веры. Нотр-Дам был переполнен, прощальное слово Жана-Луи Барро, говорят, было прекрасно. Но я не слушал, я читал про себя «Пять больших од»:

О длинные горькие улицы и время, когда я был одинок
и один!
Идти по Парижу, по этой длинной улице, которая спускается
к Нотр-Даму!

После Гюго Нотр-Дам и та вера, что выгравирована в великих каменных книгах – готических соборах, возникла вновь благодаря новой католической поэзии: Клоделю, Блуа, Пеги, Франсису Жамму и другим. Конечно, любимым собором Пеги был Шартрский, куда он отправился в паломничество пешком из Парижа, но те строки, что он посвятил Нотр-Даму, тоже можно считать как бы молитвой входа:

О, морская звезда, вот тяжелый неф-корабль,
 В котором мы все гребем, нагие, под ваши приказы;
 Вот наше отчаяние и обезоруженность;
 Вот набережная Лувра, и шлюз, и желоб.

Если Гюго видел прежде всего толпу под горгульями (вылепленными по указу Виоле-ле-Дюка), то Клодель и Пеги слышали слова молитвы, а в тайне готической розы видели небесный ангельский хор Новалиса.

* * *

Поэт Осип Мандельштам приехал в Париж в 1911 году, он, видимо, рассматривал грандиозный остов свода Нотр-Дама множество раз. Его стихотворение «Нотр-Дам» посвящено месту парижского собора в истории и в единстве мира. «О, почему я не каменный, как ты?» — вздыхал безобразный Квазимodo, обнимая одну из самых страшных горгулий после того, как исчезла Эсмеральда. Поэзия Мандельштама тоже словно вздыхает: «О, почему я не каменный?» Его первый сборник называется «Камень», и стихотворение «Нотр Дам», с французским названием собора, вошло в него, заняло в нем свое место, после византийского собора Айя-Софии, «мудрого сферического здания», которое «народы и века переживает». Вот приветствие, с каким Мандельштам обращается к собору:

Где римский судия судил чужой народ, —
 Стоит базилика, и — радостный и первый —
 Как некогда Адам, распластывая нервы,
 Играет мышцами крестовый легкий свод.

Самое поразительное в этом стихотворении — его первая строка, утверждающая родство между Римской империей и каролингским собором, родство совершенно реальное, потому что под Нотр-Дамом нашли монастырский дворец, а сам этот дворец возник на месте, которое занимал начальник римского лагеря в Лютееции.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
 Души готической рассудочной пропасть,
 Египетская мощь и христианства робость,
 С тростинкой рядом — дуб, и всюду царь — отвес.

Как мы видим, Мандельштам восхищается укрощенной силой, огромными стрельчатыми арками и их контрфорсами, палатами света и складками тени. Созерцая эту укрощенную силу, он говорит: «...из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам». Одним словом, Нотр-Дам – это поэтический урок искусству, жизни и человеческой истории. Созерцая Адмиралтейскую иглу в Санкт-Петербурге, он выносит тот же самый урок: «...красота – не прихоть полубога, / А хищный глазомер простого столяра». Россия дала нам один из самых прекрасных гимнов Нотр-Даму.

* * *

Но было заметно и кое-что еще во время пожара, транслировавшегося по всему миру. То, что немцы называют Schadenfreude, то есть небольшое злорадство при виде того, как несчастье поражает ближнего. С 2005 года уже не раз переиздавали в России (и перевели на множество иностранных языков) роман Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери». На обложке мы видим не пожар, но мечеть Парижской Богоматери, с небольшими минаретами, пристроенными к башням. За десять лет до выхода «Покорности» Уэльбека Чудинова представила Париж, покоренный исламом, и то, как муэдзин вопит с высоты башен Нотр-Дама. После пожара спрос был такой, что книгу временно негде было купить.

Что же касается комментариев, появившихся в России, то они тоже порой удивляют: московский протоиерей Андрей Ткачёв написал на следующий день после пожара: «Святыни отбираются у тех, кто святынь недостоин. <...> А если в храме не молятся, он умирает. Прежде чем сгореть, он был (наравне с прочими христианскими святынями Европы) измучен разноголосой толпой праздных зевак и ослеплен бесконечными вспышками фотокамер. Есть жуткая закономерность и даже неумолимость в этом пожарище, при всей его неожиданности. Как бы оно не сыграло роль погребального костра Европы, у которой внезапно и навсегда отбирается то, что она сама перестала ценить и внутренне давно потеряла». Мне кажется, что в этом случае протоиерей выглядит гораздо ближе к Великому Инквизитору, чем ко Христу.

Но было время, когда прихожан Собора Парижской Богоматери обвиняли совсем в другом. Юлия Кристева, кото-

рую я спросил однажды, когда она, юная болгарка, приехавшая в Париж в 1965 году без копейки денег, почувствовала себя во Франции чужой, мне ответила: «С первых рождественских вечеров, когда на полуночной мессе в Нотр-Даме я встретила французов, закутанных в их непроницаемые видения и кашемир»⁵. Я думаю, что видения эти давно покинули публику, посещающую полуночные мессы, но упрек остался, его самым ощущимым образом сформулировал папа Иоанн Павел II: «Франция, что ты сделала со своим крещением?» Мы знаем, что галлы были крещены задолго до того, как это сделал король франков. Но с Хлодвигом к христианству обратилось само королевство, это была «симфония» государства-церкви, символизированная родившимся тогда Собором Парижской Богоматери. Пять лет назад президент Путин, патриарх Кирилл и Наталия Солженицына, вдова писателя, открывали в Москве памятник святому равноапостольному князю Владимиру. Титул равноапостольного даётся тем, кто, с первого века и вплоть до наших дней, обращает в христианство целый народ. И такая церемония совершенно непредставима в сегодняшней Франции, и хотя Хлодвиг тоже может считаться «равноапостольным», он не святой. Упрек папы поляка Иоанна Павла II остается в силе.

Журналистка Юлия Латынина, ведущий обозреватель оппозиционного радио «Эхо Москвы», поведала о пожаре Нотр-Дам насмешливым тоном: «И, конечно, на этой неделе сказочно невероятно повезло туристическому аттракциону в Нотр-Дам, который сгорел в прямом эфире». И завершила: «В результате Нотр-Дам, который не мог наскрести на реконструкцию 5 миллионов евро, в течение двух дней собрал миллиард, и сумма все растет и растет. Я бы рекомендовала срочное совещание, чтобы задуматься о таком способе финансирования». Аудитория Латыниной на «Эхо Москвы» составляет восемьсот тысяч слушателей. Для нее во всяком случае, Запад уже наводнили мусульмане, которые оскверняют церкви и статуям отрубают головы с криком «Аллах акбар!» «Я, собственно, о реконструкции собора Парижской Богоматери. Я тут предлагаю не заморачиваться и сразу строить мечеть Парижской Богоматери. А то потом, лет через тридцать, все равно придется минареты пристраивать». Латынина, на свой манер, вспоминает о смертности цивилизаций:

она приводит предание о храме Артемиды Эфесской, который был сожжен и камни которого пошли на строительство усыпальницы святого апостола Иоанна. «И действительно, не хотелось бы, чтобы наша цивилизация уже на новом этапе повторила судьбу Римской империи...» Иными словами, пожар 15 апреля позволил этой Schadenfreude проявиться открыто средь бела дня. И питается эта Schadenfreude в сегодняшней России и в других странах мыслью, что Запад, и в частности Франция, наводнен исламом. Книга Уэльбека стала бестселлером в России.

Да и 11 сентября тоже, помнится, вызвало Schadenfreude. Мы с женой были тогда в соборе Сантьяго в Бразилии, когда вдруг один американский турист упал как подкошенный, глядя в свой айфон. В маленьком кафе, куда мы зашли, чтобы увидеть экран телевизора, в котором атаку на башни показывали по кругу, как и во всем мире, публика держала себя вызывающе и выглядела ощутимо счастливой. Перечитаем «Бесов» Достоевского: «Большой огонь по ночам всегда производит впечатление раздражающее и веселящее. <...> Другое дело настоящий пожар: тут ужас и все же как бы некоторое чувство личной опасности, при известном веселящем впечатлении ночного огня, производят в зрителе (разумеется, не в самом погоревшем обывателе) некоторое сотрясение мозга и как бы вызов к его собственным разрушительным инстинктам, которые — увы! — таятся во всякой душе, даже в душе самого смиренного и семейного титулярного советника... Это мрачное ощущение почти всегда упоительно». «Я, право, не знаю, можно ли смотреть на пожар без некоторого удовольствия?» — провозглашает Степан Трофимович, покидая горящий квартал. Вечером 15 апреля и весь последующий за «зрелищем» день не познал ли весь мир что-то схожее с тем, что описано у Достоевского, или дрожь, сходную с той, что ощутили жители Эфеса, когда следили за тем, как обрушивается храм Артемиды, одно из семи чудес света, в Эфесе, ставшем христианским, а сегодня превратившимся просто в еще одно из туристических мест?

К счастью, Париж не Эфес; вокруг «руины» Париж все еще на ногах. И мы можем, ожидая возвращения в Нотр-Дам (но когда?), помечтать о второй колонне Клоделя и пере-

читать Шарля Пеги. Фасад цел, он по-прежнему здесь, даже если мы сейчас не можем к нему подойти. Потому что нужно очистить предсоборную площадь от токсичных следов расплавленного свинца, растекшегося по ней в тот вечер, как и в тот описанный в романе вечер, когда Квазимодо зажег между двух башен огромный костер и выливал по горгульям расплавленный свинец на головы атаковавших собор бродяг. Титаническая идея, сумевшая воздвигнуть немыслимую каменную книгу, была тогда уже почти мертва, говорит нам Гюго. На место каменной книги пришла книга бумажная. Сегодня электронная книга предлагает нам, конечно, виртуальный тур по тому месту, посещение которого вживую сейчас невозможно. Но сможем ли мы еще прочесть там то, что «закатное солнце» готической мысли хотело нам рассказать?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Alain Erlande-Brandenburg. *Notre-Dame de Paris // Les lieux de mémoire / Dir. Pierre Nora.* T. II, vol. 3: De l'archive à l'emblème. Paris, 1992.

² Этот обет был посвятить Францию Богородице, если Бог дарует ему, наконец, сына (этим сыном стал Людовик XIV).

³ Проект закона о реставрации и сохранении Собора Парижской Богоматери, учреждающий национальный вклад по подписке (ускоренная процедура). Представлен на имя господина Эдуарда Филиппа, премьер-министра, господином Франком Риестером, министром культуры.

⁴ На самом деле Эсмеральда — похищенное дитя, которое лишь в конце романа, в патетической кульминации, обретает свою мать. Тема похищенного ребенка была очень популярна в эпоху сентиментализма, вплоть до романтизма. От «Франкенштейна» (Мэри Шелли, 1818) до «Мельмота» (Метьюрин, 1820), она вдохновляла собой неистовый романтизм и напоминала о хрупкости человека.

⁵ Entretien avec Julia Kristeva par Georges Nivat et Olivier Mongin // Esprit, 2019 juillet – août, (Беседа с Юлией Кристевой Жоржа Нива и Оливье Монжана // Esprit. (2019 июль–август).

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

КАРОЛИН БЕРАНЖЕ

Разбитое сердце Собора Парижской Богоматери

Нас зовет деревянная витрина темно-зеленого цвета с белыми буквами: «Les Éditeurs Réunis». Разноцветные обложки книг, похожие на картинки, украшают высокие стекла, освещенные висячими лампами. «ИМКА-Пресс», русский книжный магазин со скрипящей дверной ручкой, уголок России в сердце Парижа на холме Святой Женевьевы, остров, где время течет в замедленном темпе.

Здесь пахнет бумагой и чернилами и на страницах дореволюционных и советских книг действует тайная алхимия, процесс преобразования тела в слово. Здесь хранятся, как в монастырях Древней Руси, обломки русской культуры, осколки прекрасного облика пропавшей России. Нежное обаяние бывшей жизни витает в воздухе, и в пылинках носится чувство вечности.

В течение двадцатого века сюда приезжали писатели и философы, бежавшие из Советского Союза, от Николая Бердяева до Александра Солженицына. Останавливались молодые русские поэты, бродившие по улицам Латинского квартала. В дверь стучали изгнанники, паломники русской diáspоры, навсегда покинувшие родину.

Здесь царит глубокая ностальгия, тоска по родине, которую испытывают и те, кто принадлежит русской культуре не по крови, а по любви, «тоска по чужой родине», как сказала бы Марина Цветаева, которую я полюбила с первых услышанных стихов, еще не понимая ее. Она узнавала в чужих культурах то, что было присуще ей самой, «твое», «мое», искала в самом родном следы вселенского и верила в мировое сообщество поэтов, в то, что «мир всеязычен». Чувство принадлежности, напоминающее тоску по мировой культуре Осипа Мандельштама.

В понедельник 15 апреля 2019 года любители русской литературы собрались, чтобы помянуть блестящих француз-

ских славистов, недавно покинувших земной мир. Живые вспоминали об ушедших. Ведущей вечера была Татьяна Викторова. Элен Энри, Франсис Конт и Жорж Нива рассказывали о Веронике Лосской, Мишеле Октуюре, Жаклин де Пруайяр. Среди публики присутствовала Ирина Емельянова, приемная дочь Бориса Пастернака. Тайная нить связывала присутствующих, нить учителей и учеников, объединяемых любовью к беседам и обсуждениям. Торжествовала благородная русская традиция, священный долг передачи культурных ценностей.

Но неожиданно встала женщина и шепотом, боясь помешать ходу вечера, сказала: «Горит Нотр-Дам». «Горит Нотр-Дам», — тихо повторила она едва слышимые, неслыханные слова. Свидетели окаменели. И вот у всех на глазах поднялся занавес, и в первых рядах открылось адское видение. Сначала был виден только густой черный дым. Затем огненные язычки заскользили по хрупким белым камням собора. Огонь распространялся и врывался в строительные леса. Тонкие черты шпиля обрисовывались в знайомом от расплавленного свинца воздухе. Раздался глухой звук, напоминающий дрожание, шпиль обрушился, исчез из глаз, послышалось сдавленное рыдание, будто острый нож вонзился в сердца людей.

Атмосфера наполнилась ужасом, но никто не поддался панике. Катастрофа шла своим ходом, не торопясь. Пожар спокойно пожирал средневековое сокровище, покрывая крышу венком алого пламени. Апокалипсис тянулся бесконечно. Но души мертвых шептали на ухо живущим, что вечер должен идти. Голос поэтов не умолкал, слова ярче звучали, и стихи превращались в молитву.

Поздней ночью пожар был потушен. Башни остались на месте. Собор, казалось, уцелел, но в невидимом мире он рухнул. Каменный свод был порван, точка соприкосновения между землей и небом едва не разрушилась. Свидетели были охвачены горем. Нотр-Дам — старый костяк, грудная клетка, в которой лежало его разбитое сердце. Вот хрустальный пепел Нотр-Дама. *Ceci est son corps brisé, le corps de l'humanité, prenez et mangez-en tous¹.*

Тогда тени русских поэтов, как сонм небесных ангелов, появились у изголовья Парижского Собора. Слышались

голоса Мандельштама, Цветаевой, пастернаковской Магдалины, словно обливающей слезами страдающее тело Собора: «Я жизнь свою, дойдя до края, / Как алавастровый сосуд, / Перед Тобою разбиваю.» Поэты замерли в ожидании чуда, готовя, как Иосиф Бродский в своих рождественских стихах, то, «что нужно для чуда», повторяя с Ольгой Седаковой вопрос ангела Реймса: «Ты готов к невероятному счастью?» И слились молитвы со стихами в одной речи. Поэтическое слово говорило, что красота не горит, что поэзия восстановит своды и арки собора. И пока огонь спокойно уничтожал горячую красу, слышался непрерывный поток живого слова. Живое слово, как живая плоть², лечило страдающее сердце Нотр-Дама. Русские поэты, как первые христиане, принадлежа к одному общему телу, соединялись друг с другом над религиями и верами. Чудо уже началось: духовное воскресение через прекрасное русское слово. Это произошло на католическую Страстную неделю, на следующий день после Вербного воскресенья. Иисус въезжал в город на осле, но никто не узнал Его. То был конец времен, час святого причастия душ.

В этот день на пороге русского книжного магазина столкнулись две временные линии. Солнце садилось, нежно освещая кружевной фасад розовым светом. Весенний день в Париже до катастрофы, в старом мире, в иной жизни, сомкнулся со скорбящей ночью. Красный собор лежал на ногах у розового собора в мерцаниях дня и истории.

В этот день свидетели предчувствовали, что скоро придет конец культуры, и открыли невидимый мост между Россией и Францией, католичеством и православием. Осуществлялась мечта Николая Бердяева, хранителя этих мест: рождение нового религиозного сознания, развитие международного христианства, откровение сходства всех религий, преображение мира благодаря творчеству, потому что «Подлинное творчество есть теургия», творческая гениальность сливается со святостью. В день, когда Нотр-Дам загорелся, сон Бердяева стал явью.

Горит свеча, свеча скорбящей Магдалины, сидит Магдалина Жорж де ла Тур перед пламенем, горит свет надежды, здесь, в этом уголке вечной русской культуры на улице холма Святой Женевьевы. Свидетелям этой ночи и людям доброй воли дано расшифровать божественные знаки. Здесь видели,

как разбилось сердце Нотр-Дама, и скоро увидят, как оно забьется снова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приимите и ядите, сие есть тело его, тело человечества.

² Аллюзия на выражение О. Мандельштама в эссе «О природе слова» (1920–1922), где автор говорит о языке как «дышащей плоти».

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Данте Алигьери

Чистилище

Песнь XXVII

ВСТУПЛЕНИЕ

Двадцать седьмая песнь «Чистилища» — одна из граничных песней «Комедии». Гора очищения пройдена до самого верха и впереди — вход в Земной Рай.

Впрочем, границ у Данте больше, чем можно пересчитать. Как нам уже приходилось писать, его повествование сплошь дискретно, оно движется со ступени на ступень, с уступа на уступ, из замкнутого круга — в замкнутый круг (по вертикали вниз — в Аду и вверх — в Чистилище и в Раю), через разрывы пространства. Пространство построено иерархически, интенсивность на каждой следующей ступени возрастает. Переход на новую ступень бывает чрезвычайно затруднен, часто это тяжелое испытание для Данте — героя поэмы и Данте-повествователя. Испытание Двадцать седьмой песни — конечно, не первое: Вергилий напоминает Данте об одном из самых драматических переходов границы, который им пришлось совершить: о полете на плечах чудища Гериона, спуске кругами в нижний ад, в Злые Щели. Только в «Раю» переход из неба в небо Данте замечает уже постфактум. Может быть, потому, что в Раю ступенчатость каким-то образом преодолевается или перекрывается. Рай — пространство особых свойств, и его иерархичность — особых свойств: те, кто обитают «ниже» других, не желают себе

никакого другого места; как объясняет Данте его первая же собеседница в небе Луны, Пиккарда: иначе это был бы для них не рай. Любое место в Раю – рай.

Chiaro mi fu allor come ogni dove
 In cielo è paradiso –
 И мне стало ясно, что любое место (букв.: любое «где»)
 В небе – рай.

Par. III, 88–89.

Целокупность неба по меньшей мере не менее существенна, чем его иерархическое устройство.

Но пока мы в Чистилище, на пути к этой целокупности, в мире скачков и трудного преодоления границ. Я не случайно написала: «и для Данте-повествователя». Скачок в новое пространство каждый раз требует от него новых поэтических сил и новых поэтических возможностей. Поэтому перед решительным скачком, перед входом в новое пространство повествования Данте вновь обращается за помощью к Музам, к Аполлону, одним словом, – к источнику вдохновения. В нашей песни такой инвокации нет: здесь перед нами другой момент – скорее, завершающий предыдущую ступень, а не открывающий новую. Здесь знаком готовящегося перехода можно считать не обращение к музам, а вещий сон Данте.

И все-таки та граница, которую Данте придется перейти в Двадцать седьмой песни «Чистилища», – вероятно, самое страшное испытание во всей «Комедии». Впервые ему предлагается испытать на себе (грубо, но точно говоря: на собственной шкуре) искупительные муки, которым прежде он был только свидетелем. Он и его спутники, Вергилий и Стаций, должны пройти через «непомерное пламя», отделяющее гору Чистилища от Земного Рая.

– Другого пути нет! – говорит им ангел, улыбаясь.

И напомним: Данте, в отличие от своих спутников, не в эфирном теле; он должен пройти эту стену пламени в своей земной плоти. Вергилий обещает, что он это выдержит. Но Данте не верит.

За все предыдущие шестьдесят песен такого с ним не случалось. Школа мучительного спасения-очищения, которую проходил Данте, состояла в другом: это были мучения

свидетеля, «война с путем и состраданием» (Inf. II, 4–5), к которой он готовился с самого начала. Теперь его целиком включают в игру. Не надейся: дальше тебе ничего не покажут, прежде чем тебя не укусит этот огонь. Теперь это уже не хождение по мукам, а прямая причастность муке.

Второй раз Данте окажется прямым участником действия в следующих песнях, уже в невещественном огне: перед суро-вым судом Беатриче, которая гневно изложит ему все, в чем он виноват, и такой виной, за которой должна была бы последовать гибель. И вновь: другого пути дальше нет – кроме как через полное признание своей непростительной вины, изменения и через плач раскаяния. Раскаяние, видимо, тоже имеет огненную природу: оно растопляет лед в сердце Данте. Но это будет дальше.

Перед стеной огня страх превращает Данте в ребенка. Вергилий и уговаривает его, как ребенка, приводя доводы разума. Но страх Данте разуму не поддается. Тогда Вергилий прибегает к другой, не «своей» педагогике: он говорит, что там, за стеной пламени, – Беатриче. Другого пути к ней нет. И тут любовь побеждает страх, как обещал апостол Павел. Данте вступает в среду, в сравнении с которой кипящее расплавленное стекло покажется прохладой.

Что же это за таинственный огонь, обжигающий («кусающий», как говорит ангел), но не сжигающий, который отделяет гору Чистилища от Земного Рая? Тот ли это огонь, в котором в предыдущей песни искупали грех сладострастия собратья-поэты, Гвидо Гвиницелли и Арнаут Даниель, пока Данте «снаружи» беседовал с ними о поэзии? Многие комментаторы думают так. Но мне кажется, логика повествования не позволяет думать об этом пламени таким образом. Очищение предыдущего круга уже завершено. Знак этого завершения – ангел, поющий одно из евангельских блаженств: «Блаженны чистые сердцем, ибо они увидят Бога» (Мф 5: 8). Он поет этот стих еще до вступления наших путников в пламя. Обыкновенно пение заповеди блаженства, противоположного греху, который искупается на том или другом уступе, означает конец очищения. Чистота сердца и возможность видеть Бога здесь противопоставлены сладострастию – так же, как на нижних уступах алчности и чревоугодию противо-

поставлена заповедь о блаженстве алчущих и жаждущих правды (Мф 5: 6). За стеной огня Данте и его спутников ждет уже другой ангел, с другим пением.

Огонь, сквозь который нельзя пройти, чтобы вступить в Земной Рай, напоминает о библейском обращающемся огненном мече херувима, который после изгнания Адама охраняет путь к Древу Жизни (Быт 3: 24). Возможно, пройти через него — необходимое условие для каждой души: это очищение уже не от «личных» грехов (для каждого — от того, в котором он особенно преуспел), а от корня всех грехов, первородного греха, который закрыл для человека Эдем.

Самый дантовский поэт XX века, Т.С. Элиот, в самом дантовском своем сочинении, «Четыре квартета», с огромной силой развивает и эту тему — «не иначе как через огонь», и другую тему этой песни, тему «двух огней» из речи Вергилия: «Временное пламя и вечное / ты увидел» (Purg. XXVII, 126–127), то есть пламя вечного осуждения — и пламя очищения.

Голубь, спускаясь, разбивает воздух
пламенем раскаленного ужаса,
языки которого оглашают
единственное избавление от греха и заблужденья.
Единственная надежда, она же отчаянье,
состоит в выборе огня или огня —
быть искупленным от огня огнем.

Но кто разделяет муку? Любовь.
Любовь — незнакомое имя
за руками, которые ткут
невыносимую рубаху огня,
снять которую — не в человеческих силах.

Мы только изнемогаем, только живем,
съедаемые огнем — или огнем.

Little Gidding, IV

Однако переходом через пламя Двадцать седьмая песнь не кончается. В ней есть еще два вершинных эпизода: вещий сон Данте о Лии и Рахили (третий и последний вещий сон «Чистилища») и коронование Данте, его венчание на царство над

самим собой, по императорскому чину. Это одновременно и завершение миссии Вергилия. Испытания, в которых он мог помочь Данте, кончились. В последнем испытании — ответе перед судом Беатриче — Вергилий помочь не может.

Но начнем с начала, с указания времени действия.

Данте предлагает нам представить это время сразу во всех четырех кардинальных точках солнечного круга, причем начинает с Иерусалима. В Иерусалиме (центре обитаемого полушария) сейчас восход, в Испании (на западе от него) — полночь, в Индии (на востоке) — полдень, а на горе Чистилища (центре другого полушария, занятого водой) дело идет к закату. Точно так он описывает время действия в начале своего восхождения на гору Чистилища, перед явлением первого ангела горы (здесь его встретит последний): с той разницей, что тогда в Иерусалиме был закат, а у горы Чистилища, соответственно, рассвет. Данте как будто испытывает силу нашего воображения: вы можете увидеть всё сразу?

Похожую всепланетарную картину одного мгновения дает Б. Пастернак в пушкинской «Теме с вариациями» (дело в этих стихах происходит у Черного моря):

Море тронул ветерок с Марокко.
Шел самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «Пророка»
просыхал, и брезжил день на Ганге.

Конечно, астрономической скрупулезности Данте здесь искать не стоит. Но общее впечатление — захватывающий дух мгновенный обзор *всей земли* — то же.

Вот в этот-то час Данте, Вергилию и Стацию предстает радостный ангел, который посыпает их в пламя. Пламенем, о котором мы уже давно говорим, завершается «сладостная полынь мучений» на святой горе.

Можно предположить, что, видя в этом пламени, как въяве, человеческие тела, уже занявшиеся огнем, Данте хорошо помнил, что сам он был осужден согражданами на казнь на костре. За то, что он избежал этого приговора от 10 марта

1302 года, ему пришлось заплатить пожизненным изгнанием из его дорогой Флоренции, нищетой и унижением скитальца.

Но на вершине Чистилища огненное испытание кончается для наших путников благополучно. Выйдя из пламени, они встречают другого ангела, поющего другой евангельский стих: «Приидите, благословенные Отца Моего...». Из контекста, в котором звучит этот стих (рассказ Христа апостолам о том, как будет происходить Страшный суд, Мф 25: 34), понятно, что он говорит в этом эпизоде: Страшный суд над душой благополучно завершен. Душа оправдана.

Несколько в сторону. Любому читателю «Комедии» становится небезразличной судьба Вергилия. И вот, если Вергилий вместе с Данте и Стацием уже слышал это приветствие ангела, обращенное и к нему, как же он может вернуться в свой осужденный Лимб? Я думаю, Данте намеренно оставляет нас с этим недоумением.

Итак, наступает ночь – и, по закону горы, всякое движение прекращается. Данте засыпает. До сих пор мы говорили о завершении, но сон Данте открывает дверь в будущее. Ему снится библейская Лия, юная и прекрасная девица, собирающая цветы и с пением плетущая венок, чтобы украсить себя. Ее сестры Рахили Данте во сне не видит, но слышит рассказ Лии о том, как она не отрывает взгляда от собственных прекрасных глаз в зеркале. Лия и Рахиль, две жены патриарха Иакова, в христианской экзегезе толкуются как символы деятельной и созерцательной жизни, *vita activa* и *vita contemplativa*. (Другая, более редкая символизация Лии и Рахили как Закона и Благодати встречается у Илариона, митрополита Киевского, в «Слове о Законе и Благодати».) Трудно сказать, что, собственно, в библейском рассказе о двух сестрах дает повод к такой интерпретации – в отличие от другой, новозаветной пары сестер, также ставших символами деятельной и созерцательной христианской жизни, Марфы и Марии, где в самом рассказе прямо выражено их противопоставление.

Впрочем, сама идея двух этих образов человеческой жизни – деятельной и созерцательной – кажется скорее античной, чем библейской по своему происхождению. Но она прочно вошла в христианскую мысль, и западную, и восточную (так, о Лии – делании и Рахили – созерцании говорит

Андрей Критский в Великом покаянном каноне). Те образы, которые жизнь деятельная и жизнь созерцательная принимают в сновидении Данте, отсылают наше воображение к античности. Особенно удивительна здесь жизнь деятельная, которая состоит не в заботах о ближнем, не в делании добрых дел (что привычно, если мы исходим из образа евангельской Марфы), а в украшении себя венками цветов. Еще сильнее эллинистический облик становится в реплике дантовского сна у О. Мандельштама:

Рахиль гляделась в зеркало явлений,
А Лия пела и плела венок.

Сон Данте предутренний и, следовательно, правдивый и вещий. Что в нем вещего? Лия, с пением собирающая цветы, легко может быть понята как предвестие Мательды, которая вскоре наяву встретит Данте в Земном Раю (Раг. XXVIII). Однако вещее значение предутреннего сна Данте на последних ступенях Чистилища, несомненно, не в этом. Мательда — не Лия, не деятельная жизнь, так же как Беатриче — не Рахиль (но об этом стоит говорить в своем месте). Сон предвещает Данте другое: он увидит полноту счастья человека, осуществленного и в деятельной, и в созерцательной жизни. Это счастье было возможно в первоначальном Эдеме, в месте, «задуманном для человека на земле», «где был невинен человеческий корень».

Обещание этого счастья торжественно возглашает Вергилий проснувшемуся от своего вещего сна Данте. Он сегодня же увидит воочию то, что напрасно ищет род человеческий на разных путях! Как и в двух предыдущих снах, об орле и о сирене, Вергилий как бы с другой стороны, со стороны «яви» повторяет смысл дантовского сна по пробуждении. Яблоко, о котором речь шла в уговорах Данте, от страха впавшего в детство, возвращается — но в каком новом, торжественном образе! Не иначе как это яблоко с Древа Жизни.

На верхней ступени горы Чистилища происходит завершение огромной линии, начатой с Первой же песни «Комедии»: Вергилий объявляет, что его задание выполнено. Его ученик больше в нем не нуждается: его свободная воля (*arbitrio*: собственно, свобода выбора) исцелена, выпрямле-

на, освобождена от страстей — и теперь можно слушаться собственного желания. Оно больше не обманет. И сам Вергилий дальше не может быть проводником. Он с самого начала предупреждал, что в области благодати он ничего не видит.

В своей торжественной речи, совершая последний обряд, порученный ему (коронование Данте), Вергилий ничего не говорит о себе. Но о его печали: печали разлуки с Данте, печали возвращения в Лимб, к языческим мудрецам, поэтам и праведникам, где никогда не явится свет надежды, — обо всем этом читатель не может не догадаться. Естественный разум сделал всё, что в его власти: он привел Данте к тому, что считали человеческим совершенством античные мудрецы, — к владению собой, к свободе и счастью в добродетели.

Песня кончается на этом величественном утверждении.

Данте здесь, видимо, еще не сознает реальности разлуки с Вергилием. Вплоть до явления Беатриче Вергилий остается где-то рядом и в Земном Раю, но уже как спутник, а не как «нежный отец», *dolce padre*. Данте заметит его внезапное исчезновение и оплачет эту разлуку только в Тридцатой песни. Он не побоится сказать, что всё, что он видит в Земном Раю (воплощении земного счастья), не может исцелить его скорби по исчезнувшему Вергилию. С особенной силой при этом он вспоминает первый очистительный обряд, который совершил над ним Вергилий: умывание росой, которая смывает с его лица мрак ада (*Purg. I, 121–129*):

И всего, что потеряла древняя прamatерь,
не хватает, чтобы щеки, умытые росой,
снова от слез не потемнели.

Purg. XXX, 49–53

Он горько плачет в Эдеме, где, как сурово напомнит Беатриче, человек не может не быть счастлив.

Более подробное обсуждение отдельных стихов и образов читатель найдет в построчных комментариях к песни. Я пользовалась прекрасными комментариями А.М. Кьяваччи Леонарди, но не воспроизвожу их в точности, сокращая и дополняя, — ввиду того, что они адресованы русскому читателю.

Ольга Седакова

ЧИСТИЛИЩЕ, ПЕСНЬ XXVII

Посылая первые лучи
туда, где его создатель пролил кровь,
пока Эвр лежал под высокими Весами, 3

а волны Ганга обжигал полдень,
солнце у нас стояло низко. День уходил,
когда перед нами явился радостный ангел Божий. 6

Он стоял на краю уступа, перед стеной огня,
и пел «Блаженны чистии сердцем»
голосом несравненно живее, чем наш. 9

И: «Дальше пути нет, кроме как через этот
кусающий огонь, святые души! Входите же в него
и не забывайте слушать то, что поют впереди», — 12

сказал он, когда мы подошли ближе.
Я, услышав такое, стал
как тот, кого бросили в ров. 15

Я сжал на груди сцепленные руки,
глядя в пламя и видя в нем как въяве
человеческие тела, уже занявшиеся огнем. 18

Мои верные проводники обернулись ко мне,
и Вергилий сказал: «Сыночек,
здесь возможно мучение, но не смерть. 21

Вспомни, вспомни! Если я сумел
на плечах Гериона сохранить тебя в целости,
чего не могу я теперь, когда мы уже близко к Богу? 24

Верь и не сомневайся: если бы в утробе
этого пламени ты простоял хоть тысячелетье,
оно и волоса бы на тебе не повредило. 27

- А если ты вдруг решил, что я тебя обманываю,
сам подойди и сам попробуй:
своими руками поднеси к нему край одежды! 30
- Отбрось, отбрось всякую боязнь!
Повернись к нему лицом и иди: входи без колебаний!»
Но я осталенел, как будто разум меня покинул. 33
- Увидав, что я так и стою, глухой и осталеневший,
он немного смутился и сказал: «Так смотри, мой сын:
между Beatrice и тобой эта стена». 36
- Как при имени Фисбы дрогнули веки
умирающего Пирама, и он на нее взглянул,
и шелковица побагрянела, 39
- так мое окамененье расплавилось,
и я повернулся к премудрому проводнику, услышав имя,
которое всегда раскрывается в моем уме. 42
- Он покачал головой и сказал: «Ну так что?
Остаемся здесь?» — и улыбнулся,
как ребенку, который захвачен яблоком. 45
- И первым, передо мной он сам вошел в огонь,
попросив, чтобы последним был Стаций,
который всю долгую дорогу шел между нами. 48
- Как только я оказался внутри, в кипящее стекло
я, кажется, бросился бы, чтобы освежиться,
таков был этот неизмеримый пожар. 51
- Мой добрый отец, чтобы поддержать меня,
шел и говорил только о Beatrice,
повторяя: «Мне кажется, я уже вижу ее глаза». 54
- Нас вел некий голос, который пел
впереди, и вслушиваясь в него,
мы вышли из огня туда, откуда он звучал. 57

«Приидите, благословеннии Отца Моего!» —
звучало из света, и свет был таким,
что глаза мои не вынесли, и я не мог смотреть. 60

«Солнце заходит, — добавил он, — и приближается вечер;
не останавливайтесь, прибавьте шагу,
пока запад еще не почернел». 63

Прямо вверх шел путь между двумя скалами,
так, что моя тень передо мной
рассекала свет уже низкого солнца. 66

И только несколько ступеней мы испробовали подошвой,
как по моей исчезающей тени почуяли, что за спиной
солнце село, — и я, и мои мудрецы. 69

И прежде, чем во всем своем огромном охвате
сделался горизонт одного цвета
и ночь охватила все свои наделы, 72

каждый из нас устроил себе ночлег на ступени,
ибо природа горы отняла у нас
и способность продолжать, и наслажденье подъема. 75

Как, сделавшись кроткими, в тихом раздумье
козы, которые бесстрашно и проворно
скакали по холмам, пока не наелись, 78

стоят себе молча в тени, пока солнце палит,
безмятежные, потому что пастух, опервшись
на посох, бережет их отдых, 81

и как пастух, который вдали от дома
мирно ночует возле своего стада,
следя, чтобы звери никого не задрали, 84

так в этот час и мы, все трое:
я — как коза, они — как пастухи,
огороженные с обеих сторон высокой скалой. 87

- Не много можно было увидеть снаружи;
но в этом немногом я видел звезды
и ярче, и крупнее, чем они обычно. 90
- Так, размышляя и глядя на звезды,
я забылся сном; тем сном, который часто
знает, что будет, прежде, чем оно настало. 93
- В тот час, я думаю, когда на востоке
над горой поднимается Киферей,
всегда как будто пламенея любовью, 96
- юная и прекрасная во сне мне явилась
девица: она шла по равнине,
собирала цветы, и пела, и говорила: 99
- «Пусть знает каждый, кто хочет узнать мое имя:
Я – Лия, и я за работой:
я плету венок прекрасными моими руками. 102
- Я себя украшаю, чтобы отразиться прекрасной;
но Рахиль, сестра моя, не оторвется
от своего зерцала; так она и сидит день-деньской. 105
- Ей желанно глядеть в свои прекрасные очи,
как мне – украшать себя собственными руками;
ее отрада – видеть, моя – делать». 108
- Но вот уже от предрассветного сияния,
которое так мило странникам, и тем милее,
чем ближе к дому их последний ночлег, 111
- сумерки бежали со всех сторон,
и сон мой с ними; я поднялся
и увидел, что учителя уже на ногах. 114
- «То сладостное яблоко, которое на стольких ветках
не устает искать забота смертных,
сегодня утолит твой голод». 117

Такие ко мне обратил Вергилий
слова; и не было на свете
равногого этому обещанья. 120

Желанье поверх желанья добраться до верха
захватило меня, так что с каждым шагом
я слышал, как у меня растут крылья. 123

Когда все ступени до самого верха
мы пробежали и оказались на последней,
Вергилий остановил на мне глубокий взгляд 126

и сказал: «Временное пламя и вечное
ты увидел, сын мой, и пришел в то место,
где я моими силами ничего больше не различу. 129

Я вел тебя, прибегая к уму и уменью;
теперь проводником возьми себе собственное желанье;
в прошлом тесные пути, в прошлом отвесные. 132

Гляди же, как солнце светит тебе в лицо;
глядя на травы, на цветы и кусты:
их земля здесь рождает сама. 135

Пока весело не посмотрят прекрасные очи,
которые в слезах меня к тебе посылали,
ты можешь сидеть и можешь бродить среди них. 138

Не жди от меня больше ни слова, ни знака;
свободна, прямая и здорова твоя свободная воля,
и плохо было бы теперь ее не слушать:

посему прими от меня власть над собой, корону
и митру». 142

КОММЕНТАРИИ

1–5.

Это сложное описание положения солнца одновременно в четырех кардинальных точках Земли (в оригинале синтаксис длинной фразы еще сложнее) можно упрощенно пересказать так: в Иерусалиме был рассвет, в Испании (*Эвр*) в это время полночь, в Индии (*Ганг*) полдень, на горе Чистилища – закат.

Тот же мысленный крест координат в круг движения солнца Данте вписывает в начале повествования этой кантики (Purg. II, 1–6). Но в начале ситуация противоположная: рассветает в Чистилище, а закат – в Иерусалиме. Картинка выглядит так:

Иерусалим

Рим

Ад

Кадикс (Эвр)

Ганг

Чистилище

2. где его создатель пролил кровь –

в Иерусалиме, по Данте, – центре обитаемого полушария Земли. Для Данте это прежде всего место Голгофы.

Христос именуется здесь *создателем солнца*. Для современного читателя непривычно думать о Христе как о Творце мира, хотя это прямо утверждается во втором члене Символа веры и в прологе Евангелия от Иоанна (Ин 1: 3): «*Имже вся быша*» – через Него (Бога Сына, Бога Слова) всё стало быть. Имя Творца привычно соединяется с Богом Отцом – и библейское Сотворение мира представляется в микеланджеловских образах: могучий старец парит над своим творением. Но Средневековые, пока оно соблюдало запрет на изображение Бога Отца в человеческом образе, создало другую зрительную картину Сотворения мира (в частности, в изумительных скульптурах Шартра: Христос творит солнце, звезды, человека...).

Для христоцентричной мысли Данте важно помнить о Христе как о Создателе мира.

под высокими Весами

В это время года (весенне равноденствие) созвездие Весов в полночь стоит высоко в звездном небе.

обжигал полдень

В оригинале – Час Девятый, *pota* (время с 12 до 15). Данте обозначает время суток каноническими церковными часами. Мы передаем *pota* как полдень, поскольку в обычном употреблении *pota* именно это и значила: момент, когда колокол отбивает начало Часа Девятого.

радостный ангел Божий

Ангел встречает души на каждом уступе Чистилища по завершении очищения от того или иного греха. Здесь он стоит в конце последнего, Седьмого уступа, где в пламени очищаются сладострастники.

перед стеной огня

Об этом огне подробнее см. во Вступлении, где высказано предположение, что это тот огонь, который заграждает вход в Эдем после грехопадения (ср. Быт 3: 24). В таком случае души очищаются в нем от корня всех грехов, которые искупались на горе Чистилища, – от первородного греха, причины изгнания Адама и Евы из Рая.

Блаженны чистии сердцем –

в оригинале на латыни. Латынь в итальянском тексте в русском естественно передавать церковнославянским. Шестая из заповедей блаженств по Матфею. Полнотью: «Блаженны чистии сердцем яко тии Бога узрят» (Мф 5: 8).

Голосом несравненно живее, чем наш

Наш у Данте обыкновенно значит «человеческий», «обычный у людей».

Это местоимение в каком-то – очень важном – смысле начинает и завершает действие «Божественной комедии».

Наш в этом значении звучит в ее первой строке и несет с собой библейскую простоту, торжественность, включенность говорящего в род человеческий (и часто печаль):

Nel mezzo del cammin di nostra vita –

В середине пути *нашей* жизни.

Inf. I, 1.

Ср.; «*Дни лет наших седьмидесят*» – дней лет наших семьдесят (Пс 89: 10). Называя эту жизнь земной или как-то еще, мы переводим разговор совсем в другую тональность.

В этом значении Данте говорит *наш* в небе Марса, улыбаясь собственной генеалогической гордости при встрече со славным предком Каччагвидой:

О rosa nostra nobiltà di sangue! –
о, наше маленькое (невеликое) благородство крови!

Par. XVI, 1

Как мы, люди, гордимся такой малостью!

Наконец, в этом значении звучит слово *наш* на последней вершине поэмы, в последнем небывалом видении (*vista nova*) соединения божественного и человеческого, *нашего*:

Quella circulation...
dentro di se del suo colore stesso
mi parve pinta de la nostra effige –
этот круг...
внутри него, тем же его цветом,
я увидел изображенным наш облик.

Par. XXXIII, 127–131

11. *святые души* –
впервые души Чистилища называются святыми: они уже прошли путь очищения, *святой путь*:

Poi ripigliammo nostro cammin santo –
И мы продолжили наш *святой путь*

Purg. XX, 142

14–15. *стал, как тот ...* –
таким образом Данте обычно описывает собственные изменения, внешние и внутренние. Он не говорит: «я побледнел» или: «я впал в отчаяние». Он говорит: «Вы представляете, что чувствует и как выглядит тот, кого бросили в ров? Вот так чувствовал себя я и так я выглядел». Повествование заселяется еще множеством персонажей и ситуаций, не имеющих отношения к его прямому действию.

15. *как тот, кого бросили в ров*
Первая аллюзия, которую вызывает этот стих, – образ *рва* из Псалмов, где он означает могилу, а *сойти в ров* значит «умереть». Привменен *бых с нисходящими в ров...* – «Я сравнялся со сходящими в могилу.. между мертвыми брошенный» (Пс 87: 5–6) и подобн. В таком случае Данте говорит: «Я стал, как умирающий, как мертвый». Однако А.М. Кьяваччи Леонардо понимает этот *ров* иначе. Она полагает, что речь идет о смертной казни *propagginazione*, когда осужденного бросали в ров и закапывали заживо вниз головой.

17–18. *воображая в нем / человеческие тела, уже занявшиеся огнем*
Данте живо воображает или вспоминает смертные казни через сожжение, свидетелем которых он мог быть. Не забудем, что сам

Данте 10 марта 1302 года во Флоренции был осужден на смерть на костре.

21. здесь возможно мучение, но не смерть

Вергилий угадывает мысль Данте о смертном приговоре.

23. на плечах Гериона сохранить тебя в целости

Вергилий напоминает Данте один из самых страшных эпизодов загробного путешествия: полет на плечах Гериона, пестрого крылатого чудища с ядовитым хвостом, воплощения клеветы. Это был единственный возможный способ спуститься в нижний ад, в Злые Щели. Данте так же, как здесь, не мог решиться на это предприятие. Свой ужас он описывал иначе: там он сравнивал себя не с приговоренным к жуткой казни, а с больным перемежающейся лихорадкой, у которого уже ногти посинели (*Inf. XVII*, 85–87). Вергилию в тот раз удалось убедить Данте и сохранить его в целости (он усадил Данте вперед, а сам сел за ним, чтобы защитить его от ударов ядовитого хвоста).

27. оно и волоса бы на тебе не повредило

Аллюзия на евангельский образ: «Но и волос с головы вашей не упадет» (*Лк 21: 18*).

35. немного смутился

Немного – поскольку Вергилий мудрец, а мудрецу присущи готовность ко всему, стойкость («кубичность», о которой Данте скажет позже, в «Раю») идержанность. В действительности здесь происходит настоящий перелом повествования: впервые Вергилий видит, что ему не удается исполнить роль проводника. Его доводы – доводы разума – оказываются бессильными перед детским ужасом Данте. Последний его довод – напоминание о Беатриче – обращен уже не к разуму, а к любви.

Этот довод побеждает страх Данте и фактически означает конец миссии Вергилия.

37–39. Как при имени Фисбы

Эпизод из легенды о Пирэме и Фисбе Данте вспоминает по Овидию (*Metam. IV*, 55–166), Пирэм и Фисбу, чьей любви препятствуют их домашние, задумывают побег и назначают свидание у шелковицы. Фисба приходит первой; на нее нападает львица, но Фисба спасается и бежит, теряя покрывало, на котором остаются следы окровавленных зубов львицы. Приходит Пирэм и, увидев окровавленное покрывало, решает, что Фисба погибла; в отчаянии он закалывает

себя. Фисба, вернувшись к шелковице, застает Пирама уже умирающим. Она заклинает его открыть глаза, произнося собственное имя:

твоя любимая Фисба
призывает тебя (Metam. IV, 143–144).

Ее имя заставляет Пирама открыть глаза:

при имени Фисбы
глаза, отягченные смертью, Пирам открывает
и глядит на нее (Metam. IV, 145–146).

Кровь Пирама впитывают корни дерева, и его плоды, прежде белые, становятся багряными. Фисба тоже кончает с собой.

42. всегда раскрывается в моем уме
ramolla – раскрывается, как цветок, расцветает, дает побег.
 Этот растительный образ связывает историю Данте и Беатриче с легендой о Пираме и Фисбе, которую Данте только что вспомнил.

44. Остаемся здесь?
 Характерное «мы» в разговоре взрослого с ребенком («Мы ведь не будем капризничать?»).

44. как ребенку, которым овладело яблоко
 О яблоке как предмете первого страстного желания, первого движения врожденной любви к тому, что приносит благо, Данте говорит в «Пире»: «Мы видим, как дети страстно хотят яблока; потом, подрастая, они так же хотят птичку» (Conv. IV, XII, 16). Путь человеческой души в младенчестве от желания к желанию – путь опасный, если природная любовь необузданна или у нее нет проводника, описывает моралист Марко Ломбардо, один из дантовских *alter ego* (Purg. XVI, 91–93).

Здесь яблоко очень конкретно, поэтому никаких его библейских и мифических связей мы не будем вспоминать.

46–48.
 Вергилий перестраивает группу: Данте, как самый уязвимый, спереди и сзади защищен двумя своими бесплотными спутниками.

Прежний порядок «уже долгой дороги»: Вергилий – Стаций – Данте (Стаций присоединился к Вергилию и Данте в XXI песни) можно назвать историческим. Публий Папиний Стаций следует за Вергилием, своим образцом, которому, по его словам, он обязан и поэзией, и обращением в христианство:

Per te poeta fui, per te cristiano –
Ты сделал меня поэтом, сделал христианином.
Purg. XXII, 73

58. «Приидите, благословеннии Отца Моего!»

В оригинале на латыни. Слова из рассказа Христа апостолам о том, как будет происходить Страшный суд: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от века» (Мф 25: 34). Здесь эти слова обретают совсем конкретное значение приветствия, приглашения. Душа оправдана.

62–63. не останавливайтесь, прибавьте шагу

Совет ангела не терять малый остаток светового дня — несомненное эхо евангельского: «еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма» (Ин 12: 35).

Впрочем, сама «природа» горы Чистилища, то есть ее основной закон (см. далее, Purg. XXVII, 62, 75), прямо и наглядно воплощает это правило: с наступлением темноты вся жизнь Чистилища замирает.

63. пока запад еще не почернел

Горизонт на западе некоторое время остается светлым и после заката солнца. Ровной темнотой небо покрывается позже (ст. 70–72).

66. рассекала свет уже низкого солнца.

То есть тень Данте падала перед ним на восток. К востоку вел их подъем. Поднимаясь по круговым уступам (или террасам) горы, как по спирали, путники движутся в разных направлениях. Конечно, последний отрезок этого пути должен вести на восток.

74. природа горы

Смотри комментарий к строкам 62–63. Здесь имеется в виду закон горы, по которому идти вверх и совершать покаяние можно только в дневное время. О природе или основном законе Чистилища речь заходит много раз. В XXI песни Стаций объясняет ее «иноприродный» характер; в дальнейшем в Земном Раю Мательда продолжит этот разговор.

75. и наслажденье подъема

На вершине горы идти вверх уже не только не мучительно: подъем доставляет наслаждение. Это еще один закон горы: чем выше, тем легче путь очищения. Воля подниматься растет. Шаг превращается в полет (смотри далее, строки 120–123).

76–84.

Три терцины описывают безмятежный отдых стада на горном пастбище и чуткий отдых пастуха; первые две терцины — полуденный отдых, третья — ночной. Этот неожиданный в общем движении сюжета песни дивертисмент, набросок с натуры (альпийская сценка) нужен Данте, чтобы сравнить с козами и пастухами себя и своих мудрецов, устроившихся на ночлег на уступах горы. Вместе, втроем они похожи на эту мирную буколическую картину, но кто из них на кого... Очень хитроумно построенное сравнение.

86. я – как коза, они – как пастухи

Два пастуха и одна коза!

я – как коза

О себе, как о таком же удивительном стаде из одной овцы, писал Поль Клодель, обращаясь к своему «пастуху» — библейской Премудрости:

Стада твоего из единой овцы ты не оставила на мгновенье.

«Река»

они – как пастухи

Стаций присоединяется к нашим путникам как второй наставник. Он, по Данте, тайный христианин, проведший уже века на горе очищения, может объяснить то, чего не знает язычник Вергилий. Именно Стаций посвящает Данте в две важнейших темы. В XXI песни он объясняет, каким образом происходит освобождение души и пробуждение в ней «желания лучшего места»; в XXV песни он разъясняет то, что вплоть до этого момента оставалось для Данте тревожно непонятным: каким образом бесплотные души могут испытывать физические мучения в аду и чистилище. Вергилий, несомненно, не в силах был бы изложить теорию «эфирного тела», которую Данте вслед за некоторыми богословами крайне оригинально развивает.

93. знает, что будет, прежде, чем оно настало

На вершине горы, пройдя очистительное пламя, в пещере Данте видит свой третий и последний в Чистилище вещий сон. Как все вещие сны, он является в ранний предутренний час, при восходящей Венере.

95. Киферей

одно из имен Афродиты. Здесь — планета Венера.

100. Я – Лия

О символическом (точнее, аллегорическом) понимании Лии и Рахиля как деятельной и созерцательной жизни см. Вступление.

104–105. *но Рахиль, сестра моя, не оторвется от своего зерцала*
Связь души с зеркалом принадлежит к древнейшему символическому тезаурусу человечества. Сама душа – зеркало, или же в душе есть зеркало, которое отражает божественное: созерцание и есть взглядывание в это зеркало внутри себя. Такой образ известен у христианских авторов, особенно в аскетических и мистических трудах.

115. *То сладостное яблоко –*
счастье, блаженство, истинное благо человеческой жизни. Данте в «Аду» так определяет смысл своего путешествия по загробью:

Я оставил желчь и иду за сладкими яблоками,
обещанными мне верным проводником.

Inf. XVI, 61–62

Желчь, горечь – вкус греха и смерти. Счастье в аристотелевско-томистски-дантовской этике – цель этической жизни и ее плод, сладостный плод. Образом такого счастья Данте в «Монархии» называет Земной Рай.

116. *на стольких ветках не устает искать забота смертных*
Отсылка к Бозио: «Вся забота смертных, ради которой они столько трудятся, хотя и избирая себе разнообразные пути, стремится достичь единой цели, а именно счастья» (Утешение философией. III, 11).

118. *обещанья, strenne*
По А.М. Кьяваччи Леонарди, имеются в виду традиционные предсказания-обещания, которые друг другу делали к новолетию. «Ты будешь здоров в этом году!»

123. *крылья*
В оригинале – *penne*, перья. Крылья растут, потому что действует та самая воля к верху, то «желание лучшего порога», которое растет в очищившейся душе.

124–142.
Торжественное прощание Вергилия с Данте. Он еще остается рядом с ним в Земном Раю вплоть до явления Беатриче, но его миссия проводника и учителя исполнена. Исчезнет он уже без слов (Purg. XXX, 49–54).

127. *Временное пламя и вечное*
Мучения чистилища, ограниченные определенным сроком, и вечные муки ада.

130. уму и уменью — *con ingegno e con arte*

В дантовском употреблении *arte* — техническое уменье, тогда как *ingegno* — интеллект, умственные дары.

132. в прошлом тесные пути, в прошлом отвесные —

расщелины и горные обрывы горы Чистилища, которые сам Данте, без помощи Вергилия, не смог бы одолеть.

135. земля здесь рождает сама —

то есть без человеческого труда, обработки, посева, полива и т.п.

Ср. проклятие земли и проклятие труда на ней после изгнания из Рая: «...проклята земля за тебя; со скорбю будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт 3: 17–19).

Беструдно приносящая плоды земля, где еще нет «недоброго труда», — мотив античных преданий о Золотом Веке.

139. ни слова, ни знака

Вплоть до этого момента Данте не говорит и не делает ничего, не получив прежде одобрительного знака от Вергилия.

140. твоя свободная воля —

arbitrio, свобода выбора. Эту свободу Данте считает высшим даром Бога своему творению — человеку. Вследствие неверных выборов человека (вложенная в его душу любовь ошибается или в выборе своего предмета, или в мере любви к нему) свободная воля становится порабощенной (стесненной страстями), искривленной и больной, но никогда не исчезает.

141. и плохо было бы теперь ее не слушать

Здесь важно слово *теперь*. Прежде, до того, как воля была не исцелена и не очищена, ошибкой было бы как раз слушаться каждого ее желания.

142. посему...

Трудно хотя бы отдаленно передать силу этого стиха, последнего, произнесенного с обрядовой торжественностью слова Вергилия в поэме.

142. корону и митру

Вергилий произносит два глагола: *corono e mitreo* — возлагаю на тебя корону и митру. Многие комментаторы видят в этом две разных инвеституры: Данте получает над собой и абсолютную природную

власть (корона императора), и власть духовную (митра). Он теперь сам себе император и епископ. А.М. Кьяваччи Леонарди не принимает этого толкования. Прежде всего потому, что Вергилий не может обладать властью возводить Данте в духовное достоинство. Кроме того, как известно из латинских хроник, исторически коронование императора папой включало в себя возлагание на него митры, уже поверх которой возлагалась корона (*mitratus et coronatus*).

*Вступление, перевод с итальянского и комментарии
Ольги Седаковой*

А.И. Солженицын и его «невидимки»

Ив Аман

Ева*

*(Воспоминания
о Наталье Ивановне Столяровой)¹*

Мое знакомство с Натальей Ивановной Столяровой состоялось в 1974 году.

В тот год я получил назначение на должность культурного атташе при посольстве Франции в СССР.

Это назначение было для меня неожиданным. К тому же я уже давно мечтал пожить в России, где мы с женой (оба русисты) часто бывали и где у нас были друзья.

Я не питал особых иллюзий по поводу своей будущей деятельности. Я знал, что мне придется заниматься в основном, бюрократической работой — решать административные и хозяйствственные проблемы в сфере обмена студентами, учеными, артистами. Что я буду лишен практически всякой инициативы. Также я знал, что иностранцев селили в домах под пристальным наблюдением и что за каждым нашим шагом и движением будут следить. Постоянной слежки, конечно, не будет, но нам придется считаться с этим и быть очень осторожными, дабы не навредить друзьям, с которыми мы хотели общаться. Связь с иностранцами, и в особенности с дипломатами, не поощрялась. Жизнь там мне представлялась непростой, но увлекательной.

* Перепечатывается в переработанном автором варианте с любезного разрешения издателя сборника: Стойте в свободе... Памяти Н.И. Столяровой / Редактор-составитель М. Алхазова. М.: Пробел-2000, 2018. С. 299–307.

До отъезда я преподавал в университете Париж-Нантер, где моим коллегой и другом был Никита Струве. Он же, одновременно с преподаванием русской литературы, работал в издательстве YMCA-Press, где публиковались произведения русских эмигрантов и, с недавних пор, произведения авторов, запрещенных в СССР. Незадолго до этого с ним связался Солженицын и доверил ему издание своих книг. К Рождеству в издательстве вышел первый том «Архипелага ГУЛАГа» и тотчас же вызвал бурную реакцию. Затем Солженицын был выслан из СССР и, прежде чем окончательно поселиться в США в Вермонте, некоторое время жил со своей семьей в Швейцарии. Никита Струве был одним из принимавших Солженицына в Цюрихе, и между ними завязалась близкая дружба.

Незадолго до моего отъезда в Москву Никита Струве попросил меня стать одним из посредников, через которого писатель мог бы связаться со своими друзьями в СССР и, главное, с Фондом помощи политзаключенным и их семьям. (В этот фонд, которым руководил Александр Гинзбург, Солженицын перечислял авторский гонорар за «Архипелаг ГУЛАГ».) Было ясно, что мне придется быть еще более осторожным, чтобы не возбудить интерес к себе ни «органов», ни посольства, не желавшего неприятностей. Было решено, что мне не стоит входить в контакт непосредственно с самим Гинзбургом, а скорее с близким другом Александра Солженицына Натальей Ивановной Столяровой, выросшей во Франции и отсидевшей несколько лет в ГУЛАГе. Она была литературным переводчиком, членом Союза писателей и могла время от времени выезжать на различные культурные мероприятия, организованные Посольством Франции. Мой предшественник Степан Татищев был напрямую связан с ней: она входила в тот круг культурной интеллигенции, которому позволялось общаться с иностранцами. К тому же в 1965 году ей разрешили выехать в Швейцарию, где жила ее сестра, и оттуда съездить во Францию. Тем не менее было решено не показывать наше знакомство. Не помню точно, какие были предприняты действия для организации нашей первой встречи.

Итак, 30 сентября 1974 года я прибыл с семьей в Москву. Помню, это был первый день официально разрешенной вы-

ставки художников-нонконформистов под открытым небом в Измайлово, и две недели после Бульдозерной выставки.

Степан Татищев передал мне свои дела, и посол Франции устроил ужин в честь его отъезда. На него были приглашены несколько дипломатов и несколько русских из тех, кто мог себе позволить переступить порог Дома Игумнова (резиденции французского посла). Среди них была Наталья Столярова. Я был в числе приглашенных. Издали мы распознали друг друга, но не обменялись ни взглядом, ни словом. Она сразу же произвела на меня впечатление *grande dame*. И женщины с сильным характером. Одета она была просто, но со вкусом, на плечи — с шиком наброшена шаль. После ужина приглашенные перешли в гостиную и могли перемещаться. Когда я проходил мимо, она прошептала мне несколько слов, и я, не показав вида, двинулся дальше.

Вскоре после этого я впервые оказался в доме № 2 в Даевом переулке. Затем последовала череда моих приходов туда, которые, в определенном смысле, задали ритм моей жизни в Москве и даже определяли ее.

Когда прибыл грузовик, перевозивший наши семейные вещи в Москву, среди них находилась одежда и медикаменты, предназначавшиеся для Фонда. Ну и намучились же мы с этой одеждой! Наталья Ивановна жаловалась, что я временно превратил ее квартиру в склад. С лекарствами было проще. А дальше она стала получать книги и «Русскую мысль» для себя и для друзей. Я опасался за нее, ведь одно неловкое движение с моей стороны могло стоить ей очень дорого и отправить ее в места не столь отдаленные, которые она уже знала сполна. Я прекрасно представлял себе, какое волнение могло вызвать мое опоздание, или какие сложности могли возникнуть, если вдруг я не приду. Вот как она об этом вспоминает:

«Прислушиваясь к ночным шагам по лестнице, судорожно унося из дома все взрывное после долгого звонка в дверь (потом выяснилось — ошибка скорой помощи), жить, непрерывно обманывая “всевидящее око” (и ухо)»².

Таким образом, встречи с ней сопровождались для меня некоторым нервным испытанием, поскольку меры предосторожности необходимо было соблюдать безупречно. Позже к этому прибавилась переправка денежной помощи для

Фонда. Не говоря уже о том, что большую часть наших бесед составляли, по выражению Солженицына, «писчие разговоры». Они в основном носили «деловой» характер. Долго беседовать о жизни у нас не было времени.

Но вот жизнь она как раз любила. Жизнь ее интересовала во всех своих проявлениях, и главное, ее интересовали люди. Большим удовольствием для нее были поездки по СССР на своих родных жигулях. (Последний подарок, который я смог ей сделать незадолго до ее кончины, были свечи для ее живулей.)

Кто-то спросил у нее, почему она не пишет свои мемуары. Она ответила, что на это у нее нет времени, что она должна восполнить все время, потерянное в ГУЛАГе.

В 1976 году ей снова дали разрешение на выезд во Францию и в Швейцарию. Ей удалось продлить визу, и она провела там год. В ее отсутствие заменить ее было сложно, тем более что Александр Гинзбург был арестован в феврале 1977 годв. Частично ее заменил Евгений Пастернак, старший сын писателя. Мы были очень дружны с ним, его женой и детьми. Однажды нам пришлось воспользоваться помощью Ирины Эренбург, с которой она училась в Париже в одном пансионе. После возвращения она мне намекнула, что во время пребывания за границей позволила себе тайную отлучку. Я догадался, о чем речь, но вопросов не задавал.

В Москве я познакомился с Александром Богословским и его женой. Они были архивисты. Мы подружились семьями и с женой стали регулярно проводить у них долгие вечера. Однако мы не говорили о других русских друзьях. Однажды случайно разговор зашел об их исследованиях творчества Бориса Поплавского. Только тогда мы поняли, что они тоже знакомы с Натальей. Они жили рядом, всего в двух станциях метро друг от друга. Александр рассказал нам о матери Натальи Ивановны – Наталье Климовой. О том, как она участвовала в покушении на Столыпина, о смертельном приговоре, замененном на пожизненное заключение, и о побеге. Он дал нам копию ее «Письма перед казнью» и статьи Семена Франка «Преодоление трагедии».

В 1979 году мы с семьей покинули СССР, но я оставался на связи с ней через наших французских друзей, работающих в Москве, которым остаюсь искренне благодарен. (Упомяну

особо своего сокурсника Стефана Шмелевского и Жоржа Филиппенко, коллегу по университету.) Таким образом, я переписывался с ней, посыпал ей письма на передачу и получал от нее письма, чтобы в свою очередь передать их по назначению. Иногда она жаловалась, что я делал это слишком медленно, но связная сеть была многоэтапная. Письма, как правило, были написаны на эзоповом языке. Сейчас, когда я перечитываю некоторые из них, многое от меня уже ускользает. В этом была своего рода игра, но если письма попадали в плохие руки, то они не могли никого скомпрометировать. Иногда это было даже забавно. Например, в одном письме она пишет, что прилагаемую открытку надо передать в Зеленогорск. Ясно — в Вермонт³. Однако обычно все было гораздо сложнее.

После нашего возвращения ей разрешили несколько раз ездить в Швейцарию и во Францию, где мы встречались. Обычно она поселялась в маленькой квартирке на последнем этаже узкого дома на площади Дофин в самом центре Парижа, где жила Ида Шагал — дочь художника, с которой была очень дружна, как и с коллекционером Морисом Жардо. На площади Дофин также жили знаменитые актеры Ив Монтан и Симона Синьоре, которые общались с ней в Москве в 1956 году. Среди ее многочисленных знакомых в Париже было много участников Сопротивления (возможно, друзей ее сестры): Женевьев Антоньоз — племянница генерала де Голля; дипломат Стефан Эссель; историк Жан-Пьер Вернан. Она встречалась с писательницей Натали Саррот, родившейся в России. В ее круге были и представители новой волны эмиграции из России, как, например, Виктор Некрасов. Она познакомилась с Жаном Лалуа — высокообразованным человеком, бывшим дипломатом и переводчиком генерала де Голля в Москве, специалистом по России, который ее очень уважал. Подружилась она и с Ириной Иловайской-Альберти, директором «Русской мысли».

За границей она собирала материалы о биографии матери.

В 1984 году случилась забавная история. В издательстве «Наука» готовилась книга о ее приемном отце изобретателе Константине Васильевиче Шиловском. Еще в 1981 году она передала издательству письмо французского физика Франсиса Перрена о Шиловском. Издательство вдруг спохватилось:

оно откуда-то взяло, что Перрен умер в 1979 году, значит, переданное письмо — подлог!

Я написала составителю книги взбешенное письмо: этой зимой я была у Перрена несколько раз, и он жив-здоров. Как мне доказать, что он жив? Мне неудобно из-за этого звонить Перрену и спрашивать, жив ли он еще. Человеку 82 года!⁴

В один свой приезд она поселилась у нас, но из-за того, что мы жили в пригороде, передвижения ее были ограничены. Помню, в 1983 году, только приехав, она попросила меня выслать телеграмму и забронировать комнату в семейном пансионе в Ла Фавьер на Лазурном берегу⁵. Со временем революции до наших дней многочисленные русские эмигранты приезжали туда в летний период. В ее молодые годы к ней туда приезжал Борис Поплавский. Возможно, она искала воспоминания о прошлых днях? Она обожала море и любила плавать. За годы, проведенные в лагерях, она потеряла умение плавать, и ей пришлось учиться этому заново.

В андроповские годы атмосфера в стране значительно густилась. Можно ли было не волноваться после того, как в 1983 году ограбили ее квартиру? Естественно, сперва все списали на счет Галины Борисовны (ГБ). Но грабители поспешно ушли, не закончив свое «дело». В конце концов все пришли к выводу, что это были просто «безобидные воры». Я ей прислал новый замок на дверь, и все вошло в норму.

Куда хуже пришлось Александру Богословскому, в квартиру которого пришли с обыском в октябре 1983 года. У него изъяли некоторое количество книг, считавшихся антисоветскими, в том числе книгу Маркиза де Кюстина на французском языке «Россия в 1839 г.» (!) и библиографическую картотеку о Борисе Поплавском, кропотливо собираемую Александром Богословским в течение многих лет. Его арестовали через год и в июне 1984 года осудили на три года лагерей по статье 190-1. Кроме того, суд предписал уничтожение картотеки о Поплавском, «как не имеющей значения».

В 1984 году моя жена привезла наших дочек в Москву на каникулы на весь июль. Она зашла в гости к Наталье Ивановне накануне 14 июля. Наталья Ивановна, казалось, была в прекрасной форме, радовалась предстоящей поездке в Болгарию. А через полтора месяца мы узнали о ее кончине.

После ее смерти в ее квартиру пришел для описи имущества нотариус со «стажерами», видимо, прихватившими с собой немало документов, которые до сих пор никто так и не смог получить обратно. Наталья Ивановна ушла неожиданно и не успела привести в порядок свои вещи. Без сомненья, кто-то этим воспользовался.

В нашем доме у нее была «своя» полочка, где она оставляла различные документы, которые могли ей пригодиться во Франции. Среди них остались 13 печатных страниц и двухстраничное письмо, также напечатанное на машинке.

Эти 13 страниц представляют собой ее портрет, набросанный Солженицыным к той части его воспоминаний, посвященной *невидимкам*, то есть тем, кто помогал ему тайно⁶.

Портрет заканчивается так:

Осенью 1976 Еву [как ее называл на кодовом языке Солженицын] даже выпустили во Францию — и не похоже, чтоб для разведки, не следили. Она никак не могла получить в паспорте отметку о поездке в Штаты: и запрещено менять страну, и ясно будет, что — к нам. Не могла — но авантюрно смогла, и приехала к нам в Вермонт, жила у нас. Читала «Невидимок» — и попросила этот 9-й очерк с собой в Москву!

Объясняя свой переезд в Россию в 1934 г.: «Я не на муки ехала, что вы, я терпеть их не могу, я ехала на радость. Но претерпленные муки не притупили моей любви к России, а обострили её».

В тот год заманная перед ней стояла возможность: осться на Западе навсегда. Она долго мучилась, долго выбирала. Ее решающее письмо передаст, я думаю, лучше, чем мой рассказ. /Приложение Д-2/⁷

Когда сотни и сотни тысяч валили на Запад бесстыдно за легкой жизнью — она вернулась.

Таким образом, во время ее пребывания во Франции и Швейцарии в 1976–1977 годах ей удалось незаметно выехать в США, в Вермонт, к Солженицыну. Там он и дал ей прочесть этот отрывок из неизданной части «Бодался телёнок с дубом», которая была закончена и вошла в полное из-

дание лишь в 1996 году. Возможно, она перепечатала его, чтобы отвезти в Москву. Благодаря финансовой помощи Солженицына, она смогла провести целый год за границей. Когда, по административным причинам, все возможности продления визы были исчерпаны, он предложил ей оставаться насовсем и пожизненно выплачивать сумму, необходимую для существования, не требуя ничего взамен. Однако она решила вернуться. В упоминаемом письме, написанном 27 октября 1977 году (опубликованном впоследствии в приложении к «Бодался теленок с дубом»), она объясняет свое решение. В нашей квартире на ее «полочеке» осталось и другое письмо, написанное Солженицыну из Женевы 29 сентября 1981 года⁸.

Эти письма проливают особый свет на ее личность.

В письме от 1981 года она восстает против фразы: «Когда сотни и сотни тысяч валили на Запад бесстыдно за легкой жизнью – она вернулась.» Эти слова вызывают в ней настоящий крик негодования.

«Никто не бежал за, все бежали от. Никогда не осмелюсь за это бегство даже мысленно упрекнуть кого-либо, кроме советской власти и Лубянки. Только от них бегут люди. Это презрение недостойно Вас. Простите за прямоту»⁹.

(Писатель прислушается к ней и не включит это высказывание в окончательный вариант.)

В том же духе, она отрицает желание Солженицына приписать ей стремление выполнить некий долг.

Она долго мучилась, выбирала. «Разумеется, хотелось жить на Западе – долг и совесть звали в Россию. Бросьте! Это не мои категории, куда важнее – люблю или не люблю...»¹⁰

«Чувство долга – это противопоказанная мне категория»¹¹.

Несомненно, ею двигали сложные чувства. Не абстрактное чувство долга, не преданность абстрактной идеи. Скорее, это было сострадание к своим соотечественникам, привязанность к своей стране, смешанные с другими противоречивыми чувствами.

Клубок из любви и ненависти к великой, страшной, замордованной, растоптанной, бессмертной, «желанной», «долгожданной»¹².

В 1977 году, уже приняв решение вернуться, незадолго до своего отъезда, она увидела в парижском метро молодого

человека, подрабатывающего пением под гитару «Полюшко-поле». И она разрыдалась. Разрыдалась о чем?

О проклятии, висящем над нашей страной, о том, что люди — молодые, старые, хорошие, всякие — бегут, бегут, и каждый прав для себя, для своей единственной жизни. А Россию — жалко¹³.

Несомненно, в первую очередь она почувствовала «зов стихии», русской воли, страсть к странствиям, к новым встречам. Представлялась возможность и удовлетворить свою неиссякаемую книжную жажду.

Но ее притягивала, конечно, прежде всего сама Россия.

«Самый большой мой соблазн, без которого жизнь потерпит — Россия. По-настоящему волнует меня больше всего она, все, что в ней происходит, всегда вызывает во мне интерес, боль, радость, страх и даже ужас, и даже — гордость»¹⁴.

Жить в России означало для нее выдержать вызов; удерживаться, подобно акробату на канате; преодолевать риск ради свободы и достоинства.

Солженицын был частью этого вызова. «Вы были одним из моих великих соблазнов, сразу в первом разговоре осознанным».

Помощь Солженицыну стала для нее жизненной необходимостью. Речь шла не только о том, чтобы помочь Солженицыну как человеку, но участвовать в общем деле, которое означало его творчество. Ей нужно было постоянно придумывать новые ухищрения: для переправки рукописи «Архипелага ГУЛАГа» на Запад, для сохранения его архивов, а затем, после его изгнания, их переправки к нему в качестве курьера, из Цюриха и Вермонта с одной стороны и друзьям писателя в России с другой. В этом заключался некий азарт. В последние годы жизнь ее проходила в поездках между Францией и Россией. Мне кажется, жизнь ее не могла ограничиваться ни комнатой на площади Дофин, ни Даевым переулком. Кто знает, от чего ее избавила судьба или, иными словами, Промысл?

В памяти моей сохранился образ женщины сильной, волевой и решительной, щедрой и непосредственной. Часто я говорил себе, что она унаследовала от матери немало качеств. А что их различало? Скорее, отсутствие преданности заветной *идее*, столь присущей русским революционерам.

А быть может, жажда к жизни, жизнелюбие как противоядие от идеологии. «Страсть к вечной новизне милой круглой земли, к странствиям по ней, к узнаванию ее каждый раз и к возвращению домой»¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наталья Ивановна Столярова (1912–1984) родилась 17 июня 1912 г. в Генуе в Италии. Родители были профессиональными революционерами, эсерами. Мать, Наталья Сергеевна Климова (1885–1918), связанная с эсерами-максималистами, участвовала в покушении на Столыпина в 1906 г., была приговорена к смертной казни, помилована, сбежала из тюрьмы, оказалась в Италии. Уже после рождения второй дочери, Екатерины, она переехала во Францию, где вскоре умерла от испанки. Отец, Иван Васильевич Столяров (1885–1938), вернулся в Россию, где будет расстрелян в 1938 г. Девочки воспитывались во Франции на попечении семьи инженера-эмигранта К.В. Шиловского. Наталья училась в Сорбонне. У нее завязался роман с писателем Борисом Поплавским (1903–1935), для которого она стала прототипом в его романе «Домой с небес». В 1934 г. решила вернуться в Россию. В 1937 г. была арестована и через год приговорена к 8 годам ИТЛ. В это время оставшаяся во Франции младшая сестра участвовала в Сопротивлении, при исполнении одного из заданий партизан получила сильную травму, а после войны обосновалась в Швейцарии. В 1953 г. Наталья после долгих мытарств добилась прописки в Рязани, а в 1956 г. окончательно поселилась в Москве: Илья Эренбург ее взял к себе в качестве секретаря по рекомендации дочери Ирины, учившейся с ней в Париже. Параллельно она занималась переводами с французского языка, стала одной из фигур московской неофициальной литературно-художественной жизни. В 1962 г. Наталья Столярова подружилась с Александром Солженицыным и до конца жизни помогала ему, не без доли риска. Солженицын написал о ней в «Архипелаге ГУЛАГа» и в части своих мемуаров под названием «Невидимки». В 1965 г. она получила, по ходатайству французских властей, разрешение на вестить сестру в Швейцарии. Впоследствии она еще несколько раз смогла съездить на Запад. Наталья Столярова скончалась 31 августа 1984 г. в Москве от внезапного обострения панкреатита.

Литература о Н.И. Столяровой:

Стойте в свободе... Памяти Н.И. Столяровой / Редактор-составитель М. Алхазова. М.: Пробел-2000, 2018. 436 с.

Кан Григорий. Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. 392 с.

Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. М.: Согласие, 1996, Пятое дополнение (1974–1975) – Невидимки. С. 487–508; Приложение 46. С. 674–675.

² Письмо А.И. [Солженицыну], 29 октября 1977 // *Солженицын* А. Бодался телёнок с дубом. С. 675.

³ Название американского штата Вермонт пришло в английский из французского и означает «зеленая гора».

⁴ Письмо автору от 9 апреля 1984 г.

⁵ *Deplagny M. Plage et Colline, 83230, La Favière par Bormes-les-Mimosas, Var.*

⁶ См.: Наталья Ивановна Столярова и Александр Александрович Угримов // *Солженицын* А. Бодался телёнок с дубом. С. 487–508.

⁷ Имеется в виду письмо Натальи Столяровой А.И. Солженицыну от 29 октября 1977 г. // *Солженицын* А. Бодался телёнок с дубом. Приложения. С. 674–675.

⁸ Издано в сборнике: Стойте в свободе... Памяти Н.И. Столяровой. С. 131–133.

⁹ Письмо от 29 сентября 1981 г. // Стойте в свободе... С. 133.

¹⁰ Там же. С. 132.

¹¹ Письмо от 29 октября 1977 г. // *Солженицын* А. Бодался телёнок с дубом. Ук. соч. С. 674.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Письмо от 29 сентября 1981 г. // Стойте в свободе... С. 132.

¹⁵ Там же. С. 133.

Перевод с французского Элен Эмро

Из Дневников А.Б. Дуровой 1974–1975: встречи с А.И. Солженицыным

Мы продолжаем публикацию материалов, восстанавливавших историю «невидимок» — помощников А.И. Солженицына, сделавших возможным передачу и публикацию его рукописей на Западе¹ и, после высылки Александра Исаевича в феврале 1974 года, переправку медикаментов и денежной помощи из созданного им Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям в России².

Роль Анастасии Борисовны Дуровой (1907–1999) — «Аси» для близких друзей, «Васи» для Александра Исаевича (узнавшего о ней прежде под этим кодовым именем) — описана им самим в «Невидимках», книге о «бескорыстных друзьях», имени которых он решается назвать в 1991 году³. «Я вообразил ее хрупким ангелом, — описывает первую встречу Солженицын, — вошла в наш гостиничный номер этакая русская провинциальная добрая толстуха, без сомнения, превосходная хозяйка (легче всего представить ее, как она угощает соленьями-печеннями многочисленных гостей), с русским выговором не только полностью сохранившимся, как уже мало сбереглось в эмиграции, но — аппетитнейшим, но сочным, как уже и в Советском Союзе подавили, не умеют говорить так»⁴.

Публикуемые ниже отрывки из Дневников А.Б. Дуровой — дочери русских эмигрантов, участницы экуменического католического движения, при первой же возможности вернувшейся в Россию (сперва — переводчицей на Французской выставке в Москве в 1961 году, а в период с 1964 по 1977-й — в качестве заведующей по хозяйственной части во Французском посольстве в Москве), — позволяют восстановить картину изнутри: как хозяйственная Ася, ладившая с советской администрацией, стала главным каналом, через который были переданы: рукопись «Августа Четырнадцатого», письма А.И. Солженицына и Н.А. Струве, вырабатывающие стратегию издания солженицынских произведений на Западе, а впоследствии и полный набор пленок «Сейф», содержащих все написанное к тому времени, — «всё моё освобождение», вспоминает А.И.⁵

На портрет Аси, данный Солженицыным в «Невидимках», отвечает портрет Александра Исаевича, набросанный в Дневниках А.Б. Дуровой в ходе двух встреч, в Париже в апреле 1975 года, в связи с участием А.И. Солженицына в телепрограмме «Апостроф» Бернара Пиво, и, несколько месяцев спустя, в Цюрихе, куда Ася приглашена была писателем для более подробного воссоздания роли «Васи» в работе «безотказно действующей» в течение трех лет цепочки, ставшей, по словам А.И., «нашей главной бесперебойной связью с Западом»; «и она никогда не была выслежена КГБ, и ничего не знали другие в посольстве»⁶.

Эта история выстраивается в Дневниках из обрывочных записей, которые позволяют догадаться о роли «Жени», — «Jean» (Евгения Викторовича Барабанова, в ту пору молодого московского искусствоведа; с 1965 по 1973 год негласного соредактора и автора «Вестника РХД» (все публикации под псевдонимами), снабжавшего журнал и издательство «ИМКА-Пресс» архивными, авторскими, самиздатскими и диссидентскими материалами; связавшего А.И. Солженицына с Н.А. Струве), французской студентки Жаклины Грюнвальд (ныне — матушки Анны из Покровской обители в Бюсси), занимавшейся переправкой в Россию религиозной литературы; сестры Аси Тани, также работавшей в посольстве и перевозившей — часто не зная о том — в своем чемодане книги преследуемого в СССР отца Дмитрия Дудко в Париж, имковские запрещенные книги о Сергея Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка в Москву⁷. Наконец, часто мелькающее «о. А.» — имя отца Александра Меня, друга А.И. Солженицына с начала 60-х годов, помогавшего создать упоминаемую цепочку «Дима Борисов — Женя Барабанов — Вася», действие которой начинается в его приходе Сретения в Новой Деревне в Подмосковье. Отец Александр поддерживает их молитвенно, и его собственные книги также обретают западного читателя⁸. Как точно происходила передача, Ася рассказывает в двух фрагментах, написанных 20 лет спустя после издания «Августа Четырнадцатого» (достигшего издателя Никиту Струве в виде подарочной коробки шоколадных конфет из посольского магазина «Березка»), 18 лет после «взрыва» «Архипелага ГУЛАГа» в центре Парижа в конце декабря 1973-го, в подготовке которого ей также принадлежит

скромная — и сущностная — роль, как показывает переписка Александра Исаевича и Никиты Алексеевича, где видны приписки ее рукой.

Эти дописанные позднее фрагменты вложены в дневники на машинописных страничках. Первоначальные записи 70-х годов лаконичны, трудночитаемы, обрываются многоточием или же многозначными тире. Вместо имен — псевдонимы, инициалы или аббревиатуры, восполненные в 90-е годы для публикации отдельных страничек в издании Рудомино⁹ карандашом или же, в случае фрагментов об А.И. Солженицыне, красной ручкой.

В рамках данной публикации мы ограничиваемся фрагментами, связанными с именем А.И. Солженицына, в надежде продолжить издание этих многочисленных тетрадок, которые повествуют о беседах с Надеждой Яковлевной Мандельштам, «Niam», в 1971 году; о встречах с Борисом Пастернаком, к которому она отправляется в Переделкино по просьбе Жаклин де Пруайяр¹⁰ и с которым поддерживает связь через Элен Замойскую; о ее молитвенном общении с о. Александром Менем, о. Борисом Старком, о. Александром Шмеманом... В Дневниках возвращается имя Ива Амана и его супруги Сюзанны, с которыми Ася путешествует по глубинке России, открывает для себя древние монастыри — и которые дарят ей, среди парижских литературных новостей лета 1971 года, «прекрасную книгу о Солженицыне издательства l'Herne»¹¹. Каждый раз — это целая глава, отдельная страница истории России, и мы выражаем глубокую признательность отцу Бертрану Жёффрен (Jeuffrain), верному хранителю наследия А.Б. Дуровой в бенедиктинском монастыре Святой Надежды в Mesnil Saint-Loup, за предоставленную им возможность работы с рукописями и публикации этих ценных воспоминаний, часто сопровождаемых зарисовками и схемами.

Нужно ли напоминать, в каких условиях писались эти Дневники: при ясно осознаваемой опасности тем людям, о которых идет речь, и собственному риску оказаться среди «подозреваемых» во французском МИДе, потребность свидетельствовать и писать оказывается сильнее. Дневники охватывают период с переломного в ее судьбе 1961 года и до последних дней июня 1999 года, пишутся в Москве, Париже, Цюрихе, на французском и порой на прекрасном русском

языке, отмеченном Александром Исаевичем во время первой встречи¹². 70-е годы – ключевые в этой хронике, страницы которой перемежаются с вложенными в них открытками и отрывками из писем, полученными «легендарной Асей» из Бельгии, Германии, Италии, от лиц, благодарящих за «посылки», за «рассказы о путешествиях по России». Их внимательное чтение позволит восстановить или уточнить еще неизвестные «цепочки» и «каналы», новые имена «промежуточных лиц», каждое из которых участвовало, так или иначе, в воссоздании той невидимой истории России, как она вырисовывается, в частности, в одном из последних публикуемых фрагментов от 3 ноября 1975-го.

Ася рассказывает в Дневниках, как она срисовывает руины Храма Христа Спасителя с акварели Николая Николаевича Вышеславцева, талантливого художника-мирискусника, выполненной сразу после взрыва в 1931 году. Переданная ей женой художника Ольгой Николаевной Вышеславцевой (ставшей тайной монахиней и духовной наставницей многих «подпольных» христиан), акварель рискует иначе исчезнуть (и действительно, сегодня ненаходима). Ася посвящает этой работе два дня в попытках явить ту «недотопленную Россию», о которой А.И. Солженицын говорит в «крохотке» о колязинской колокольне – той, что «стоит, нисколько не покосясь, не искривясь... луковкой и шпилем – в небо!»¹³, на развалинах утопленного в Волге собора. В 1975 году Ася видит перед собой бассейн «Москва», но рисует, с художником русского Серебряного века, не просто руины – сам храм Христа Спасителя¹⁴, вопреки всем предсказаниям («здесь ничего не будет!»), вопреки грандиозным проектам творцов нового мирового порядка¹⁵.

«Как наша надежда. Как наша молитва: нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...»¹⁶ Голос Асиных молитв, разлитых по ее Дневникам, сливаются с этой молитвой Александра Исаевича, включая в нее, среди многих других, голоса прп. Ефрема Сирина, отца Александра Меня, французского поэта и богослова Оливье Клемана, автора книги «Мировоззрение Солженицына»¹⁷, свидетельствующей о первых глубоких откликах его творчества на Западе.

Татьяна Викторова

Из Дневника 1974 года

В качестве эпиграфа к 1974 году, в котором будет выслан Солженицын, я выписываю строки из «Отсутствующей жизни» Рене Массип¹⁸:

«Не нужно замораживать воспоминаний. Думаете ли вы, что однажды наука, приняв на свой счет историю Белоснежки, создаст такие условия, что из замороженного воспоминания родится жизнь, жизнь с мертвой точкой? Что сердце и маятник пойдут одним движением? Что добровольный изгнаник (скажем, поляк или венгр, что оставил свою страну ради далекого Запада) вновь обретет свою родину, если тяга к ней вновь заставит его вернуться к себе? На родине он найдет запахи, времена года, привычные вкусы, быть может, — старых друзей, которые не уехали по неизвестным причинам (ибо лучше смерть, в которой мы живем, чем отправиться в чужие края). И если смерть позабыла о них, они обменяются с возвращенцем воспоминаниями о настолько прошедших временах, что слова, едва произнесенные, станут прахом. И возвращенец сам станет прахом. Жизнь протекла. Они остались на мертвой точке; им, заблудившимся надеждой, остается только умереть».

24 февраля. Прощеное воскресенье

Моя последняя дневниковая запись сделана в конце ноября [1973 г.]. Сколько всего произошло с тех пор! Невозможно рассказать. Встречи, ... Jean¹⁹ ... Владыка Никодим²⁰... Ленинград — Поездка во Францию из-за полученных плохих новостей. Высылка Солженицына 12–13 февраля. <...>

Снова приступаю к записям, не пытаясь суммировать пережитое за два месяца. Все это останется только в глубинах моего сердца, на лучшие и на тяжелые времена.

Сейчас готовимся к Пасхе.

Я возобновляю, с Божией помощью, свой труд пламенной любви в Служении и забвении себя.

«Господи и Владыко живота моего!

Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия

не даждь ми...

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви
Даруй мне, рабе Твоей!»²¹

Москва, 25 апреля

Жене, его жене и детям не дали визу на выезд во Францию, без всякий объяснений. Jean с тревогой ждет, что за ним придут. Отправят ли его в психушку? Все возможно.

Москва, 18 сентября

Этим вечером в 10 встречаюсь с Jean и Наташей²². Они крайне обеспокоены. Во-первых, за J[ean] приезжала скорая, чтобы отправить его в психушку. К счастью, его не было дома. Кроме того, он очень беспокоится, что ни один из документов, переданных им Mario²³, не достиг адресата. Он думает, что все переправленное с конца мая было перехвачено и находится в руках КГБ. Это объяснило бы быстрый отъезд последнего, но нельзя ли предположить, что итальянское правительство препятствует получению этих документов?.. Положение очень непростое, и нужно быть готовым ко всему.

14 декабря. Суббота

Еду в Пушкино²⁴. <...> Когда я приехала, у меня создалось впечатление, что меня отбросило лет на сто назад: заснеженные дороги, мужики и бабы с ведрами, несущие воду из деревенского колодца; избы с резными окнами, заваленные густым снегом; <...> лающие собаки, сильный свист гудящего паровоза...

На службе – около 50 человек. В церкви очень тепло, наполнено и приветливо. Отец А[лександр] служит со старым священником. <...>

После службы отец <...> уводит меня в свою келью. Железная кровать с вышитым полотенцем, столик и стол с бумагами, полки с книгами разнообразного содержания и на разных языках. Фотографии Соловьева, Бердяева, Булгакова. В углу – иконы с аналоем. Книги, иконы, молитвенники – везде. Серафим Саровский, Франциско Ассизски, Божья Матерь, Спаситель и т.д... O[тец] A[лександр] очень болезненно пережил кризис Ж[ени]. <...> Совета он мне не дал. Он мне сказал делать то, что подскажет сердце. Он

мне сказал, что очень многие приходят к вере, что трогательно видеть, как сказанное слово или книга принимаются алчно...

Он меня благословил. Спросил, чем может помочь.

Храни его Господь!

У владыки Никодима – 4-й инфаркт!

Москва, вторник, 31 декабря

Последнее утро работы в посольстве перед выходом на пенсию. Немного грустно... Все как обычно. Я прощаюсь с несколькими коллегами, с которыми встречаюсь, но не более того.

Теперь я буду жить в Москве с моей сестрой Таней, которая ныне работает в посольстве. Еще не время покидать Россию. Тем не менее я вернусь на некоторое время во Францию.

Из Дневника 1975 года

Первая встреча с Солженицыным в Париже

Перед тем как вернуться к моим дневниковым записям о встречах с Солженицыным, я хотела бы уточнить обстоятельства нашего «сотрудничества», поскольку он сам рассказывает о нем в «Невидимках»²⁵. В Москве я ни разу не встречалась с ним, нашим посредником был Женя Барабанов. Так мне довелось стать «каналом» и передать во Францию «Август Четырнадцатого» и главы «Архипелага ГУЛАГа». По очевидным причинам безопасности я не должна была встречаться с великим писателем в Москве. Он же не должен был знать, кто я.

Мы познакомились в Париже в 1975 г. Я очень тронута его благодарностью за то, что мне удалось сделать для него. Мне хотелось бы только уточнить, что я никогда не желала «католичеством спасать Россию», как он утверждает в том фрагменте, где идет речь обо мне²⁶. Я всегда относилась к Православной церкви как к Матери, которая меня родила в Божественную жизнь крещением. Господь вверил своим пастырям вести русский народ к путям спасения. То, что я приобщилась к Римско-католической церкви, – ответ на мой личный призыв, что никогда не меняло моей глубокой привязанности к Русской православной церкви.

Солженицын, будучи проездом в Париже по случаю телевизионной передачи, попросил меня о встрече, поскольку узнал, через Никиту Струве, что я находила возможность для секретной передачи рукописей во Францию.

Париж, пятница 11 апреля
<...> Вечером Маша²⁷ звонит мне и передает, что Александр Исаевич ждет меня завтра в субботу в 14.00 в гостинице Isly по адресу 9, rue Jacob.

Суббота 12 апреля

К двум часам — я в Париже на машине Катрин. Движение спокойное, и я без труда паркуюсь на бульваре Raspail и иду пешком на rue Jacob.

У меня еще есть время, и я вхожу в церковь св. Игнатия на rue de Sèvres и молюсь перед большой иконой Владимирской Божьей Матери в левой часовне. Затем перехожу в церковь Сен-Жермен и продолжаю молитву перед Святыми Дарами. «Господи, прости прегрешения мои и дай благодать еще послужить Тебе и России моей!»

Я вхожу в холл маленькой гостиницы на rue Jacob и говорю, что у меня встреча с Солженицыным. Молодая девушка из бюро регистрации звонит и говорит мне, что он сейчас спустится. Во время моего ожидания в холле входит молодая женщина и спрашивает, может ли она попросить у С[олженицына] автограф? У нее в руках книга «Бодался телёнок с дубом», на которой — огромное фото С[олженицына]. Несколько минут спустя спускается темноволосая худенькая женщина, одетая в черное, в роговых очках, направляется ко мне и говорит по-русски: «Вы Дурова? Почему же Вы не подымаетесь? А Вас ждут». Я ей объясняю, что мне сказали ждать здесь, что, очевидно, девушка у т[елефона] не поняла.

Это — жена С[олженицына], очень симпатичная. Мы входим в комнату № 27. Это старая гостиница с маленькими комнатами, переделанными в старом доме «à la moderne»²⁸. Чисто, но очень просто. Окно открыто на маленький глубокий внутренний дворик.

Через несколько минут входит А.И. Он среднего роста, одет по домашнему, в какой-то шерстяной свитер и в вельветовые домашние туфли. Он здоровается, и сразу ток взаимной симpatии охватывает нас, и я его крепко целую. Цель визита: через десять лет

Страницка из Дневника А.Б. Дуровой «Встреча с Солженицыным в Париже». Слева сверху рисунок-схема гостиницы на rue Jacob, в которой состоялась первая встреча

Солженицын хочет напечатать дополнение к «Телёнку». Сейчас нельзя: очень многие еще живы, и для них может быть опасно. Это будут 10 или 12 статей, в которых будет рассказало, кто и как помогал ему в его работе и передаче документов за границу.

Я потрясена этой удивительной встречей. Лицо Солженицына не то чтобы красивое, но оно очень особенное. Прежде всего меня поразили его глаза: маленькие, глубоко посаженные, светло-голубые, искрящиеся умом, нежные. Затем — его взгляд, предельно живой, который так и буравит вас. Наконец, густая борода и высокий лоб под шапкой рыжеватых светлых волос.

После расспросов о моем отце²⁹ он рассказывает мне, что знал меня в Москве под кодовым именем «Вася». Ему было неизвестно, мужчина я или женщина и чем я в точности занималась. Он передал четыре года назад рукописи «Архипелага» в Америку. Однако там не выполнили предписанных им условий: перевести текст на английский и держать под рукой до того момента, что он даст сигнал к печати. Перевод не был завершен в оговоренные сроки, и у него были невероятные сложности для того, чтобы получить свою рукопись обратно. Тогда он стал искать другой «канал» и понял, что, быть может, «Вася» будет полезен ему... Прежде всего нужно было удостовериться в честности Васи и в том, что на него можно положиться. Его уверили в этом. Тогда он решил переслать через Васю своему адвокату в Швейцарию микрофильмы всех ненапечатанных произведений и рукопись «Августа Четырнадцатого». Он чувствовал, что слежка КГБ ужесточается. Нужно было срочно переправить все эти документы в надежное место для того, чтобы рассказать всему миру о преступлениях коммунистического режима. Помимо микрофильмов были фотографии депортированных, лагерей, секретные отчеты, бумаги, адресованные членам правительства касательно тех мер, которые нужно принять, и тех работ, которые должны были осуществляться в лагерях. Этот новый «канал» появился в тот момент, когда он потерял всякую надежду довести начатое дело до конца.

Извинившись, Солженицын переходит к вопросам, многократно восклицая: ну до чего же я русская! Совершенно русская!

Мое имя и отчество. Когда и как я приехала во Францию? Где училась? Чем я занимаюсь во Французском посольстве в Москве? С какими послами я работаю? И т.п... Он записывает мои ответы на листок бумаги мельчайшими буквами.

Я отвечаю ему, что никогда не думала заниматься подобными вещами. Это случилось само собой, благодаря посредничеству Жени, знакомому с его друзьями. Сперва речь шла о небольших передачах (например, статьи для журнала «Вестник РХД», который вел Никита Струве). Я даже не отдавала себе отчет в важности документов, которые мне доверяли. Только когда мне вверили рукопись «Августа Четырнадцатого» и микрофильмы, я начала понимать, что

(Роман)	СОФИЙ
(Пр., Гриб.)	ХАРИТОН
(Пр., Бровиль)	ПЕТР
(Кирпич, Кирпич)	САУЗАСТА
(Гипсограф)	ФРАНОР
Арка	ДАША
Желт. Г.	КУДАЧИЧ
Люди Уда	СОСЕДКА
Фонбр.	ТЬЮ
(Кинн.)	ЛАМЯ
(Балка)	БАСЯ
(Чист.)	ШУРД
Б.Р.	АНТОН
И.Н.	ФЕДОР
Р.Д.	АНАСТАСИЯ
Н.Д.	КОТ

Лист с расшифровкой кодовых имен, используемых
при переписке, рукой А.И. Солженицына. Архив YMCA-Press

речь идет об очень серьезных вещах. Женя был самой сдержанностью. Молчание было правилом. В передаваемых письмах лица и реалии были названы вымышленными именами.

Я никогда не торопилась переправлять порученные мне материалы. Женя их обычно передавал, когда я приходила к нему, или у друзей, и никогда на улице, что было равносильно самоубийству. Чтобы решить, кому я могу доверить документы или микрофильмы, я следовала моему внутреннему чутью. Я остерегалась передавать их через дипломатов. Конечно, они пользовались неприкосновенностью, но я мало верила в то, что они сохранят тайну. Если бы они знали, что я занимаюсь подобного рода операциями, я тотчас оказалась бы в числе подозрительных лиц в Министерстве иностранных дел.

«Август Четырнадцатого» представлял собой увесистый кирпич! Рукопись, прекрасно набранная, с подробными указаниями рукой на полях, была в защитной картонной обертке и весила не менее килограмма. Я знала ей цену. Меня торопили с ее отправкой, однако я по-прежнему ждала, поскольку

еще не нашла достаточно надежного человека для выполнения такой миссии. И главное, не чувствовала «внутреннего щелчка», который обеспечил бы успех задуманного. Неожиданно, однажды утром, посольский жандарм-охранник сказал мне, что он поедет сегодня же после обеда в Париж, и спросил, нет ли у меня передач для Франции. Я тотчас почувствовала, что именно ему можно доверить рукопись. Я заранее подготовила коробку шоколадных конфет нужного размера. Я положила в нее бумаги, упаковала в подарочную бумагу с бантом и поместила в пластиковый пакет дипломатического магазина «Березка». Я попросила моего коллегу, как только он прибудет в Париж, позвонить по такому-то номеру. За посылкой придут, не о чем беспокоиться... Я все еще вижу, как он садится в машину в посольском дворе, держа в руках знаменитую шоколадную коробку, конечно, не имея ни малейшего понятия, что в ней находится.

Для того чтобы перевозить микрофильмы, я использовала коробки с медикаментами, предварительно вытряхнув их содержимое. Я никогда не говорила тем, с кем отправляла, что они везут, но не успокаивалась до тех пор, пока они не сообщали мне о том, что передача достигла получателя. С моей точки зрения, это было самым надежным способом не отягощать ничью совесть. Ничего из того, что я отправляла подобным образом, не потерялось и никто не был скомпрометирован. Все это было сделано очень просто, без каких бы то ни было историй. Я благодарю сошедшую на меня тогда благодать. Я никогда не скрывалась. Хорошо это или плохо? Мне кажется, я всегда была ведома «внутренней осторожностью». Да вдохновит она меня и впредь.

В 15 часов приходит незнакомый мне русский, и я ухожу к Але³⁰ в соседнюю комнату. С[олженицын] следует за мной, чтоб попрощаться, и говорит, что Аля была права, нужно было снять вторую комнату, которая служит своего рода залом ожидания. Там он мне предлагает ни при каких обстоятельствах не стесняться просить у него денег в случае нужды!!! Он очень мило благодарит меня за все то, что я сделала для него. Я протестую: все то, что я смогла, — сделано для нашей *Rossii!*.. Он сжимает меня в объятиях так, что я чуть не задохнулась, и мое лицо на несколько секунд оказывается напротив его лица. Затем он уходит широкими шагами.

Мы коротко обмениваемся с Алей. На столике — остатки наскоро принятой пищи. Мы говорим о наших общих друзьях в России. Солженицын хотел бы передавать им книги, но не только в Москву и Ленинград, куда и так попадает немало благодаря большему числу приезжих иностранцев. Он хотел бы достичь провинциальные города, колхозы, военные части. Как это сделать? Он ищет новые «каналы». Аля делится со мной и их разочарованиями: встреченные ими эмигранты, добровольно оставившие Россию, уже раздираемы внутренними ссорами или же поглощены собственными интересами. Мы расстаемся друзьями.

Москва, 12 мая

Вчера вернулась из Ярославля.

В четверг в девять утра мы едем на машине с Ивом³¹ и Сюзанной [в Переяславль]. По пути мы ставим свечку перед мощами преподобного Сергия [в Загорске].

24 мая

Неделя пролетела молнией. <...>

Этим вечером я поехала в Пушкино (на автобусе 317 до станции «Ветлечебница», затем — пешком). Приветливая маленькая церковь, утопающая в зелени, приходское кладбище... Чувствуется большая разница с московскими церквями. Все знают друг друга, живут общиной. Однако я замечаю сзади молодого человека и молодую женщину, которые явно не отсюда, — в особенности женщина: несмотря на свой шерстяной белый платок с розами, сразу узнается иностранка. После службы о. А[лександр] здоровается со мной, и Володя³² ведет меня в его комнатку, где я жду несколько минут. Отец А[лександр] вновь делится со мной тем огорчением, которое причиняет ему [молчание] Жан[а], но он не теряет надежды и радуется приходящей в церковь молодежи. На Пасху церковь была полна молодежью, никакого беспорядка, милиция ведет себя вполне сдержанно и даже приветливо. <...> Молчащий Женя — правая рука о. [Александра] для Самиздата. Володя, я и о. А[лександр]. Он молится и благословляет стол. <...>

Потом мы выходим на дорогу. «Посмотрите, какая красота, — говорит он. — Вдали — леса, поля, огромная восходящая луна и туман в долине, словно сотканный из ваты». На

дороге играют пацаны, но не слышно никаких ругательств. О.А[лександр] рассказывает, что в пасхальную ночь – точнее, после пасхальной утрени – он вышел на эту дорогу, восхищенный пробуждающимся утром и лесом, погруженным в молчание. Он спрашивает, как он может помочь мне – каким мне видится будущее? – и просит передать С[олженицыным]³³, что он молится за них и что они по-прежнему с нами. Он дает мне колокольчики и книгу 1817. <...>

Он говорит, что продолжает писать для Самиздата. В данный момент:

- 1) Богослужения,
- 2) Как читать Библию,
- 3) Как молиться.

Господи, благослови о. А[лександра], дай ему силы и утешения для поддержки и мира, что я обрела рядом с ним.

Солнце зашло, за деревьями пламенеет небо, в траве на протяжении всего пути *одуванчики белеют своими легкими воздушными пушистыми головками*. <...>

Почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют? (Иеремия 12, 1).

В книге пророка Иеремии я нахожу самое лучшее выражение моей грусти и черпаю надежду на справедливость и обновление. Неисповедимы пути Господни! И как прекрасна Россия в эту залитую солнцем весну! Цветы, свежие леса, наполненные птичьим пением, реки и озера! Если бы только эта красота помогла приблизить души к Богу.

Вторая встреча с Солженицыным в Цюрихе

«Благослови, душа моя, Господа»³⁴.
Цюрих, 19 августа, вторник

На машине до Женевы. На самолете до Цюриха, куда я призываю в 14.30. Позвонив Солженицыну, я беру такси, и через 20 минут я перед калиткой особняка на маленькой тихой улочке, довольно далеко от центра. Таксист, когда я показала ему адрес, спрашивает меня: «Солженицын?» Пришлось ответить «да».

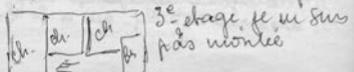
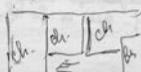
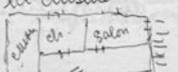
N° 3 Tant ce que Soljenitsyne dit aujourd'hui que nous a dit l'autre soir Soljenitsyne l'entend - Cui a un accent d'autrefois qui ressemble aux actes des apôtres - Que nous voyons toutes ces armes en rond devant la cheminée - on sent l'odeur de ces tanneries - J'ai le sentiment qu'il faudrait que Dene ubérenne vraiment par de capes, simplifier, purifier mons nini à lui.

Qui que longuelement Mme d'Yugoslavie après le déjeuner
2e visite à Zürich est mon amie le Seigneur

à Zurich je suis rentré de Grindelwald mardi 20 Août

Mardi 19 - en auto de Genève - en avion de Zürich où j'arrive vers 14^h30 - après avoir téléphoné à S. je prends un taxi et 20 m. après j'arrive devant la grille d'un pavillon dans une petite rue tranquille assy lors du Centre - le taxi lorsque je lui ai montré l'adresse m'a demandé : - Solingen ? il a bien fallu lui répondre - oui La grille était ouverte sur de petits dalles à l'entrée dans le jardin bordé d'hortensias et entre dans la maison - C'est la mère de N. qui m'accueille - Une personne de mon âge, grande aux traits fatigués - N. descend et me présente sous le nom de "Aly" - C'est alors qu'on m'appelle pendant mon séjour de 24 h. - Le pavillon est mignon - petit jardin vert et frais où la municipalité de Zürich a planté 2 bouleaux pour accueillir les g.

Sur R. de droite une entrée avec une échelle qui monte au 1er et 2ème étage à droite un grand salon - avec des fleurs - et des cartons pleins de livres - à côté une grande chambre où habite la grande mère Katuschka fond la cuisine

Страница из Дневника А.Б. Дуровой «Встреча с Солженицыным в Цюрихе». Рисунок – схема дома Солженицыных и расположения комнат

Калитка открывается на вымощенную аллею, обсаженную гортензиями. Меня встречает мать Али³⁵. Это женщина моего возраста, крупная, с усталыми чертами. Аля присоединяется и представляет меня матери под именем «Аня». Так меня будут называть во время моего 24-часового пребывания.

Особняк: небольшой, зеленый и прохладный сад, где муниципалитет Цюриха, по случаю прибытия Солженицына, посадил две березки.

В передней – вход с лестницей, которая поднимается на второй и третий этаж, справа – большой салон, украшенный

цветами и заполненный картонками с книгами. Рядом — большая комната Кати, матери Али. В глубине передней виднеется кухня, большое окно которой выходит в сад.

Далее я знакомлюсь с тремя сыновьями Солженицына: Ермолаю — четыре с половиной года, Игнатию — три, Степану — два. Сам писатель остается невидимым, он спустится лишь в 17.00, к ужину. Он работает на втором этаже в своем кабинете, и его не беспокоят ни при каких обстоятельствах. «Даже если бы случился пожар», — смеется Аля.

Во время трапезы Солженицын принимает меня с широкой улыбкой и рассказывает о своей поездке по США. Он довolen ею и думает, что это время не потеряно, как кажется. Он спрашивает меня, как же случилось, что я католичка, — я, такая русская? Неужели я, как и прочие, надеялась, что скажет Католической церкви станет основанием русской разобщенной и порабощенной Церкви? Я пытаюсь объяснить, что это не мой личный выбор, что я была ведома голосом Божественной благодати. Чувствую, что не поймет, что для него «православие» и «Россия» — синонимы и он знает о католицизме лишь внешний аспект.

У маленького Степана — прекрасный аппетит. Дети уже поужинали, а он все стоит рядом с отцом, который подкармливает его. Ермолай — худенький и уже очень серьезный. Все трое — голубоглазые, круглолицые, светлые, с льняными волосами. Все трое умны и полны жизни.

Ермолай родился 30 декабря 1970.

Игнат — 23 сентября 1972.

Степан — 8 сентября 1973. <...>

Солженицын рассказывает о своем расписании: он поднимается в 7 утра, обильно завтракает и работает без перерыва до 17.00. После трапезы — снова за работу, до 20.00. Чтобы чуть расслабиться, гуляет с женой в горах.

По утрам приходит «няня», пожилая русская женщина, одинокая, что вырастила детей многих эмигрантов, которые сейчас разлетелись по всему миру... Она только присматривает за детьми, чтобы они не глупили.

Катя долго рассказывает мне об их жизни, о работе, которую они ведут с Алей: вычитка корректур, разбор огромной массы корреспонденции, которую почтальон привозит на тачке дважды в неделю. Только часть этих писем передается

Солженицыну: его силы максимально берегут для писательской работы. Он принимает только Алину помощь: ежедневно после обеда, когда дети спят, она поднимается к нему для работы. Детьми, после их пробуждения и до ужина, занимается Катя.

Работы хватает: нужно содержать в порядке большой дом, готовить, следить за воспитанием детей. И все бы хорошо, если бы не постоянная осознанная тревога за будущее. Агенты КГБ – повсюду; международные телефонные разговоры прослушиваются через советские спутники. За домом, несомненно, ведется слежка.

На следующее утро после моего приезда во время завтрака молодой человек очень смуглой наружности, в очках и с магнитофоном в руках прошел через сад соседнего дома, встал под кухонным окном и начал звать [Солженицына] по-английски. Аля, выглянув из окна, очень вежливо объяснила ему, что увидеться с Солженицыным невозможно, что после трехмесячного путешествия у него слишком много работы и к тому же в данный момент его нет дома. Несмотря на эти объяснения, молодой человек (представившийся украинцем, временно обучающимся в Цюрихе) более двух часов кружил вокруг дома, пытаясь подслушать наши разговоры и скрываясь за кустами соседнего сада. В конце концов, чтобы избавиться от него, Аля была вынуждена вызвать полицию. Дети заинтригованы и немного напуганы: «*Мама, что ему нужно? Мама, кто этот человек? Зачем он прячется? Зачем он стоит и смотрит?*» Мы сами были очень впечатлены этой настойчивостью. Наконец, его забрала полиция, в тот момент, когда он объяснялся с соседями в их саду.

Вот в какой атмосфере живут Солженицыны... Я уже не говорю об угрожающих письмах, которые они получают регулярно.

Их удручают будущее их детей. Они хотят, чтоб они в совершенстве владели русским языком, знали бы и любили Россию. Они хотят найти кого-то, кто смог бы заниматься их детьми и принял бы их отшельнический образ жизни. «*Нам нужно русского человека, который согласился бы разделять нашу жизнь, как родной. Но где его найти?..*»

С А. И. мы еще виделись лишь на несколько мгновений, но общение с Наташей³⁶ было глубоким и настоящим.

На следующий день в 13.40 я сажусь на самолет.

Пятница 29 октября, Москва

Сегодня с утра идет пушистый обильный снег – что-то вроде метели. Уже все занесло!

Вчера был Ж[еня]. Его каким-то чудом освободили от висевшей на нем опасности быть заключенным в психиатрическую больницу. Наташа и дети болели.

Понедельник 3 ноября

Казанская Божья Матерь. Я срисовывала руины Храма Христа Спасителя с акварели мужа Ольги Николаевны³⁷ Н.Н. Вышеславцева. Вечером в церкви акафист Б[ожьей] М[атери].

Вторник 4 ноября

<...> Кончила сегодня утром рисунок Храма Христова Спасителя. Он был нарисован после взрыва из окна дома, существовавшего по сей день на углу Волхонки и бульварного кольца напротив метро «Кропотkinsкая». Срисовала как можно более точно оригинал, м.б., более серый и краски как-то пожухли. Была у Е.П., она мне сказала по этому поводу, что после первого взрыва храм треснул и раскрылся, но не рухнул. После второго взрыва проходила «тетя Соня» <...> с отцом Парфением из Скита Троице-Сергиевской Лавры, учеником старца Варнавы. Уже была выставка с будущим дворцом и статуей Ленина, заготовляли мрамор и материал для стройки, вбивали сваи... О. Парфений, проходя мимо, будто бы невзначай сказал: «Здесь ничего не будет!»

29 декабря 1975, Noisy

Выписка из Оливье Клемана³⁸:

« В человеке, рожденном от Духа Святого, Господь поет, не открывая рта, и мир – музыка.

Дух почивает на Иисусе, трепещущем от радости.

Молчание – наполняет Слово изнутри.

Дух открывает сокровенный лик земли. Дух есть земля живых».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. письма А.И. Солженицына к Н.А. Струве: Вестник РХД. 2009. № 195, С. 121–183 (с примеч. Н.А. Струве); главу «Невидим-

ки» в каталоге выставки «Архипелаг ГУЛАГ: история литературного взрыва» (YMCA-Press, 2018. С. 36–41).

² См. письма А.И. Солженицына к Иву Аману, посреднику между Александром Исаевичем и его друзьями в СССР в период 1975–1980 гг.: Вестник РХД. 2018. № 209. С. 187–192.

³ «Невидимки», пятое дополнение к книге «Бодался телёнок с дубом», впервые опубликовано в журнале «Новый мир» (1991. № 12).

⁴ Новый мир. 1991. № 12. С. 48.

⁵ Там же. С. 48–49.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ Мы благодарим Татьяну Борисовну Дуротову, проживающую ныне в парижском пригороде Sainte-Geneviève-des-Bois, за ее свидетельство и за возможность представить свой легендарный чемодан на выставке «Архипелаг ГУЛАГ: история литературного взрыва», организованной в парижском центре А.И. Солженицына в 2017 году.

⁸ Благодаря передаче А.Б. Дуровой, книги о. Александра были изданы в брюссельских издательствах «Foyer Oriental Chrétien» («Очаг Восточных христиан») и «La vie avec Dieu» («Жизнь с Богом»). См. книгу Ива Амана «Отец Александр Мень, Христов свидетель в наше время» (М.: Рудомино, 1995).

⁹ Дневники частично опубликованы в издании: *Дуррова А.Б. Россия – очищение огнем: из дневника христианки*. Москва 1964–1977 / пер. Марии Руновой, комм. о. Игнатия Крекшина. М.: Рудомино, 1999 / выполненному по книге: *Douroff A.B. La Russie au creuset: Journal d'une croyante à Moscou, 1964–1977*. Paris: Cerf, 1995.

¹⁰ См. материалы о Жаклин де Пруайяр в № 210 «Вестника РХД».

¹¹ Запись от 22 июня 1971 г. Речь о сборнике статей ведущих французских славистов, посвященном А.И. Солженицыну, только что вышедшем специальным выпуском «Cahiers de L’Héritage» под ред. Жоржа Нива и Мишеля Окутиорье.

Ив Аман посвятил 20-летию кончины А.Б. Дуровой глубокую и содержательную статью «Мост, соединяющий берега», под ред. Натальи Большаковой, опубликованную в альманахе «Христианос» (Рига, 2019. XXVIII. С. 119–132).

¹² Фрагменты, написанные А.Б. Дуровой по-русски, мы публикуем курсивом, с сохранением авторской орфографии. В квадратных скобках – восстановленные имена, даты, названия.

¹³ Солженицын А.И. Колокольня // Крохотки. Etudes et Miniatures. Paris: YMCA-Press, 2018. С. 66.

¹⁴ См. запись от 4 ноября 1975 г.

¹⁵ После взрыва храма на его месте должен был появиться величественный Дом Советов – более ста этажей в высоту (три пирамиды Хеопса в объеме) – со стометровой статуей Ленина сверху.

¹⁶ Солженицын А.И. Колокольня. С. 68.

¹⁷ Clément O. L’Esprit de Soljénitsyne. Paris: Stock, coll. «Le Monde ouvert», 1974.

¹⁸ Massif Renée. La vie absente. Paris: Gallimard, 1973.

¹⁹ Евгений Викторович Барабанов. В результате доноса одного из друзей, с сентября 1973 г. подвергся обыскам, увольнению с работы, многодневным допросам в КГБ на Лубянке и в Лефортовской тюрьме, угрозам ареста по 70-й статье УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и тотальным слежкам, на продолжительное время исключившим его встречи с о. Александром Менем в храме Новой Деревни. Оставался на свободе в силу поддержки московской и западной общественности, и особенно – необычайно широкой активности христиан разных стран и конфессий. Далее в тексте – Женя.

²⁰ Владыка Никодим (Ротов; 1929–1978), митрополит Ленинградский и Новгородский. С 3 сентября 1974 г. назначен Патриаршим экзархом Западной Европы, сменив митрополита Антония (Блума). А.Б. Дурова включает в свой дневник вырезки из газет «La Croix» и «The Times», где выход в отставку митр. Антония связывается с «делом Солженицына».

Анастасия Борисовна описывает в дневниках литургии и частные встречи с митр. Никодимом в его загородной резиденции Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии в Серебряном Бору. Вырисовывается образ человека глубокой веры, которого она ревностно защищает как от «старушек», возмущенных тем, что владыка «связывается с неправославными Церквами», так и от негативно настроенных по отношению к нему диссидентов.

²¹ Молитва прп. Ефрема Сириня.

²² Супруга Е.В. Барабанова.

²³ Марио Корти (*Mario Corti*) – итальянский писатель, с 1972 по 1975 г. – переводчик в Посольстве Италии в Москве. В 1974 г. после высылки А.И. Солженицына из СССР перевез за границу по просьбе семьи значительную часть библиотеки писателя, которая была необходима ему для работы. Александр Исаевич упоминает о нем в «Невидимках» (см.: Колокольня. С. 68).

²⁴ В г. Пушкино Московской области в храме Сретения с 1970 г. служил отец Александр Мень, которому посвящены многие страницы дневника. Мы приводим несколько кратких фрагментов, рассказывающих о первых встречах.

²⁵ Речь о цитируемом выше отрывке из 11-й главы «Новая сеть» (Новый мир. 1991. № 12. С. 48–49).

²⁶ Там же. С. 48.

²⁷ Мария Александровна Струве, жена Н.А. Струве.

²⁸ ...На современный лад (*фр.*).

²⁹ Борис Андреевич Дуров (1879–1977) – полковник Генерального штаба, в 1918-м – глава ряда отделов во Временном правительстве Северной области. В 1919 году в составе русской делегации при Генеральном штабе прибыл в Париж, куда эмигрировала в 1919 г. вся семья.

³⁰ Наталия Дмитриевна Солженицына, встретившая Анастасию Борисовну в холле гостиницы.

³¹ А.И. Солженицын рассказывает о роли Ива Амана в 11 главе «Невидимок» (см.: Колокольня. С. 48). См. статью Ива Амана о дружбе с Н.И. Столяровой, другой легендарной «невидимкой», в этом номере. О своем участии втайной подготовке «Архипелага» на французском Ив Аман рассказал в каталоге выставки «Архипелаг Гулаг: история литературного взрыва» (см.: Колокольня. С. 73).

Ныне супруги Аман проживают в пригороде Парижа. Ив Аман – один из руководителей парижского франко-русского центра им. А.И. Солженицына.

³² Личность не установлена.

³³ Дописано позднее ручкой другого цвета.

³⁴ Псалом Давида (Пс 103: 1).

³⁵ Екатерина Фердинандовна Светлова (1919 – 2008, Москва), мать Н.Д. Светловой-Солженицыной. Далее в тексте дневника Катя.

³⁶ Алей – Наталией Дмитриевной Солженицыной.

³⁷ См. о дружбе О.Н. Вышеславцевой и А.Б. Дуровой цитируемую выше статью Ива Амана «Мост, соединяющий берега».

³⁸ Французский богослов, принявший, вследствие общения с русскими эмигрантами Н.А. Бердяевым и В.Н. Лосским и чтения русских классиков, православную веру. Автор, в описываемый А.Б. Дуровой период книг: «L'Essor du christianisme oriental» («Расцвет восточного христианства») (Paris: PUF, 1964); «Dialogues avec le Patriarche Athénagoras» («Диалоги с патриархом Афинагором»), (Paris: Fayard, 1969); «L'Esprit de Soljénitsyne» («Мировоззрение Солженицына»), (Paris: Stock, coll. «Le Monde ouvert», 1974).

*Предисловие, перевод с французского и примечания
Татьяны Викторовой*

Диалог поэтов

Светлана Носова

Ив Бонфуа

Ты ищешь на задворках новой встречи,
Ты ждёшь у каменного покрыала
Забытых статуй — тёплого овала,
Улыбки детства, окрылённой речи.

Твои — почти сонеты — распевала
Холодная цевница у обочин;
О чём она? Задумалась, устала?
Нам не понять, не разобрать у ночи.

Войти и погрузиться в землю слова
И оползать пластом по краю смысла,
Бродить во тьме и прорости невольно —

Там лепет плавает, играя в числа,
Там строгое молчание готово
Проснуться звуком флейты семиствольной.

Поэзия Бонфуа открывает нам L'arrière-Pays — задворки, незаметное пространство европейской культуры, куда не водят туристов охрипшие экскурсоводы, а просто живут люди, ходят мимо забытых камней, статуй, не замечая их. Поэт их видит, окликает по имени.

Ив Бонфуа вспоминает старые слова, чтобы обрести новые: в голосе семиствольной флейты, живописи, античном мифе, портрете египетской мумии, — ждет встречи, ищет взгляда. От звука

старых слов и новых сочетаний рождается пафос – не искусственный, навязанный извне, но когда ситуация сама говорит за себя, что она страдает.

На грани реальности и сновидения обретает очертания пространство, присущее детству, логика сна, овладевающая сознанием, которое пытается ухватить, не отпускать, осторожно распугивать нити чистого света, движение лирической мысли. Чем дальше Бонфуа идет за сравнением, образом, мифом, тем полнее говорит он о самом обыденном, болезненном, мимолетном. Неразрешимый узел судьбы, что мы не можем забыть, в чем боимся признаться себе, – ежедневные мысли. Повседневность, согретая сердечной думой, – в этом пространстве поэт приглашает к диалогу, требует ответа, окликает по имени.

Ив Бонфуа

Осмеяние Цереры

Он лелеял озnob лихорадочных слов
За мутным стеклом сновиденья;
Приоткрытая дверь зияла в чёрную ночь,
К голосам, невнятным, снаружи.

Ах, зачем тебе эта рука, художник,
Что ты держишь её в своей,
Детских пальцев лёгкий зажим, от страха,
Облегченье от мрака твоих холстов?

О, примири во сне суд и проклятье
Той, что страдает и любит;
Соедини во тьме детский, жестокий смех,

Жажду прощенья, гнев и любовь тиранства;
Чтоб не осталось отчаянья
Ни тех ни других – ни удивленья, ни кары.

Перевод с французского Светланы Носовой

СВЕТЛАНА НОСОВА

Осмеяние Цереры: памяти Бонфуа

СТЕНАНЬЕ ПЕРСЕФОНЫ

1

Запорю!..
Чтобы кровь из тебя
сикала!..
В рогожу одеть!..
При-
стру-нит

Теперь пятилетняя девочка знает:
глаза на мокром месте —
и мир становится радужным;
Всхлип.
Детское сердце капает кровью;
Там, где нас нет.

2

Господи,
Дочь моя жестоко беснуется!..
Она заблудилась.
Пойду разыскивать дочь.

Что мне люди!
Только б не остаться
наедине с собой,
с упорной думой о дочери.

О, жажда прощенья!
О, если бы ты,
 не вино! не брага!
Припасть и пить
 не отрываясь.

Купала умирающую мамочку:
Крепче!..
Дери мне волосы, дери!..
Не мо-гу.

Кормила тебя долго.
Молока было много.
Покормлю. Спишь.

И я слышу голос друга:
Есть Один, кто всё прощает;

Есть Один кто всё поймёт,
и не осудит.

Судороги любви.
Обморок бессилия.

Она приходит во сне:
Прости меня!..
Нет ответа.

ВЕТЕР. ПЛАЧ ЦЕРЕРЫ

Где первый лист гремит по плитам,
гонимый зноем, —
гнездится глубокая скорбь.

В подвалах июльского полдня
смыкается, зреет кристалл,
растёт кристалл отрешённого звука,

И горький воздух стекленеет
горячою смолою пихт.

Помедли!..

*Маттиас Стом. Осмейжение Цереры. Ок. 1640–1645.
Холст. 175,5x220,6 см. Старая Пинакотека. Мюнхен, Германия*

Я помню твой путь,
эфемерный путь по земле,
Дитя моё!

Я помню — смятенье,
корзины колючек, тепла,
каштановых кос твоих залежь,
отлив и прилив;

Дитя ты моё, дитя!..

Ползучие розы когтили
жерди заборов,
терзали мне сердце,
а с ними —
зияли слова, тяготели слова,
наощупь алели просветы.

Я помню — вина или браги?
Вкус.
Насмешки — уксус;
Припасть и пить не отрываясь.

Где ты?..
Ветер листает книгу смоковницы.
Монотонная радость лета.
Ты для меня – закрытая книга.
Нет меня!..

Стихотворение написано по впечатлениям от картины «Осмияние Цереры» Matthias Stom, голландца-караваджиста, увиденной автором в Старой Пинакотеке в Мюнхене. Картина напомнила одноименный сонет Ива Бонфуа «La dérision de Cérès» (сб. «La longue chaîne de l'ancre»), который был в свою очередь вдохновлен картиной художника Adam Elsheimer.

«Встреча» вылилась в диалог с Ивом Бонфуа по мотивам известного рассказа Овидия в «Метаморфозах» (V, 449–450), согласно которому Церера, богиня плодородия, во время поисков своей дочери Персефоньи, похищенной Гадесом, набрела на жилище, где попросила напиться. Истомленная жаждой, Церера жадно выпивает целый кувшин вина, чем навлекает на себя насмешки отрока. Разгневанная богиня превращает его в ящерицу.

Светлана Носова

В МИРЕ КНИГ

О переписке Шмемана с Флоровским

Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский, прот. Письма 1947–1955 годов / Подготовка текста, публикация, составление, предисловие и комментарии Павла Гаврилюка. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 447 с.

Переписка двух богословов – жанр, интерес к которому у церковной читающей публики отнюдь не гарантирован. Если исключения возможны, то письма Шмемана и Флоровского относятся к числу таких исключений. Ведь речь идет о двух самых влиятельных, хотя и не всеми любимых православных богословах XX столетия, у каждого из которых было и есть немало последователей. Это два современных отца Церкви. Дополнительную интригу переписке придает тот широко известный факт, что их непосредственное сотрудничество закончилось конфликтом и разрывом, и жизненные пути их, на несколько лет пересекшиеся и породившие переписку, навсегда разошлись.

Переписка дает неравное представление о двух ее участниках. О Флоровском из нее мы узнаем мало. Можно отметить высокую самооценку о. Георгия, небезосновательную, но, впрочем, об этой его черте хорошо известно; его слабый дипломатический тakt, ибо он оказывает весьма резкое давление на своего молодого коллегу, торопя его с приездом в США (см. особенно с. 206–207), но в то же время признательность людям, поддерживающим вверенную ему Свято-Владимирскую семинарию и болеющим за нее (митрополит Леонтий Туркевич). Больше нового переписка позволяет уз-

нать о Шмемане. Родившийся в 1921 году, в годы переписки он был, по богословским меркам, еще очень молод. В письмах отец Александр откровенен и «раскрывается» более своего уже сформировавшегося, маститого корреспондента. Для Шмемана переписка с Флоровским, особенно ранние письма, была частью его поиска себя в богословии; письма же Флоровского сосредоточены скорее на строительстве Свято-Владимирской семинарии как серьезного богословского центра.

Мы знаем Шмемана в качестве учителя, каким он предстает в своих зрелых работах и «Дневниках». Здесь в письмах о. Александр выступает в роли пылкого, подающего большие надежды ученика. Шмеман рано осознал Церковь своим призванием. Уже в 16 лет он решил посвятить жизнь Церкви¹. Он рано начал в ней жить и работать, рано созрел и стал писать богословские работы. Ранний этап его творчества, еще слабо исследованный, может быть назван «византийским» и означенован духовным и литургическим влиянием архимандрита Киприана (Керна), академическим влиянием профессора Карташёва² и интеллектуальным влиянием о. Георгия Флоровского — признание о желание равняться на Флоровского содержится в первом из писем переписки. В нем Шмеман так формулирует свое формирующееся богословское кредо: «В том-то для меня и ценность встречи с Вами, что из всех богословов Вас я чувствую себе наиболееозвучным. Я еще не богослов, конечно, но мои смутные богословские “тенденции” именно в Вашем богословии находят свое выражение. Историзм — экклезиология христологическая и сакраментальная — Евхаристичность Церкви — все это категории, мне всегда “предносившиеся”, и потому работать под вашим руководством было бы для меня большим счастьем» (С. 106). Эта программа, столь рано сформулированная и, что совершенно замечательно, в главных чертах оставшаяся неизменной на протяжении всего последующего творчества Шмемана, отчетливо экклезиологическая. Насколько, однако, богословие Флоровского, тяготевшего к темам догматическим гораздо больше, чем собственно к экклезиологии, способно было в дальней перспективе удовлетворить богословские запросы молодого отца Александра? Как кажется, Шмемана привлекали в богословии Флоровского прежде

всего его метод (историзм) и круг идей, связанных с учением о Церкви и ее таинствах (эклезиология христологическая и сакраментальная, евхаристичность Церкви). Любопытно также, что в этой программе почти ничто не противоречит «евхаристической экклезиологии» Афанасьева, о влиянии которого письма говорят еще мало, но которое станет все сильнее ощущаться в работах Шмемана со второй половины 1950-х годов, как раз после разрыва с Флоровским, — ни что, кроме специального подчеркивания христологичности экклезиологии. Именно в эти годы Флоровский, вероятно в пику Хомякову и славянофилам, настаивал, что «экклезиология — это глава христологии»³, в то время как Афанасьев такого акцента не делал: его экклезиология столь же христологична (его «основная интуиция» — тождество тела Христова и Церкви⁴), сколь и пневматологична (Церковь есть Церковь Духа Святого и все в ней движется Духом)⁵.

Из писем Шмеман предстает как человек, «больной» Церковью, жаждущий серьезной богословской работы и миссии: «он, конечно, был единственным серьезным богословом с православной стороны» (о Владимире Лосском на съезде Содружества св. Албания и прп. Сергия. С. 115–116); «я вообще сажусь за письменный стол с твердым намерением работать, работать и работать» (С. 117); «что, несмотря на все, утешает и дает радость — это наша маленькая молодая команда⁶ (Иван, Борис, Ходр, Кирилл)⁷, усиливающееся ее влияние в сферах, таких как “Движение” (за богословие против организации умиления), и в епархии (миссионерские поездки по приходам в провинции)» (С. 127); «мне нужна Церковь, а не Движение — жить Церковью, дышать Церковью, все остальное — суета суэт» (С. 135); «нас — сильная группа, “больных” Церковью и только Церковью» (С. 186); «Вы и, я надеюсь, я... начинаем большое дело, не авантюру, не эмигрантское предприятие, а что-то бесконечно более глубокое: прокладывание новых путей, возврат к истокам в новых условиях, и, может быть, от этого дела зависит *все будущее православия*» (С. 210); «ничего, кроме служения Церкви в науке и воспитания будущих “кадров”, я не желаю и не хочу и на все согласен, что служит этой цели» (С. 289); «меня поразило сочетание необычайно живого парадного благочестия, любви к Церкви и службе с почти полным отсутствием на “верхах” подлинного богословского

вдохновения» (С. 295); «намеков на оживление чисто богословских интересов не заметно: есть оживление проповеди, катехизации, духовничества, но все это как-то вполне оторвано от богословия» (С. 297; последние две цитаты – по поводу посещения Греции в январе – феврале 1951 года).

Ни одна важная проблема Церкви не может быть решена без богословия. Оно как бы «подлежит» Церкви, составляет ее фундамент. Если церковное строительство идет без богословия, то «всye трудятся зиждущие». Постоянно подчеркивая необходимость богословской науки для Церкви, Шмеман понимает под такой наукой не только кабинетные, академические занятия: «Основной предпосылкой для всякого подлинного и творческого богословского труда сейчас я считаю постоянную оглядку на реальное положение Церкви и служение ей: это значит, что мы должны от “оранжерейной” науки перейти, как Вы когда-то писали, на воплощенное богословие во имя и для Церкви, для ее возрождения и обновления» (С. 314). «...Сам испытываю постоянно соблазн от боли и болезни Церкви уйти <...> в уют ювелирных изысканий <...>, но все, что во мне есть “церковного”, зовет меня к подлинному богословию и подлинной науке, а не “гримасе” научности. И тут Отцы Церкви – это я от Вас узнал – суть вечный и вдохновляющий пример. <...> Именно чтение Вашего предисловия к “Путям русского богословия” – мне тогда было 16 лет – зажгло во мне огонек того богословского эроса, который навсегда убедил меня в том, что богословие есть служение Церкви и невозможно без живого служения ей “словом, житием, верой”» (С. 315).

Беда, однако, в том, делится один отец Церкви с другим уже в 1954 году, что «Православная Церковь в современном ее состоянии просто не доросла до современной богословской школы <...>. Даже у лучших наших людей идея бескорыстной богословской работы, вхождения “в разум Истины”, создания подлинной культуры не “звучит” в душе, и нас все время оправдывают чем-то другим, сиречь пользой, которую мы приносим в плане Sunday Schools. <...> Может быть, имело бы смысл действительно и перед лицом всей Церкви поставить вопрос ребром: хотите вы или не хотите настоящей богословской школы, и затем умыть руки. А умыть руки – это значит строить частный центр православного богословия по типу Dumbarton Oaks, без унизительной необходимости до-

казывать кому-то, что богословие тоже может быть полезно <...>. Ужасно устаешь от вечной зависимости от кого-то, кому в сущности мы решительно не нужны» (С. 362). Много ли изменилось за 65 лет, прошедших со времени этих рассуждений? За единичным исключением в православии по-прежнему нет действительных богословских центров, и богословская наука остается уделом энтузиастов-одиночек, часто не имеющих отношения к формально существующим православным учебным заведениям или исследовательским центрам. Какой ответ получил бы Шмеман, поставь он сейчас свой вопрос ребром? С одной стороны, наша эпоха богословски беспомощна; с другой стороны, наша Церковь не доросла до понимания того, что богословская беспомощность обрекает ее оставаться ритуальным гетто или сетью лавок благодати.

Жажда богословского познания, столь ярко отразившаяся в письмах о. Александра Флоровскому, его желание служить Церкви в богословской науке, даже мысль о частном богословском центре по типу Дамбартон Оукс (а это, напомню, центр византинистких исследований, относящийся к Гарвардскому университету), заслуживают того, чтобы их отметить. Как соотносятся они с тем фактом, что главные, зрелые книги Шмемана написаны для широкого читателя, и с неоднократно сделанными в «Дневниках» замечаниями о тщете академизма и «игры в примечания» (например, запись от 30 марта 1973 года)? Неакадемический стиль зрелых работ Шмемана дает повод тем, кто излишне увлечен внешними атрибутами научности, говорить о «популярности» Шмемана и недостаточной серьезности его богословских работ. К стилю, свободному от «игры в примечания», о. Александр пришел, однако, не сразу: большинство его ранних статей и более академические по характеру книги («Введение в литургическое богословие») обладают достаточными внешними чертами научности. Однако со временем богословская глубина все более расходилась для него с научообразием, «академизмом», и он все более и более ориентировался просто на любознательного, культурного церковного читателя, а не на узкий круг коллег по богословскому и священническому цеху, и говорил со своим читателем скорее в «забавном русском слоге», чем на перегруженном техническими терминами языке академического богословия. Однако

жажды глубинного, подлинного богословского знания оставалась у Шмемана столь же сильной в эпоху зрелых работ и «Дневников», как и во времена переписки с Флоровским.

* * *

Молодость самонадеянна. Из Парижа Шмеман беспокоится о будущем Свято-Сергиевского института, пишет о его постоянном кризисе и критикует своих старших коллег. Больше всего достается от него ректору — епископу Кассиану (Безобразову), Зандеру, чуть меньше — Карташёву и архимандриту Киприану (Керну), еще чуть меньше — о. Василию Зеньковскому. О. Александр недоволен, между прочим, уровнем их богословия. Пора благодарности к этим людям, прежде всего к отцу Киприану, придет позже, в эпоху «Дневников», хотя и время не сделает Шмемана поклонником их богословия.

Единственное исключение, частичное, впрочем, Шмеман делает для Афанасьева. Его отзывы об Афанасьеве особенно интересны в перспективе, ибо после того, как Шмеман пережил период «византинизма» и стояния «за отцов, за предание» (см. цитату ниже), именно влияние «евхаристической экклезиологии» о. Николая постепенно, приблизительно со второй половины 1950-х годов, выходит на первый план среди всех интеллектуальных влияний, которые когда-либо испытал о. Александр⁸. Оно достигает своего пика, пожалуй, в книгах «За жизнь мира» (1963) и «Евхаристия» (1984).

Афанасьев насовсем вернулся в Свято-Сергиевский институт из Туниса к началу 1947/48 учебного года, чуть ранее того момента, когда переписка между Шмеманом и Флоровским уже завязалась (первое письмо датируется июлем 1947 года). О. Николай приехал в Париж с готовой идеей диссертации (будущей «Церковью Духа Святого») и, вероятно, полуготовым текстом. При первом упоминании Афанасьева (февраль 1949-го) отец Александр возмущен: «Поразил нас горестно о. Николай Афанасьев, вдруг заговоривший! Сказал, что для него и Вселенские соборы не авторитет, и что осуждение Трех глав (VI в., эпоха Юстиниана. — В.А.) он не приемлет и осуждение оригенизма отвергает и т.д. Мы все так и ахнули!» Надо заметить, что Шмеману в этот момент не было еще и 28 лет, а Афанасьевым уже было написано несколько

работ о церковных соборах, включая незаконченную и потому неизданную книгу о происхождении этого института, работу над которой он оставил в конце 1930-х⁹; кроме того, отцом Николаем была написана книга, вполне законченная, но опять-таки неизданная, об Иве Эдесском (одном из «Трех глав»)¹⁰; поэтому если уж кто из двоих и был на тот момент специалистом в данных вопросах, то это Афанасьев, а не Шмеман. Но Шмеман находится в периоде ортодоксальном («за Церковь, за Отцов, за предание», за «жизнь жительствующую» и за жизнь в Церкви, а не за «воцерковление жизни» — С. 132–133), и сомнение в авторитете соборов его возмущает.

Далее в том же письме Шмеман отдает должное докладу Афанасьева об эволюции городского округа¹¹: «Доклад был интересный и содержательный, — пишет о. Александр, но тут же вновь садится на своего критического конька, — но меня поразило и в нем, и, главное, в горячем споре, возникшем после между Карташёвым и Афанасьевым, полное незнание как современной постановки вопросов (Афанасьев не знает ни “Shape of the Liturgy”, ни “Apostolic Ministry”, ни много другого), какая-то беспомощность и “приблизительность” в терминологии и постановке самых, с нашей точки зрения, основных проблем. Уверяю Вас, — пишет Флоровскому наш молодой герой, — что на собраниях нашего Братства те же вопросы ставятся и обсуждаются в 1000 раз более научно и более богословски». Последняя фраза — где речь, кажется, идет о том же круге лиц, что составляли молодую «экип», — вызывает улыбку, но, видимо, ни одна полемика поколений, ни одна борьба отцов и детей не обходится без подобных заявлений.

На фоне полностью критического отношения Шмемана к старшему поколению преподавателей Свято-Сергиевского института Афанасьев удостаивается некоторого, хотя и с оговорками, признания и позже. В апреле 1949 года о. Александр пишет Флоровскому: «Не помню, писал ли я Вам про акт (актовое собрание Института. — В.А.)? Говорил Афанасьев, и, по-моему, неплохо. Ему все же нечего открылось в природе Церкви, но он, мне кажется, не способен воспринять всю перспективу. Так, он чувствует сакраментальную базу Церкви, но роковым образом слеп к моменту Истины, потому что сакраментальная жизнь совсем не исключает того, что Вселенские Соборы и Отцы для него не обязательны» (С. 151). Наконец,

в марте 1950 года Шмеман делает еще один половинчатый реверанс в сторону Афанасьева, который, впрочем, из его уст и при его отчетливо критическом настрое к отцам парижского богословия звучит почти как чистый комплимент: «Единственный человек, с которым можно говорить о богословии, каково бы ни было его собственное богословие, это о. Николай Афанасьев. Он ограничен своим собственным методом, и вообще диапазон у него небольшой, и Церковь он “суживает”, но он все-таки живет своими вопросами, и этого довольно, чтобы выделить его из мрачного фона нашей “коллегии”, потрясающей чертой которой является полное отсутствие богословских интересов!» (С. 219).

* * *

Опубликованная Павлом Гаврилюком «Переписка» позволяет нам лучше понять те пути, которыми двигался авангард православного богословия в 1940–1950-е годы. Понимание этих путей важно для дальнейшего движения по ним и, где надо, исправления их к Господу (ср. Ин 1: 23). Видеть путь – своевременно всегда, а сейчас, может быть, важнее, чем когда бы то ни было. Характерный для 1990-х годов пиетет по отношению к «парижской школе» (а к ней так или иначе относится, или хотя бы связано с ней, практически все серьезное эмигрантское богословие) сменился в России отношением к ней свысока, то как к недостаточно научному, то как к недостаточно православному богословию. Но, хотя написано за последние два или три десятилетия было немало, действительно богословских работ почти не появилось. Церковное возрождение в постсоветских православных странах, на которое поначалу, в 1990-е годы, возлагались большие надежды, в области богословия осталось пустоцветом. Быть может, изданная переписка двух недавних отцов Церкви зажжет огонек того богословского эроса, о котором писал Флоровскому о. Александр Шмеман (С. 315), в новых сердцах и вдохновит на богословский труд новых авторов?

В предисловии к «Переписке» разыскивавший и издавший ее Павел Гаврилюк определил ее как предисловие к «Дневникам» Шмемана. Если и принять это определение, то нужно все-таки помнить, что между последними письмами к Флоровскому и первыми сохранившимися записями «Дневни-

ка» Шмемана прошло пятнадцать лет. Письма Флоровскому и «Дневники» писались в очень разные для Шмемана эпохи: «Дневники» – это время зрелости, в то время как «Переписка» – пора созревания и продолжающегося поиска себя.

В заключение я хотел бы сделать несколько уточнений к тексту книги, а также полемических и технических замечаний. Они никак не влияют на общий высокий уровень публикации и могут быть приняты во внимание составителем книги, если дело дойдет до ее переиздания.

В предисловии Павла Гаврилюка к переписке (С. 80–81) история возникновения Североамериканской русской митрополии (будущей Православной церкви в Америке – ПЦА) выглядит крайне неожиданно – как выход в 1946 году этой Митрополии из Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ), одной из двух существовавших на тот момент в Северной Америке юрисдикций (второй был Московский патриархат), и как возникновение таким образом новой юрисдикции. Неожиданность этого изложения заключается в том, что оно воспроизводит точку зрения, принятую некогда, а может быть и сегодня, в РПЦЗ. Однако Североамериканская митрополия возникла задолго до появления РПЦЗ, была независима – и канонически, и de facto – от Зарубежного Синода епископов и имела свою, отдельную от РПЦЗ историю до и после переселения Зарубежного Синода епископов из Европы в Америку¹². Как бы ни перекрешивались судьбы Митрополии и Зарубежного Синода в 1920 – начале 1940-х годов, а затем после Второй мировой войны, версия о выходе первой из юрисдикции второго и возникновении ее во второй половине 1940-х годов как новой юрисдикции далека от действительности. Более того, эта версия малопонятным образом противоречит той вполне стандартной информации о ПЦА, которая дана в указателе книги (С. 430)! Остается только гадать, почему Павел Гаврилюк излагает столь «партийную» версию возникновения ПЦА и откуда берется ее противоречие указателю.

На с. 127 в примеч. 145 составитель пишет, что «Церковный вестник Западноевропейского православного русского экзархата», главным редактором которого на тот момент (1948 г.) был Шмеман, «не следует путать с другим периодическим изданием – “Вестником РХД”, который принадлежал другой юрисдикции, РПЦЗ, и в то время публиковался в Мюнхене» (С.

127). Здесь произошло недоразумение. Журнала под названием «Вестник РХД» (очередной номер которого вы сейчас держите в руках) до 1974 года не существовало. До этого момента он назывался «Вестник РСХД». «Вестником РХД» журнал стал называться со сдвоенного 112–113 номера, когда в названии была опущена буква «С» (Студенческого). Именно издание «Вестника РСХД», прерванное войной, священник Александр Киселёв возобновил в 1949 году в Мюнхене, как это опять-таки совершенно правильно указано на с. 175 в примеч. 460! С 1950 года, после отъезда о. Александра Киселёва в Америку, «Вестник РСХД» стал вновь издаваться в Париже. Юрисдикционная ситуация в Европе была в послевоенные годы весьма запутанной и зыбкой: кажется, что в Мюнхене о. Александр принадлежал к клиру РПЦЗ. Однако ни тогда, ни ранее, ни позже «Вестник РСХД» не был юрисдикционным журналом. Долгое время с момента своего основания в 1925 году он был органом Русского студенческого христианского движения, а с 1970-х годов он формально перестал быть таким органом. Из церковных же юрисдикций «Вестник» всегда был более всего близок церковному уделу митрополита Евлогия и его преемников.

Эти две небольшие неточности обнаруживают некоторую неуверенность автора предисловия в деталях юрисдикционной истории Русской церкви в эмиграции. Странна и несогласованность, с одной стороны, данных предисловия, а с другой – справочного аппарата (указателя и примечаний), который дает в двух данных случаях более точную информацию, чем предисловие.

Упомянутая в переписке (С. 114, письмо 1947 г.) и в указателе (С. 439) «M-me Belu из Nancy» есть, конечно же, M-me Behr, то есть Элизабет Бер-Сижель, проживавшая в то время в Нанси и, действительно присутствовавшая на съезде Содружества св. Албания и прп. Сергия в 1947 году¹³. Составителю нужно попытаться еще раз прочесть это имя в оригинале письма. Таким образом, вся ирония Шмемана относительно доклада участницы съезда из Нанси («набор слов, давно уже всем набивших оскумину, о какой-то специфически русской святости: салат из “Касьяна с Красивой Мечи”, Достоевского, прп. Серафима, “духа бродяжничества”, града Китежа, паламизма, Оптиной пустыни и Нила Сорского») должна быть отнесена к Элизабет Бер-Сижель на раннем этапе ее долгого богословского пути.

В предисловии (С. 57) и примечаниях (С. 110, примеч. 27) Павел Гаврилюк указывает, что в имени «ККК» (т.е. Кассиан – Киприан – Карташёв), которым Шмеман иногда называет руководство Свято-Сергиевского института, содержится шутливая аллюзия на «ку-клукс-клан». Такая аллюзия возможна, однако из писем Шмемана она не очевидна. О. Александр был воспитан во Франции. Переписка завязалась в 1947-м, когда и Флоровский еще жил во Франции: он перебрался в США в сентябре 1948 года. (см. предисловие П. Гаврилюка. С. 34). Абревиатура «ККК» появляется уже во втором письме Шмемана (июль 1947 г. С. 110). Насколько она была общепринята и понятна в тогдашней Франции как обозначение «ку-клукс-клана»? К тому же не всегда Шмеман называет руководство Института «ККК», но иногда – «ЗК» (см., например, С. 124). Шутливую трактовку «ККК» как «ку-клукс-клана» дает Флоровский (С. 237), причем из его письма непонятно, то ли это собственная шутка о. Георгия, то ли догадка о смысле, который вкладывает в абревиатуру Шмеман. Во всяком случае, приписывать эту шутку Шмеману на основании переписки я бы не торопился.

Когда на странице 133 в письме Шмемана появляется словосочетание «воцерковление жизни» (С. 133), Павел Гаврилюк делает примечание (примеч. 185), из которого следует, что концепция «воцерковления жизни» была развита в ряде статей Зеньковским. Не ради полемики, но, скорее, будучи озадаченным, замечу, что идея «воцерковления (или оцерковления) жизни» нередко приписывается о. Сергию Булгакову и была общей идеей Движения (РСХД) в первые десятилетия его существования. Возможно, она развивалась и Зеньковским, который, как и Булгаков, стоял у истоков Движения, но для меня не очевидно, что он был ее единственным автором (как это может показаться из примечания Гаврилюка). В своей известной, программной статье «Идея православной культуры» Зеньковский пишет об «оцерковлении культуры»¹⁴, что очень близко «воцерковлению жизни», но тем не менее не абсолютно одно и то же.

Наконец, нужно заметить, что комментарии издания избыточны: информация об одних и тех же лицах и событиях повторяется в примечаниях по нескольку раз. Так, при упоминании в тексте Кассиана всякий раз сообщается, что это Кассиан (Безобразов), ректор ССИ, хотя другого Кассиана

в переписке не встречается. Та же участь постигает и еще несколько неоднократно упоминаемых в тексте лиц и явлений, как например, Николая Арсеньева, Сергея Верховского, Ива Конгара, епископа Никона (Греве), *ressourcement*, судьбоносную встречу Шмемана и Флоровского в Чичестре и др. Делаются примечания даже к написанным латиницей словам *maximum* (С. 128, примеч. 149) и *de facto* (С. 145, примеч. 263) – они транскрибируются в примечаниях кириллицей, хотя составитель и издатель вправе ожидать, что читатель, взявший в руки книгу, с этими выражениями знаком в любой транскрипции. В указателе имен и названий читателю объясняется, кто такие Блок, Бердяев и Лесков, что также совершенно излишне для читательской аудитории «Переписки».

Об указателе следует сказать особо. Сообщаемые в нем сведения нынче несложно найти в интернете. Зато в указателе отсутствуют ссылки на страницы книги. И это делает его во многом бесполезным, в то время как он занимает 47 страниц издания, а цена «Переписки» (447 страниц) в магазинах и без того велика – она колеблется в районе 1100–1200 рублей, что необычно дорого для российского рынка подобных изданий. В том виде, в котором указатель существует, его можно было бы без большого ущерба исключить из издания. Однако он стал бы действительно полезен, если в него добавить ссылки на страницы.

Несмотря на отмеченные мною мелкие неточности и технические недостатки, читатель получил в руки отличную книгу, которая доставит истинное удовольствие тем, кто интересуется путями православного богословия в XX столетии, и которая сослужит хорошую службу исследователям. «Переписка» добавляет новые штрихи прежде всего к «феномену Шмемана» – феномену неубывающего со временем авторитета этого богослова, сочетавшего в себе талант, ум, культуру, страсть, искренность и желание беззаветного и бескорыстного служения Христовой Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пасхальный свет на улице Дарю. Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов / Сост. Николай Росс. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. С. 95.

² См. предисловие Павла Гаврилюка к «Переписке» (С. 56), а также: Шмеман Александр, проп. Дневники. 1973–1983. 2-е изд. М.:

Русский путь, 2007. С. 80 и: *Мейендорф Иоанн, прот. Жизнь с избытком // Шмеман Александр, прот. Дневники. 1973–1983. 2-е изд. М.: Русский путь, 2007. С. 656–657.*

³ *Florovsky Georges. Le corps du Christ vivant // La Sainte Église universelle.* Neuchatel: Delachaux et Nestlé, 1948. Р. 12. Однако в англ. версии этой статьи (как она опубликована в позднем собрании сочинений о. Георгия) он формулирует эту фразу осторожнее, без излишнего вызова, и говорит просто о необходимости предпочтеть христологическую ориентацию в богословии Церкви пневматологической: *Florovsky Georges. The Church: Her Nature and Task // Florovsky Georges. Bible, Church, Tradition: An Eastern Orthodox View.* Belmont, Mass.: Nordland, 1972. Р. 67.

⁴ См.: Александров Виктор. Николай Афанасьев и его евхаристическая экклезиология. М.: СФИ, 2018. С. 61.

⁵ *Николай Афанасьев, прот. Церковь Духа Святого.* Рига: Балтославянское общество культурного развития и сотрудничества, 1994. С. 1, 5–6, 8.

⁶ «Команда», от фр. *équipe*.

⁷ Иоанн Мейендорф, Борис Бобринский, Георгий Ходр, Кирилл Ельчанинов.

⁸ *Мейендорф. Ук. соч. С. 656–657; Шмеман Иулиания. Моя жизнь с отцом Александром.* М.: Софийская набережная, 2008. С. 65; Александров В. Ук. соч. С. 38–41.

⁹ *Николай Афанасьев, прот. Церковные соборы и их происхождение.* М.: СФИ, 2003.

¹⁰ *Николай Афанасьев, прот. Ива Эдесский и его время.* М.: СФИ, 2018.

¹¹ Доклад был доработан Афанасьевым и издан в 1953 г. как статья «Неудавшийся церковный округ». См.: *Николай Афанасьев, прот. Церковь Божия во Христе.* М.: ПСТГУ, 2015. С. 391–421.

¹² См., например: *Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в.* М.: Республика, 1995. С. 242–254 и: *Bogolepov Alexander. Towards an American Orthodox Church.* Crestwood, NY: St. Vladimir's, 2001. Р. 57–118 (в этой работе разбираются и претензии РПЦЗ).

¹³ См.: *Lossky Olga. Vers le jour sans déclin. Une vie d'Élisabeth Behr-Sigel (1907–2005).* Paris: Cerf, 2007. Р. 156–159.

¹⁴ Зеньковский В.В. Идея православной культуры // Православие и культура. Сборник религиозно-философских статей / Под ред. В.В. Зеньковского. Берлин: Русская книга, 1923. С. 38.

Книга суда

(К столетию сборника «Из глубины»)

Сто лет назад был написан и сверстан, но издан тремя годами позднее (в 1921 г.) сборник статей о русской революции. Название его родилось из молитвы «Из глубины» (см. Пс 129: 1). Особенность этой книги в том, что авторы ее ощущали себя в истории, которая опрокинулась на них великим бедствием, и они должны были его осмыслить. Понятно, что это не вполне академическое чтение; и сегодня каждого российского читателя, обернувшегося на этот зов, вырвавшийся из глубины, подстерегает вопрос: а как бы он откликнулся на событие, которое называлось тогда Русской революцией? В то время прилагательное «Русская», о чем еще не знают авторы книги, вскоре будет заменено в России тремя другими, с более торжественным смыслом: «Великая», «Октябрьская», «Социалистическая» — все три с заглавной буквы. Эти термины, открывающие дверь мифу, формируют эпоху, в которую наши мыслители при написании своих текстов едва лишь успели заглянуть. Эти знакомые всем прилагательные создадут страну, известную миру под аббревиатурой из четырех букв, по которым мы не устаем тосковать, хотя каждая из них, по слову французского историка Бориса Суварина, лжет. Потому что за теми буквами не было ни свободного союза, ни доброго совета, ни честного социализма, ни республиканской формы правления.

Эта книга «пограничной ситуации», если воспользоваться термином Ясперса, который означает внезапную встречу человека со своей экзистенцией, самой своей сутью. Такая встреча происходит в момент потрясения, опасности, острого чувства вины. В это мгновение, сколько бы оно ни длилось, мы переступаем границу, отделяющую существование повседневное от подлинного, скрытого, входим в свою глубину. Наш сборник выражает эту открывшуюся подлинность в опыте, назовем его по-буински, Окаянных дней. Окаянство их было пережито каждым из наших мыслителей не только как общероссийский, но и как личный кризис, то есть суд. «Из глубины» — книга суда. В ней обозначен и сурово об-

рисован подсудимый — русская интеллигенция. Они знают о ее вине не понаслыше, потому что носят в себе.

Почти у каждого за спиной, по крайней мере у основных участников и инициаторов сборника — Булгакова, Бердяева, Струве, Франка, таится марксистское прошлое. Идейно оно было ими давно преодолено и отринуто, но корень, из которого оно выросло, уже не вырвать; прошлое остается с нами. Семя, некогда посеванное взглядом-возгласом Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала», — принесло свой горький, свой сочный плод в русской совести, и авторы «Из глубины», будь они из правоведческого, литературного, дипломатического круга, вовсе не были чужды ее бунту. Но подобное семя, умирая в земле, может дать совсем не те всходы, которых от него трепетно ждут.

Кто различит мотив попранной человечности в русской революции, начавшей с насилия над человеком, утонувшей в нем, потом от насилия уставшей и в конце концов от усталости рухнувшей? Однако задетый нерв сострадания был и в этой, как и во всякой революции, ибо насилие оправдывало себя высшей справедливостью. Неоправданным, неосвященным оно бы не продержалось так долго. Именно этот мотив оправдания услышали авторы сборника, когда выступили единым фронтом против той интеллигенции, которая «согрешила» уязвленностью, призрак которой привел страну к катастрофе. Эта книга родилась из страстного, жесткого, умного спора со средой, из которой вышли ее авторы, чьи мысли, страсти, гены, яды когда-то носили в себе. Споря, они вырабатывали противоядие против давней интеллигентской мечты-отравы. Каждый из этих споров глубоко индивидуален, но основной его настрой проходит через все тексты. Настрой катастрофичности, вины, обличения, надежды. Но также и скрытого покаяния.

Этим мотивом завораживает читателя статья Бердяева, скорее даже не статья, а прокурорская речь, яркая, моралистически узкая, не всегда уравновешенная в своем обличительном пафосе. Из его интонации вырастет вскоре целая книга «Философия неравенства», о которой сам автор не будет особенно вспоминать в поздние годы. Здесь же спор — имею в виду «Из глубины» — столь пристрастен, что вовлекает

в него и читателя, и потому, вероятно, не уходит из памяти. «Мертвые души» Гоголя, злые провидческие персонажи Достоевского, пафос непротивления, фальшивое добро Толстого — вот они, злые духи, которые вселились в русскую жизнь. Гоголь увидел в России «свиные рыла вместо лиц», и вот те же рыла, вопреки тому, на что он сам уповал, вернулись в новом обличии и стали полными хозяевами жизни. Достоевский открыл ту бесовскую одержимость, которая лежит в основе революций, но овладевает она людьми гораздо раньше. Толстой же — цитирую Бердяева — «настоящий отправитель колодцев жизни... Толстовская моральная рефлексия есть настоящая отрава...» Отрава, действительно? Потом Бердяев сумеет расслышать в морализме Толстого непрятворное искалье правды, которой не было ни в прежней русской и не будет подавно в советской жизни, но здесь в его гневе, прямо сочащемся из строк, слышится эхо расчета с самим собой. Когда расчеты закончатся, антиморалистический пафос смягчится, он переменит гнев на милость. Но пророчество, услышанное им в гениях Достоевского и Гоголя, станет классикой, то есть очевидностью. Великий Инквизитор, Городничий, Хлестаков надолго задержатся на сцене и при следующих актах русской драмы. Да, собственно, куда было им деться?

«На пиру богов» Сергея Булгакова с подзаголовком «Современные диалоги» — на мой взгляд, поистине шедевр всей книги и русской мысли вообще. Перечитываю этот текст, и всякий раз меня покоряет проницательность этих бесед, их философская умудренность и литературное изящество, их внутренняя подлинность, широта взгляда и какая-то тишина, безгневность авторской души. Каждый из собеседников наделен своим обликом, характером, слаженным строем аргументов. Ни следа прямолинейного насоки Бердяева, ни рассудительной тягучести академических авторов; Булгаков рассказывает о себе и других устами живых лиц. Он как бы представляет свой мир в пережитой им драме и вместе с тем невзначай знакомит нас с давней Россией, именно той, «которую мы потеряли». В диалогах нет отрицательных героев, за каждым голосом — своя им пережитая правда, а за ней — прожитая жизнь, оказавшаяся ныне перед судом затопивших Россию событий. Задаешь себе вопрос: за кем из участников диалогов скрывается сам автор? Кто ему ближе: Беженец,

Светский богослов, Общественный деятель (а он в момент написания диалогов был и тем, и другим, и третьим), кто-то еще? И не сразу угадываешь. Истина полифонична, широка и человечна, она выражает себя разными голосами, которые в конце сливаются в пасхальном возгласе «Христос воскресе!». Но в нем нет голоса Дипломата, убежденного противника войны (той, которую назовут в Европе Великой или Первой мировой), только так мы узнаём, что Булгаков (в ту пору готовившийся к рукоположению) не с ним.

В статье С.А. Аскольдова («Религиозный смысл русской революции»), указющей на противоположность революции и религии, можно прочесть основную мысль всего сборника: «Среди людей религиозного сознания подготовлялась почва к принятию Антихриста под личиной гуманиста-общественника». Мысль эта будет варьироваться еще не раз. И вместе с тем Аскольдов указывает как на одно из зол, породивших революцию, на отделение святого от человеческого и вырождение религиозного в фигуре «святого старца» Распутина; его Аскольдов противопоставляет непонятому учителю – Владимиру Соловьеву, незамеченному обществом. Живое пророчество и отталкивающая пародия на него. Второе зло – обособление гуманистического начала, как бы замыкание его в себе; третье – победа природного зверя «и над святым, и над человеком во имя будущего царства зверя апокалиптического».

Но царство апокалиптического зверя (Откр 13: 1–2), этой библейской антииконы гнева Божия, несло в себе свою стихийную правду, которая могла и завораживать.

Но и в антиконе могла быть своя правда, своя религия, своя ошеломляющая эстетика. И зов к жертве из «бездны мрачной на краю». Вспоминаются строки Волошина:

Апокалиптическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде – верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!»

У Блока прав был «дух музыки», дух подспудных стихий, пославший Христа в «белом венчике из роз» (честно сказать, безвкусный образ) вести за собой двенадцать революционных матросов, как бы новых апостолов, явившихся в ночи охваченного вынуждой Петрограда. Тот «Христос» рождался тоже из какой-то, по-своему духовной, хотя и мутной глубины некой иной веры, с которой и спорили участники сборника. Прошло сто лет, но старый мотив противостояния двух вер остается актуальным и в наши дни. О нем еще будут говорить Бердяев, Флоровский и немало других: это разрыв между гуманистическим и православным «спасением», между духовностью, посейнной состраданием, поднимающим сметающие все на своем пути бури, и духовностью, ищущей спасения в церкви, молитве, освященном укладе жизни.

«Поразителен – в отличие от поэтов – полный *consensus* русских мыслителей в восприятии революции, – писал Н.С. Струве в предисловии ко второму изданию сборника в 1967 году – лишенная всякой созидательной силы, она для всех них, с самого начала, глубочайшая духовная катастрофа». Зов, суд, анализ «Из глубины» настроен реакцией на победу извращенного гуманизма, которая обернулась победой зверя, столь часто поминаемого в книге. Семен Франк в статье «*De profundis*» говорит о слабости духовных начал в России, подразумевая прежде всего политический, социальный аспект, слабость же объясняется отсутствием положительно-го общественного миросозерцания, которого не оказалось ни у либеральной, ни у консервативной части русского общества. Пожалуй, такое объяснение, которое может показаться слишком общим. «Здоровый, реалистический в своей основе инстинкт народа, – утверждает Франк, – оторвался от духовного корня жизни и стал искать освобождения в темном буйстве злых страстей». Причина, согласно нашему мыслителю, в давно назревавшем коренном надломе между верой и жизнью.

Верой во что, спросим мы. Или верой в Кого? Для авторов сборника имя Россия и народ русский были живой иконой Христа. Пусть часто неверной, искаженной – и все же иконой, в которой все же проглядывает подлинный Его лик. Наши авторы – читатели и ученики Достоевского, принявшие свою веру, если говорить о ее мистически социальном измерении, из светлых образов «Записок из Мертвого дома»,

«Мужика Марея», из уст старца Зосимы. «От Востока звезда сия воссияет. Сие буди, буди!» — предрекал старец. И вот звезда воссияла. И потрясла окаянством. И многие тогда «потерпели кораблекрушение в вере», прибегая к апостольскому выражению (1 Тим 1: 19), — той вере, которая не могла обойтись без иконы народа. Икона теперь разбита в щепки, уцепившись за которые люди продолжают искать спасения.

Для Вячеслава Иванова спасение — среди прочего и в языке, сросшемся «с глаголами Церкви». Это та соборная среда, в которой Россия должна выжить и сохраниться, ибо «не может быть обмирщен в глубинах своих русский язык!». (Он еще не знает, какому чудовищному насилию русский язык подвергнется в советскую эпоху.) Франк же говорит о мечтательном бессилии либеральной интеллигенции, устремленной к добру, и разнуданности темных сил, творящих зло, и все же он, как и большинство других авторов, завершает свой возглас из глубины, облеченный в трезвый и рассудительный анализ, интонацией смутного упования.

Ведь невыносимое настоящее должно все же когда-то закончиться, эпоха мятежей и казней просто обязана была завершиться по-пушкински надеждой славы и добра. «Скоро русский народ предстанет перед миром в великом единстве и цельности, — писал один из лидеров кадетов Владимир Муравьев в статье “Рев племени”. — Против России грабежа, насилия и разнуданности встает грозной ратью Россия самопожертвования, строгости и подвига». Речь не идет здесь об успехах Белых армий, которые тогда только-только подымались, но о «глубинных залежах, испокон веков обогащавших русское сознание». И потому «...надо вновь открыть русское прошлое» — таков завет Муравьева. Дипломат при Временном правительстве, он окончит свои дни в советской ссылке, но сколь настоятельно звучит этот призыв в наши дни. «Русское прошлое» продолжает мерцать, очаровывать, манить, даже и порой давить в качестве новой национальной идеологии взамен прежней стинувшей. Однако, становясь идеологией, неким общим аршином мышления, прошлое как раз предает самое себя.

Они, обитатели, копатели глубин, спорили с прошлым, продолжая надеяться на него, изгоняя из него злых духов, очищая его, заглядывая в светлое потом. Известный

правовед П.И. Новгородцев озаглавил свою статью словами «О путях и задачах русской интеллигенции», делая упор на слабость правового сознания как самой интеллигенции, так и народа, веря в то, что именно в общем правосознании они должны обрести свое единство. Но «сумеет ли народ сразу и быстро в необыкновенно трудной обстановке в деле порядка и повиновения перейти от иррациональной основы к рациональной, сумеет ли он уловить свои подлинные национальные интересы?..», — допрашивает будущее другой правовед, Н.А. Покровский, в статье «Перуново заклятье». Вот мы, люди чаемого будущего, богатые нашим поздним, умным, печальным знанием, чем можем ответить? Самое горькое и простое, что надлежит сказать: дни той интеллигенции, как и того народа, на который упирали правоведы, были тогда сочтены. Не будет больше ни того народа, ни прежней интеллигенции. Однако та пограничная ситуация, которую пережили авторы сборника, стала теперь и нашей.

Они спорили с теми, кого еще так недавно видели на привычной политической сцене (Чхеидзе, Церетели, Чернов, Керенский), но почти не успели заметить ни Маркса, ни Ленина, ни Троцкого, которые уже были в Кремле. Как не предугадали и «кремлевского горца», который шел вслед и уже дышал драконовым дыханием в спину времени. Они слышали рев племени, воспринимая его лозунги, воззвания, декреты, речи только как бессвязный шум толпы, бушующей за окном. Да, конечно, прав был и П.Б. Струве, когда писал: «Историческое несчастье России, к которому восходит трагическая катастрофа 1917 года, обусловлено тем, что политическая реформа страшно запоздала в России» («Исторический смысл русской революции и национальные задачи»). Все происходившее казалось только судорогой, а судорога не может длиться долго. Отсюда почти оправдание революции: «...она покончила с властью социализма и политики над умами образованных людей». Сто лет прошло, настал ли ее конец?

У Струве мы встречаем догадку, которая отбрасывает свет на то, что будет потом, после революции. «Можно утверждать, — говорит он, — что не наличность класса как объективного разряда порождает классовое сознание, а, наоборот, наличность классового сознания объективно конституирует класс как социально-психическое явление, как со-

циологическую величину». Итак, в начале был научный миф об истории, пародирующий Слово, из которого все начало быть. Насилие сделает миф самостоятельной сущностью, не зависящей от людей. Классовое, победившее реальность сознание завоюет и заполнит собой страну. Оно станет фантомом, который заживет своей жизнью, заживет живее всех живых, незаметно перестав при этом быть в собственном смысле классовым. Но в 1918 году все это было лишь в зачаточном состоянии. Тот же Струве мог сказать, что в революции 1917 года «идей играли роль случайных украшений, орнаментальных надстроек над разрушительными инстинктами и страстями». Так казалось и кажется по сей день: идеи — только маски, за ними — буйства толпы, хитрые планы вождей, циничные расчеты, уязвленные честолюбия, реальные системы управления, наконец угрозы, пытки и слабости человеческие. Все что угодно, только не те «идейные» слова, которые были у всех на устах, а у многих и в головах.

Но слова, как было Марксом предсказано, могут становиться материальной силой, оседать в вещах, застывать в системах управления, сначала буйнить с толпой, а потом, отбоявшись, спокойно курить трубку и носить китель генералиссимуса. Слова будут строить лагеря и шагать вперед пятнадцатками, крепить работавшие города и морить голодом хлеборобов. Они впитают в себя те мятущиеся духи революции, которые окаменеют в могучей идейной империи СССР. Неважно, сколько у этих идей будет идейных, преданных душ, важно то, что все население страны обретет единую душу, примет определенный ею код поведения, заживет по предписанным матрицам. Оно будет вступать в социалистическое соревнование, голосовать как один, нести их портреты на демонстрациях, требовать смерти подлым изменникам. Да, классовое сознание совершенно не зависело ни от каких классов, но в 1918 году никто еще не мог представить его сверхчеловеческую живучесть. Минуют революционные неистовства, пламенные большевики пойдут под сталинский топор, отточенный теми же идеями, во имя которых они в свое время расстреливали классовых врагов. Враги изменились, вожди поменялись, классовое ли, партийное, во всяком случае, правящее сознание будет главенствовать над миллионами подданных, неважно — верят ли они в него или уже не очень.

Со Струве перекликается С.А. Котляревский. «Крупная заслуга русского марксизма, — писал он в статье “Оздоровление”, — его борьба с народничеством была методологической борьбой за право объективного знания». Идейное, объектививное знание станет теперь единственно возможным, сделается как бы надмирным трансцендентным объектом, включавшим в себя все человеческие субъекты, оказавшиеся на его территории; территорией же была шестая часть планеты. Оно выберет своих жрецов, которые будут всесильно этим знанием распоряжаться, но вместе с тем от него целиком и зависеть, как все жрецы зависят от религии, которой они служат. Истоком и смыслом революции было не внешнее ее окаянство, не просто буйное кровопролитие, но создание всеобъемлющего государственного мифа, точнее, мифа как государства, как основы идеократии. Этот фантом попытается овладеть всей подвластной ему действительностью, которая в конце концов, по мере изнашивания фантома, разорвет его изнутри. Ах, позднее, печальное знание, куда денешься от тебя?

Статья Котляревского завершается неким полупророчеством о начинающемся религиозном возрождении, о возращении русской интеллигенции к вере. «Социализм — это христианство без Бога», — предлагает чеканную, но и спорную формулу А.С. Изгоев, некогда легальный марксист, а затем один из лидеров правых кадетов («Социализм, культура и большевизм»), еще не зная о том, что вскоре церковное обновленчество начнет тащить Бога в такой безбожный социализм, но Бог будет упираться и не войдет. Но в 1918 году социализм был новой религией, пусть даже ложной, и, как всякая религия, он нес свое обетование — аналог Царства Божия на земле.

Представим себе на минуту революцию, которая разыгрывается семейством Карамазовых; мыслящий Иван облекает в идеологию «слезинку ребенка»; хмельной Дмитрий понимает ее как руководство к действию и во имя слезинки громит всё и вся; духовный Алеша, мечтая о времени, когда лев ляжет вместе с козленком, согласится, что ради такой перспективы нужно будет сначала истребить всех львов, а потом при необходимости и козлят. Этим и займется Смердяков, сотрудник ЧК, холодный функционер ненависти, вместе с буйным Федором Павловичем, который тоже под зна-

менем слезинки начнет насиловать и грабить награбленное. Их всех, тогдаших победителей, не минует потом горькая смерть от руки того же бессмертного Смердякова, разве что Алеша, отшатнувшись от лжи новой антихристовой религии, покаянно вернется к прежней вере Христовой, подымавшейся из-под развалин, и умрет мучеником. Первые ростки церковного возрождения появились уже в 1918 году, они успели расцвести в 20-х, но затем будут срезаны под корень вместе почти со всей Русской церковью в 30-х годах. Но это будет уже другая история, начало которой и возвестил возглас «Из глубины».

Тот голос навсегда останется не только пронзительным свидетельством потрясенной мысли, но и мужества, как и надежд, брошенных в будущее и все еще остающихся надеждами. Спустя сто лет мы встречаемся с ней как с «тайном свободы», говоря словами Хомякова, – свободы мысли и веры, столь нужной России тогдашней, столь желанной России сегодняшней.

Прот. Владимир Зелинский

ХРОНИКА

Наталия Дмитриевна Солженицына

Открытие Музея русского зарубежья Москва, 28 мая 2019

Дорогие друзья и гости Дома русского зарубежья!

Три четверти XX века яркие достижения и духовные плоды русской эмиграции не имели доступа на родину, и новым советским поколениям оставались неизвестны достойнейшие имена – в науке, живописи, музыке, литературе.

В середине 1960-х Солженицын писал («Архипелаг ГУЛАГ», ч. 1, гл. 6): «Отток значительной части духовных сил, произшедший в Гражданскую войну, увёл от нас большую и важную ветвь русской культуры. И каждый, кто истинно любит её, будет стремиться к воссоединению обеих ветвей – метрополии и зарубежья. Лишь тогда она достигнет полноты, лишь тогда обнаружит способность к неуцелевшему развитию. Я мечтаю дожить до того дня».

Ему посчастливилось не только мечтать, но и много поработать для этого заветного воссоединения и дожить до начала его.

В 1974 году взорвался «Архипелаг ГУЛАГ». Взрывной волной автора выбросило «на тот берег». И ему довелось послужить своего рода живым мостом для двух берегов разрубленной русской культуры, раздвоенной исторической памяти.

Живых современников бурной российской поры осталось все меньше, и Александр Исаевич поспешил обратиться к ним через эмигрантские газеты и журналы с воззванием:

«Я призываю моих соотечественников теперь же сесть писать воспоминания — чтобы горе наше не ушло вместе с нами бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее». Он брал на себя обязательства надежного хранения и каталогизации рукописей, а как только наступит благоприятное время — передачи их всех в Россию.

Возможно, тогда многим в русской эмиграции, пережившим десятилетия невзгод на чужбине, казалось, что благоприятное время не наступит уже никогда. Тем не менее отклик был обильным: больше **семи сотен** уникальных рукописей прислали нам в Вермонт — коротких и длинных, написанных от руки и на пишущей машинке, в почтовых конвертах и в увесистых бандеролях. Александр Исаевич сам вел журнал поступлений, эта рукописная тетрадь отныне стала экспонатом Музея русского зарубежья, она представлена в Солженицынской витрине.

Старая русская эмиграция приняла Солженицына тепло. А он встречно поражался ее верности, ее подвигу и при этом удивительной скромности. В «Дневнике Романа» есть запись от 20 сентября 1977 года: «...если придётся получить бодрое письмо, то только... от бывшего белогвардейца. Пережившие тьму, унижение и нищету эмиграции, в возрастах по 80 лет, — передают мне в письмах свою твёрдость, верность России, ясный взгляд на вещи. Столько перестрадать и так сохраниться духом!»

А к некоторым из них обращены строки сердечной благодарности в «Очерках изгнания»:

« В работе над “Красным Колесом” величайшую подмогу оказали *старики* — вот те старые эмигранты революционных лет. Они одаряли меня и эпизодами — и самим Духом Времени, который только и передадут “не-исторические”, рядовые люди. В моём просторном кабинете, всегда худо натопленном зимой, сколько, сколько вечеров я согревался над их воспоминаниями. Над листами светила настольная лампа, а весь тёплый простор высоченного кабинета был как наполнен — живой, сочувственной, дружественной толпой этих “белогвардейцев”. Вот уж, одинок я не бывал ни минуты.

Я чувствовал себя — мостом, перекинутым из России до-революционной в Россию послесоветскую, будущую, — мостом, по которому... перетаскивается тяжело груженный

обоз Истории, чтобы бесценная поклажа его не пропала для Будущего».

Этот тяжело груженный обоз перетаскивался не сам по себе, и застрять бы ему и пылиться бы на полках и в подвалах архивов, если бы не издательства, созданные эмигрантами в уверенности, что **печатное-то слово** не пропадет. Для Солженицына таким издательством была в первую очередь «ИМКА-Пресс», а постоянным издателем – незабвенный Никита Алексеевич Струве. Нас связали многие годы совместной работы и дружбы. Будучи «эмигрантом от рождения» и в то же время гражданином мира, он всю жизнь беззаветно служил России, ее культуре. А притом ни разу не бывал в России вплоть до своих 60-ти, когда, в разгар перестройки, он привез в Россию плоды многолетних трудов своего старейшего эмигрантского издательства, и это обернулось первым шагом к созданию Дома русского зарубежья. Мы же, как и обещали, привезли в Россию все собранные за двадцать лет изгнания рукописи эмигрантов. И уже много лет здесь, в Библиотеке Дома, они доступны исследователям и любознательным читателям.

История этого Дома, теперь вместившего в себя и Музей, когда-нибудь будет написана. Я назову лишь несколько людей, чьи имена, вдобавок к Н.А. Струве, несомненно, будут в первых строках этой истории. Александр Ильич Музыкантский, префект московского Центрального округа в 90-е годы. Юрий Михайлович Лужков, мэр столицы, построивший первую очередь Дома. Сергей Семенович Собянин, нынешний московский градоначальник, построивший вторую очередь Дома, где к сегодняшнему дню завершена экспозиция Музея русского зарубежья, о чем, согласитесь, три четверти века можно было только мечтать. И Виктор Александрович Москвин, 25 лет не сходивший с капитанского мостика этого корабля. Земной поклон им и многим, многим другим.

Мы с вами свидетели чуда. Но, «сколько доносит предание, – писал Солженицын, – не посыпается чудо тем, кто не трудится ему навстречу».

«Ходить по водам»: выставка о матери Марии в Римини

В этом августе в Италии в городе Римини на сороковом юбилейном фестивале Rimini Meeting прошла выставка о жизни преподобномученицы матери Марии (Скобцовой) под названием «Ходить по водам». Этот фестиваль, который обычно называют просто «Митинг», организует католическое движение мирян *Comunione e Liberazione* («Общение и освобождение»), возникшее в послевоенные годы вокруг миланского священника Луиджи Джуссани (1922–2005). Одним из источников его вдохновения стал бердяевский идеал сочетания личностного и соборного начал, и с самого начала это движение интересовалось опытом восточного христианства. С 1980-х годов отец Романо Скальфи (1923–2016), основатель центра «Христианская Россия», стал устраивать на Митинге выставки о Православной церкви, рассказывая итальянцам о ее иконах, литургии, святых. Несколько лет назад фестиваль предложил самим православным рассказать о том, что для них дорого, и с тех пор российские, украинские и белорусские гости Митинга успели показать выставки о Достоевском (2012), новомучениках и исповедниках XX века (2013), митрополите Антонии Сурожском (2015). О последней уже публиковалась заметка в «Вестнике»*. Именно во время работы над этими выставками сложилось то, что назвали «летучей общиной», – компания друзей из Италии, России, Украины и Беларуси, католиков и православных. В этом году по инициативе харьковского философа Александра Филоненко она подготовила для Митинга рассказ о святой матери Марии, о которой пока еще мало знают в Италии.

Больше полугода над выставкой работали группы в разных городах (Москва, Киев, Харьков, Минск и прочие) под руководством сотрудницы Дома русского зарубежья Натальи Ликвинцевой, исследовательницы творчества матери Марии. Третьим куратором выставки стал отец Алексей Струве из Франции. Каждая группа занималась определенной

* Строцев А. Выставка в Римини, посвященная митрополиту Антонию Сурожскому // Вестник РХД. 2015. № 204.

темой, которая потом стала основой одного из шести разделов выставки. Эти шесть залов следовали биографическому принципу и рассказывали о жизни святой в России до революции, об эмиграции, о ее встрече с РСХД, о ее монашеском призвании, о Доме на улице Лурмель и, наконец, о мученической кончине и прославлении. Важно было не только рассказать историю матери Марии, но и представить ее как мыслителя и художницу. Каждый этап ее пути был поставлен в контекст ее богословия. Например, зал «Только Христос: нищета и свобода» стал рассказом о том, как Елизавета Скобцова парадоксальным образом пережила изгнание и смерть дочери как дар, как призыв отдать все в ответ, принести в дар свою жизнь. Зал о «Православном Деле» назывался «Жажды охристовления жизни», в Доме на Лурмель мать Мария старалась на практике воплотить «оцерковление жизни», согласно Зеньковскому, и даже пойти еще дальше. Всю выставку сопровождали репродукции ее рисунков, икон и вышивок. К сожалению, познакомить гостей с поэзией матери Марии пока не получилось — переводов ее стихов на итальянский язык еще нет.

Одна из групп, готовивших выставку, собиралась в Париже. К ней присоединились некоторые члены Русского студенческого христианского движения, которым мать Мария особенно близка, в чьих семьях сохраняется живая память о ней. Парижская группа работала над залом об участии матери Марии в РСХД в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Иногда в рассказах о ее жизни эти несколько лет между смертью Насти и постригом «теряются», а между тем этот период стал для нее поворотным. Она попала в ту творческую среду, где смогла по-настоящему применить свои силы в социальном служении и в интеллектуальной работе, углубилась в жизнь Церкви и приняла решение о монашестве. Кроме роли РСХД в судьбе матери Марии, важно было немного рассказать и о нем самом, этом «пророческом явлении» в Церкви. Для гостей Митинга сам опыт церковного движения знаком и понятен, однако было интересно показать, что он не ограничивается последними несколькими десятилетиями католической истории, но имеет более давние истоки. Настоящим связующим звеном между матерью Марией и итальянцами из *Comunione e Liberazione* оказался Николай Бердяев — многие из

посетители Митинга хорошо знают это имя. На этой выставке была впервые опубликована хранящаяся в архиве РСХД фотография легендарного Пшеровского съезда, где среди молодежи стоят Бердяев и Булгаков, в будущем – сотрудники матери Марии в «Православном Деле». Некоторые редкие фотографии матери Марии передала из Англии семья отца Сергея Гаккеля, начавшего процесс ее канонизации.

Все множество цитат, фотографий и рисунков на выставке объединил в целостное сообщение дизайн Алексея Чекаля. Алексей также оформил выставку 2015 года о митрополите Антонии Сурожском, но между этими двумя работами есть очевидный контраст. Выставка пятилетней давности была решена в лазурных и белых тонах, это был рассказ о не-простом, но ровном и прямом жизненном пути. А у матери Марии другая жизнь и совсем непохожее монашество. Новая выставка была построена из зигзагов и поворотов, на ней доминировали ярко-красный и черный цвета, надписи были начертаны резким индустриальным шрифтом. На переходе от одного зала к другому появлялись лица современников матери Марии – других «огненных» христиан XX века. Среди них немецкий мученик Дитрих Бонхёффер и три фигуры радикальной женской святости, признанной и непризнанной, – Симона Вейль, Эдит Штайн и Дороти Дэй. Изначально планировалось, что их фотографии и цитаты будут просто напечатаны, но из-за технических проблем художнику и его команде пришлось искать решение в самый последний момент. Тогда Лариса Чайка, жена Алексея Чекаля, позвала на помочь итальянских студентов-волонтеров, и они просто воспроизвели красками портреты, нарисованные Ларисой для каталога, а Алексей каллиграфически написал цитаты от руки, и все получилось еще лучше, чем было задумано.

К выставке добавился еще один экспонат, которого не было в изначальном проекте. В конце июля, буквально за пару недель до начала фестиваля в Римини, во Франции в горах Веркора произошло неожиданное открытие. В последние дни детского лагеря РСХД в Серважере в одной старой книге Евангелия случайно нашлась маленькая бумага. Это была записка с заступническими молитвами по-церковнославянски, которую составил в 1943 году кто-то близкий к «Православному Делу». Она начинается с молитвы

Записка с заступническими молитвами и именами, времен Второй мировой войны, найденная в старой книге Евангелия во время летнего лагеря РХД 2019 года. Содержит имена всех четырех парижских мучеников с молитвой о них как о заключенных

о здоровье отца Сергея Булгакова, который тогда умирал от рака, после чего идет молитва о заключенных, среди которых есть имена всех четырех парижских мучеников – матери Марии, отца Дмитрия Клепинина, Юрия Скобцова и Ильи Фондаминского. Увеличенную копию этой записи поместили в последнем зале выставки, посвященном канонизации матери Марии и трех ее спутников, рядом с их иконой работы Марии Александровны Струве. Тогда, в годы войны, кто-то неизвестный молился о них, теперь же они предстоят Кресту и молятся обо всех нас.

Многие из тех, кто готовили выставку в разных городах, слетелись в Римини, чтобы водить по ней экскурсии во время Митинга. Всю неделю 18–24 августа на выставке работало несколько десятков волонтеров, и по уже устоявшейся традиции чаще всего экскурсии водили вдвоем – русскоязычный рассказчик и итальянский переводчик. Кроме того, отдельным гостям выставку показывали по-английски, по-французски и на других языках. Всего ее посетило около

пяти тысяч человек. Многие из них – постоянные гости Митинга, часто они вспоминали и выставку 2015 года о владыке Антонии. Иногда это были совсем новые люди, как, например, один католический священник из Парижа, который приехал на фестиваль в Римини, чтобы посмотреть, что это такое, и попал как раз на выставку о парижской святой, о которой он до этого не знал.

Для самой «летучей общины» работа на выставке тоже стала возможностью увидеться с давними друзьями, прожить несколько дней, вместе работая и отдыхая. Этот год был трудным для этой компании, как и для всего остального православного мира. Если до этого в ней общались православные с католиками и много думали и говорили о разделении, о невозможности вместе подойти к Чаше, то теперь и между православными начались новые разделения, в чем-то более болезненные, потому что свежие. Тем не менее всем, приехавшим с разных сторон баррикад «церковной войны», удалось радостно вместе встретить Преображение Господне. Может быть, в этом помогла сама мать Мария, которая всегда была глубже и выше любого сиюминутного скандала.

У прошлой выставки, посвященной владыке Антонию, было продолжение, само по себе достойное отдельного рассказа. Ее перевели на русский язык, упростили дизайн и на легких стендах стали возить по приходам, библиотекам, выставочным залам – везде, где ее хотели видеть. Так она успела побывать уже в десятке разных городов Украины, России, Беларуси, в Москве и Петербурге была показана по два раза, доехала до Караганды, а в итальянской и английской версиях еще и до Бари и Лондона с Оксфордом. Те же волонтеры, что работали в Римини, водили по ней экскурсии, и за эти пять лет случилось множество новых встреч. Выставка про мать Марию уже тоже существует по-русски в мобильном формате, и много где ее уже ждут. Сама мать Мария наверняка тоже ждет встречи. Рассказывать о ее жизни и свидетельствовать о ее святыни в России или Украине так же непросто и так же нужно, как и в Италии.

Андрей Строцев

*Вечера в парижском культурном центре
им. А.И. Солженицына*

Презентация книги
Мари-Кристин Отан-Матьё
«Переписка Станиславского:
новые открытия»

Русскому человеку имя Константина Станиславского хорошо известно как имя создателя Московского художественного театра, произшедшего, в сотрудничестве с Владимиром Немировичем-Данченко, революцию в театральном искусстве в начале XX века в России и в мире.

Сегодня, напротив, представление о Станиславском изменилось: его считают теоретиком устаревшего психологического театра и особенно упрекают за то, что он основал довольно жесткую систему, принуждающую актера к методу «вживания», к использованию «аффективной памяти» для понимания своего персонажа. Даже такой большой любитель театра, как Кристоф Барбье, написал в «Словаре влюбленных в театр» убийственную формулу: «Станиславский стал святым покровителем психотерапевтов» и «...Станиславский уже забыт, а его метод постепенно умирает».

Именно с этим устоявшимся предрассудком борется Мари-Кристин Отан-Матьё, руководитель исследовательской группы CNRS, в недавно вышедшей книге, посвященной Станиславскому: «Константин Станиславский. Переписка (1886–1938)», в издательстве «Eur’Orbem».

В понедельник 18 марта 2019 года в книжном магазине «Les Editeurs Réunis» состоялась презентация этой книги автором, крупным специалистом по русскому театру, изучением

Мари-Кристин Отан-Матьё (рис. Павла Кишилова)

которого она занимается, начиная с докторантурского исследования «Советский театр в эпоху Оттепели (1953–1984)» (изд-во CNRS). Ее работы в основном посвящены другому мастеру театра, Михаилу Чехову, и, шире, истории Московского художественного театра и его связям с Европой.

В своем блестящем докладе, который длился более часа, Мари-Кристин Отан-Матьё показала, как переписка помогает максимально проявить саму личность Станиславского, превращенную критиками в статую. Читая письма, мы видим, насколько он был привязан к своей жене, Марии Лилиной, и к детям: Игорю, который заботился о нем в швейцарском санатории, и Кире, которая вышла замуж за художника Роберта Фалька и затем переехала во Францию.

Вечер с презентацией книги о Станиславском (рис. Павла Кишилова)

Однако страсть к искусству определяет этого человека, посвятившего свою жизнь театру, чей первый труд красноречиво назван «Моя жизнь в искусстве». Для него искусство имеет религиозное измерение, является божественным началом человеческой сущности.

Автор книги представляет в хронологическом порядке жизнь и творчество Станиславского, следуя точному плану: две главы посвящены периоду формирования личности и творчеству в дореволюционный период, две главы – советскому периоду вплоть до смерти Станиславского в 1938 году. Каждая из них снабжена впечатляющими иллюстрациями, в частности, фотографиями образов, созданных Станиславским на сцене.

«Переписка» снабжена солидным критическим аппаратом и тем самым является серьезным научным изданием. К каждому письму прилагаются развернутые комментарии, посвященные упомянутым в письме персоналиям.

Особенно богат раздел приложений. Кроме привычного индекса имен и произведений, здесь также есть Глоссарий специальных терминов, использовавшихся Станиславским, с определением и переводом на французский язык. Так, автор предлагает французское слово «ressenti» для «переживания» или «jeux de scène» для «мизансцены».

Акцент на личности этого человека, привлекательного, но довольно замкнутого, позволяет почувствовать большую эмпатию по отношению к нему и лучше понять его устремления и его достижения. Благодаря красноречию и эрудиции Мари-Кристин Отан-Матьё, статуя Командора вновь оживает, к большой радости любителей русской культуры.

ЖЕРАР АБЕНСУР
(перевод с французского Светланы Дубровиной)

О малой форме в литературе в XXI веке: встреча с писателями парижского книжного салона

О том, что прочитанные во множестве и без разбору тексты не только питают ум человеческий, но рассеивают внимание, говорили еще мыслители древности. Чрезмерные объемы и разнообразие прочитанных книг пагубны для человеческой мысли, поскольку не оставляют времени на осмысление прочитанного. Так писал римский философ Сенека¹. И продолжал создавать новые тексты, записывая для потомков то, что было, по его мнению, важно в жизни. Технический прогресс не способствовал снижению информационной нагрузки. Напротив, изобретение печатного станка в XV веке ускорило распространение информации. Но беспокойство, которое испытывал человек эпохи Нового времени, наблюдала возрастающее обилие новых книг, несравненно с «информационной перегрузкой»², которой стал подвергаться человек за последние полвека.

Развитие искусственного интеллекта, казалось бы, облегчило и улучшило нашу жизнь, позволяя экономить время и эмоциональные ресурсы. Но цифровая экономика создала также исключительные условия для контроля над информацией. Владение и распространение данных всегда было стратегически важным ресурсом власти. И мыслители нашего времени уже поставили вопрос о грядущей – или уже реальной? – «диктатуре алгоритмов», когда владеющие огромными массивами данных цифровые консорциумы будут использовать их не только для манипуляции информацией, но для изменения живых организмов и форм жизни³. Мировые интернет-гиганты, такие как Google или Facebook, привлекают нас новейшими услугами, для получения которых мы заносим все больше данных о себе в мировую сеть. Предлагая в ответ на наши запросы, введенные в поисковой строке в интернете, самые «лучшие» и наиболее распространенные ответы, они таким образом контролируют получаемую нами

информацию, фактически получая возможность делать за нас выбор и направлять нашу мысль в «правильное» русло, определенное ценностными, экономическими и политическими ориентирами этих цифровых гигантов. Всемирная цифровая паутина, образованная миллионами веб-серверов интернет-сети, оперирует огромными объемами данных, пополняя их с нашей же помощью и часто почти не оставляя нам времени на уяснение, рациональный и даже чувственный анализ прочитанного, как бы изымая нас из окружающего материального мира, который мы привыкаем видеть через призму цифровых алгоритмов и ими же обработанной информации.

Поэтому один из вечеров в культурном центре имени Александра Солженицына в книжном магазине «Les Éditeurs Réunis» в Париже⁴ был о малой форме в литературе в классическом понимании. Встреча объединила деятелей, работающих в разных жанрах этого вида искусства. Писатель Евгений Водолазкин, экспериментирующий в своих произведениях со смещением разных исторических эпох, автор художественных произведений для детей и педагог Ирина Краева

Писатели книжного салона о малой форме в большом историческом времени (рис. Павла Кишилова)

и литературовед Олег Лекманов делились мыслями о ценности новеллы, эссе, очерка или рассказа для читателя и для самого автора. Насколько охотно автор прибегает к такой форме? Сложнее или проще работать в кратком формате? Чем отличается замысел малого текста от создания большого художественного произведения? Наконец, чем особенно ценна малая литературная форма в эпоху цифровых информационных технологий?

Большой роман требует, несомненно, умения выстраивать логические связи между крупными смысловыми блоками и сохранять эти цепочки в диалогах литературных персонажей, поддерживая на протяжении развернутого повествования единство концепции, формируя одно целое. Высшее мастерство – когда это целое органично соединяет в себе несколько сложных тем, как это делает, например, Фридрих Горенштейн в своем удивительно многогранном романе «Место» (1976). В небольшой отрезок жизни кажущегося убогим и жалким молодого Гоши Цвибышева, сына репрессированного, вплетаются колоссальные проблемы эпохи. Искаженная стигмой «враг народа» человеческая личность пытается встроиться в существующий социально-экономический строй, столкновение с которым происходит на фоне национальной нетерпимости к религиозно-этническим группам и бурлящей жизни молодежи, среди которой одни отчаянно защищают идею героического прошлого страны и имя Сталина, а другие, взбудораженные развенчанием культа личности вождя, вынашивают планы о свержении советского режима.

Создание большого литературного произведения однозначно требует мастерства, необходимость которого не всегда признавалась в работе над малыми литературными жанрами. Так, ныне бесспорно признанная ценной драматургия Антона Чехова вызывала неоднозначные отзывы у его современников XIX века, споривших об уместности причислять его рассказы, афоризмы, шуточные объявления и анекдоты, печатавшиеся в юмористических журналах, к настоящей литературе. Также и литературные миниатюры Александра Солженицына, бережно названные «Крохотками», не вызвали интереса у редактора журнала «Новый мир» Александра Твардовского, когда в 1961 году автор впервые предложил их к публикации.

И тем не менее малая литературная форма также требует искусного владения особыми художественными принципами. В ней нет места для развернутых авторских рассуждений, подробных описаний, глубокого анализа характера героя и его прошлого. Малая форма требует сразу и сжато показать главное в событии или характере, без долгого введения в действие и последовательного развертывания замысла. И главным может стать как трагедия национального масштаба, так и маленькое повседневное событие, о котором «Баба-Яга пишет». Баба-Яга, потому что писательница Ирина Краева умеет превратить даже грустную, щемящую историю в волшебную сказку. Поднимая при этом сложные проблемы становления личности, столкновения ее с миром, наших душевных привязанностей, ценностных ориентиров и места их в жизни. И помогая читателям, не только детям, но и взрослым, остановиться, сосредоточиться на мыслях и ощущениях и прикоснуться к чему-то действительно важному. Потому что «отсутствие пауз губительно для души», вспоминает писательница слова философа Григория Померанца.

И может, именно паузу в созерцании искал Александр Солженицын в своих «Крохотках». «Дыхание», «Гроза в горах», «Приступая ко дню», «Отражение в воде» и другие краткие заметки-наблюдения, вошедшие в это собрание текстов, позволяют и нам обратить внимание на отдельный фрагмент

Размышления Евгения Водолазкина о «Колокольне» Солженицына из поэтического цикла «Крохотки» (рис. Павла Кишилова)

жизни или состояние человека или природы, на их ценность, красоту или трагичность и задуматься над значением отдельного слова, взяв наконец паузу в бесконечном информационном потоке современной жизни.

Кстати, о малой форме, но только в живописи может рассказать и художник Павел Кишилов, присутствовавший на том же литературном вечере и зафиксировавший дискуссию в образах на бумаге⁵. Малая форма в живописи рождается, когда рука художника воспроизводит момент, на котором концентрируется его внимание. Воспроизводит, не прибегая к технике, без фотоаппарата, видеосъемки и цифровых алгоритмов. Рисунок в этом случае, конечно, не передает детали. Это неотшлифованные эскизы, выполненные свободно, от руки и состоящие в основном из множества перекрывающихся линий. Но те немногие особые индивидуальные черты, которые художник успевает уловить в рисуемом человеке, позволяют связать разрозненные штрихи и линии, воссоздать его образ, передать сюжет разговора или обсуждаемую тему. И поймать, таким образом, момент времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / пер. и примеч. С.А. Ошерова. М., 1977. Письмо II.

² Термин политолога Бертрама Гросса. См.: Gross B.M. The managing of organizations: The administrative struggle. New York, 1964.

³ Харари Юваль Ної. 21 урок для XXI века. М.: Изд-во Синдбад, 2019. С. 89–96, 106–110.

⁴ Вечер проходил 15 марта 2019 года.

⁵ Мы воспроизводим два рисунка Павла Кишилова по мотивам услышанного. — Примеч. ред.

Наталья Пашкевича

Вечер в «ИМКА-Пресс», посвященный 130-летию со дня рождения А.А. Ахматовой

Известный французский писатель Жюль Ренар писал, что гора Святой Женевьевы, как географическое понятие, незначительна, но она является главной вершиной интеллектуальной мысли Франции. Хотелось бы добавить, что в русской культурной жизни Парижа она играет на протяжении многих десятков лет ведущую роль. Вот и сегодня мы собрались здесь, и Татьяна Викторова в душевном вступительном слове, создавшем поэтическую атмосферу, представила нам петербургских гостей: Нину Ивановну Попову, директора музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, и Татьяну Сергеевну Позднякову, сотруднику музея, исследователя и автора многочисленных книг об Анне Андреевне и ее окружении. Но было еще одно неодушевленно-одушевленное присутствие — черное шелковое платье Анны Ахматовой.

Анна Андреевна назвала свой последний прижизненный сборник стихов «Бег времени». Действительно, бег времени неудержим и неутомим. В этом году мы отмечаем 130 лет с тех пор, как ей «дали имя при крещенье — Анна». Ахматова заметила, что она родилась в один год с Эйфелевой башней. Гораздо более важно, что она появилась на свет в эпоху гениев, что рождались в эпоху Серебряного века ежегодно: 1889 год — Ахматова, 1890 — Пастернак, 1891 — Мандельштам, 1892 — Цветаева. Они дружили, любили, восхищались и посвящали друг другу стихи.

Вспоминаются строки Марины Цветаевой:

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами — то же!

Чтобы не спугнуть очарованье нашей встречи, в помещении притушили огни ламп, и мы совершили воображаемую экскурсию по музею, «походили» по комнатам Анны Ахматовой благодаря показанным фото и видео петербургского музея Анны Андреевны. После ареста Н.Н. Пунина Анна Андре-

евна оставила на вешалке его пальто, которое так и висит до сих пор, как память о нем и тех страшных временах.

Гости рассказали нам о создании музея к 100-летию со дня рождения Поэта. С самого дня основания это было не официозное, а свободное пространство, где можно было прикасаться к предметам, петь и читать стихи, собраться для беседы и, главное, привлекать молодежь, используя самые современные средства коммуникации. Благодаря ясной и объемной информации музейных работников, мы узнали не только новые грани жизни и творчества Ахматовой, но и окунулись в нынешний Петербург, с его достижениями и проблемами. Ведь судьба Петербурга повлияла на жизнь Анны Андреевны, и в своем творчестве она зафиксировала важные подробности эпохи, сохранила память города: «Я помню всё...».

Ахматовская поэзия – это не только лирический роман, утверждение элегантной энергии слова. Это стихия ритма, это боль своя и всех. Это страдание всего народа, ибо «такой судьбы не было еще у одного поколения».

Ахматова была наставником молодых поэтов, щедро делясь своим поэтическим гением. «Я только сею. Собирать придут другие!» Талант Иосифа Бродского был вознагражден Нобелевской премией. Радуясь, она предупреждала, что его ждет страшное испытание славой. Однако самые нелепые испытания начались позднее, когда произошла настоящая битва за открытие музея И. Бродского. До сих пор «мы живем торжественно и трудно».

Напряженность эмоций присутствующих, погружение в ужасающее прошлое, когда «Реквием» было опасно записывать на бумаге, его заучивали на память верные друзья, чтобы сохранить и донести правду последующим поколениям. В который раз русская поэзия вззвалила на себя бремя истории. Мы грустно опускаем головы. Говоря словами Ахматовой, «подбитым галлонком клюется в ресницах скучая слеза».

Во Франции «Реквием» переведен даже на бретонский язык, на котором говорят лишь 200 тысяч человек. Тьери Робен написал к поэме музыку, и в 1999 году в Бресте «Реквием» Ахматовой прозвучал как музыкально-поэтическое произведение на бретонском языке!

Нина Ивановна Попова, трепетно держа в руках пожелавшие от времени письма, предложила прочесть письма

Александра Исаевича Солженицына, с которым она переписывалась в студенческие времена, когда проходила практику вместе со своими подругами в Ясной Поляне.

Вот отрывок из письма: «Милые девочки! Сень Нового Года повисает над нами. Да будут светлыми его звёзды для вас». Или же фрагмент письма из Рязани, написанного Нине Ивановне в октябре 1964 года: «Скоро буду в Ленинграде и мы побродим не торопясь и без цели. Желаю доброго духа и удачи». В июне 1996 года Солженицын отыскал свою старую знакомую и посетил музей Ахматовой в Фонтанном доме.

Нина Ивановна подчеркнула, что Александр Исаевич всегда оставался душевным и скромным человеком. В парижском центре, носящем его имя, это свидетельство прозвучало с особенной силой.

Были и другие сюрпризы. Вероника Жобер, заслуженный профессор русского языка, любезно предложила нам посмотреть сборники стихов Ахматовой, подписанные автором ее маме.

В заключение нашей встречи Татьяна Викторова предложила прослушать чтение стихов в записи А.А. Ахматовой. Все замерли, услышав ее голос, открывающий горизонты наших сердец, проникающий в «секретный сад» души.

День резко упал в ночь. Бег времени продолжается, приближая нас к новой встрече на rue de la Montagne Sainte Geneviève.

Людмила Маршезан

«Каннские хроники» и «Искусство намека»: о последних презентациях 2019 года в книжном магазине «ИМКА-Пресс»

Каннские хроники прибыли в Париж.

Что это значит?

В Культурный центр имени Александра Солженицына приехали два кинокритика, Лев Карабахан и Андрей Плахов. На протяжении десяти лет, с 2006 по 2016-й, они вели беседы в редакции журнала «Искусство кино» по свежим следам каннских фестивалей. Эти материалы были объединены и опубликованы в книге «Каннские хроники. 2006–2016», опубликованной в 2017 году в московском издательстве НЛО¹. Несколько месяцев назад в парижском издательстве «ИМКА-Пресс» появился французский перевод этой книги², выполненный Марией Апрелевой и Жюли Бювар при поддержке фонда Михаила Прохорова и Института переводов в Москве.

В этот вечер 25 ноября 2019 года едва ли не впервые в книжном магазине издательства «ИМКА-Пресс» речь шла не просто о кино, но о самом искусстве кинематографа, созданного в 1895 году в Париже братьями Люмьер и в дальнейшем нашедшего одно из самых ярких воплощений в создании каннских фестивалей. Франция подарила миру еще один вид искусства, которое стало, возможно, самым популярным, важное место в котором заняло и российское кино.

Лев Карабахан и Андрей Плахов говорили о самом главном, о том, что стоит за тем, что видят зритель на экране. Это был рассказ-дискуссия о бесконечности представлений о мире, о нас самих, о тенденциях мирового кинопроцесса, позволяющий сделать обобщающие наблюдения.

Вот некоторые мысли Льва Карабахана: «Каннский фестиваль сконцентрирован на самых болевых точках современности. Его мировоззренческий пульс – единственный и уникальный. Объем его фильмов – это картина всего мира, выхлестывание кинематографа в реальную жизнь. Каннский

фестиваль – это параллельное время, так как в культуре – другое время и возникает другой хронотоп».

Эти мысли, зачастую выраженные парадоксально, тотчас оживили аудиторию. Например: «У Бориса Пастернака в одном из его стихотворений есть такие строки: “Во всем мне хочется дойти до самой сути...”. Мое представление: “Во всем мне хочется уйти от самой сути...”. Или же, в ответ на вопрос: « В какую эпоху мы живем?» – прозвучало: «Эпоха пустоты прошла, и настала эпоха вакуума».

Андрей Плахов рассказал о том, как создавалась книга; о важности каннского фестиваля для русского сознания; о том, как этот магический фестиваль-легенда изменил и продолжает менять нашу жизнь, будучи ориентиром, высшей точкой чаяния почти для каждого режиссера, мечтавшего получить «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах.

На вопрос Татьяны Викторовой: «Что изменилось в каннских фестивалях за последние 30 лет?» – Андрей Плахов ответил: «Очень многое переходит в виртуальный мир. Раньше были каталоги, теперь же все появляется в интернете, системе социальных сетей. Каннские фестивали теряют зрителя. Вместе с тем ищущий, подлинный зритель остается предан традиции фестивалей».

Знаменательно то, что сюжеты, затронутые в этой встрече, получили свое продолжение, и в какой-то степени обобщение, на встрече в книжном магазине «ИМКА-Пресс» на следующей неделе 2 декабря. В этот вечер состоялась презентация книги «Искусство подразумевания» Лорана Перено³, французского академика в области гуманитарных наук, профессора по риторике и греческой литературе в Страсбургском университете.

«Искусство намека восходит к аллегорической манере интерпретации мира». Так автор начинает свою книгу. На вечере он проиллюстрировал эту мысль, в частности, примером оптической иллюзии вазы Рубенса, которая кажется то вазой, то двумя человеческими профилями.

Что значит «подразумевание»? Это – «образная, иносказательная речь», история которой начинается с античных времен и ведет к современности. Так, в древности одним из блестящих представителей философской аллегорической мысли был Сократ.

Автор выделил три причины прибегания к такому аллегорическому языку: во-первых, иносказательная речь позволяет говорящему своего рода «безопасность», защиту от прямо выраженных мыслей, которые так или иначе могут выйти для него боком. Такая манера способствует и выработке изящной, «благопристойной» речи, и, наконец, ее большей живости. Среди ее форм Лоран Перно проиллюстрировал разного рода возникающие языковые оттенки, «окольные» пути¹ и метод противоположности, особенно эффективный для выражения намека собеседнику.

Добавлю к сказанному и процитированному Лораном Перно еще две известные и очень распространенные аллегорические формы иносказания. Это искусство дипломатии, подаренное человечеству Францией, поскольку это слово в современном значении впервые употребил французский дипломат, посол Людовика XIV Франсуа Кальер. Кроме того, чувство юмора, в котором главное всегда остается недосказанным.

Среди многочисленных авторов, пользующихся иносказаниями, упоминались многие русские писатели: Крылов, Достоевский, Толстой, Чехов, Солженицын. Кстати, Антон Павлович Чехов в одной из своих записных книжек зафиксировал следующее: « В этом мире все относительно, приблизительно и условно». И, добавим в завершение к вышесказанному, — подразумеваемо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дондурей Даниил, Каракан Лев, Плахов Андрей. Каннские хроники. 2006–2016. Диалоги. М., 2017. 312 с.

² Dondureï Danii, Karakhan Lev, Plakhov Andreï. Chroniques Cannoises, 2006–2016 / trad. de Macha Aprelleff et Julie Bouvard. YMCA-Press, 2019.

³ Pernot Laurent. L'art du sous-entendu. Paris: Fayard, 2018.

ВЛАДИМИР ГУДАКОВ

Съезд РСХД в Орсэ: заметки участника

22–24 ноября 2019 года в городке Орсэ (Orsay) под Парижем в культурно-образовательном центре францисканцев La Clarté-Dieu прошел очередной ежегодный съезд РСХД. Тема в этом году была сформулирована так: «Апокалипсис – ставка на надежду».

Традиционно съезд состоял из четырех элементов: молитва, пленарные выступления, работа в ателье (малых группах) и общение. Основная работа началась с утра субботы 23 ноября. Утренняя молитва включала в себя чтения отрывков из Апокалипсиса, давая всем присутствующим необходимый настрой на предстоящие размышления и обсуждение. Первое выступление, генерального секретаря Западноевропейского православного братства, богослова Даниила Лосского, стало введением в исторический и литературный контекст создания книги Откровения. Даниил опирался главным образом на толкования отцов Сергия Булгакова и Александра Меня.

Настоящим событием дня стало яркое выступление историка Антуана Аржаковского, директора департамента политических и религиозных исследований колледжа Бернардинцев (Париж), «Возможные пути возрождения Православной церкви в свете книги Откровения».

Специалист по богословию «парижской школы», в особенности, по творчеству о. Сергея Булгакова, Антуан Аржаковский подчеркнул, что в своем толковании Апокалипсиса о. Сергий обошел вниманием 2-ю и 3-ю главы книги. Это не может не вызвать удивления, так как, по мнению докладчика, именно эти главы имеют отношение к столь актуальной теме, как возрождение церкви.

В своем докладе Аржаковский сосредоточился на анализе этих глав, руководствуясь софиологической концепцией о. Сергея Булгакова о соотношении божественного и исторического. По его мнению, автор Апокалипсиса раскрыл во 2-й главе божественный аспект бытия церкви, а в 3-й главе главным образом исторический.

Исходя из этого, Антуан так проинтерпретировал символы, упоминающиеся во 2-й главе: древо жизни – как символ евхаристии, церковь Смирины – символ памяти, белый

камень из 17-го стиха — это мудрость и ум, а Фиатирская церковь — символ славы. А символы, о которых речь идет в 3-й главе, он истолковал следующим образом: Сардийская церковь — церковь Ветхого Завета, которая не приняла Христа, Филадельфийская церковь — настоящая церковь Нового Завета, такая, какой она должна быть. Тщательно исследуя текст, Антуан, по его словам, был поражен тем, что Филадельфийскую церковь, как и церковь Смирны, упомянутую во 2-й главе, Господь не упрекает, но говорит только: «Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего» (Откр 3: 11). И наконец, седьмая по счету Лаодикийская церковь — это та, которая приняла Христа, но не устояла в вере. Именно ей адресованы слова Спасителя: «ты ни холoden, ни горяч» (Откр 3: 14).

Мы призваны жить в истории, как Смирнская и Филадельфийская церкви. Но, увы, чаще живем, как Сардийская и Лаодикийская. Чтобы возродиться, нам нужно научиться сочтать в своей жизни те четыре начала, о которых говорится во

Ателье о проблемах Архиепископии. Справа налево: Кирилл Соллогуб (второй справа), Даниил Лосский, Антуан Аржаковский, Петр Соллогуб, Андрей Строцев и др.

2-й главе, — евхаристию, мудрость, память и славу; не что-то одно, а именно все четыре вместе, подвел итог своему выступлению Антуан Аржаковский.

Из трех малых групп (о чтении Библии, об экологии и о проблемах Архиепископии) я выбрал ателье, посвященное проблемам Архиепископии. РСХД всегда было движением межюрисдикционным, в него входили и входят представители различных православных церквей, включая Московский патриархат.

Председатель РСХД Кирилл Соллогуб сразу задал конструктивный тон. Он предложил сосредоточиться на понимании произошедшего с Архиепископией и призвал продолжать диалог, не торопясь с оценками.

Даниил Лоссийский охарактеризовал положение дел как потерю, как поражение всего мирового православия. Антуан Аржаковский, напротив, видит в происходящих событиях кризис, открывающий новые возможности. Он подчеркнул, что единство православия не должно быть заботой одних епископов, иерархии: народ не может оставаться в стороне.

Было интересно послушать представителей старшего поколения. Один из ветеранов Движения, Петр Соллогуб, со свойственной ему иронией заметил, что слышит разговоры о единой поместной православной церкви Западной Европы столько, сколько себя помнит. Но со временем связь европейских эмигрантских приходов со своими национальными церквями-матерями только укрепляется. Их количество, особенно после 1990 года, растет. Румыны, например, гордятся тем, что в Италии их церковь по числу членов уступает только Римско-католической церкви. Существует распоряжение румынского патриархата о том, чтобы православные румыны, даже если они окормляются в канонических церквях, подчинялись только румынским епископам.

Хотя большинство составили члены приходов, оставшихся в составе Константинопольского патриархата, среди участников съезда были и те, кто перешел в Московский патриархат. Один из них, о. Иаков Ребиндер, настоятель движенской церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, сообщил сенсационную новость: по пастырским соображениям владыка Иоанн (Реннето) благословил своих священников, участвующих в мероприятиях РСХД, сослужить и причащаться со

священниками Константинопольского патриархата на службах, совершаемых в рамках этих мероприятий.

Подводя итог обсуждения на ателье, Кирилл Соллогуб, поддержаный большинством в вопросе необходимости продолжения диалога, заявил о категорическом несогласии и неприятии разрыва евхаристического общения между Московским и Константинопольским патриархатами.

После ателье вниманию участников съезда было предложено художественное прочтение книги Апокалипсиса в постановке Григория Лопухина. Григорий вместе с Эммануэлем Ребиндером прочли текст под музыкальное сопровождение в исполнении Камиля Чалаева. Строгое, лишенное каких-то нарочитых «красот» чтение только подчеркивало невероятную выразительность и глубину самого текста. Программа первого дня съезда завершилась молитвой за всеобщим бдением.

В заключительный день работы съезда после литургии и непринужденного общения за трапезой с основным докладом «Православное прочтение книги Апокалипсиса» выступил о. Филипп Дотэ, священник Румынского патриархата, глава центра Св. Креста в Дордони, автор нескольких книг о духовной жизни. В своей деятельности о. Филипп сочетает патристическую традицию и современный подход, в частности, опирается на глубокое знание психологии.

Выступая на съезде РСХД, о. Филипп говорил о глубоких духовных вопросах, о сути аскетической традиции на доступном для современного человека языке, без схоластической сухости и морализма.

О. Филипп настаивает на профетическом, эсхатологическом, «вертикальном» прочтении книги Апокалипсиса, как и Библии в целом. В отличие от исторического, «горизонтального» подхода, вся Библия есть откровение Сына. Апокалипсис же есть завершение и исполнение всего, что сказано в Библии. Апокалипсис в особенности надо понимать как Откровение, а не просто как описание какого-то исторического момента.

По мнению докладчика, обычным заблуждением является представление о том, что в Апокалипсисе говорится о будущем. На самом деле в нем говорится о настоящем. Ибо Бог

открывается в настоящем. О. Филипп привел мысль Н.А. Бердяева о том, что конец мира не будет историческим событием.

Откровение открывает для нас нечто новое. Это нелегко понять и вместить, потому что оно всегда неожиданно и всегда представляется нам чем-то невозможным.

Автор книги Откровения описывает то, что видит. Это соответствует «принципу реальности», столь важному в психологии (психологическая деятельность всегда опирается на реальность). Однако человек не всегда принимает реальность. Часто он защищается от нее: отрицая, буквально отказываясь смотреть в лицо реальности. У этих механизмов защиты есть положительный смысл: они помогают, например, ребенку пережить стресс, сохранив целостность личности. Если ребенок младше года переживает стресс без таких защитных механизмов, то он заболевает, становится психопатом.

Книга Откровения описывает психологическое изменение человека, о. Филипп употребил даже слово «мутация», от соприкосновения с духовной реальностью. В своем размышлении он также обратился ко второй и третьей главам: письмам церквам. Церковь – это собрание тех, кто ответили на духовный вызов. Эти 7 церквей Апокалипсиса – это 7 возможностей ответить на вызов. Покаяние-метанойя всегда обращено вперед, в будущее, а не назад, в прошлое. Люди обычно понимают покаяние неадекватно: как рассказ и сожаление о том, что было. Тогда как покаяние – это устремленность в будущее и понимание того, что все еще впереди. Нужно не страдать, бесконечно подавляясь чувством вины за содеянное, а как можно скорее обращаться вперед, чтобы увидеть новое начало и новые возможности. Описывая то, что случилось с церквами из 2-й и 3-й главы Апокалипсиса, автор книги Откровения говорит о том, что требуется от человека аскетической традицией.

Например, в сюжете с церковью Смирны Христос являет Себя в страданиях. Не надо бояться страданий, говорит о. Филипп. Когда ты боишься страдать и стремишься избежать страданий, страдания и боль только возрастают. Наоборот, нужно войти в страдание с доверием. И тогда ты увидишь Христа, являющегося в этих страданиях.

Христианская жизнь тесно связана с крестом. А крест – это всегда сочетание противоположностей – вертикали и го-

ризонтали. Всё в Библии основано на этом сочетании. Такая bipolarность присутствует в Апокалипсисе в виде антагонизмов: жена – блудница, Иерусалим – Вавилон, ребенок – зверь, агнец – дракон. В этих парах выбор стоит или-или. Это несочетаемо: мы должны быть, как жена, а не блудница, как Иерусалим, а не Вавилон и т.д. О. Филипп, указывая на существующее противопоставление, завершил свой доклад выводом о том, что это описание борьбы, в мире и в наших сердцах, борьбы за свободу, за жизнь, имеет и аскетическое значение.

Завершая рассказ о съезде, хочется отметить плодотворное участие в нем молодежи, причем не только в качестве помощников, слушателей и участников дискуссий. Наравне с известными учеными и пастырями с интересным докладом о месте Апокалипсиса в своеобразной философии Рене Жирара выступил Андрей Строцев, студент магистратуры Высшей школы социальных наук.

Серьезно обогатили программу съезда, наряду с богословскими и философскими докладами, выступления скорее эстетического характера. Таким, наряду с уже упоминавшимся художественным прочтением Апокалипсиса, стало вы-

О. Жан-Клеман Жолле

ступление священника Антиохийского патриархата о. Жана-Клемана Жолле, блестящего музыкального теоретика и автора классического учебника сольфеджио для учащихся французских музыкальных школ. Даже пишущего эти строки, человека, абсолютно лишенного какого-либо музыкального слуха и памяти, захватил крайне интересный рассказ о. Жана-Клемана о нелитургической музыке для концертного исполнения на темы Апокалипсиса.

Как бывает при завершении работы летнего лагеря в Серважерре, богословских конференций, съездов Западноевропейского братства и других встреч, которые организуются и проходят при активном участии РХД, в конце работы съезда душу переполняли мысли, впечатления и одновременно охватывало чувство легкой грусти от предстоящего расставания с друзьями. Хочется поблагодарить всех, кто не пожалел сил и времени для организации этого замечательного форума.

АЛЕКСАНДР БУРОВ

IN MEMORIAM

Жорж Нива

Три слависта: скрещение судеб*

Жаклин де Пруайяр, Вероника Лосская и Мишель Окутурье оказались сегодня вместе, объединенные своей недавней смертью, и мы чтим их память. Я их хорошо знал, ценил, любил, всех троих, но каждого по-своему. Сегодня здесь у меня такое впечатление, словно собрались члены одной семьи. Я позволю себе сначала сказать несколько слов, очень личных, о Жаклин и Веронике, а потом более подробно поговорим о Мишеле Окутурье.

С Жаклин, как и с Мишелем, я познакомился, как только приехал в Париж: лицейский курс в Луи ле Гран, лекции по грамматике, которые читал Пиду, лекции Пьера Паскаля в Сорbonне и на улице Ульм, семинар Никиты Струве в Сорбонне и семинар Клода Фриу в Эколь Нормаль.

Жаклин происходила из аристократической семьи, из потомков наполеоновской знати, благочестивых и привыкших скорее к адвокатским одеждам, как и ее муж Даниэль. Мы вместе с ней были в МГУ, в Московском государственном университете. Вместе ездили тогда во Владимир и Сузdal. Там не было ни одного туриста, это еще не считалось Золотым Кольцом... Побывали в этой жемчужине – церкви Покрова на Нерли, температура была: -20° . Мы укрывались в ворон-

* Слово, произнесенное в парижском культурном центре им. А.И. Солженицына на вечере памяти славистов Мишеля Окутурье, Вероники Лосской и Жаклины де Пруайярд 15 апреля 2019 года.

ках, образовавшихся в снегу. В них было тепло. Мы много смеялись. Она была и до конца жизни оставалась очень смешливой. В Сузdalском музее сторож, смягчившись, открыл нам дверь. –4°. Хорошо!

Православная Россия, Библия в русской культуре, труды обер-прокурора Священного Синода Победоносцева, св. Иоанна Кронштадтского: Россия Жаклин была верующей Россией. К ней принадлежал и Пастернак. Поэт вел свои дела с безумной беззаботностью. К Фельтринелли, которому было поручено издание «Доктора Живаго», он приставил мужа Жаклин. Из этого вышла путаница, юридические тяжбы, жалобы, подпольные соглашения. Порой мне приходилось быть посредником. Жаклин стала одной из первых среди тех, кто попытался дать общий обзор творчества Пастернака, в своей книге она нашла нужную тональность.

Но по сути больше всего она жила той книгой, которую так никогда и не написала. Россия Чехова – это не просто верующая Россия, хотя рассказ об умирающем архиереем, которого пришла навестить его бедная мать, один из самых прекрасных. Жаклин любила Чехова и хотела написать большую книгу об изображенном Чеховым обществе и прежде всего классифицировать его многочисленных персонажей. Мы не раз обсуждали эту немыслимую классификацию. Это все равно что классифицировать капли воды в море. Потому что Чехов – это вся Россия, все профессии, все странники, все характеры. Это русский Лабрюйер, помноженный на обычного статиста с улицы, из деревни, с каторги. Мы смеялись над таким дерзновением: попытаться удержать русский народ чайной ложкой этих маленьких рассказов! Ужасна была смерть Полины, ее дочери. Но тут встала на стражу вера Жаклин.

С Вероникой я познакомился через Семонов, через Лосских – Жана-Поля и Марию, через Магдалину, маму Екатерины, Марии и Николая, мужа Вероники, который в конце жизни стал священником. С ним нас познакомил еще один Николай, профессор английской литературы в Нантере, как и я сам. Ну и конечно, познакомила нас Цветаева, которой была посвящена ее диссертация, ее opus magnum, да и вся ее жизнь в целом. Недавно вышел третий том переводов в издательстве Syrtes. Толстый, внушительный, точный, внимательный. У меня обычно иные принципы перевода, но перед

этим трудом я снимаю шляпу. В конце, после смерти мужа, она бессознательно решила умереть. Мне выпала удача, счастье повидаться с ней за восемь дней до ее смерти. Я никогда больше не видел человека в предсмертном состоянии, пребывающего в такой благодати и ясности духа. Для меня это воспоминание, хоть и позднее, останется одним из главных. Был существенный парадокс между нею и предметом ее мысли и жизни, Мариной, этой огненной поэтессой, приближаться к которой было рискованно. И среди тех, кто к ней приближался, я знал двоих: Марка Слонима и Бориса Пастернака.

Мне осталось рассказать о Пастернаке, потому что мне осталось рассказать о Мишеле Окутурье. Это был выдающийся человек и ученый. Его отец был русистом и специалистом по чешскому языку и литературе, учеником Поля Буайе в Школе восточных языков, — выйдя на пенсию, он обогатил «Библиотеку Плеяд» тремя томами Толстого, но задолго до этого, в 1930-е годы, переводил как Чапека, так и Пильняка с Эренбургом. Гюстав Окутурье университетской карьере предпочел журналистику. Он стал корреспондентом агентства Гавас и начал свою творческую карьеру в Праге, где и женился; Мишель родился в 1933-м, в семье, где говорили и по-чешски, и по-французски, а позднее и по-русски. Поэтому Мишель владел всеми тремя языками. Его отец много раз менял должности и переезжал, но во время войны семья жила в Каире, и детей — Мишеля, Маргариту (будущего психоаналитика и жену Жака Дерриды) и Жоржа — отдали в католическую школу. В 1944–1945 годах Гюстав увозит семью в Москву, где младшие Окутурье живут под строгим надзором, времена ведь сталинские, процветает «бдительность». Но именно там начинает вырисовываться будущая судьба Мишеля: именно русский, третий его язык, станет у него почти что первым.

В 1955 году — он выпускник Эколь Нормаль, как и Клод Фриу, оба — ученики сфинкса Паскаля, оба уезжают в Москву, куда уеду два года спустя и я сам. Они входят, в прямом смысле этого слова, в здание в форме свастики на Ленинских горах. Мишель вернется туда еще раз в 1956 году, и тогда-то мы с ним и познакомимся.

Поездка в подмосковный поселок Переделкино, тогда просто деревушку посреди леса, 20 мая 1956 года, вместе

с Львом Халифом, молодым советским поэтом, и Луи Мартинезом, еще одним выпускником Эколь Нормаль и учеником Пьера Паскаля, сыграет в его жизни важнейшую роль: они поедут в Переделкино к поэту Борису Пастернаку, на его дачу, и он проведет там незабываемые полдня в обществе поэта. Он рассказывал мне об этом много раз. Иван Толстой рассказал об этом событии по следам интервью с Луи Мартинезом. Но в рассказе этом много неточностей, говорил Мишель. И Луи Мартинез уже не успел эти неточности в своем интервью поправить. Тогда «Доктора Живаго» передали туринскому издателю Фельтринелли. Борис Леонидович не сказал об этом ни слова (тогда как в рассказе Ивана Толстого все ровно наоборот).

Что же на самом деле произошло в тот весенний день в Переделкино? По рассказам Мишеля, по его переписке с поэтом можно восстановить события. Пастернак в то время испытывал глубокую, детскую радость от знакомства с внешним миром, он просил молодых французов рассказать ему об их литературных исследованиях. Поэт с привычным, ставшим легендарным вниманием слушал, как Мишель говорил о Толстом и Стендале. Пастернак был очарован отличным русским языком и образованностью этого французского юноши, и между ними завязалась настоящая дружба. На отличной выставке в парижской Школе изящных искусств в 2013 году, организованной Вероникой Жобер и Лорен де Мо, «Интеллигенция, между Францией и Россией: неизданные архивные документы XX века», можно было увидеть письма поэта к своему переводчику. Письмо от 4 февраля 1958 года великолепно, хотя приправлено юмором, связанным с тем чувством опьянения, которое пропитывает все письма поэта после Оттепели. Рукопись, написанная старым пером и фиолетовыми чернилами, гласит: «Мой дорогой Мишель, это безумие – попытаться ответить на ваш прирожденный русский язык моим смешным французским». Он хвалит не только то, как Мишель перевел стихи Юрия Живаго, но также и посланное ему на прочтение его собственное стихотворение. Пастернак говорит об их «близости» и отвергает отговорку Мишеля, назвавшего такую близость просто «подражанием» с его стороны. Пастернак на это говорит ему, что для него Александр Блок как был, так и остался богом, тогда

как Рильке, поэт, с которым дружил его отец, художник Леонид, и которым он и сам долго восхищался, таковы были пестрые. Он освободился от него потому, что слишком долго считал себя просто подражателем Рильке.

Такие признания вызваны дружбой с Мишелем, завязавшейся в тот первый их разговор в Переделкино, когда Мишель горячо и справедливо говорил о Толстом как подражателе Стендоля. А тем временем издательство «Галлимар», то есть Брис Парен, попросило Мишеля, Жаклин де Пруайяр, Элен Пелтье (позже она станет женой скульптора Замойского) и Луи Мартинеза перевести «Доктора Живаго». Что и было сделано, в полной тайне и анонимно.

Позже мне довелось сотрудничать с Мишелем (для *Cahier de l'Herne* о Солженицыне в 1970 году), и это было чистой радостью, из-за профессиональной и человеческой щедрости Мишеля. В противоположность тому, как работает большинство интеллектуалов, он отдавал все. Отсюда и его бесчисленные ученики-друзья, наводнившие французскую славистику.

Поэт-переводчик, стихи он переводил чудесно, сохраняя верность краткости, рифме, строфике. Переводил Пастернака (вся «Плеяда»), как и Мандельштама, у которого он с поразительной точностью перевел сборник «Камень». Такая необычайная простота действительно была сродни новому творению. То же самое можно сказать и о прозе, в частности, о прозе Толстого, его «Крейцеровой сонате», или рассказах, собранных в сборник «Восставшие».

Он оставил след в стольких областях, что в таком кратком сообщении их все никак не охватить: русский формализм, марксистская критика искусства Лукаша 1930-х годов, диссидентство во всех его аспектах и в первую очередь русская струя как часть европейской литературы: Лев Толстой и Борис Пастернак.

Это самое примечательное: на обоих концах его жизни две книги о каждом из обоих этих писателей-гигантов. Между двумя этими книгами — множество исследований, переводов, работ его учеников и аспирантов, не говоря уже об Ассоциации друзей Толстого и знаменитом журнале *Cahiers de Tolstoï*, в котором все мы так или иначе хоть чуть-чуть поучаствовали.

Интересно, что, если сравнить его Пастернака 1 (в серии *Écrivains de toujours* в издательстве «Seuil») и Пастернака 2

(в издательстве «Syrtes»), мы увидим все ту же мысль, только обогащенную, развившуюся и даже удивляющуюся некоторым новым открытиям. Он не работает в архивах, но то, что публикаторы-эрудиты черпают из архивов, он все это сполна вычитывает из самих текстов, овладевает этим лучше их и находит там все искомое задолго до них.

Переписка Пастернака, опубликованная сыном поэта Евгением Борисовичем, была прочитана Мишелем с редкостным вниманием, он заметил там такие детали, которые для всех остальных прошли незамеченными, и она стала для него настоящей золотой жилой. Пастернак, Мишель это чувствовал с самого начала, хотел оставаться «безликим», насколько это возможно, хотел превратить свое «я» в «каждого» современника, во всех. И Мишелью удалось это показать. Продемонстрировав, что влияние отца поэта (друга Толстого, проиллюстрировавшего роман «Воскресение») было глубже, чем кажется на первый взгляд. Или же показав нам (в частности, на примере судьбы молодого поэта Силлова), как быстро установился сталинский закон молчания. Борис писал отцу, что Силлов был единственным живым человеком, ставшим для него живым упреком в том, что он не марксист. Потому что об аресте Силлова Борис Леонидович узнал в вечер премьеры «Бани» Маяковского, да и самоубийство самого Маяковского было уже не за горами. Закон молчания становится общим местом. Булгаков показал это в образе мага Воланда. Пастернак, на свой манер, был, может быть, единственным, кто нарушал этот закон молчания. Может быть, поэтому он и пережил эту сталинскую бойню, уничтожавшую литературу, искусство, кино. Его дерзость удивляла Хозяина страны. Эта дерзость заметна уже в «Охранной грамоте», в том удивительном абзаце о Венеции времен дожей и о *bocca di lione*, этой адской щели, соседствующей с яркими и пышными росписями Тинторетто и Веронезе, щели, куда по ночам опускали тайные доносы. Но, добавляет поэт, *bocca di lione* истлели, а живопись Венеции осталась.

С Львом Толстым тот же подход. И, в частности, составлением сборника текстов Толстого о деспотизме, не существовавшего в толстовской библиографии, «Восставшие», он и завершил свои многолетние размышления об абсолютном мэтре русской прозы. И это одновременно и размышление

над тем, что такая человеческая жестокость в соединении с притворством, и все тот же закон молчания. Потому что злоба может заполнить собой все человеческие молекулы. Этот небольшой сборник текстов, почти неизвестных французскому читателю, дышит негодованием и даже задыхается им перед лицом государственного насилия.

Так смыкаются два пути, и вот уже мягкий мечтатель о счастье в толстовском смысле слова, каким был раньше Мишель Окутурье, медленно приближается к все более и более глубокому пониманию человеческого несчастья. Трагическая кончина его сына Дениса и затяжная болезнь его жены Альфреды ведут его по этому пути.

Мишель Окутурье, друг Андрея Синявского, перевел его «Голос из хора». Даже в ГУЛАГе иногда видно небо. Не всегда. В ледяной яме, где заживо сгорал Аввакум, неба уже не было. Но был Аввакум. Перечитывая перевод Мишеля Окутурье этого великого и парадоксального текста Синявского, мы начинаем чувствовать и его собственное родство с человеческим «хором», способным петь даже в яме или в двух шагах от адской «босса». Славистика, как нам показывает Мишель Окутурье (вслед за своим учителем Пьером Паскалем), это больше, чем славистика.

Мне кажется, закончить нам стоит стихами Юрия Андреевича Живаго.

Среди препятствий без числа,
Опасности минуя,
Волна несла ее, несла
И пригнала вплотную.
<...>

И вот теперь ее отъезд,
Насильственный, быть может,
Разлука их обоих съест,
Тоска с костями сгложет.

Dans les années d'adversité,
Où vivre était un drame,
Le destin l'avait rejetée
Vers lui comme une lame.

Et maintenant, contre son gré,
Peut-être elle est partie,
La douleur d'être séparé
Dévorera leurs vies.

Это написано Мишелем, взявшим в свои руки перо Пастернака, а тот, в свою очередь, взял перо Юрия Живаго. И кто теперь догадается, что это перевод? Как и «чарта Апеллеса», та самая, с помощью которой художник Апеллес поставил как-то ночью свою подпись перед дверью своего соперника Зевксида, и это тоже «ересь» простоты. Мишель Окуторье славился такой ересью.

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

«Отец Франсуа, православный священник»: памяти о. Франсуа Брюна (1931–2019)

Год назад, 16 января 2019 года, скончался отец Франсуа Брюн, французский богослов, автор более 20 книг о христианских мистиках, богословии иконы и общении с умершими.

Давний друг и автор YMCA-Press (издавшей в 1983 году его книгу «Pour que l'homme devienne Dieu»¹), он был участником наших франко-русских встреч, на которых немногоже словно, но ярко выступал, в частности, об опыте прочтения трудов отца Сергея Булгакова (по случаю посвященного ему коллоквиума в июне 2014 года) и в связи с кончиной Никиты Алексеевича Струве в октябре 2016 года. С последним его связывала глубокая дружба, о которой он оставил скромное и проникновенное свидетельство².

У отца Франсуа — долгий и непростой путь к вере, к которому он часто возвращается в своих сочинениях³. Решение о принятии духовного сана католического священника приходит в результате углубленного изучения еврейского, иероглифического египетского и ассирио-авилонского языков, сперва — на отделении классической филологии в Сорbonne, затем в Парижском католическом институте и университете в Тюбингене.

С 1964 года преподает Священное Писание в Библейском институте в Риме, затем — догматику и Священное Писание в Нанте, Родезе и Байё. Однако в западном богословии, равно как в римско-католической практике богослужения, он не находит присутствия живого Бога, параллельно открывавшегося ему в личном молитвенном общении как Бог Любви. Все более и более находит он ответы на свои запросы у мистиков Восточной церкви. Все его богословское творчество, начиная с первой статьи «Введение в духовный опыт Восточной Церкви» (опубликованной в «Вестнике Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата» в 1963 году⁴), отражает вехи этого диалога, в котором явственно звучат, среди прочих голоса Владимира Николаевича Лосского, автора «Очерка мистического богословия Восточной церкви»,

о. Иоанна Мейendorфа и его сочинений о Григории Паламе, Оливье Клемана в его открытии высот православной мысли в книгах «Православная церковь» (Paris: Que sais-je) и «Преображение времени» (Delachaux et Niestlé).

Недавние отголоски этой продолжающейся беседы можно услышать в упомянутой статье «Счастье любить Бога», где богословская мысль, ориентированная на опыт отцов Восточной церкви, подтверждена реальным жизненным опытом, словно в подтверждение часто цитируемых строк Павла Евдокимова: «Существование Бога нужно не доказывать, а испытать на опыте». Голос этого богослова парижской школы в этом тексте, быть может, наиболее ощутим. «Так любить Бога – значит участвовать в Любви, которой обмениваются друг с другом Три Божественных Личности»⁵. Пишущий эти строки, несомненно, знаком с «Богословием иконы» Павла Евдокимова, предлагающим изумительное по тонкости и глубине толкование Божественной Троицы Рублева как богословия любви. Внимательный читатель различит и другие русские голоса – Николая Бердяева о Боге-Творце, Который «отлично умеет сотворить мир без страдания и зла»; о Боге, нуждающемся в любви человека, без которой невозможно домостроительство. Это

не умаляет трагического вопрошания, «неуничтожимого обвинения против Бога», напоминающего о «слезинке ребенка» Ивана Карамазова, но и неизменно приводящего французского богослова к ответу Алеши, к «убеждению в полной невиновности Бога», познаваемого в акте Любви⁶.

Первое обобщение этих мыслей отец Франсуа передал в книге «Pour que l'homme devienne Dieu» («Чтобы человек стал Богом»), вышедшей в русском переводе С.А. Гриба в петербургском издательстве «Алетейя» в 2014 году. Предисловие к книге по просьбе автора написал отец Симеон, архимандрит православного монастыря св. Силуана, давний друг и собеседник автора, позволяющий с особой достоверностью почувствовать, как сочинения отца Франсуа могут стать «опытом полностью — всего того, чего мы так жаждали и желали уже здесь...».

В ходе подготовки этой книги (соиздателем которой с французской стороны выступила YMCA-Press), состоялось наше знакомство с автором, превратившееся в многолетнюю дружбу, а также родилась мысль об издании других сочинений отца Франсуа на русском языке. Он видел в этом первую возможность соединиться с Русской православной церковью, к которой все более и более тяготел, как к живительному источнику, глубоко страдая от застывшей схоластичности западного богословия и от разделения между западными и восточными Церквами. Его бестселлером на Западе стала книга «Les morts nous parlent» («Расслыпать умерших»), суммирующая свидетельства десятков миллионов людей, которых на несколько мгновений считали умершими, но которые ожили и рассказали об опыте другой жизни. Эта книга написана в 1987 году⁷, после участия автора в работе французской международной организации по изучению околосмертных состояний (I.A.N.D.S.), основана на строгом научном опыте и христианском отношении к смерти, что придает ей особый статус в этом роде литературы. Это подтверждает ее феноменальный успех на Западе: книга разошлась тиражом 300 тысяч экземпляров, выдержала 9 переизданий, переведена на 7 языков (среди которых испанский, итальянский, польский, болгарский, румынский). Наконец, несколько месяцев назад по этой книге Пьером Барнерьясом снят фильм «Танатос, последний переход»⁸, включающий новые свидетельства «умерших», в том числе из Твери, который наверняка был бы

высоко оценен автором. Русский перевод книги, сделанный Натальей Ликвинцевой, издан «Алетейей» в 2015 году и вызвал, как представляется, подлинный интерес⁹.

За ним последовал «Христос и карма. Возможен ли компромисс?»¹⁰ об открытости христианства к диалогу с другими религиями. «Восточные вероисповедания, и прежде всего, православие, оказываются для отца Франсуа своеобразным маяком», — пишет в предисловии православный священник Николай Лосский, сын прославленного богослова «парижской школы», отмечая верность отца Франсуа избранной линии. Он подчеркивает и близость авторской манеры рассуждения платоновским диалогам, позволяющей его читателю новое восприятие христианской доктрины, которая оказывается как бы «перевернутой», заново открытой и сформулированной и тем самым приемлемой для современного восприятия. Наконец, книга особенно важна как ориентир для современного русского читателя, большей частью сформированного вне православной среды, который «в случае духовных поисков будет обращаться к самым разным традициям и верованиям»¹¹.

В этой же линии в 2019 году на русском языке посмертно изданы три книги: «Dieu et Satan» («Бог и Сатана. Борьба продолжается»), «Un Christ, deux christianismes» («Один Христос, два христианства»), «Le Christ autrement» («О Христе по-другому») — издания, осуществленные благодаря поддержке французских друзей отца Франсуа, главным образом Жана-Макса Тасселя, духовного ученика, основателя ассоциации «Deva Europe», оказывающей помочь умственно отсталым и детям-сиротам в Индии.

В последние месяцы жизни о. Франсуа осуществил свое давнее желание перейти в православие. Он был рукоположен по благословению владыки Нестора, епископа Корсунского, на Пасху 2018 года в православном приходе парижского пригорода Ванв. Во время наших последних встреч он говорил об этом как о главном событии своей жизни, о приобщении к живому преданию Восточной церкви, в словах, близких отцу Сергию Булгакову, которого почитал одним из своих новых духовных наставников. С тех пор он просил своих издателей подписывать его книги «отец Франсуа, православный священник», отражая новый открывшийся ему духовный горизонт.

Как и его книги, его увлеченность православием передалась его друзьям, многие из которых стали православными и создали очаги православной веры во Франции: отец Илья (Раго), друг отца Плакиды, основал монастырь Преображения во французских Альпах; цитируемый выше отец Симеон (Коссек) – монастырь св. Силуана под Локеном, неподалеку от Бретани. Жан-Мари Гурвиль, исследователь в области социальных и политических наук из Канна, член редколлегии журнала «*Messager Orthodoxe*» («Православный Вестник»), основанного Н.А. Струве, вспоминает об отце Франсуа как об учителе – в богословии и в жизни, в прошедшие и будущие времена¹². Более трехсот человек, присутствовавших на отпевании отца Франсуа в православном соборе Пресвятой Троицы на quai de Branly, «общество друзей отца Франсуа», спонтанно возникшее в ванвском приходе отца Михаила (Руссо), – новые свидетельства жизненности этих слов Жан-Мари Гурвиля.

Отец Франсуа похоронен на приходском кладбище Ванва. Он завещал оставить на своей могиле надпись:

Отец Франсуа Брюн,
православный священник.
Я – не здесь.

В этих словах – то главное, к чему стремилась его мысль, та радость встречи, которую он предчувствовал на протяжении 88 лет жизни, собирая свидетельства «умерших».

И – не в подтверждение ли этих слов? – письмо, полученное мною 19 января 2019 года, три дня спустя после его кончины:

«Дорогая Татьяна,
Это письмо отправлено одним из моих друзей. Когда Вы получите его, я уже достигну радости Божьего Царства.

Буду Вам очень благодарен, если Вы предупредите об этом Сергея Гриба и Наталью Ликвинцеву.

Моя глубочайшая признательность за все то, что Вы сделали для меня – и, главное, для Бога.

Отец Франсуа»

Последняя мысль – о друзьях, о его русских переводчиках; последнее движение сердца на этой земле – благодарность

каждому, в величии и малости его дел. И главное, переданная и воспламеняющая способность «любить Бога», которую он утверждает в своем тексте-завещании. «Это влияет на судьбы мира, будь Вы дворник или император».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переиздана во французских издательствах Dangles (1992), Presses de la Renaissance (2008), Le temps présent (2013).

² Франсуа Брюн, свящ.. Памяти Никиты Струве // Вестник РХД. 2016. № 206. С. 52–53.

³ См., например, текст «Счастье любить Бога», опубликованный в рубрике «Богословие» этого номера. Он написан тотчас после принятия автором сана православного священника в 2018 году, недолго до кончины, и емко резюмирует главные мысли и вехи его жизненного пути. Он опубликован в качестве заключительной главы к книге «Un Christ, deux christianismes» («Один Христос, два христианства»), только что опубликованной в русском переводе Александра Черноглазова в издательстве «Алетейя» (Санкт-Петербург) при сотрудничестве с YMCA-Press.

⁴ Introduction à la spiritualité de l'Eglise d'Orient // Messager de l'Exarchat du patriarcat russe en Europe occidentale. 11ème année. № 42–43, avril–septembre 1963. P.112–132.

⁵ «Счастье любить Бога». См. текст о. Франсуа в рубрике «Богословие» этого номера.

⁶ Там же.

⁷ Les morts nous parlent. T. 1. Le Félin, 1988; T. 2. Oxus, 2006. Отец Франсуа возвращается к этой теме в книгах: «Les morts nous aiment» и «Mes entretiens avec les morts» (Paris: Le Temps Présent, 2009, 2012).

⁸ Pierre Barnérias. «Thanatos, l'ultime passage». Le premier documentaire Cinéma sur l'Après-Mort. Сентябрь 2019, Париж.

⁹ См.: <https://libking.ru/books/religion/572118-fransua-bryun-rasslyshat-umershiih.html>.

¹⁰ Brune Père François. Christ et Karma. La réconciliation? Coll. Mutation, 2002. Русский перевод Натальи Ликвинцевой (Санкт-Петербург: Алетейя, 2017).

¹¹ Там же, предисловие Николая Лосского.

¹² «Il fut mon maître, il l'est encore et il le sera. Je lui dois tant» («Он был моим учителем, остается им до сих пор и будет оставаться. Я стольким ему обязан» (*ph.*); письмо от 16 января 2019 г.).

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

Венок от Бунинской группы:
Олег Анатольевич Коростелев
(11 января 1959 – 20 марта 2020)

Ушел из жизни Олег Анатольевич Коростелев.

Эта ужасающая весть всех нас, знавших его, ошарашила, застала врасплох. В голове не укладывается: его — жизнерадостного, энергичного, полного замыслов и проектов — больше нет с нами.

Как выразить то, что мы испытываем? Ведь эта утрата действительно невосполнимая. Мы в известном смысле — *осиротели*.

Вся жизнь Олега Анатольевича, масштаб его личности, круг его научных интересов опровергают расхожее мнение, что «незаменимых нет». Еще как есть — и в случае Олега Анатольевича это особенно ясно.

Поразительно, сколько всего знал и чем только не интересовался Олег Анатольевич! Литература, история, политика, кинематограф, издательское дело, культура русского зарубежья... Недаром сборник статей, составленный в честь его 60-летнего юбилея, был озаглавлен «*Emigrantica et cetera*». Очень правильное заглавие.

Олег Анатольевич родился 11 января 1959 года в Прокопьевске (Кемеровская область). В 1982 году окончил Новосибирский государственный педагогический институт. Начал свою литературную деятельность с журналистики, в новосибирских газетах и журналах («Сибирские огни», «Советская Сибирь», «Молодость Сибири») выступал как литературный критик. В 1989 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. В 1995 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поэзия Георгия Адамовича».

В 1990-х годах он — преподаватель кафедры истории русской литературы XX века Литературного института им. А.М. Горького.

С 2003 года — старший научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX – начала XX века Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. С 2012 года — старший

научный сотрудник отдела «Литературное наследство», а с 2015 года – заведующий этим отделом, в 2016–2020 годах являлся заместителем директора ИМЛИ РАН по научной работе.

В 2004–2017 годах Олег Анатольевич работал в должности ведущего научного сотрудника Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, был заведующим научно-исследовательским отделом истории литературы и печатного дела.

В 2016–2019 годах – доцент кафедры мировой литературы и культуры МГИМО.

Это был пытливый исследователь, ученый широчайшего профиля: литературовед, архивист, библиограф, источниковед, текстолог, историк литературы... Количество архивных материалов российского и зарубежного происхождения, которые он нашел, опубликовал, прокомментировал, не поддается счету. При этом он успевал заниматься преподавательской деятельностью, руководить целыми отделами – и в Доме русского зарубежья, и в Институте мировой литературы РАН...

Оставленное им наследство трудно переоценить: это научно-источниковедческие сайты (www.emigrantika.ru, www.ivbunin.ru и др.), которыми охотно пользуются российские и зарубежные исследователи, научный журнал, научное издательство... Все это непременно надо сохранить. Все это должно жить и после Олега Анатольевича, в том числе как память о нем...

Можно долго перечислять научные проекты, инициатором и/или участником которых он был. Один из таких проектов – «Академический Бунин». *De jure* он возник сравнительно недавно – 3–4 года назад, но *de facto* существует уже более 15 лет. Он вобрал в себя целый ряд научных исследований, осуществлявшихся поначалу независимо друг от друга, но со временем слившихся в единый буниноведческий процесс.

Мы не преувеличим, если скажем, что прорыв в современном буниноведении стал возможен во многом благодаря именно Олегу Анатольевичу.

Он был ответственным редактором альманаха «Диаспра. Новые материалы», в первых трех выпусках которого была опубликована полностью переписка И.А. Бунина

с Н.А. Тэффи и многие другие ценные архивные материалы русского зарубежья.

Он (совместно с Р. Дэвисом) был редактором-составителем и издателем научной серии «И.А. Бунин. Новые материалы».

Под его редакцией вышел четырехтомный труд «“Современные записки”, Париж, 1920–1940. Из архива редакции», где Бунину удалено немало внимания.

При его содействии велась работа над продолжением «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» эмигрантского периода.

Он возглавил исследовательскую группу, приступившую к подготовке 110-го тома (в 4-х книгах) из серии «Литературное наследство» — «И.А. Бунин. Новые материалы и исследования» (первая книга этого тома увидела свет в 2019 году, работа над второй близка к завершению — Олег Анатольевич успел ее прочитать и отредактировать).

Он же предложил составить еще один том «Литературного наследства» (тоже в 4-х книгах) — под названием «Вокруг Бунина». И эта работа уже началась: материал вчерне уже распределен по будущим книгам.

Он выступил одним из инициаторов формирования Бунинской группы, целью которой является подготовка первого научного Полного собрания сочинений И.А. Бунина.

При его, как говорили в старину, «ближайшем участии» в рамках проекта по гранту РНФ «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология» был создан научно-источниковедческий сайт «Академический Бунин», начала выходить новая научная серия книг «Академический Бунин» (при жизни Олега Анатольевича вышло два выпуска).

Это далеко не полный перечень того, что Олег Анатольевич *успел* сделать. И сколько бы сделал еще, если бы не эта внезапная кончина... Теперь то, что он *не успел*, предстоит сделать нам.

Работы будет много: Олег Анатольевич оставил нам целое море материалов, тем, сюжетов, идей, замыслов...

Трудно себе представить — как мы будем теперь жить, работать без Олега Анатольевича, без его помощи и советов. Да, мы осиротели.

Светлая память нашему дорогому другу и коллеге Олегу Анатольевичу Коростелеву.

*B.B. Полонский, директор ИМЛИ РАН,
руководитель гранта РНФ «Академический Бунин».
A.F. Кофман, заместитель директора ИМЛИ РАН.
Члены Бунинской группы: A.B. Бакунцев, T.M. Двинятина,
З.С. Закружная, E.B. Кузнецова, C.H. Морозов,
E.P. Пономарёв, A.B. Протопопова, M.A. Фролов.
Р.Дэвис, заведующий Русским архивом в Лидсе
(Leeds Russian Archive)*

Коротко об авторах

Александров Виктор Владиленович (Будапешт, Венгрия). Род. в Орле. Закончил истфак МГУ, учился на отделении средневековых исследований в Центральноевропейском университете в Будапеште. Доктор философии (2004). Автор англоязычной книги по истории источников средневекового права, ряда статей и книги о богословии о. Николая Афанасьева. Издатель сборника работ о. Николая Афанасьева «Церковь Божия во Христе» (М.: ПСТГУ, 2015).

Буров Александр Анатольевич (Санкт-Петербург). Юрист, религиовед, старший научный сотрудник Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге.

Викторова Татьяна Владимировна (Париж, Франция). Филолог, профессор Страсбургского университета в области компаративистики. Автор книг «Анна Ахматова: Реквием по Европе» и «Мистерия в Европе: от Малларме до Бродского», а также статей о писателях русского зарубежья (Ремизов, Набоков, Цветаева, мать Мария (Скобцова)) и сравнительных исследований французской и русской поэзии XX века (А. Ахматова и И. Бонфуа, О. Мандельштам и Ф. Жакоте, Л. Арагон и В. Маяковский и др.).

Гудаков Владимир Викторович (Париж, Франция). Окончил исторический факультет Кубанского университета. В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию в Институте славяноведения и балканстики Академии наук СССР на тему «Проникновение нацистской Германии в Югославию и Грецию в 1939–1941 гг.», в декабре 2007 года – докторскую диссертацию по теме: «Северо-Западный Кавказ в системе межкультурных и межрегиональных отношений в XIII–XIX веках». Автор публикаций во Франции, Англии, Германии, Венгрии, России и Японии на тему кавказских произведений Л.Н. Толстого и А. Дюма, восприятия идей Л.Н. Гумилёва зарубежной наукой, межкультурных связей между Элладой и Северным Кавказом и др.

Дубровина Светлана Николаевна (Москва). Кандидат филологических наук, заведующая отделом по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Специ-

алист по истории французского театра и драмы XX в. и культуре русского зарубежья. Переводчик с французского языка.

Зелинский Владимир, протоиерей (Брешия, Италия). Настоятель церкви Всех скорбящих Радости в г. Брешии, писатель, богослов.

Ликвинцева Наталья Владимировна (Москва). Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, переводчик с французского языка.

Медведев Александр Александрович (Тюмень). Доцент кафедры русской литературы Тюменского государственного университета, кандидат филологических наук, автор диссертации: «Эссе В.В. Розанова о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом: Проблема понимания» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997). Специалист в области русской литературы и религиозно-философской мысли XIX–XX вв. в историко-культурном контексте «большого времени». Автор более 30 статей в «Розановской энциклопедии» (М.: РОССПЭН, 2008).

Нива Жорж (Женева, Швейцария). Французский историк литературы, славист, профессор Женевского университета, автор книг и статей об Александре Солженицыне, русской литературе, России и Европе.

Носова Светлана Петровна (Аугсбург, Германия). Поэт, переводчик, автор книги стихов «Medicina Animaе» (YMCA-Press). Автор «Вестника РСХД» с 2001 г. Член общества Romano Guardini. Врач, доктор медицины.

Пашкеева Наталья (Париж, Франция). Окончила Историко-архивный институт (ИАИ) Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, Москва) (2008) и магистратуру Школы хартий (École nationale des chartes, ENC, Париж) (2010) по специальности «Архивы и новые технологии в гуманитарных науках». В декабре 2018 г. защитила кандидатскую диссертацию (PhD) в Центре по изучению России, Кавказа и Восточной Европы парижской Высшей школы социальных наук по истории становления международного движения молодых христиан и деятельности американской ветви этого движения, Young Men's Christian Associations (YMCA), в России и в среде русской эмиграции. Автор статей по теме диссертации в «Studies in Russian intellectual history» (T. 10, 2014) и «La Revue russe» (2019. № 53).

Седакова Ольга Александровна (Москва). Русский поэт, прозаик, филолог, богослов, переводчик, лауреат многочисленных литературных премий. Кандидат филологических наук, почетный доктор богословия Европейского гуманитарного университета, академик Амвросианской академии. Работает старшим научным сотрудником Института мировой культуры МГУ.

Erratum: исправление к № 210

В предыдущем номере в статье профессора Франсиса Конта «Памяти Жаклин де Пруайяр» редакция внесла ошибочную биографическую информацию о профессоре Жане Бонамуре (с. 278, сноска 1).

Он проживает в парижском пригороде Issy-les-Moulineaux и продолжает свою исследовательскую деятельность в области изучения славянских литератур.

Мы приносим глубочайшие извинения автору статьи и читателям.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-------------------	---

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Prolegomena к богословию жертвы — <i>Прот. Сергий Булгаков</i> (публ. Н. Струве, Т. Викторовой, Н. Ликвинцевой)	5
Мысли о Церкви (Беседа вторая) — <i>Митрополит Антоний Суровжский</i> (пер. и публ. Елены Майданович).....	24
Из книги «Безгранична любовь» — <i>Архим. Лев (Жилле)</i> (пер. Натальи Ликвинцевой).....	34
Счастье любить Бога — <i>Свящ. Франсуа Брюн</i> (пер. Натальи Ликвинцевой).	41

K 145-летию со дня рождения Н.А. Бердяева

В поисках свободы: две Франции Николая Бердяева — Татьяна Викторова	59
Встреча: Николай Бердяев и Леон Блуа — <i>Оливье Клеман</i> (пер. Натальи Ликвинцевой).	76

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Воспоминания — <i>Марианна Афанасьева</i> (публ. Виктора Александрова).....	90
--	----

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

Анкета «Вестника» о судьбе Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе — <i>Ответы прот. Михаила Фортунато, Антуана Нивьера, свящ. Георгия Кочеткова, протопресв. Иоанна Гейта, Виктора Александрова, прот. Владимира Зелинского, свящ. Ильи Соловьева. Документы</i>	129
--	-----

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

- О чем говорит нам Собор Парижской Богоматери – *Ж. Нива*
(пер. Натальи Ликвинцевой).....177

- Разбитое сердце Собора Парижской Богоматери –
Каролин Беранже.....190

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

- Чистилище. Песнь XXVII – *Данте Алигьери*
(пер., вступление и комментарии Ольги Седаковой).....194

A.И. Солженицын и его «невидимки»

- Ева (Воспоминания о Наталье Столяровой) – *Ив Аман*
(пер. Элен Эмро).....217

- Из дневников А.Б. Дuroвой 1974–1975:
встречи с А.И. Солженицыным
(пер., предисл. и примеч. Татьяны Викторовой).....228

Диалог поэтов

- Осмеяние Цереры – *Ив Бонфуа, Светлана Носова*249

В МИРЕ КНИГ

- О переписке Шмемана с Флоровским – *Виктор Александров*...255

- Книга суда: К столетию сборника «Из глубины» –
Прот. Владимир Зелинский.....268

ХРОНИКА

- Открытие Музея русского зарубежья –
Наталья Дмитриевна Солженицына278

- «Ходить по водам»: выставка о матери Марии в Римини –
Андрей Строццев.....281

Вечера в парижском культурном центре *им. А.И. Солженицына*

- Презентация книги Мари-Кристин Отан-Матьё «Переписка
Станиславского: новые открытия» –
Жефар Абенсур (пер. Светланы Дубровиной)286

О малой форме в литературе в XXI веке: встреча с писателями парижского книжного салона – <i>Наталья Пашкеева</i>	289
Вечер в «ИМКА-Пресс», посвященный 130-летию со дня рождения А.А. Ахматовой – <i>Людмила Маршезан</i>	294
«Каннские хроники» и «Искусство намека»: о последних презентациях 2019 года в книжном магазине «ИМКА-Пресс» – <i>Владимир Гудаков</i>	297
Съезд РСХД в Орсе: заметки участника – <i>Александр Буров</i>	300
IN MEMORIAM	
Три слависта: скрещение судеб – <i>Жорж Нива</i> (пер. Натальи Ликвинцевой)	307
«Отец Франсуа, православный священник»: памяти о. Франсуа Брюна (1931–2019) – <i>Татьяна Викторова</i>	315
Венок от Бунинской группы: Олег Анатольевич Коростелев	321
Коротко об авторах	325
Erratum: исправление к № 210	327

TABLES DES MATIÈRES

Éditorial 3

THÉOLOGIE, PHILOSOPHIE

Prolegomena à une théologie du sacrifice — *Serge Boulgakov*
(*publication de Nikita Struve, Tatiana Victoroff,*
Natalia Likvintseva) 5

Pensées sur l’Église (2e causerie) — *Métropolite Antoine de Souroge*
(*traduction et publication d’Hélène Maïdanovitch*) 24

Extraits du livre *Amour sans limites* — *Archimandrite Lev Gillet*
(*traduction de Natalia Likvintseva*) 34

Le bonheur d’aimer Dieu — *Père François Brune*
(*traduction de Natalia Likvintseva*) 41

145e anniversaire de la naissance de Nicolas Berdiaev

En quête de liberté: les deux Frances de Nicolas Berdiaev —
Tatiana Victoroff 59

Une rencontre: Nicolas Berdiaev et Léon Bloy — *Olivier Clément*
(*traduction de Natalia Likvintseva*) 76

HISTOIRE DE L’ÉMIGRATION RUSSE

Souvenirs — *Marianne Afanassiev*
(*publication de Viktor Alexandrov*) 90

VIE DE L’ÉGLISE

Enquête du Messager sur la destinée de l’Archevêché des églises
orthodoxes russes en Europe Occidentale. —
Réponses du père Michel Fortounatto, d’Antoine Nivière,
du père Georges Kotchekov, du père Jean Gueit,
de Viktor Alexandrov, du père Vlradimir Zelinsky,
du père Ilia Soloviev. Documents 129

QUESTIONS DE SOCIÉTÉ

Ce que nous dit Notre-Dame-de-Paris — <i>Georges Nivat</i> (traduction de Natalia Likvintseva)	177
Le cœur brisé de la cathédrale Notre-Dame-de-Paris — <i>Caroline Béranger</i>	190

LITTÉRATURE ET ART

Purgatoire. Chant XXVII — <i>Dante</i> (traduction, introduction et commentaires d'Olga Sedakova)	194
<i>Alexandre Soljénitsyne et ses «invisibles»</i>	
Éva : souvenirs de Natalia Stoliarova — <i>Yves Hamant</i> (traduction d'Hélène Émereau)	217
Extrait du Journal d'Assia Dourov 1974–1975: Rencontres avec Alexandre Soljénitsyne (traduction et publication de Tatiana Victoroff)	228
<i>Dialogue des poètes</i>	
Poèmes — <i>Yves Bonnefoy, Svetlana Nosova</i>	249

LE MONDE DES LIVRES

Correspondance entre Schmemann et Florovsky — <i>Victor Alexandrov</i>	255
Livre du jugement: pour le centenaire du recueil <i>De Profundis</i> — <i>Père Vladimir Zelinsky</i>	268

CHRONIQUE

Ouverture du Musée de l'Émigration russe — <i>Allocution de Natalia Soljénitsyne</i>	278
«Marcher sur les eaux»: exposition sur mère Marie Skobtsov à Rimini — <i>André Strotsev</i>	281
<i>Soirées dans les Centre culturel russe</i> <i>Alexandre Soljénitsyne de Paris</i>	
Présentation du livre de Marie-Christine Autant-Mathieu <i>Konstantin Stanislavski, Correspondance (1884–1938)</i> — <i>Gérard Abensour</i> (traduction de Svetlana Doubrovina, dessins de Paul Kichilov)	286

La forme brève dans la littérature du 21 ^e siècle: rencontre avec les écrivains du Salon du Livre de Paris – <i>Nathalie Pachkeev</i>	289
Soirée consacrée au 130 ^e anniversaire de la naissance d'Anna Akhmatova – <i>Ludmila Marchezan</i>	294
<i>Chroniques Cannoises et l'Art du sous-entendu</i> : les dernières présentations de l'année 2019 à la librairie d'Ymca-Press – <i>Vladimir Goudakov</i>	297
Congrès de l'ACER-MJO à Orsay: notes d'un participant – <i>Alexandre Bourov</i>	300
IN MEMORIAM	
Trois slavistes, destins croisés – <i>Georges Nivat</i> (traduction de Natalia Likvintseva)	307
«Père François, un prêtre orthodoxe»: in memoriam père François Brune (1931–2019) – <i>Tatiana Victoroff</i>	315
Couronne du groupe Bounine : in memoriam <i>Oleg Korosteliov</i>	321
Notices bio-bibliographiques	325
Erratum sur le numéro 210.	327

Представители «Вестника»

США и КАНАДА

Natalia Ermolaev

Fr. Georges Florovsky Orthodox Christian Theological Society
Princeton University
Princeton, NY 08540
e-mail: nataliae@princeton.edu

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Olga Pattison

5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 BD, UK
e-mail: olga.pattison@talk21.com

НИДЕРЛАНДЫ

Дмитрий Довгер, дьякон

Drususstraat 34, 2025 BS Haarlem
The Netherlands
Tel. +31 6 23549014
e-mail: ddovger@gmail.com

ИТАЛИЯ

Dott. Vladimir Keidan

Via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

ФИНЛЯНДИЯ

Елизаветинское сестричество

Elisabetian sisaristo
PL 120 Turku 20701 Finland – Suomi
Tel. +358 40 734 7549
e-mail: elsisari@gmail.com

РОССИЯ

Москва

Ликвинцева Наталья Владимировна
109240, Москва,
ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел. +7 (495) 915 10 47
e-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Санкт-Петербург

Буровы Александр и Светлана
197375, Санкт-Петербург,
ул. Вербная, д. 19/1, кв. 121
Тел. +7 (812) 230 77 12, +7 921 347 66 88
e-mail: aburov05@rambler.ru

Екатеринбург

Иванова Оксана Витальевна
620041, Екатеринбург,
ул. Уральская, д. 57/2, кв. 171
Тел. +7 965 546 60 75
e-mail: ox0517@gmail.com

Воронеж

Павел Строков, дьякон
394000, Воронеж,
ул. Димитрова, д. 2, кв. 45
e-mail: d.p.strokov@gmail.com

Чувашская Республика

Спирионова Людмила Сергеевна
Центр православной книги «Радонеж»
Национальная библиотека Чувашской Республики
428000, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. Ленина, д. 15
e-mail: sekretar@publib.cbx.ru

БЕЛОРУССИЯ

Минск

Дмитрий Строцев

220100, Минск,

ул. Цнянская, д. 23, кв. 55

Тел.: + 375 29 771 14 73

e-mail: dstrotsev@gmail.com

Гомель

Свято-Никольский мужской монастырь

Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви

246014, Республика Беларусь, Гомель, ул. Д. Бедного, 4

Тел. деж. + 375 232 95 23 35, тел./факс + 375 232 71 92 92

e-mail: gomelmonastery@mail.ru

УКРАИНА

Киев

Вадим Залевский, изд-во «Дух и литература»

04070, Киев,

ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210

Тел. (044) 416 60 20

e-mail: franc@ukma.kiev.ua

Николаев

Шполянский Илья Михайлович

54001, Николаев,

ул. Набережная, д. 5, кв. 13

e-mail: laik@ukr.net

Харьков

Филоненко Александр Семенович

61098, Харьков,

Полтавский шлях, д. 188, кв. 77

e-mail: afilonenko@yandex.ru

УЗБЕКИСТАН

Германов Валерий Александрович

700052, Ташкент-52,

ул. Коры-Ниазова, д. 102-а

e-mail: valery-germanov@rambler.ru

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЕНГРИЯ

Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

ЧЕХИЯ

Julia Jančáková
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
Tel. +420 777 827 073
e-mail: julia-prague@volny.cz

ПОЛЬША

Dmitry Lukashevich
ul. Wespazjana Kochowskiego 9, 01-574, Warszawa
Polska / Poland
e-mail: dmitry.lukashevich@gmail.com

ЛАТВИЯ

Василий Минченко
121, Kr. Valdemara str., apt. 1
LV, 1013, Riga, Latvia
Tel.: (371) 29147350
e-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

ВЕСТНИК
русского христианского
движения
№ 211

Подписано в печать 27.04.2020
Формат 60x90 1/16. Печ. л. 21,125